

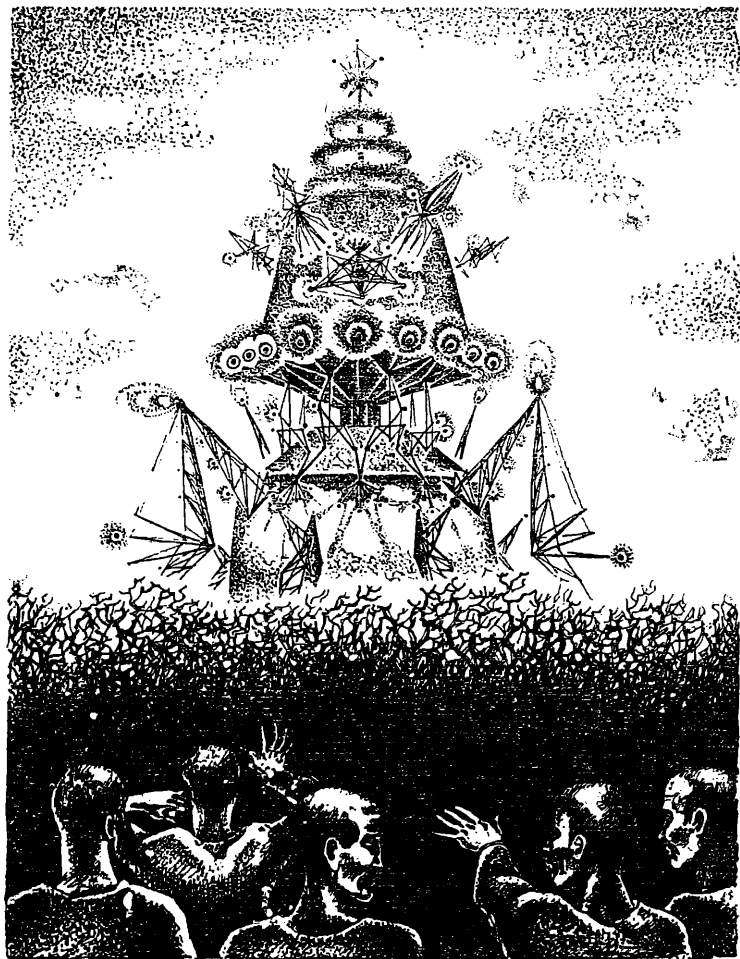
фантастические изобретения

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
Ч
Е
С
К
А

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

Сборник
научно-фантастических
рассказов

Послесловие Е. Парнова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»
МОСКВА
1971

Сб 3

Ф 22

Ф 22 **Фантастические изобретения. Сборник науч.-фантастических рассказов. Послесл. Е. Парнова. М., «Мир», 1971.**

416 стр. (Зарубежная фантастика)

В этом сборнике читатель найдет рассказы фантастов разных стран, посвященные самым необыкновенным фантастическим изобретениям. С их помощью герои добиваются бессмертия, приобретают способность проходить сквозь скалы, преодолевают силу тяжести, решают задачи, которые стоят перед современной наукой.

7-3-4
189-71

Сб 3

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ДОКЛАД ОБ ЭФФЕКТЕ БАРНХАУЗА

Позвольте начать с того, что я ничуть не больше остальных знаю, где скрывается профессор Артур Барнхауз. За исключением одного короткого и загадочного письма, найденного мною у себя в почтовом ящике, я не получал от профессора никаких известий с тех пор, как он исчез полтора года назад.

И вот еще что: читатели, которые рассчитывают узнать из моего доклада, как достигается так называемый эффект Барнхауза, будут разочарованы. Если бы я мог и хотел открыть этот секрет, то, уж конечно, сам был бы не преподавателем психологии, а кем-нибудь поважнее.

Я чувствовал себя обязанным написать этот доклад, потому что профессор Барнхауз был моим научным руководителем и я первый узнал о его поразительном открытии. Однако, пока я проходил у профессора практику, он так и не объяснил мне, каким образом можно высвободить психические силы и управлять ими. Этого он вообще никому не доверял.

Хотелось бы уточнить, что термин «эффект Барнхауза» придуман прессой: сам профессор его никогда не употреблял. Это феноменальное явление он назвал динамопсихизмом, или мыслительной силой.

Не могу поверить, чтобы среди цивилизованных людей еще и сегодня нашлись такие, кого надо убеждать в существовании силы, разрушительное действие которой наглядно представлено почти во всех столицах мира. Я думаю, человечество всегда подозревало о ее реальности. Общеизвестно, например, что одним людям везет больше, чем другим, когда они имеют дело с такими неодушевленными предметами, как игральные кости. Барнхауз же

сделал открытие, что подобное «везение» вызвано действием силы, которую можно измерить и которая, как показал профессор, может стать поистине чудовищной.

По моим расчетам, к тому времени как профессор Барнхауз скрылся, он приблизительно в пятьдесят раз превосходил мощностью атомную бомбу типа сброшенной на Нагасаки. И когда накануне операции «Мозговой смерч» профессор сказал генералу Гонусу Баркеру: «Сидя здесь, за обеденным столом, я запросто могу расплющить в лепешку кого и что угодно, будь то Джо Луис или Великая китайская стена»,— это не было с его стороны пустым хвастовством.

Существует непонятная тенденция рассматривать профессора как некоего мессию. Первый храм Барнхауза в Лос-Анджелесе уже имеет тысячи прихожан. Однако ни во внешности профессора, ни в его интеллекте нет ничего божественного. Этот человек, который обезоружил весь мир, холост, ростом ниже среднего американца, тучен и не склонен к муштре. Его коэффициент интеллектуальности — 143, что весьма неплохо, но отнюдь не является чем-то сенсационным. Простой смертный, он скоро будет отмечать сорокалетие и находится в добром здравии. Если он сейчас и одинок, то вряд ли страдает от этого. Когда я с ним познакомился, он произвел на меня впечатление человека спокойного, застенчивого, который, казалось, охотнее дружил с книгами и музыкой, нежели со своими коллегами.

Ни в самом профессоре, ни в его силе нет ничего сверхъестественного. Динамопсихическая радиация профессора подчиняется многим известным физическим законам. Наверное, каждому доводилось слышать у себя в приемнике рычание помех Барнхауза. На эту радиацию оказывают влияние солнечные пятна и изменения в ионосфере.

Однако радиация Барнхауза отличается от обычных радиоволн важными свойствами. Вся ее энергия может быть направлена в любую выбранную профессором отдельную точку, причем без малейших потерь на преодоление расстояния. Как оружие динамопсихизм имеет огромное преимущество перед бактериями и атомными бомбами. Помимо того что его использование не сопряжено ни с какими расходами, он позволяет профессору избирательно поражать в критические минуты опасных личностей и объекты, не уничтожая всего населения в целом.

Как заявил генерал Гонус Баркер в правительственной комиссии по военным делам, «пока не найден Барнхауз, не может быть и защиты от эффекта Барнхауза». Попытки глушить и блокировать радиацию успеха не имели. Лучше бы премьер Слезак потратил на себя те фантастические суммы, которые были израсходованы на его барнхаузубежище. Несмотря на двенадцатифутовую свинцовую броню, премьер, находясь в нем, был дважды сбит с ног.

Говорят, что среди населения проводится отбор людей, потенциально обладающих динамопсихическими способностями профессора Барнхауза. В прошлом месяце сенатор Уоррен Фуст, потребовав ассигнований на эти нужды, страстно провозгласил: «Тот, кто владеет эффектом Барнхауза, владеет миром!» И снова началась гонка вооружений, которая, впрочем, приняла несколько иной оборот.

Однако в этой гонке имелись и комические аспекты. Правительства разных стран принялись обхаживать лучших в мире игроков в кости, как прежде обхаживали ядерщиков. На земле, пожалуй, найдется несколько сот людей, наделенных динамопсихическим талантом, и я в их числе. Но без знания профессорской техники они ничего не добьются, разве что станут тиранами игорных домов. Даже располагай они всеми секретами, им бы потребовалось лет

десять на то, чтобы превратиться в грозное оружие. У профессора это заняло примерно столько времени. Единственный человек, владеющий эффектом Барнхауза, — сам Барнхауз, и положение это не изменится еще какое-то время.

Принято считать, что «век Барнхауза» начался полтора года назад, в день операции «Мозговой смерч». Именно тогда динамопсихизм приобрел политическое значение. На самом же деле это феноменальное явление было открыто в мае 1942 года, вскоре после того как профессор отклонил офицерский чин и был зачислен рядовым в артиллерию. Подобно рентгеновским лучам и вулканизации резины, динамопсихизм был открыт совершенно случайно.

Приятели по бараку нет-нет да и приглашали рядового Барнхауза принять участие в азартных играх. Он в них ничего не смыслил и всегда отказывался. Но однажды вечером из светской любезности согласился побросать кости. Так он вступил в игру. К счастью или к несчастью — это уж зависит от того, нравится вам мир, каким он теперь стал, или нет.

— Твои будут семерки, папаша, — сказал кто-то.

«Папаша» выкинул семерку десять раз кряду и разорил барак. Вернувшись на свои нары, он скуки ради на обороте бланка из прачечной подсчитал вероятность такого выигрыша. Оказалось, что у него был всего один шанс почти из десяти миллионов! Опеломленный, он еще раз попросил кости, но числа выпали в обычном наборе. С минуту он полежал на нарах, затем снова взял кости. Семерка выпала еще десять раз подряд.

Могло случиться, что он бы тихонько присвистнул и забыл об этом чуде. Но он призадумался, размышляя об обстоятельствах, при которых ему дважды так невероятно повезло. В обоих случаях имел место один общий фактор:

тот же самый ход мысли, промелькнувший в его сознании, прежде чем он бросил кости. Именно этот «ход» мысли и «выпрямлял» цепь мозговых клеток профессора, превращаясь в то, что со временем стало самым мощным оружием на земле.

Первую толику уважения динамопсихизм снискал у солдата на соседних нарах, давшего ему сдержанную оценку, которая, надо думать, у ныне удрученных демагогов во всем мире вызовет кривые усмешки: «А ты, ей-ей, работаешь получше, чем двухдолларовый кольт». Тогда профессор вряд ли был способен на большее. Игральные кости, исполнившие его приказание, весили всего лишь несколько граммов, и для этого требовалась минимальная сила, но то, что такая сила существует, поразило профессора как гром среди ясного неба.

Профессиональная осторожность удержала Барихауза от немедленного обнародования своего открытия. Он хотел собрать больше фактов и построить на них теорию. Позднее, когда на Хиросиму была сброшена атомная бомба, его заставил молчать страх. Профессор не знал, к каким последствиям может привести его открытие.

А между тем он установил еще одну поразительную особенность динамопсихизма: с течением времени его сила увеличивается. Уже через шесть месяцев Барихауз мог управлять костями на расстоянии, равном длине барака. Ко времени демобилизации в 1945 году он уже мог вышибать кирпичи из дымовых труб на расстоянии в три мили.

Обвинения в том, что профессор Барихауз, пожелай он, мог выиграть последнюю мировую войну всего за одну минуту, но не удосужился сделать это, лишены всяких оснований. Когда война кончилась, он обладал мощностью и дальностью тридцатисемимиллиметровой пушки — не

больше. Его динамопсихическая сила превзошла огнестрельное оружие этого класса лишь после того, как он демобилизовался и вернулся в уайандоттский колледж.

Когда меня зачислили в аспирантуру, профессор проработал в колледже уже два года. Моим научным руководителем он был назначен по чистой случайности. Я очень огорчился, узнав, к кому меня сунули, потому что в глазах и преподавателей, и студентов он был довольно-таки комичной персоной. А к тому времени, когда я стал аспирантом, промахи профессора уже вызывали у всех скорее досаду, нежели смех.

— Считайте, что вас направили к нему как бы временно, — сказал мне декан факультета социологии. Вид у него был виноватый и смущенный. — Я думаю, Барнхауз все-таки блистательный ученый. Правда, после армии его трудно узнать, по своим довоенным работам он принес нашему скромному колледжу большую известность.

Когда я впервые переступил порог лаборатории профессора, то, что предстало моему взору, оказалось хуже всяких сплетен. Все здесь было покрыто пылью: до книг и приборов не дотрагивались месяцами. Сам профессор, подремывая, сидел на своем письменном столе. Единственными признаками хоть какой-то деятельности были три наполненные доверху пепельницы, ножницы и утренняя газета с вырезанными из нее заметками на первой полосе. Когда профессор поднял голову и взглянул на меня, глаза его были затуманены усталостью.

— Здравствуйте, — сказал он. — Кажется, ночи мне не хватило... — Он закурил сигарету, и я заметил, что у него слегка дрожат руки. — А вы, по-видимому, тот самый молодой человек, у которого я — научный руководитель?

— Да, сэр, — ответил я. В следующее мгновение мои дурные предчувствия обратились в тревогу.

— Воевали за океаном? — спросил он.

— Да, сэр.

— Немало наших там полегло, а? — Он нахмурился. — Ну и как, понравилась вам эта война?

— Нет, сэр.

— Похоже, что дело идет еще к одной, а?

— Боюсь, что да, сэр.

— А нельзя ли как-нибудь этому помешать?

Я пожал плечами.

— По-моему, совершенно безнадежно.

Он пристально уставился на меня.

— А вы разбираетесь в таких вещах, как международное право, ООН и тому подобное?

— Разве что на уровне газетных статей.

— Вот и я тоже, — вздохнул он. Затем показал мне толстую папку, набитую вырезками из газет. — Раньше я никогда не обращал внимания на международную политику. А теперь изучаю ее, как изучал поведение крыс в лабиринтах. Все говорят мне то же самое: «Совершенно безнадежно».

— Вот если бы вдруг случилось чудо, и... — начал я.

— Верите в колдовство? — вдруг спросил он и, порывшись в карманах куртки, выудил две игральные кости. — Я постараюсь выбрасывать только двойки, — сказал он. Обе двойки выпали три раза кряду. — А вероятность этого события приблизительно один шанс из сорока семи тысяч. Вот вам и чудо. — На мгновение лицо его осветилось радостью, затем профессор положил конец интервью, заметив, что он уже на десять минут опоздал на лекцию.

Профессор Барнхауз не спешил мне открыться и больше не заговаривал о своем трюке с игральными костями. Я предположил, что они утяжелены на одну сторону, и забыл о них. А профессор дал мне задание наблюдать за поведением крыс-самцов, которым, чтобы добраться до пищи или до самок, нужно пересечь металлические пластины, заря-

женные электричеством,— эксперимент, представлявший интерес разве что в тридцатые годы. И, словно ему мало было засадить меня за бессмысленную работу, профессор постоянно досаждал мне нелепыми вопросами вроде: «Как вы думаете, стоило нам сбрасывать атомную бомбу на Хиросиму?» или «Считаете ли вы, что всякие сведения о новых открытиях приносят человечеству пользу?»

Но я чувствовал, что все это ненадолго.

Однажды утром, через месяц, он мне сказал:

— Давайте-ка устроим вашим несчастным животным выходной день. Я бы очень хотел, чтобы вы помогли мне разобраться с куда более интересной проблемой — все ли в порядке у меня с психикой.

Я рассадил крыс по клеткам.

— То, что от вас сейчас потребуется, совсем не сложно,— продолжал он тихим голосом.— Вы будете следить за чернильницей на моем столе. Если увидите, что с нею ничего не происходит, скажите мне, и я спокойно — и добавлю — с легким сердцем отправлюсь в ближайшую психиатрическую больницу.

Я нерешительно кивнул.

Он запер дверь в лабораторию на ключ, опустил жалюзи, и помещение погрузилось в полумрак.

— Я кажусь странным, сам знаю,— сказал он.— А странным меня делает страх: я боюсь самого себя.

— Я нахожу вас, пожалуй, несколько эксцентричным, но уж никак не...

— Если сию минуту на ваших глазах с этой чернильницей ничего не случится, тогда я просто... бешеный судак, вот кто,— прервал он меня, включая лампы на потолке. Глаза у него сузились.— Чтобы вы представили себе, насколько я рехнулся, скажу только, что за мысли лезут мне

в голову по ночам. Я думаю, что, может быть, мне удастся спасти мир. Думаю, что, может быть, сумею навсегда покончить с войнами. Что смогу прокладывать дороги через джунгли, орошать пустыни и всего за одну ночь возводить плотины.

— Понимаю, сэр.

— Следите за чернильницей!

Испуганный, я послушно перевел взгляд на чернильницу. Мне показалось, будто из чернильницы раздалось пронзительное жужжание, затем она стала как-то тревожно вибрировать и, наконец, запрыгала по столу, описав два круга. Тут же остановилась, снова зажужжала, налилась огнем, вспыхнула голубовато-зеленым пламенем и разлетелась вдребезги.

Должно быть, волосы у меня стали дыбом. Профессор негромко рассмеялся.

— Магнетизм? — с трудом выдавил я из себя.

— Господи, если бы магнетизм, — пробормотал профессор.

И вот тогда-то он и рассказал мне о динамопсихизме. Сам он знал лишь то, что сила эта существует, но объяснить ее возникновение не мог.

— Это все я и только я — вот что ужасно!

— По-моему, это удивительно! — закричал я. — Потрясающе!

— Если бы я только и мог, что заставить плясать чернильницы, что было бы с меня проку? — Он сокрушенно сгорбился. — Но я не игрушка, мой мальчик. Если хотите, можем сейчас же поехать за город, и я вам покажу, на что я способен. — Он рассказал мне о превращенных в пыль огромных валунах, о разнесенных в щепки дубах, стертых с лица земли заброшенных фермерских домах, которые находились в радиусе пятидесяти миль от колледжа. — И все это я сделал, сидя здесь. Мысленно представлял себе это

и даже не напрягался. — Он первно поскреб затылок. — Напрятаться изо всех сил я просто боюсь: не знаю, какие это причинит разрушения. Мой даже самый пустяшный каприз — все равно что фугасная бомба, вот до чего дело дошло.

Наступила гнетущая пауза.

— До самого недавнего времени, — снова заговорил профессор, — я считал, что лучше всего держать мое открытие в тайне: мало ли как его могут использовать. Теперь же я понял, что на тайну эту у меня не больше прав, чем на личное владение атомной бомбой. — Он порылся в кипе бумаг, которыми был завален его стол. — Здесь, я полагаю, сказано все, что нужно.

И он протянул мне черновик письма на имя секретаря госдепартамента.

«Дорогой сэр!

Я открыл силу, использование которой не требует никаких затрат и которая, по-видимому, имеет большее значение, чем атомная энергия. Я бы хотел, чтобы мое открытие было самым эффективным образом использовано в мирных целях, и поэтому обращаюсь к Вам за советом, как лучше всего это сделать.

Искренне Ваш А. Барнхауз».

— Что теперь будет, ума не приложу, — сказал профессор.

Три следующих месяца были для нас каким-то сплошным кошмаром: в любое время дня и ночи к нам наведывались политические и военные тузы всех мастей, желавшие взглянуть на «фокусы» профессора Барнхауза.

Мы жили неподалеку от Шарлоттсвилля, штат Вирджиния, в старом особняке, куда нас молниеносно доставили через пять дней после того, как профессор отправил письмо. Окруженные колючей проволокой и охраняемые двадцатью часовыми, мы значились под кодовым названием «Проект „Добрые пожелания“» и были отнесены к разряду «сов. секретно».

Компанию нам составляли генерал Гонус Баркер и Уильям К. Касрелл, чиновник госдепартамента. Когда профессор заговаривал о достижении мира с помощью всеобщего благоденствия, они снисходительно улыбались и пространно рассуждали о пределах разумного и о реалистическом подходе. Все это привело к тому, что профессор, поначалу кроткий как овечка, через несколько недель превратился в злобного упрямца.

При первой встрече он выразил согласие открыть последовательность мыслей, посредством которой создавалась цепь, преобразующая мозг в динамомеханический передатчик. Но когда Касрелл и Баркер осточертели ему, напоминая о невыполненном обещании, он начал вилить. Раньше он заявлял, что весь секрет можно передать на словах. Потом стал говорить, что для этого придется писать объемистый доклад. И наконец, однажды вечером, когда генерал Баркер за обедом прочел приказ о проведении операции «Мозговой смерч», профессор сказал: «Чтобы написать мой доклад, понадобится лет пять». Затем, метнув на генерала яростный взгляд, добавил: «А то и все двадцать».

Столь откровенное заявление вызвало бы за столом полное замешательство, если бы не то сладостное волнение, с которым присутствовавшие предвкушали операцию «Мозговой смерч». Настроение у генерала было праздничное.

— В эту минуту корабли-мишени уже на пути к Каролинским островам, — восторженно объявил он. — Сто двадцать судов! Тем временем в Нью-Мехико готовят к залпу

десять «фау-2» и снаряжают пятьдесят беспилотных реактивных бомбардировщиков для учебной атаки на Алеутские острова. Нет, вы только подумайте!

Ликуя от счастья, генерал пробежал глазами весь приказ.

— В следующую среду ровно в 11.00 я скомандую вам «Сосредоточиться!», и вы, профессор, предельно собравшись с мыслями, должны будете потопить корабли, уничтожить ракеты в воздухе и сбить бомбардировщики, прежде чем они долетят до Алеутских островов. Как думаете, профессор, справитесь?

Лицо у Барихауза посерело, он закрыл глаза и сказал:

— Как я вам уже говорил, мой друг, мне самому неизвестно, на что я способен. — Затем горько добавил: — Ну, а что касается операции «Мозговой смерч», со мной никто не советовался, и я просто поражен, до чего по-детски все это придумано и к тому же безумно дорого.

Генерал вскинул голову.

— Сэр, — сказал он, — область вашей компетенции — психология, и я бы никогда не позволил себе давать вам советы в этой области. Мое дело — оборона страны. У меня позади тридцать лет успешного опыта, и я бы попросил вас не критиковать моих суждений.

Тогда профессор стал звать к мистеру Касреллу.

— Послушайте, разве мы все не хотим покончить с войнами и гонкой вооружений?! Разве не гораздо важнее — и это было бы много дешевле — попробовать, например, направить облачные массы в районы засухи? Я, право, не очень-то смыслю в политике, но мне кажется разумным предположить, что никто бы не стал воевать, если бы никто ни в чем не нуждался. Мистер Касрелл, я хотел бы попробовать вращать турбины там, где нет ни угля, ни воды, хотел бы заняться обводнением пустынь и так далее. Честное слово, можно было бы вычислить, каким образом каж-

дой стране лучше использовать свои ресурсы, а я бы всех их снабдил энергией, и американским налогоплательщикам это не стоило бы ни цента.

— Постоянная бдительность — вот цена, которую приходится платить за свободу, — сказал генерал, тяжело вздохнув.

Касрелл взглянул на генерала с легкой неприязнью.

— К несчастью, генерал по-своему прав, — сказал он. — Господи, да если бы мир был готов к тому, чтобы принять ваши идеи! Но, увы, это не так. Мы окружены не братьями, а врагами. Войны ведутся не из-за нехватки продовольствия или сырья — их порождает борьба за власть. Вопрос в том, в чьи руки перейдет ответственность за судьбы мира: в наши или наших врагов.

Профессор неохотно кивнул и встал из-за стола.

— Прошу прощения, джентльмены. В конце концов вам действительно виднее, что лучше для страны. Я поступлю так, как вы скажете. — Затем он повернулся ко мне. — Не забудьте завести контрольные часы и выпустить погулять нашего облеченного высоким доверием кота, — мрачно сказал он и стал спускаться по лестнице в спальню.

По соображениям государственной безопасности операция «Мозговой смерч» проводилась в тайне от широкой общественности, которая оплачивала счета. Наблюдатели, технические и военные специалисты, привлеченные к этой операции, знали, что готовятся какие-то испытания, но какие именно — понятия не имели. В курсе дела были только тридцать семь высокопоставленных особ и специалистов, включая меня.

В день операции «Мозговой смерч» у нас в Вирджинии стояла не по сезону холодная погода. В камине потрескивали поленья, отражения пламени метались по полирован-

ной глади металлических шкафов, выстроившихся в гостиной. Единственным, что осталось из роскошной старинной обстановки, было викторианское кресло на двоих, установленное строго по центру комнаты и обращенное к трем телевизионным экранам. Длинная скамья у стены напротив предназначалась для десяти особо привилегированных наблюдателей. На телеэкранах справа налево были: полигон в пустыне для ракетного удара, группа кораблей-мишеней и алеутское небо, по которому в скором времени промчится эскадрилья беспилотных бомбардировщиков.

За девятнадцать минут до назначенного срока по радио было объявлено, что ракеты готовы к запуску, что корабли наблюдения отведены на безопасное, по мнению специалистов, расстояние и что бомбардировщики уже на пути к Алеутским островам. Наше маленькое вирджинское общество, занявшее места на скамье по рангу, много курило и мало разговаривало. Генерал Баркер суматошно носился по всему зданию, как женщина, которая в День благодарения готовит обед на двенадцать персон.

За десять минут до рокового часа генерал вошел в гостиную, ведя перед собой профессора Барнхауза. Профессор был удобно экипирован: теннисные туфли, серые фланелевые брюки, голубой свитер и белая рубашка с открытым воротом. Они сели бок о бок в викторианское кресло. Генерал был в страшном напряжении и то и дело стирал с лица пот, а профессор выглядел бодрым и веселым. Он посмотрел поочередно на каждый экран, закурил сигарету и откинулся на спинку кресла.

— Вижу бомбардировщики! — на разные голоса закричали наблюдатели на Алеутских островах.

— Пуск! — гаркнул оператор на стартовой площадке в Нью-Мехико.

Мы все быстро взглянули на огромные электрические часы над камином, а профессор, чуть усмехнувшись, про-

должал следить за изображениями на экранах. Генерал глухим от волнения голосом начал вести обратный отсчет времени.

ПЯТЬ... ЧЕТЫРЕ... ТРИ... ДВА... ОДИН...
СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ!!!

Профессор Барнхауз закрыл глаза, поджал губы и стал поглаживать виски. С минуту он не менял позы. Телевизионные экраны подернулись рябью, радиосигналы утонули в грохоте помех эффекта Барнхауза. Профессор вздохнул, открыл глаза и самоуверенно улыбнулся.

— Вы выложили все? — недоверчиво спросил генерал.

— Куда уж больше, — ответил профессор.

На экранах снова появились изображения, радио буквально взорвалось изумленными криками наблюдателей. Алеутское небо было испещрено струйками дыма, которые тянулись вниз за объятыми пламенем ревущими бомбардировщиками. В то же самое время высоко над полигоном тесной кучкой распустились белые клубы, похожие на облачка, и донесся слабый раскат грома.

Вне себя от счастья, генерал Баркер восторженно качал головой.

— Вот так да! — кудахтав он. — Вот так да! Джентльмены, вот так да!

— Глядите! — закричал вдруг сидевший рядом со мной адмирал. — Корабли-то целехонькие!

— Похоже, что у них все пушки скрючены, — сказал мистер Касрелл.

Сорвавшись со своих мест, мы столпились у экранов, чтобы получше разглядеть причиненные разрушения. Мистер Касрелл не ошибся. Корабельные орудия были изогнуты книзу, дула уперлись в стальную обшивку палуб. В гостиной поднялся такой шум, что услышать радиодонесения было уже просто невозможно. Мы так ликовали, что даже не вспомнили о профессоре, пока нас вдруг не

повергли в молчание два коротких разряда. Радиосвязь обрывалась.

Мы тревожно огляделись. Профессора среди нас не было. Дверь распахнулась, и ошеломленный часовой с порога закричал, что профессор сбежал. Он махал пистолетом в сторону ворот: искореженные и почти сорванные с петель, они были открыты настежь. Мы увидели, как автомобиль правительственной охраны, набирая скорость, взлетел на мост и тут же скрылся из виду на крутом спуске в долину. Мы стали задыхаться от дыма: горели все до единого автомобили и мотоциклы, стоявшие вокруг особняка. Преследование было невозможно.

— В него что, черт вселился?! — взревел генерал Баркер.

Мистер Касрелл, который успел выбежать на крытую галерею перед особняком, неуклюже вошел в гостиную, на ходу читая какую-то записку, нацарапанную карандашом. Затем, сунув ее мне в руки, сказал:

— Любезный хозяин оставил это сердечное послание под дверным молотком. Надеюсь, что наш юный друг милостиво согласится прочесть его вам, джентльмены, пока я для успокоения пройду немного по парку.

«Джентльмены! — прочел я вслух. — Будучи первым в истории сверхоружием, обладающим разумом, я решил, что мне незачем состоять в резерве Министерства национальной обороны. Создавая небывалый прецедент в поведении материальной части артиллерии, я покидаю вас по чисто человеческим соображениям.

А. Барнхауз».

С тех пор профессор систематически уничтожает во всем мире все виды оружия, и сегодня, как вы знаете, ар-

мии вооружать стало нечем, разве что камнями да заостренными палками. Было бы не совсем точно сказать, что деятельность профессора привела к миру, но, во всяком случае, война сделалась бескровной и даже занимательной: ее можно назвать войной слухов и сплетен. Враждующие страны засылают друг к другу агентов, задача которых — разузнавать местонахождение оружия и прочего армейского снаряжения и через газеты информировать профессора, а уж все остальное тот берет на себя.

Каждый день поступают сообщения о новых и новых случаях уничтожения оружия посредством динамопсихизма, и каждый день появляются новые слухи о том, где скрывается профессор Барнхауз. За одну только последнюю неделю были опубликованы три статьи, которые неопровержимо доказывают, что профессор скитается в Андах среди развалин городов инков, что его укрывают парижские белошвей и что он нашел себе убежище в еще не исследованных катакомбах карлсбадских пещер. Как человек, лично знавший профессора, я склоняюсь к тому, что он не стал бы прятаться в столь излишне романтических и неудобных для жилья местах. Конечно, тех, кто жаждет смерти профессора, не так уж мало, но зато миллионы других всегда готовы позаботиться о нем и приютить его. Мне думается, что он просто живет в доме у кого-нибудь из таких людей.

Несомненно одно: сейчас, когда я пишу эти строки, профессор жив. Всего лишь десять минут назад радиопередачи были заглушены помехами Барнхауза. За восемнадцать месяцев, прошедших со дня операции «Мозговой смерч», пресса сообщала о смерти профессора не менее десяти раз. И всякий раз эти сообщения появлялись в периоды относительно долгого отсутствия «помех», когда где-нибудь полиция находила труп неопознанного человека, похожего на профессора. После каждого из первых трех сообщений

сразу же начинались толки о перевооружении и необходимости прибегнуть к военным акциям. Однако любители бряцать оружием быстро убедились, сколь опрометчиво было преждевременно праздновать смерть профессора.

Толпа неукротимых патриотов очутилась на земле под грудой знамен и обломков праздничной трибуны всего лишь через несколько секунд после того, как был провозглашен конец архитирании Барнхауза. И теперь те, кто готов затеять войну при первой возможности, угрюмо помалкивают и ждут неизбежного — кончины профессора Барнхауза.

Спросить, сколько еще проживет профессор, — значит спросить, сколько еще нам придется ждать всех благ и прелестей новой мировой войны. К сожалению, профессор не из породы долголетних; его мать дождала до пятидесяти трех, отец — до сорока девяти; продолжительность жизни его бабушек и дедушек по обеим линиям примерно того же порядка. Стало быть, можно надеяться, что он проживет еще лет пятнадцать, если только его не настигнут враги. Но если принять во внимание количество этих врагов и их энергию, то пятнадцать лет покажутся огромным сроком, который в любое время может сократиться до пятнадцати дней, часов и даже минут.

Профессор понимает, что слишком долго ему не протянуть. Я сделал такой вывод из письма, которое нашел в почтовом ящике накануне рождества. Без подписи, напечатанное на клочке прочной бумаги, оно состояло всего из десяти предложений. Первые девять, каждое из которых — маловразумительная смесь профессионального жаргона и ссылок на какие-то неизвестные источники, поначалу показались мне лишенными всякого смысла. Десятое же в отличие от предыдущих было построено просто и состояло из коротких слов, но отсутствие в нем логической связи

делало его самым загадочным и странным из всех. Я чуть было не выбросил письмо, решив, что это глупый розыгрыш кого-то из моих коллег, имеющего превратное представление о юморе. Но почему-то я все же положил его на письменный стол поверх разного хлама, среди которого валялись и игральные кости профессора.

Прошло несколько недель, прежде чем я сообразил, что в письме есть некий смысл и что первые девять предложений, когда мне удалось в них разобраться, не что иное, как инструкции. Десятое же оставалось для меня загадкой. И лишь вчера вечером я наконец понял, как оно увязывается с остальными. Это предложение вдруг всплыло в моем сознании, когда я, о чем-то задумавшись, машинально бросал игральные кости профессора.

Я обещал издательству, что доклад будет готов к сегодняшнему дню. Но в свете того, что произошло вчера, я вынужден нарушить обещание или отдать доклад неоконченным. Впрочем, отсрочка не будет слишком долгой, ибо одним из немногих благ, которыми наделены холостяки — а я холост, — является их способность быстро и легко менять жилье и образ жизни. Все, что мне нужно, я могу упаковать за несколько часов. Мне принадлежит кое-какая недвижимость, еще дней шесть понадобится, чтобы реализовать ее в ценных бумагах и анонимно поместить в банк. Когда все это будет сделано, я вышлю свой доклад по почте.

Я только что был на приеме у своего врача, который сказал, что здоровье у меня отличное. Я молод и, если мне повезет во всем остальном, доживу до глубокой старости: моя родня по обеим линиям славится долголетием.

Короче говоря, я собираюсь исчезнуть.

Рано или поздно профессор Барнхауз должен умереть. Но задолго до этого я буду уже наготове. Итак, к сведению пылешних поджигателей войны — и, надеюсь, всех

будущих — я говорю: берегитесь! Барихауз умрет, но эффект Барихауза останется.

Вчера вечером я еще раз попытался точно выполнить инструкции, записанные на упомянутом мной клочке бумаги. Я взял игральные кости и, мысленно воспроизведя десятое, самое кошмарное предложение, выбросил семерку пятьдесят раз подряд.

Всего вам доброго!

ПОПЫТКА

В аэропорту капитана ждала штабная машина. Она рванулась с места и долго неслась по разным шоссе. В узкой тихой комнате сидел прямой, как палка, генерал и ждал. У нижней ступеньки металлической лестницы, льдисто отсвечивающей в полумраке, стоял наготове майор. Взвизгнули шины, машина резко остановилась, и капитан бок о бок с майором кинулись вверх по лестнице. Никто не произнес ни слова. Генерал поспешно встал, протягивая руку. Капитан одним движением открыл полевую сумку и вложил в генеральскую руку толстую пачку бумаг. Генерал поспешно пролистал их и отдал майору отрывистое распоряжение. Майор исчез; из коридора донесся его резкий голос. В комнату вошел человек в очках, и генерал протянул ему бумаги. Человек в очках начал перебирать их дрожащими пальцами. По знаку генерала капитан вышел из комнаты, на его усталом молодом лице играла гордая улыбка. Генерал принялся барабанить пальцами по черной гляцевитой крышке стола. Человек в очках отодвинул в сторону полуразвернутые карты и начал читать вслух.

Дорогой Джо!

Я взялся за эти записки, только чтобы убить время, так как мне надоело смотреть в окно. Но когда я их уже почти кончил, мне стало ясно, какой оборот принимают события. Ты единственный из тех, кого я знаю, кому по силам добраться до меня, а прочитав мои записки, ты поймешь, почему сделать это необходимо.

Неважно, кто их тебе доставит, — возможно, он не захочет, чтобы ты мог его впоследствии опознать. Помни об этом и, ради бога, Джо, поторопись!

Эд.

Всему причиной моя лень. К тому времени, когда я протер глаза и сдал номер, автобус был уже полон. Я засунул чемодан в автоматическую камеру хранения и отправился убивать час, который оставался до следующего автобуса. Ты, наверное, знаешь этот вокзал — на бульваре Вашингтон, неподалеку от Мичиган-авеню. Мичиган-авеню смахивает на Мэйн-стрит в Лос-Анджелесе или Шестьдесят третью улицу в Чикаго, куда я ехал, — те же дешевые киношки, лавки закладчиков, десятки пивных и рестораны, предлагающие рубленый бифштекс, хлеб с маслом и кофе за сорок центов. До войны такой обед стоил двадцать пять центов.

Я люблю лавки закладчиков. Я люблю фотоаппараты. Я люблю приборы и инструменты. Я люблю разглядывать витрины, набитые всякой всячиной — от электробритв и наборов гаечных ключей до вставных челюстей включительно. И теперь, имея в своем распоряжении целый час, я отправился пройтись по Мичиган-авеню до Шестой улицы, ну, а потом вернуться по другой ее стороне. В этом районе живет много китайцев и мексиканцев — китайцы содержат рестораны, а мексиканцы едят блюда «домашней южной кухни». Между Четвертой и Пятой улицами я остановился перед подобием кинотеатра — окна, покрашенные черной краской, объявления по-испански, написанные от руки: «Детройтская премьера... Боевик с тысячами статистов... Только на этой неделе... Десять центов». Несколько прилепленных к окнам фотографий были смазанными и мятыми — всадники в латах и что-то вроде яростной сечи. И все — за десять центов! Как раз в моем вкусе.

Возможно, мне повезло, что в школе моим любимым предметом была история. И уж, во всяком случае, слепая удача, а вовсе не проникательность заставила меня раскошелиться на десять центов за право сесть на шаткий складной стул, насквозь пропахший чесноком. Кроме меня, объявления соблазнили еще полдюжину мексиканцев. Я сидел возле двери. Две свисавшие с потолка стоваттные лампочки, даже без намека на абажур, давали достаточно света, чтобы я мог оглядеться. Передо мной в глубине помещения виднелся экран, смахивавший на побеленный кусок картона, а когда у себя за спиной я увидел старенький шестнадцатимиллиметровый проектор, я заподозрил, что даже десять центов — слишком дорогая цена за подобное удовольствие. С другой стороны, мне предстояло скоротать еще сорок минут.

Все курили. Я тоже достал сигарету — и унылый мексиканец, которому я вручил свои десять центов, устремил на меня долгий вопрошающий взгляд. Но я заплатил за вход, а потому ответил ему таким же пристальным взглядом. Тогда он запер дверь и погасил свет. Полминуты спустя зажужжал дряхлый проектор. Ни вступительных титров, ни имени режиссера, ни названия фирмы — только белый мерцающий квадрат, а потом сразу же крупным планом — бородатая физиономия с подписью «Кортес». Затем раскрашенный, весь в перьях индеец — «Гватемосин, премник Монтесумы». Снятые сверху, изумительно сделанные модели разнообразных зданий — «Город Мехико, 1521 год». Кадры старинных, заряжаемых с дула пушек, изрыгающих ядра, — осколки камней отлетают от огромных стен, худые индейцы умирают в набивших оскомину конвульсиях, дым, искаженные лица, кровь. Лента меня сразу ошеломила. Ни царяпин, ни нелепых склеек, характерных для давнишних фильмов, ни слащавости и ни красавца-героя, чья физиономия возникает перед камерой кстати и

пекстати. Там вообще не было красавца-героя. Ты когда-нибудь видел те французские или русские картины, которые критики восхваляют за глубину и реалистичность, порожденные скудным бюджетом, не позволяющим приглашать знаменитых актеров? То, что я увидел, было именно таким, и даже лучше.

И только когда фильм завершился общим планом унылого пожарища, я начал кое-что соображать. Нельзя за гроши нанять тысячу статистов и поставить декорации такой величины, что для них еле нашлось бы место в Центральном парке. Трюковая съемка падения даже с десятиметровой высоты обходится в суммы, которые приводят бухгалтеров в иступление, а тут стены были гораздо выше. Все это плохо вязалось со скверным монтажом и отсутствием звуковой дорожки. Разве что картина снималась еще в добрые старые дни немого кино. Но фильм, который я только что видел, был снят на цветную пленку! Больше всего он походил на хорошо отрепетированный и плохо поставленный документальный фильм.

Мексиканцы лениво покидали помещение, и я направился было за ними, но задержался около унылого кино-механика, который перематывал ленту. Я спросил, откуда у него этот фильм.

— Я что-то не слышал, чтобы последнее время на экран выходили исторические фильмы, а, судя по всему, эта штука снималась недавно.

Он ответил, что да, недавно, и добавил, что снимал фильм он сам. Я принял его сообщение с невозмутимой вежливостью, и он понял, что я ему не верю. Он выпрямился.

— Вы мне не поверили, ведь так?

Я ответил, что он безусловно прав в своем заключении, и добавил, что спешу на автобус.

— Но скажите, почему? В чем дело?

Я сказал, что автобус...

— Я вас очень прошу. Я буду вам бесконечно обязан, если вы объясните, чем он плох.

— Да ничем,— ответил я, но он молча ждал продолжения.— Ну, во-первых, такие картины не выпускаются на шестнадцатимиллиметровой пленке. Вы раздобыли копию, снятую с тридцатипятимиллиметровой пленки...

И я перечислил еще кое-какие отличия любительских фильмов от голливудских. Когда я кончил, он минуту молча курил.

— Понятно...— он вынул бобину из проектора и закрыл крышку.— У меня тут есть пиво...

Я согласился, что пиво — вещь очень хорошая, но автобус... Ну, ладно, одну бутылку куда ни шло.

Он вытащил из-за экрана бумажные стаканчики и бутылку портера. Пробормотав с усмешкой «сеанс откладывается», он закрыл дверь и откупорил бутылку о скобу, привинченную к стене. По-видимому, здесь прежде помещалась бакалейная лавка или пивная. Стулья имелись в избытке. Два из них мы отодвинули в сторону и расположились с удобствами. Пиво оказалось теплым.

— Вы как будто разбираетесь в этом деле,— заметил он выжидательно.

Я счел его слова вопросом, засмеялся и ответил:

— Ну, не слишком. Ваше здоровье! — Мы выпили.— Я работал шофером в кинопрокатной фирме.

Он улыбнулся.

— Вы тут проездом?

— Как сказать... Чаще — проездом. Уезжаю по состоянию здоровья, возвращаюсь ради родных. Только с этим кончено — на прошлой неделе похоронил отца.

Он сказал, что это очень грустно, а я ответил, что все зависит от взгляда на вопрос.

— У него со здоровьем тоже было неважно.

Это была шутка. Мы выпили по второму стаканчику и несколько минут обсуждали климат Детройта. Наконец он сказал, словно что-то обдумывая:

— По-моему, я вас здесь видел вчера... Часов около восьми. — Он встал и пошел за второй бутылкой пива.

Я крикнул ему вслед:

— Я больше пить не буду!

Но он все-таки принес пиво, а я поглядел на часы:

— Ну, пожалуй, еще один стакан...

— Так это были вы?

— Что? — я протянул ему мой бумажный стаканчик.

— Вчера здесь. В восемь часов...

Я вытер пену с усов.

— Вчера вечером? Нет, как ни жаль. Я бы тогда не опоздал на автобус. Нет, вчера в восемь я был в баре «Мотор». И просидел там до полуночи.

Он задумчиво пожевал нижнюю губу.

— В баре «Мотор»? Дальше по улице?

Я кивнул.

— В баре «Мотор»... Гм... А, может, вам хотелось бы... Да, конечно...

Прежде чем я сообразил, что он имеет в виду, он скрылся за экраном и выкатил из-за него большую радиолу. В руке он держал третью бутылку пива. Я поднес к свету бутылку, стоявшую передо мной. Еще полбутылки есть. Я посмотрел на часы. Он придвинул радиолу к стене и поднял крышку, открыв рукоятки настройки.

— Выключатель позади вас. Будьте так добры!

Я мог дотянуться до выключателя, не вставая, что я и сделал. Обе лампы разом погасли. Я этого не ожидал и начал шарить по стене. Тут снова стало светло, и я с облег-

чением сел поудобнее. Но лампы не зажглись — просто я смотрел на улицу!

Я облился пивом и чуть не опрокинул шаткий стул, а улица вдруг сдвинулась с места — улица, а не я! День сменился вечером, и я вошел в бар «Мотор» и увидел, как я заказываю пиво и при всем при том я твердо знал, что я не сплю и это мне не снится. В панике я вскочил, расшвыривая стулья и пивные бутылки, и чуть не сорвал ногти, пока нащупывал на стене выключатель. К тому времени, когда я его отыскал — наблюдая, как я стучу по стойке, подзывая бармена, — у меня совсем помутилось в голове и я готов был хлопнуться в обморок. Ни с того, ни с сего вдруг бредить наяву! Наконец мои пальцы коснулись выключателя.

Мексиканец смотрел на меня с непонятным выражением — словно он зарядил мышеловку и поймал лягушку. Ну а я? Наверное, вид у меня был совсем уже дикий. Да и было с чего. Пиво расплескалось по всему полу, и я с трудом добрал до ближайшего стула.

— Что это такое? — просипел я.

Крышка радиолы опустилась.

— В первый раз со мной было то же. Я забыл.

У меня так дрожали пальцы, что мне не удалось вытащить сигарету и я разорвал пачку.

— Я спрашиваю, что это такое?!

Он сел.

— Это были вы. В баре «Мотор», вчера в восемь вечера.

Я тупо уставился на него. А он протянул мне новый бумажный стаканчик, и я машинально подставил его под бутылку, которую он наклонял.

— Послушайте... — начал я.

— Конечно, это не может не ошеломить. Я забыл, что

я сам чувствовал в первый раз. А теперь... теперь мне все равно. Завтра я иду в контору «Филипс-радио».

Я спросил, о чем он, собственно, говорит, но он продолжал, не обратив внимания на мой вопрос:

— У меня нет больше сил. Я сижу без гроша. И мне уже все равно. Оговорю себе долю и буду получать проценты.

Наверное, ему необходимо было высказаться. И, рассказывая взад и вперед, он, сначала медленно, а потом быстрее и быстрее, выложил мне всю историю.

Его звали Мигель Хосе Сапата Лавьяда. Я сообщил ему мое имя — Лефко. Эд Лефко. Его родители приехали в Штаты где-то в двадцатых годах и с тех пор сажали и убирали сахарную свеклу. Они только обрадовались, когда их старшему сыну удалось выбраться с мичиганских полей, на которых они гнули спину год за годом, — он получил небольшую стипендию для продолжения образования. Стипендия была временной, и, чтобы продолжать учиться и не умереть с голоду, он работал в гаражах, водил грузовики, стоял за прилавком и торговал щетками вразнос. Но получить диплом ему не удалось, потому что его призвали на военную службу. В армии он имел дело с радиолокационными установками, а потом его демобилизовали, и от этих лет у него не осталось ничего, кроме некоей смутной идеи. В тот момент было нетрудно подыскать приличную работу, и в конце концов он накопил достаточно, чтобы взять напрокат машину с прицепом и купить разного списанного радиооборудования. Год назад он достиг своей цели — достиг ее, изголодавшись, исхудав и дойдя до полного нервного истощения. Но он-таки сконструировал и собрал «это».

«Это» он поместил в футляр от радиолы — и для удоб-

ства, и для маскировки. По причинам, которые станут ясны позднее, он не рискнул взять патент. Я осмотрел «это» внимательно и подробно. Место звукоснимателя и кнопок настройки занимали циферблаты с рукоятками. На большом имелись деления от 1 до 24, на двух — от 1 до 60, на десятке — от 1 до 25, а на двух-трех цифр вообще не было. И все. Если не считать тяжелой деревянной панели, скрывавшей то, что было установлено на месте радиоламп и репродуктора. Неприхотливый тайник, скрывающий...

Кто не любит грезить наяву! Наверное, каждый человек мысленно обретал сказочные богатства, всемирную славу, жизнь, полную захватывающих приключений. Но сидеть на стуле, попивать теплое пиво и вдруг понять, что мечта столетий уже больше не мечта, а реальность, ощутить себя богом, сознавать, что стоит тебе повернуть пару рукояток — и ты сможешь увидеть любого человека, когда-либо жившего на Земле, можешь стать очевидцем любого события, если оно только произошло, — это до сих пор не вполне укладывается у меня в голове.

Я знаю только, что дело тут в высоких частотах. И что в аппарате много ртути, меди и всяких проволоочек из дешевых и распространенных металлов, но что и как происходит в нем, а главное — почему, это для меня сложно. Свет обладает массой и энергией, и эта масса непрерывно утрачивает какую-то свою часть и может быть снова обращена в электрическую энергию или что-то в том же духе. Майк Лавьяда сам говорит, что он не открыл ничего нового, что еще задолго до войны этот эффект не раз наблюдали такие ученые, как Комптон, Майкелсон и Пфейффер, но они сочли его чисто побочным, ничем не интересным явлением. А с тех пор все было заслопено исследованиями атомной энергии.

Когда я несколько пришел в себя — после того как Майк еще раз продемонстрировал мне мое прошлое, — я,

по-видимому, начал вытворять что-то невообразимое. Майк утверждает, что я присаживался, тут же вскакивал, принимался бегать взад-вперед по помещению бывшей лавки, отшвыривая с дороги стулья или спотыкаясь о них, и все время бормотал бессвязные слова и фразы со всей быстротой, на какую был способен мой язык. В конце концов до меня дошло, что он надо мной смеется. На мой взгляд, смеяться было не над чем, и я так ему и сказал. Он рассердился.

— Я знаю, что именно я изобрел! — крикнул он. — Я не такой круглый дурак, каким вы меня считаете. Вот, посмотрите! — Он повернулся к своему аппарату и скомандовал: — Погасите свет!

Я погасил свет и снова увидел себя в баре «Мотор», но это меня уже не оглушило.

— Смотрите!

Бар расплылся в тумане. Улица. Два квартала до муниципалитета. Вверх по лестнице в зал совещаний. Никого. Потом — заседание муниципалитета. Потом оно исчезло. Не фильм, не проекция диапозитива, а кусочек жизни размером в четыре квадратных метра. Когда мы приближались, поле зрения сужалось; когда мы удалялись, задний план воспринимался так же четко, как и передний. Изображение — если тут подходит это слово — было таким реальным и жизненным, что казалось, будто смотришь на происходящее через открытую дверь. Все предметы и фигуры были трехмерными. Майк что-то горячо объяснял, пока вертел свои рукоятки, но я был так увлечен, что почти его не слышал.

Вдруг я взвизгнул, уцепился за стул и закрыл глаза — как и ты закрыл бы на моем месте, если бы, взглянув вниз, обнаружил, что висишь в небе и между тобой

и земель нет ничего, кроме дыма и двух-трех облаков. Когда я открыл глаза, мы, очевидно, вышли из стремительного пике и передо мной снова была улица.

— Можно подняться куда угодно, до слоя Хевисайда, и спуститься в любую пропасть, когда и где хотите!

Изображение затуманилось, и вместо улицы возник редкий сосняк.

— Закопанные в земле клады! Да, конечно, но отрыть их стоит денег!

Сосны исчезли, и я щелкнул выключателем, потому что Майк закрыл крышку своего аппарата и сел.

— Как можно заработать деньги без денег?

Этого я не знал, и он продолжал:

— Я поместил в газете объявление, что отыскиваю потерянные предметы. И первым ко мне пришел полицейский, потребовавший, чтобы я предъявил ему разрешение на занятие частным сыском. Я наблюдал, как крупнейшие биржевые дельцы в стране продавали и покупали акции, как они планировали у себя в конторах миллионные операции. Но что, по-вашему, произошло бы, если бы я попробовал торговать биржевыми предсказаниями? Я следил за тем, как курсы искусственно повышались и понижались, а у меня не было лишнего цента, чтобы купить газету с этими сведениями! Я наблюдал, как отряд перуанских индейцев закопал второй выкупники Атуагальпы, но у меня нет денег ни на билет до Перу, ни на инструменты и взрывчатку, чтобы добраться до сокровища! — Он встал, принес еще две бутылки и продолжал, а у меня начинали складываться кое-какие идеи. — Я видел, как писцы переписывали книги, сторевшие вместе с Александрийской библиотекой, но если бы я изготовил копию, кто бы купил ее и кто поверил бы мне? Что произошло бы, если бы я отправился в университет и посоветовал тамошним историкам внести исправ-

ления в свои курсы? Сколько людей с удовольствием воткнули бы мне нож в спину, зная они, что я видел, как они убивали, крали или принимали ванну? Где бы я очутился, если бы попробовал торговать фотографиями Вашингтона или Цезаря? Или Христа?

Я согласился, что его упрятали бы в сумасшедший дом. Но...

— Как по-вашему, почему я сижу сейчас тут? Вы видели фильм, который я показываю за десять центов. И большего он не стоит, потому что у меня не было денег на хорошую пленку и я не мог сделать фильм так, как я знаю, что мог бы...— Язык у него начал заметно заплетаться от волнения.— Я занимаюсь этим потому, что у меня нет денег на оборудование, которое мне нужно, чтобы раздобыть деньги, которые мне нужны...— Он свирепо отшвырнул ногой стул на середину комнаты.

Несомненно, если бы я появился на сцене чуть позднее, «Филипп-радио» достался бы лакомый кус. И может быть, я только выиграл бы...

Мне всю мою жизнь твердили, что я так и умру без гроша за душой, однако никто еще не обвинял меня в том, что я упустил доллар, который сам плывет в руки. А тут передо мной были деньги — и какие! Причем получить их можно было почти сразу и без всякого труда. На мгновение я заглянул далеко в будущее, где я купался в золоте, и у меня даже дыхание перехватило.

— Майк,— сказал я,— допьем-ка это пиво, а потом пойдем куда-нибудь, где можно будет выпить еще и, пожалуй, перекусить. Нам надо о многом поговорить.

И мы поговорили.

Пиво — отличная смазка, а я умею быть убедительным, и к тому времени, когда мы вышли из забегаловки,

между нами царило полное взаимопонимание. Когда же мы устроились спать позади все того же картонного экрана, мы с Майком были уже полноправными партнерами. Наш договор мы, помнится, не подкрепили рукопожатием, но партнерами мы остаемся по-прежнему, хотя с тех пор прошло шесть лет. Нет человека, которого я уважал бы больше, чем Майка, и он, по-моему, отвечает мне тем же.

Семь дней спустя я отправился на автобусе в Гросс-Пойнт с туго набитым портфелем, а через два дня вернулся на такси с пустым портфелем и бумажником, вздувшимся от крупных купюр. Это было очень легко.

«Мистер Джонс (или Смит, или Браун), я — представитель Аристократического ателье, специализирующегося на частных и откровенных портретах. Мы полагаем, что вас может заинтересовать эта ваша фотография и... Нет-нет, это всего лишь пробный отпечаток. Негатив находится в нашем архиве... Но, если вас это заинтересует, я послезавтра доставлю вам негатив... Да, конечно, мистер Джонс. Благодарю вас, мистер Джонс...»

Подло? Безусловно. Шантаж — всегда подлость. Но если бы у меня была жена, дети и безупречная репутация, я бы удовлетворялся бифштексом и не баловался бы рокфором. И тем более весьма вонючим. Майку эта операция нравилась даже меньше, чем мне. Убедить его удалось далеко не сразу и пришлось даже пустить в ход старое присловие о цели, которая оправдывает средства. Да и нашим клиентам такой расход был вполне по карману. К тому же мы честно отдавали им негативы — и какие негативы!

Так мы раздобыли необходимые деньги — сумма была невелика, но для начала ее вполне хватало. Прежде всего мы присмотрели подходящее здание — вернее, присмотрел его Майк, потому что я на месяц улетел на восток, в Рочестер. Майк снял помещение бывшего банка.

Мы распорядились заложить окна в зале, обставили контору со всей возможной роскошью (бронестекло было моей идеей) — аппарат для кондиционирования воздуха, портативный бар, электрооборудование, какое только мог пожелать Майк, и блондинка-секретарша, которая считала, что служит в экспериментальной лаборатории крупной электрической компании. Вернувшись из Рочестера, я взял на себя руководство каменщиками и монтерами, а Майк прохлаждался в номере, который мы сняли в первом-классном отеле, откуда ему был виден его бывший кино-театр. Насколько мне известно, там затем была открыта торговля патентованными лекарствами на зменных ядах. Когда «студия», как мы окрестили наше новое владение, была отделана, Майк перебрался туда, а блондинка приступила к выполнению своих обязанностей, которые исчерпывались тем, что она читала романы о любви и говорила «нет» всем коммивояжерам и агентам самых разнообразных фирм, являвшимся предложить нам свой товар. Я уехал в Голливуд.

Мне пришлось неделю рыться в Центральном архиве, прежде чем я нашел все, что мне было нужно, а чтобы раздобыть камеру, работающую на пленке «Труколор», потребовался месяц разнюхивания и взяток. Зато теперь я мог быть спокоен. Когда я вернулся в Детройт, из Рочестера уже прибыла большая панорамная фотокамера и целый вагон цветных фотопластинок. Можно было начинать.

Мы обставили это самым торжественным образом: закрыли жалюзи, и я пустил в потолок пробку одной из припасенных мною бутылок шампанского. На блондинку-секретаршу это произвело большое впечатление, тем более что она по-прежнему отрабатывала свое жалованье, расписываясь в получении ящичков, ящичков и контейнеров. Бокалов у нас не было, но мы прекрасно обошлись

без них. Мы оба испытывали такое нервное возбуждение, что пить больше не смогли, и подарили остальные бутылки секретарше, сказав, что на этот день она может считать себя свободной. Когда она ушла (по-моему, несколько расстроенная тем, что веселое празднование оборвалось в самом начале), мы заперли за ней дверь, перебрались в студию, заперли внутреннюю дверь и взялись за работу.

Я уже упоминал, что окна студии мы заложили. Внутренние стены были выкрашены тусклой черной краской, и благодаря высокому потолку — ведь прежде это был зал банка — впечатление создавалось внушительное. Но отнюдь не мрачное. В самой середине зала была установлена кинокамера, заряженная и готовая к съемке. Она заслоняла аппарат Майка, но я знал, что он стоит сбоку, настроенный так, чтобы изображение появлялось у задней стены. Да, именно у стены, а не на стене, так как изображение проецировалось в воздухе, точно скрещивались два прожекторных луча. Майк открыл крышку, и я увидел его силуэт на фоне чуть освещенных циферблатов.

— Ну? — спросил он нетерпеливо.

— Здесь ты командуешь, Майк, — сказал я.

Щелкнул выключатель, и перед нами возник он — юноша, живший две с половиной тысячи лет назад. Возник во плоти. Александр. Александр Македонский.

О нашей первой картине я, пожалуй, расскажу подробно. Мне никогда не забыть этот год. Сначала мы проследили всю жизнь Александра от рождения и до смерти. Конечно, мы пропускали второстепенные моменты и перепрыгивали через недели, месяцы, а порой и годы, после чего теряли его или оказывалось, что он значительно сместился в пространстве. Это означало, что нам приходилось

прыгать вперед-назад, точно мы вели пристрелочный огонь. Существующие жизнеописания Александра Македонского почти не помогали нам, и мы поражались, насколько мало они соответствуют реальным фактам. Я часто задумываюсь над тем, почему вокруг знаменитых людей обязательно начинают сплетаться легенды. Ведь их подлинная жизнь не менее поразительна, чем выдуманная. К несчастью, мы вынуждены были придерживаться принятых версий, иначе историки объявили бы наш фильм безграмотной стряпней. Рисковать же мы не могли. Во всяком случае, вначале.

После того как мы примерно установили, что и где происходило, мы, руководствуясь нашими заметками, отобрали наиболее фотогеничные эпизоды и некоторое время работали над ними. В конце концов общие контуры будущего фильма стали нам ясны. Тогда мы сели писать сценарий с учетом кадров, которые предстояло в дальнейшем отснять с дублерами. Аппарат Майка действовал как проектор, а я снимал фиксированной камерой, точно при комбинированных съемках. Едва отсняв катушку пленки, мы тут же отсылали ее для проявления в Рочестер. Было бы дешевле прибегнуть к услугам какой-нибудь голливудской фирмы, но Рочестер имел то преимущество, что там все привыкли к жутким любительским киноподелкам, и мы могли быть спокойны, что наши ленты ни у кого не вызовут нежелательного любопытства. Когда проявленная пленка возвращалась к нам, мы просматривали ее, проверяя динамику эпизода, цвета и прочее.

Например, мы обязательно хотели включить в фильм хрестоматийную ссору Александра с его отцом Филиппом, но большую ее часть пришлось оставить до съемок с дублерами. Для Олимпиады, его матери, подпустившей к нему змей с вырванными ядовитыми зубами, дублерши не требовалось, так как мы сняли этот эпизод общим пла-

ном и под таким углом, что его можно было не озвучивать. Случай, когда Александр укротил коня, на которого не осмеливался сесть никто другой, оказался выдумкой кого-то из его биографов, однако опустить столь известный эпизод юности нашего героя мы не рискнули: крупные планы мы вклеили позже, а на самом деле укрощал коня молодой скиф, один из конюхов царской конюшни. Роксана действительно существовала, как и остальные жены персов, захваченные Александром. К счастью, они оказались достаточно пышного сложения, чтобы на экране выглядеть томными и соблазнительными. Филипп, Парменон и прочие персонажи были бородаты, что значительно облегчало проблему дублирования и озвучивания. (Если бы ты видел, каким способом они брились в ту далекую эпоху, ты бы понял, почему бороды были в такой моде.)

Труднее всего было снимать эпизоды в помещениях. Конящие фитили в чашах с топленным салом, сколько бы их ни было, дают слишком мало света даже для самой чувствительной пленки. Майк вышел из положения, отрегулировав камеру и свой аппарат так, что каждый кадр экспонировался секунду. Этим объясняется поразительная четкость и глубина резкости, которая достигалась сильным диафрагмированием. У нас было сколько угодно времени для того, чтобы выбрать наиболее интересные эпизоды и ракурсы. Нам не нужны были знаменитые актеры и хитроумное оборудование, нам не приходилось снимать по несколько вариантов одной и той же сцены — у нас в распоряжении была вся жизнь нашего героя, и мы могли спокойно отбирать все наиболее яркое и интересное.

В конце концов мы отсняли примерно восемьдесят процентов того, что ты видел в законченном фильме, склеили и устроили просмотр, упиваясь тем, что нам удалось сделать. Мы даже не рассчитывали, что конечный резуль-

тат окажется таким блистательным. Хотя фильм еще не был смонтирован и озвучен, мы уже видели, что создали прекрасную вещь. Мы сделали все, что могли, а худшее еще было впереди. Поэтому мы послали за шампанским и сказали блондинке, что у нас праздник. Она хихикнула.

— Но чем вы там занимаетесь? — спросила она. — Торговые агенты просто не дают мне покоя, им обязательно хочется выведать, что вы делаете.

— А вы отвечайте, что не знаете, — посоветовал я, открывая первую бутылку.

— Я так и говорю. А они считают меня дурочкой.

Мы все трое посмеялись.

Майк сказал задумчиво:

— Если мы будем устраивать такие праздники часто, нам бы следовало обзавестись настоящими бокалами.

— Их можно было бы хранить в нижнем ящике моего стола, — радостно подхватила блондинка и мило сморщила нос. — Я ведь первый раз в жизни пью шампанское, если не считать свадьбы одной моей подружки. Но там я выпила всего один бокал.

— Налей ей еще! — предложил Майк. — Да и мне тоже. А что вы сделали с теми бутылками, которые унесли домой в прошлый раз?

Она хихикнула и покраснела.

— Папа хотел их откупорить, но я сказала, что вы велели приберечь их до особого случая.

— Ну, это как раз и есть особый случай, — сказал я, закидывая ноги на ее стол. — Выпейте еще стаканчик, мисс... А как ваше имя? Не люблю официальности в нерабочие часы.

— Но ведь вы и мистер Лавьяда выписываете мне чек каждую неделю! — обиженно воскликнула она. — Меня зовут Руфь.

— Руфь... Руфь... — я покатал это имя на языке вме-

сте с пузырьками шампанского и решил, что оно звучит очень приятно.

— А вас зовут Эдвард, а мистера Лавьяду — Мигуэль, ведь так? — и она улыбнулась Майку.

— Мигель, — улыбнулся он в ответ. — Старинное испанское имя. Обычно сокращается в «Майк».

— Передайте мне еще бутылку, — попросил я, — и сократите «Эдварда» в «Эда».

Она передала.

К тому времени, когда опустела четвертая бутылка, мы уже знали о ней все: двадцать четыре года, белая, незамужняя, любит шампанское.

— Но мне все-таки хотелось бы знать, чем вы там занимаетесь с утра до ночи, — добавила она, надувая губы. — А иногда всю ночь напролет...

— Ну, — заплетающимся языком сказал Майк после некоторого размышления, — мы там снимаем. Можем и вас снять, если вы хорошенько попросите, — закончил он, подмигнув.

— Мы снимаем модели, — перебил я. — И так, что они выглядят как настоящие.

По-моему, это ее несколько разочаровало.

— Ну, теперь все понятно, и я очень рада. А то я подписываю все эти счета из Рочестера и не знаю, за что они. И это меня беспокоило... Нет, в холодильнике есть еще две.

Всего две — шампанское ей явно пришлось по вкусу. Я спросил, что она думает об отпуске. Оказалось, что она пока еще не думала об отпуске. Я посоветовал ей подумать, потому что мы через два дня уедем в Лос-Анджелес, в Голливуд.

— Через два дня? Но ведь...

Я поспешил ее успокоить.

— Мы будем платить вам по-прежнему. Но неизвест-

ло, сколько мы там пробудем, а какой вам смысл сидеть тут, ничего не делая?

Шампанское уже ударило нам всем в голову. Майк что-то тихонько напевал себе под нос. Руфь протянула мне последнюю бутылку.

— Я сберегу все пробки... Нет, нельзя — папа устроит скандал: с какой стати я пью с моими нанимателями?

Я сказал, что раздражать папу — очень плохо. Майк спросил, зачем говорить о плохом, когда у него есть одна очень хорошая мысль. Мы заинтересовались — чем больше хороших мыслей, тем веселей.

— Мы едем в Лос-Анджелес, — объявил Майк.

Руфь и я кивнули.

— Едем работать.

Мы опять кивнули.

— Едем работать в Лос-Анджелес. А кто там будет вести нашу корреспонденцию?

Ужасно. Кто будет вести нашу корреспонденцию и пить шампанское? Печальная история!

— Нам придется нанять кого-нибудь вести нашу корреспонденцию. А вдруг это будет не блондинка? В Голливуде блондинок нет. То есть настоящих. А потому...

Я уловил его блестящую мысль и закончил за него:

— А потому мы привезем в Лос-Анджелес хорошенькую блондинку, чтобы она вела нашу корреспонденцию.

Ах, какая это была мысль! Бутылкой раньше она бы скоро потускнела, но теперь Руфь засияла, а мы с Майком ухмылялись до ушей.

— Но я не могу! Я не могу уехать через два дня...

Майк был великолепен.

— Почему через два дня? Мы передумали. Едем сию же минуту.

Руфь была ошеломлена.

— Сейчас? Прямо сразу?

— Сию же минуту. Прямо сразу,— неумолимо заявил я.

— Но...

— Никаких «но»! Сию же минуту, прямо сразу.

— Мне пужно взять платья...

— Купите на месте. Таких, как в Лос-Анджелесе, нет нигде. А теперь звоните в аэропорт. Три билета.

Она позвонила.

— Папочке позвоните из аэропорта.

В Лос-Анджелесе мы отправились в отель, трезвые, как стеклышко, и сильно пристыженные. На следующий день Руфь пошла покупать гардероб для себя и для нас. Мы сообщили ей свои размеры и дали достаточно денег, чтобы ей легче было переносить похмелье. А мы с Майком взяли за телефон. Потом позавтракали и сидели, сложа руки, пока портье не позвонил, что нас желает видеть мистер Ли Джонсон.

Ли Джонсон оказался энергичным человеком высокого роста, не слишком красивым, привыкшим говорить кратко и деловито. Мы сообщили ему, что предполагаем сделать фильм. У него загорелись глаза. Как раз по его части.

— Дело обстоит не совсем так, как вы думаете,— сказал я.— У нас уже готово процентов восемьдесят.

Он заинтересовался, зачем мы в таком случае обратились к нему.

— У нас отснято свыше двух тысяч метров пленки «Труколор». Не трудитесь спрашивать, где и когда мы ее получили. Но лента не озвучена. Нам нужно ее озвучить и кое-где ввести диалог.

Он кивнул.

— Это нетрудно. В каком состоянии лента?

— В безупречном. В настоящее время она находится в сейфе отеля. Нам нужно доснять некоторые эпизоды,

для чего потребуются дублеры. Причем они должны будут удовлетвориться оплатой наличными — упоминать о них в титрах мы не будем.

Джонсон поднял брови.

— Это ваше дело. Но если материал чего-нибудь стоит, мои ребята потребуют, чтобы они в титрах были упомянуты. И мне кажется, у них есть на это право.

Я согласился с ним и добавил, что платить мы будем хорошо, но с одним условием: они должны держать язык за зубами до того, как фильм будет готов. А может быть, и после этого.

— Прежде чем мы будем договариваться об условиях, я хотел бы посмотреть ваш материал, — сказал Джонсон, вставая и беря шляпу. — Я не знаю, сможем ли мы...

Я догадывался, о чем он думает. Кинолюбители. Собственное творчество. Не порнография ли?

Мы забрали коробки из сейфа и поехали в лабораторию Джонсона на бульвар Сансет. Верх его машины был опущен, и Майк вслух выразил горячую надежду, что у Руфи хватит соображения купить спортивные рубашки полегче.

— Жена? — равнодушно осведомился Джонсон.

— Секретарша, — ответил Майк не менее равнодушно. — Мы прилетели вчера вечером, и она пошла купить нам что-нибудь летнее.

Мы явно выросли в глазах Джонсона.

Швейцар забрал у нас коробки, а Джонсон провел нас через боковую дверь и отдал распоряжение человеку, имени которого мы не разобрали. Он оказался киномехаником. Взяв у швейцара коробки, он скрылся с ними в глубине просмотрового зала. Несколько минут мы молча сидели в удобных креслах, потом Джонсон взглянул на

нас, мы кивнули, он нажал на кнопку, вделанную в ручку его кресла, — и свет в зале погас. Просмотр начался.

Он длился час пятьдесят минут. Мы оба следили за Джонсоном, как кошка — за мышинной норой. Наконец мелькнули заключительные кадры, Джонсон нажал на кнопку, вспыхнули люстры, и он повернулся к нам.

— Откуда у вас эта лента?

Я закинул крючок.

— Она снималась не тут. А где — неважно.

Джонсон проглотил крючок вместе с приманкой и поплавок.

— В Европе! Гмм... Германия. Нет... Франция. Может быть, Россия — Эйнштейн... или Эйзенштейн, как там его фамилия?

Я покачал головой.

— Не угадали. Могу сказать одно: все те, кто снимался в этом фильме и принимал участие в работе над ним, либо в курсе, либо умерли. Но у этих последних могут отыскаться наследники... Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

О да, Джонсон прекрасно понял, что я имел в виду.

— Конечно, так надежнее. Лучше не рисковать. — Он задумался, а потом сказал киномеханику: — Позовите Бернштейна. И еще Кеслера и Мэrsa.

Киномеханик вышел, и через несколько минут в зал с Бернштейном, звукооператором, вошли Кеслер, широкоплечий крепыш, и Мэрс, нервный молодой человек, куривший без передышки. Джонсон познакомил нас с ними, а потом спросил, согласимся ли мы еще раз просмотреть наш фильм.

— С удовольствием. Нам он нравится больше, чем вам.

Тут я был неточен. Едва зажегся свет, как ошеломленные Кеслер, Мэрс и Бернштейн набросились на нас с вопросами. Мы отвечали им в том же духе, как и Джон-

сону, но нам было приятно, что фильм произвел на них впечатление, и мы так и сказали.

Кеслер чертыхнулся.

— Хотел бы я знать, кто оператор. Черт побери, таких съемок я не видел со времен «Бен-Гура», только это еще лучше.

— На это я могу вам ответить. Снимали ребята, с которыми вы сейчас беседуете. Спасибо на добром слове.

Они все четверо недоверчиво уставились на нас.

— Верно,— сказал Майк.

— Ого! — пробормотал Мэрс, и все они посмотрели на нас с уважением. Было очень приятно.

Наконец Джонсон нарушил затянувшееся молчание.

— Ну, а что дальше?

И мы перешли к делу. Майк, как обычно, сидел прищурившись и молчал, предоставляя мне самому вести переговоры.

— Мы хотим его полностью озвучить.

— С большим удовольствием,— сказал Бернстайн.

— Понадобится десяток дублеров, очень похожих на актеров, которых вы только что видели.

— Это просто,— уверенно заявил Джонсон.— В Центральном архиве имеются фотографии всех, кто хоть раз появлялся на экране начиная с девятьсот первого года.

— Я знаю. Мы туда уже заглядывали. Значит, тут затруднений не будет. Но по причинам, о которых я уже говорил мистеру Джонсону, им придется обойтись без упоминания в титрах.

— И улаживать это, конечно, должен буду я! — простонал Мэрс.

— Вот именно,— отрезал Джонсон.

— А как с недоснятыми кусками? У вас есть на примете сценарист? — спросил Мэрс.

— У нас имеются наметки сценария. Их можно при-

вести в рабочий вид за неделю. Хотите, займемся ими вместе?

Это его вполне устраивало.

— Каким временем мы располагаем? — перебил Кеслер. — Работа предстоит порядочная. Когда мы должны его кончить?

Уже «мы».

— Ко вчерашнему дню! — объявил Джонсон и встал. — У вас есть какие-нибудь предложения о музыкальном оформлении? Нет? Ну, так мы попробуем заполучить Вернера Янсена и его ребят. Бернстайн, за этот фильм отвечаете вы. Кеслер, зовите своих мальчиков, пусть они с ним познакомятся. Мэрс, вы проводите мистера Лефко и мистера Лавяду в Центральный архив и вообще будете поддерживать с ними связь. Ну, а теперь пойдемте ко мне в кабинет и обсудим финансовую сторону...

Легко и просто.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что работа была легкой — несколько следующих месяцев мы были заняты по горло. Начать хотя бы с того, что в Центральном архиве мы отыскали только одну фотографию человека, похожего на Александра, — статиста, которому надоело ждать роли и который отбыл в неизвестном направлении. А когда дублеры были подобраны, пришлось без конца с ними репетировать и ругаться с костюмерами и декораторами. Короче говоря, дел у нас хватало. Даже Руфи пришлось по-настоящему отрабатывать свое жалованье. Мы по очереди диктовали ей с утра до ночи, пока не получили сценария, которым остались довольны и я, и Майк, и Мэрс, собаку съевший на диалоге.

Я имел в виду, что мы легко и просто нашли общий язык с этими выдавшими виды ребятами и наше самолю-

бие было удовлетворено. Они искренне восхищались нашей работой, и Кеслер даже расстроился, когда мы отказались сами доснимать фильм. Но мы только заморгали и сказали, что слишком заняты и знаем, что он это делает не хуже, чем мы. И он превзошел и себя, и нас. Не знаю, как бы мы вывернулись, если бы он попросил у нас какого-нибудь конкретного совета. Вспоминая все это задним числом, я прихожу к выводу, что им до смерти надоело возиться с посредственной дребеденью и было приятно иметь дело с людьми, которые понимали разницу между глицериновыми слезами и настоящими и не торговались, если последние обходились на два доллара дороже.

Наконец фильм был готов. Мы все собрались в демонстрационном зале — Майк и я, Мэрс и Джонсон, Кеслер и Бернштейн, и все, кто так или иначе участвовал в работе. Получилась потрясающая вещь. Когда на экране появился Александр, это был подлинный Александр Великий. Ослепительные краски, пышность, великолепие, блеск на экране буквально ошеломляли. Даже мы с Майком, которые видели все в натуре, и то сидели с раскрытыми ртами.

Однако, мне кажется, самым сильным в картине были батальные эпизоды. Это был настоящий реализм, а не увлекательные кровопролития, после которых мертвецы встают и отправляются обедать. И солдаты, посмотревшие фильм, писали письма в газеты, сравнивая Гавгамелы Александра с Анцио и Аргоннами. Усталый крестьянин, отнюдь не воплощение тупой покорности, который милую за милей пагает по пыльным сухим равнинам только для того, чтобы в конце пути превратиться в разлагающийся, облепленный мухами труп, везде одинаков, несет ли он сариссу или винтовку. Вот что мы пытались показать. И это нам удалось.

Когда в зале вспыхнули люстры, мы вновь убедились, что создали настоящий боевик. Все поздравляли нас и пожимали нам руки. Затем мы удалились в кабинет Джонсона, выпили за успех и перешли к делу.

— Как вы думаете выпустить его в прокат? — начал Джонсон.

Я спросил о его мнении.

— Это уж ваше дело, — он пожал плечами. — Не знаю, известно ли вам, что уже давно ходят слухи, будто у вас кое-что есть.

Я сказал ему, что к нам в отель звонили представители разных фирм, и назвал их.

— Вот именно. Я этих ребят знаю. Держитесь от них подальше, если не хотите потерять последнюю рубашку. Да, кстати, вы нам порядком задолжали. Конечно, у вас хватит заплатить нам?

— Хватит.

— Этого я и боялся! Не то вашу последнюю рубашку забрал бы я! — он широко улыбнулся, но мы знали, что так оно и было бы. — Ну, с этим покончено. Вернемся к вопросу о прокате.

— А вы сами им не занялись бы?

— Я бы не прочь. У меня есть на примете фирма, которой как раз сейчас до зарезу нужна кассовая вещь, а им не известно, что мне это известно. И я заставлю их раскошелиться. А мой процент?

— Об этом после, — сказал я. — Мы удовлетворимся обычными условиями, а вы раздевайте их, как хотите. То, чего мы не знаем, нас не касается.

(Они там все норовят перерезать друг другу глотку.)

— Договорились. Кеслер, начинайте печатать копии.

— У нас все готово.

— Мэрс, организуйте рекламу... У вас есть какие-нибудь мысли на этот счет? — обратился он к нам.

Мы с Майком уже давно все обсудили.

— Что касается нас, — сказал я медленно, — делайте, как считаете лучшим. Мы не ищем известности, но и отказываться от нее не будем. Вопросы о том, где снимался фильм, спускайте на тормозах, но не слишком заметно. Решить задачу с безыменными актерами будет не так просто, но вы, наверное, сумеете что-нибудь придумать.

Мэрс застонал, а Джонсон сказал, ухмыльнувшись:

— Он что-нибудь придумает!

— Против упоминания в титрах тех, кто доснимал фильм, мы не возражаем, потому что ваша работа была отличной.

Кеслер счел это комплиментом в свой адрес и не ошибся.

— Но теперь, пожалуй, пора упомянуть, что часть фильма была сделана в Детройте.

Они прямо подскочили.

— Мы с Майком разработали новый метод трюковых съемок. Касаться его сущности мы не будем и не скажем, какие именно эпизоды снимались в лаборатории. Однако вы же не станете отрицать, что отличить их от остальных невозможно. Как мы этого достигаем, я вам не скажу, потому что мы не запатентовали наше изобретение и не будем его патентовать, пока возможно.

Это они понять могли. Подобную штуку выгодней всего хранить в секрете.

— Мы практически гарантируем, что в будущем сможем предложить вам подобную работу.

Это их явно заинтересовало.

— Мы не можем назвать точный срок или говорить о конкретных условиях. Но у нас в колоде еще остается пара-другая козырей. С вами мы отлично ладили, и это нас вполне устраивает. А теперь, с вашего разрешения, мы вас покинем — у нас свидание с блондинкой.

Джонсон оказался прав. Мы — вернее, он — заключили весьма выгодный контракт с «Юнайтед эмюзментс». Джонсон, настоящий бандит, получил с нас причитавшиеся ему проценты и, по всей вероятности, содрал солидный куш с «Юнайтед».

Фильм вышел на экраны одновременно в Нью-Йорке и Голливуде. Мы торжественно отправились на премьеру вместе с Руфью, надуваясь гордостью, точно трио лягушек. А как приятно рано поутру сидеть на ковре и упиваться хвалебными рецензиями! Но еще приятнее разбогатеть за один вечер. Джонсон и его ребята тоже не остались в накладе. По-моему, до нашего знакомства он сидел на мели и теперь не меньше нас смаковал свой финапсовый успех.

Каким-то образом по Голливуду прошел слух, что мы разработали новый метод трюковых съемок, и все крупнейшие кинокомпании загорелись желанием приобрести на него исключительное право, что обещало значительную экономию. Мы получили несколько весьма выгодных предложений — так, во всяком случае, казалось Джонсону, но мы сразу поскущнели и сообщили, что на следующий день отбываем в Детройт, а ему поручаем оборонять крепость на время нашего отсутствия. По-моему, он нам не поверил, но мы тем не менее уехали — и на следующий же день.

В Детройте мы немедленно засели за работу, подкрепляемые уверенностью, что стоим на верном пути. Руфь трудилась в поте лица, отвечая отказом бесчисленным посетителям, которые во что бы то ни стало хотели нас увидеть. У нас не было на них времени. Мы работали с панорамной фотокамерой. Каждый день мы отправляли в Рочестер проявлять все новые и новые пластинки. Нам присылали по отпечатку с каждой, а негатив оставался в Рочестере до наших дальнейших распоряжений. Потом мы пригласили из Нью-Йорка представителя одного из крупнейших издательств. И заключили с ним контракт.

Если тебе интересно, то в своей городской библиотеке ты наверняка найдешь комплект наших фотоальбомов — сотни толстых томов безупречных фотографий, отпечатанных с негатива 20×25 сантиметров. Комплекты этих альбомов поступили во все крупнейшие библиотеки и университеты мира. Мы с Майком наслаждались, решая загадки, над которыми ученые ломали головы столетиями. В римском альбоме, например, мы раскрыли тайну триремы, включив в него серию снимков внутреннего устройства не только триремы, но и военной квинквиремы. (Естественно, ни профессионалов, ни яхтсменов-любителей наши снимки ни в чем не убедили.) Мы включили в этот альбом серию снимков Рима с птичьего полета, сделанных на протяжении тысячелетия. И такие же виды Равенны и Лондиниума, Пальмиры и Помпеи, Эборакума и Византии. Сколько удовольствия мы получили! Мы выпустили альбомы Греции, Рима, Персии, Крита, Египта и Византийской империи. В них можно было найти снимки Парфенона и Фаросского маяка, портреты Ганнибала, Карактака и Верцингеторикса, снимки стен Вавилона, и строящихся пирамид, и дворца Саргона, а также факсимиле утраченных книг Тита Ливия и трагедий Еврипида. И еще много всего в том же роде.

Хотя эти альбомы стоили безумных денег, второй тираж разошелся весь. Если бы их можно было удешевить, история, вероятно, вошла бы в моду еще больше.

Когда шум несколько поулегся, какой-то археолог, раскапывая еще не исследованный квартал погребенной под пеплом Помпеи, наткнулся на маленький храм, причем на том самом месте, где он был виден на нашей фотографии «Вид Помпеи с птичьего полета». Ему увеличили дотацию, и он расчистил еще несколько зданий, которые имелись на нашем снимке, но были скрыты от мира почти две тысячи лет. Немедленно нам приписали удивительную удачли-

вость, а глава одной из калифорнийских оккультных сект публично объявил, что мы, вне всякого сомнения, — новое воплощение двух гладиаторов по имени Джо.

В поисках покоя и тишины мы с Майком перебрались в свою студию, забрав туда все наши пожитки. Бронированные хранилища бывшего банка гарантировали полную безопасность нашего оборудования в наше отсутствие, а кроме того, мы еще наняли дюжих частных сыщиков для приема наиболее назойливых посетителей. Нам предстояла новая работа — еще один полнометражный художественный фильм.

Мы опять выбрали историческую тему. На этот раз мы попытались сделать то же, что сделал Гиббон в своем «Упадке и разрушении Римской империи». И, мне кажется, в целом нам это удалось. Конечно, за четыре часа нельзя полностью охватить два тысячелетия, но можно — как это сделали мы — показать постепенное разложение великой цивилизации и подчеркнуть, насколько мучителен такой процесс. Критики ругали нас за то, что мы почти полностью игнорировали роль Христа и христианства, но, право же, зря. Хотя это известно лишь немногим, однако в первоначальный вариант мы для пробы включили несколько эпизодов, показывавших Христа и его время. Как тебе известно, в просмотрный совет входят и католики, и протестанты. И вот, все они — то есть совет в полном составе — буквально полезли на стену. Они утверждали (а мы не спорили), что наша «обработка» священного сюжета кощунственна, непристойна, пристрастна и противна «истинно христианским нормам». «Да ведь тот, кого вы показываете, не имеет с Иисусом ни малейшего сходства!» — вопили они. И мы тут же решили, что с религиозными верованиями лучше не связываться. Вот почему, как ты можешь убедиться, во всех своих работах мы тщательно избегали любых фактов, которые вступали бы даже

в легкое противоречие с историческими, социальными или религиозными представлениями кого-либо из тех, «кому это лучше известно». Кстати, наш римский фильм — и отнюдь не случайно — так мало отступал от школьных учебников, что лишь горстка специалистов-энтузиастов смогла указать нам на отдельные ошибки. У нас по-прежнему не было возможности приступить к систематической переработке истории, потому что мы не могли открыть источник своей осведомленности.

Джонсон, увидев римский фильм, пришел в восторг. Его ребята немедленно взялись за дело, и вначале все шло так же, как и в предыдущий раз. Но затем в один прекрасный день Кеслер буквально взял меня за горло.

— Эд, — сказал он, — я намерен точно выяснить, откуда у вас эта лента, а до тех пор я палец о палец не ударю.

Я ответил, что со временем он все узнает.

— Нет, теперь же! И можете не втирать нам очки насчет Европы — больше на эту удочку никто не попадет. Где ваша студия? Кто ваши актеры? Где вы снимаете батальные сцены? Откуда у вас костюмы и статисты? В одном только кадре у вас снято не меньше сорока тысяч статистов! Ну, так как же?

Я ответил, что должен посоветоваться с Майком. И посоветовался. Итак — началось! Мы созвали совещание.

— Кеслер сообщил мне о своих недоумениях. Думаю, вы в курсе, — сказал я.

Они были в курсе.

— Он абсолютно прав, — заявил Джонсон. — Откуда у вас эта лента?

Я повернулся к Майку.

— Ты будешь говорить?

Он покачал головой.

— У тебя это получается лучше.

— Ну, ладно.— (Тут Кеслер наклонился вперед, а Мэрс закурил очередную сигарету.) — Мы сказали вам чистую правду. Все снято нами. Все до единого кадры этого фильма снимали здесь, в Штатах, в течение последних нескольких месяцев. А как и где, мы пока вам сказать не можем...

Кеслер раздраженно фыркнул.

— Дайте мне кончить. Мы все знаем, какие деньги мы получили. И получим даже больше. У нас задумано еще пять картин. Мы хотим, чтобы три из этих пяти вы обрабатывали, как предыдущие. Последние же две объяснят вам и причину этого «детского секретничания», как выражается Кеслер. И еще одно обстоятельство, которого мы пока не касались. Последние две картины позволят вам понять и наше поведение, и наш метод. Ну, как? Этого достаточно? Можем мы продолжать на таких условиях?

Они согласились — не слишком охотно.

Мы не поскупились на выражения самой горячей благодарности.

— Вы не пожалеете!

Кеслер в этом усомнился, но Джонсон, который думал о своем счете в банке, отправил их всех заниматься делом. Так мы взяли еще один барьер. А вернее, обошли его.

«Рим» вышел на экраны точно по плану, и рецензии опять были доброжелательными. Хотя «доброжелательные», пожалуй, не то слово для определения отзывов, благодаря которым очереди за билетами растягивались на несколько кварталов. Мэрс организовал отличную рекламу. Даже те газеты, которые позже преисполнились самой дикой злобы, тогда клюнули на словечко Мэрса «колдовство» и всячески рекомендовали своим читателям посмотреть

«Рим». В нашей третьей картине «Пламя над Францией» мы исправили некоторые неверные представления о Великой Французской революции и наступили на кое-какие любимые мозоли. К счастью (не только по нашим расчетам), во Франции в тот момент у власти было либеральное правительство, которое оказало нам всемерную поддержку. По нашей просьбе оно опубликовало ряд документов, до той поры дремавших в хранилищах Национальной библиотеки в тихом забвении. Я забыл имя очередного извечного претендента на французский трон. Однако я убежден, что он подал на нас с Майком в суд, протестуя против клеветы на славную династию Бурбонов только по наущению одного из вездесущих агентов Мэрса. Адвокат, которого для нас раздобыл Джонсон, подготовил процесс и сделал из бедняги отбивную котлету — претендент не получил ни гроша возмещения. Сэмюэлс, адвокат, и Мэрс огребли премияльные, а претендент отбыл в Гондурас.

Примерно тогда же начал изменяться тон прессы. До той поры нас рассматривали как нечто среднее между Шекспиром и владельцем ярмарочного балагана. Но теперь, когда на свет начали извлекаться давно забытые неприятные факты, несколько заядлых пессимистов принялись намекать, что мы — весьма вредоносная парочка. «Кое в чем не стоило бы копаться». Только огромные средства, которые мы тратили на рекламу, заставили их воздержаться от прямых нападок.

Тут я сделаю небольшое отступление и расскажу о том, как мы жили, пока все это происходило. Майк продолжал оставаться на заднем плане — потому что ему так хотелось. Я кричу и спорю, а он сидит себе в самом удобном кресле, какое только окажется под рукой, и молчит — и никому невдомек, что под этой смуглой вежливой маской прячется ум, цепкий, как медвежий капкан, и куда более быстрый. И еще — чувство юмора и находчивость. Да, конечно, ино-

гда мы кутили напропалую, но обычно нам было не до развлечений. Работа нас увлекала, и мы не хотели терять время впустую. Руфь, пока она оставалась с нами, всегда была не прочь выпить и потанцевать. Она была молода, почти красива, и между мной и ею начинали складываться отношения, которые могли перейти в нечто серьезное. Однако мы вовремя обнаружили, что на очень многое смотрим по-разному. А потому я не слишком горевал, когда она подписала контракт с компанией «Метро-Голдвин-Мейер». Этот контракт знаменовал для нее ту славу, деньги и счастье, на которые она, по ее мнению, имела полное право. Ей дают роли во второклассных и многосерийных картинах, и с финансовой точки зрения она устроилась даже лучше, чем могла бы мечтать. Но что касается счастья — не знаю. Она недавно нам написала — она снова разводится. Но, может быть, это и есть то, что ей нужно.

Но хватит о Руфи. Я опережаю события. Все время, вплоть до «Пламени над Францией», мы с Майком хотя и работали вместе, но ставили перед собой разные конечные цели. Майк помешался на мысли сделать мир лучше, уничтожив самую возможность войны. Он постоянно повторял: «Войны всех и всяческих родов свели почти всю историю человечества к одним только усилиям выжить. А теперь, получив в свои руки атом, оно располагает средством вовсе себя уничтожить. И если в моих силах сделать хоть что-нибудь, что поможет предотвратить катастрофу, я это сделаю, Эд, клянусь богом! Иначе и жить незачем. И это не пустые слова».

Да, это были не пустые слова. Он рассказал мне о своей заветной цели в первый же день нашего знакомства. Тогда я решил, что он просто расфантазировался с голодухи. Мне его аппарат казался всего лишь средством достижения личных благ. И я думал, что и он вскоре станет на мою точку зрения. Но я ошибся.

Когда живешь и работаешь бок о бок с хорошим человеком, невольно начинаешь восхищаться качествами, которые и делают его хорошим.

К тому же, когда человеку живется приятно, его начинают тревожить беды человечества. Во всяком случае, так произошло со мной. Когда я понял, каким чудесным мог бы стать наш мир, победила точка зрения Майка. Кажется, это произошло, когда мы работали над «Пламенем», но точная дата роли не играет. Важно то, что с этого момента между нами уже не было никаких разногласий, и спорили мы только о том, когда именно устроить перерыв на обед. Большую часть свободного времени, которого у нас было немного, мы проводили за бутылкой пива, у аппарата, бродя наугад по разным эпохам.

Мы побывали вместе повсюду и посмотрели все. То мы знакомились с фальшивомонетчиком Франсуа Вийоном, то отправлялись бродить по ночам с Гаруном аль-Рашидом. (Этот беззаботный калиф, бесспорно, родился на несколько сот лет раньше, чем ему следовало бы.) А если настроение у нас было скверным, мы могли, например, следить за событиями Тридцатилетней войны. Майк снова и снова, как замороженный, наблюдал гибель Атлантиды — наверное, потому, что он опасался, как бы что-нибудь подобное не повторилось еще раз. А стоило мне задремать — и он возвращался к началу начал — к возникновению нашего мира. (Что было раньше, рассказывать здесь не стоит.)

Если подумать, то, пожалуй, к лучшему, что ни он, ни я не женаты. Конечно, мы верили в лучшее будущее, но пока мы оба устали от человечества, устали от алчных глаз и рук. В мире, поклоняющемся богатству, власти и силе, только естественно, что порядочность нередко рождается лишь из страха перед этой жизнью или перед загробной. Мы наблюдали столько скрытого и потаенного — если хочешь, назови это подсматриванием в замочную скважи-

ну, — что научились не принимать на веру внешние проявления доброты и благородства. Только один раз мы с Майком заглянули в частную жизнь человека, которого любили и уважали. И одного раза оказалось достаточно. С тех пор мы взяли за правило принимать людей такими, какими они кажутся. Но хватит об этом.

Следующие две картины мы выпустили одну за другой — «Свободу американцам» — про войну за независимость — и «Братья и пушки» — про войну Севера с Югом. И сразу каждый третий политикан, множество так называемых «просветителей» и все патриоты-профессионалы возжаждали нашей крови. Все местные отделения «Дочерей американской революции», «Сыновей ветеранов Севера» и «Дочерей Конфедерации» единодушно заскрежетали зубами. Юг совсем взбесился. Все штаты крайнего Юга и один пограничный безоговорочно запретили демонстрацию обоих фильмов — второго потому, что он был правдив, а первого просто за компанию. Они оставались под запретом, пока в дело не вмешались профессиональные политики. Тогда запрет был снят и оба фильма без конца цитировались в речах соответствующих ораторов как ужасные примеры того, во что верят и какие взгляды исповедуют некоторые личности. Это был прекрасный предлог ударить в барабаны расовой ненависти.

Новая Англия попыталась было сохранить достоинство, но надолго ее не хватило. В штате Нью-Йорк депутаты сельских округов дружно проголосовали за запрещение фильмов. И в Дэлавер, где законодательному собранию некогда было заниматься изданием нового закона, пришлось пустить дополнительные поезда. Вызовы в суд по обвинению в клевете сыпались на нас градом, но, хотя каждый новый иск вчинялся нам под гром фанфар, почти

никто не знает, что мы не проиграли ни одного дела. Правда, нам раз за разом приходилось апеллировать к высшим инстанциям, однако, когда дело попадало к судье, не заинтересованному в нашем осуждении, документы, сохранившиеся в архивах, неизменно подтверждали истинность того, что мы демонстрировали на экране.

Мы-таки высыпали на воспаленную гордость, привыкшую чваниться славными деяниями предков, изрядную горсть соли! Мы показали, что далеко не все власть имущие могли похвастаться незапятнанной белизной своих одежд и что в войне за независимость далеко не все англичане были хвастливыми наглецами, но что они не были и ангелами. В результате Англия наложила запрет на ввоз этих двух фильмов и представила государственному департаменту возмущенный протест. Было очень потешно наблюдать, как конгрессмены южных штатов в полном единодушии с конгрессменами Новой Англии одобряют призывы посла какой-нибудь иностранной державы к подавлению свободы речи. В Детройте ку-клукс-клан зажег у нашего подъезда довольно дохленький крест, а такие организации, как Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, выносили весьма лестные для нас резолюции. Наиболее злобные и непристойные письма вместе с адресами и фамилиями, которые были в них опущены, мы передавали нашему адвокату, но к югу от Иллинойса ни один из их авторов не был привлечен к суду.

Постепенно страна разделилась на сторонников двух точек зрения. Одни — наиболее многочисленные — утверждали, что нечего нам копаться в старой грязи, что подобные вещи лучше всего простить и забыть, что ничего подобного никогда не происходило, а если и происходило, то мы все равно отпетые лгуны и клеветники. Другие рассуждали так, как мы и хотели.

Мало-помалу складывалось и крепло убеждение, что

подобные события действительно происходили и могут произойти снова, а возможно, и происходят в эту самую минуту — потому что на психологию нации слишком долго воздействовало извращение истины. Мы были рады, что все большее число людей приходит к выводу, к которому пришли мы сами: прошлое надо не забывать, а понять и оценить беспристрастно и доброжелательно. Именно этого мы и добивались.

Запрещение фильмов в некоторых штатах почти не повлияло на чистую прибыль, а потому в глазах Джонсона мы были полностью оправданы. Ведь он уныло предсказывал полный их провал, так как «в кино нельзя говорить правду. Это вам с рук не сойдет, если зал вмещает больше трехсот человек». Ну, а в театре? «А кто ходит куда-нибудь, кроме кино?»

Пока все складывалось так, как мы хотели. Наша известность достигла зенита — никогда еще никого с таким жаром не хвалили и не ругали на страницах газет. Мы были сенсацией дня. С самого начала мы старались обзаводиться врагами в кругах, которые способны дать сдачи. Помнишь старое присловие, что человек познается по своим врагам? Ну, короче говоря, шумная известность была водой на нашу мельницу. А дальше я расскажу, как мы начали молоть.

Я позвонил Джонсону в Голливуд. Он обрадовался.

— Что-то мы давно не виделись! Ну что, Эд?

— Мне нужны люди, которые умеют читать по губам.

И не позже вчерашнего дня, как ты выражаешься.

— Читать по губам? Это еще зачем?

— Неважно. Они мне нужны. Можешь ты их найти?

— Откуда я знаю? А зачем?

— Я спрашиваю: можешь ты их найти?

— По-моему, ты переутомился,— ответил он с сомнением в голосе.

— Послушай...

— Я ведь не сказал, что не могу. Спусти пары. Когда они тебе нужны? И в каком количестве?

— Лучше запиши. Готов? Мне нужны чтецы по губам для следующих языков: английского, французского, немецкого, японского, греческого, фламандского, голландского и испанского.

— Эд Лефко! Ты совсем сошел с ума или еще нет?

Пожалуй, моя просьба и в самом деле могла показаться странной.

— Может быть, и сошел. Но эти мне нужны в первую очередь. Если отыщутся специалисты по другим языкам, хватай и их. Они тоже могут мне понадобиться.

Я представил себе, как он сидит у телефона и крутит головой: «Бедняга Эд! Тепловой удар, не иначе. Совсем свихнулся».

— Ты меня слышишь?

— Да. Слышу. Если это какой-то розыгрыш...

— Это не розыгрыш. Я говорю совершенно серьезно. Он разозлился.

— Где же я, по-твоему, их возьму? Вытащу из собственной шляпы или как?

— Это уж твое дело. Советую начать с местной школы для глухонемых.

Он ничего не ответил.

— И пойми одно: я говорю совершенно серьезно. Мне все равно, как ты их разыщешь и во что это обойдется, но мне нужно, чтобы чтецы по губам ждали нас в Голливуде, когда мы туда приедем, или во всяком случае были бы уже в дороге.

— А когда вы приедете?

Я ответил, что точно не знаю.

— Дня через два. Нам еще нужно закончить тут такие дела.

Джонсон принялся проклинать все на свете, и я повесил трубку. Майк ждал меня в студии.

— Ты говорил с Джонсоном?

Я пересказал ему наш разговор, и он засмеялся.

— Наверное, это и правда производит впечатление бреда. Но если такие специалисты существуют и не прочь заработать, он их разыщет.

Я бросил шляпу в угол.

— Слава богу, с этим покончено. А как дела у тебя?

— Все готово. Киноплёнки и заметки отправлены, фирма по продаже недвижимости присылает сюда своего агента завтра, с девочками я расплатился и выдал им премию.

Я откупорил бутылку пива.

— А как наш архив? И винный погреб?

— Архив отправлен в банк на хранение. Винный погреб? О нем я не подумал.

Пиво было холодным.

— Распорядись упаковать бутылки и отошли их Джонсону.

Мы оба расхохотались.

— Идет! Ему нужно будет успокаивать нервы.

Я мотнул головой в сторону аппарата.

— А это?

— Повезем с собой в самолете.— Он внимательно посмотрел на меня.— Что с тобой? Нервничаешь?

— Немножко.

— Я тоже. Твою одежду и свою я отправил утром.

— Даже ни одной сменной рубашки нет?

— Ни одной. Совсем как...

— Как тогда с Руфью,— закончил я.— Но есть разница.

— И очень большая,— медленно сказал Майк.— Что-нибудь еще нужно сделать здесь, как ты считаешь?

Я покачал головой.

Мы погрузили аппарат в машину, оставили ключи от студии в бакалейной на углу и поехали в аэропорт.

В кабинете Джонсона нас ждал ледяной прием.

— Ну, если это была шуточка!.. Где, по-вашему, можно найти людей, которые читают по губам японский? Или даже греческий, если уж на то пошло?

Мы все сели.

— Ну, что у тебя есть?

— Кроме головной боли? Вот,— он протянул мне короткий список.

— И когда ты их доставишь сюда?

— Когда я доставлю их сюда?! — взорвался Джонсон.— Что я вам — мальчик на побегушках, что ли?!

— По сути — конечно. Перестань валять дурака. Ну, так как же?

Мэрс взглянул на лицо Джонсона и хихикнул.

— Ты-то что ухмыляешься, кретин?

Мэрс не выдержал и захохотал. Я тоже.

— Валяйте смейтесь! Ничего смешного тут нет. Когда я позвонил в школу глухонемых, они просто повесили трубку. Решили, что я их разыгрываю. Ну ладно, об этом не будем. У меня в этом списке три женщины и один мужчина. Это дает вам английский, французский, немецкий и испанский. Двое живут в восточных штатах, и я жду ответа на телеграммы, которые им послал. Третий живет в Помоне, а четвертая работает в Аризонской школе для глухонемых. Больше мне ничего найти не удалось.

Мы обдумали положение.

— Садись за телефон. Обзвони все штаты, а если нужно — свяжись с Европой.

Джонсон пнул ножку письменного стола.

— Ну, предположим, мне повезет. Но все-таки зачем они вам нужны?

— Тогда и узнаешь. Ставь условием, чтобы они вылетали сюда немедленно. Кроме того, мне нужен просмотровый зал — не твой. И хороший судебный репортер.

Он воззвал ко всем добрым людям — что у него за жизнь!

— Мы будем в отеле, — сказал я и повернулся к Марсу. — Пока держите репортеров на расстоянии, но позднее у нас будет для них кое-что.

С этим мы ушли.

Джонсону так и не удалось отыскать никого, кто мог бы читать по губам греческий. Во всяком случае, такого специалиста, который говорил бы при этом еще и по-английски. Однако он снесся со специалисткой по фламандскому и голландскому языкам в Лейдене и в последнюю минуту нашел в Сиэтле японца, который работал там в консульстве. Всего, таким образом, мы могли рассчитывать на четырех женщин и двух мужчин. Они подписали с нами непробиваемый контракт, составленный Сэмуэлсом, который теперь вел все наши дела. Перед этим я произнес небольшую речь:

— Весь следующий год ваша жизнь будет определяться этим контрактом, причем он содержит пункт, позволяющий нам продлить срок его действия еще на год, если мы сочтем это нужным. Давайте сразу же поставим все точки над «і». Вы будете жить в загородном доме, который мы для вас снимем. Фирмы, которым будем платить мы, обеспечат вас всем необходимым. Любая попытка сообщения с внешним миром без нашего ведома приведет к автоматическому аннулированию контракта. Вам это ясно? Отлично. Работа будет нетрудной, но она чрезвычайно важна. Вероятнее всего, вы кончите ее месяца через три, но вы

в любой момент будете обязаны отправиться туда, куда мы сочтем нужным, — естественно, за наш счет. Ваши рекомендации и ваша прошлая работа были тщательно проверены, и вы будете находиться под постоянным наблюдением. Вам придется выверять, а возможно, и официально подтверждать каждую страницу, если не каждую строку, стенографических записей, которые будет вести мистер Соренсон, здесь присутствующий. У кого-нибудь есть вопросы?

Вопросов ни у кого не было. Им предстояло получать сказочное вознаграждение, и все они сочли нужным показать, что они это ценят. Контракт был подписан.

Джонсон купил для нас небольшой пансион, и мы платили бешеные деньги детективному агентству, обеспечивавшему нас поварами, уборщицами и шоферами. Мы поставили условием, чтобы наши чтецы по губам не обсуждали свою работу между собой и воздерживались от каких-либо упоминаний о ней в присутствии прислуги, и они честно следовали нашим инструкциям.

Примерно месяц спустя мы созвали совещание в просмотровом зале Джонсона. У нас была готова одна-единственная катушка фильма.

— Ну, в чем дело?

— Сейчас вы узнаете причину всей этой мелодраматичной таинственности. Киномеханика не зовите. Эту ленту прокручу я сам. Посмотрите, как она вам покажется.

— До чего мне надоели эти детские штучки! — сказал Кеслер, выражая всеобщее раздражение.

Открывая дверь проекционной; я услышал, как Майк ответил:

— Не больше, чем мне!

Из проекционной мне был виден только экран. Я прокрутил фильм, перемотал ленту и вернулся в зал.

— Прежде чем мы продолжим разговор, — сказал я, —

прочтите вот эту нотариально заверенную запись того, что говорили персонажи, которых вы сейчас видели. Их слова читались по движению губ.

Раздавая им экземпляры стенограммы, я добавил:

— Кстати, они, строго говоря, не «персонажи», а вполне реальные люди. Я показал вам документальный фильм. Из стенограммы вы узнаете, о чем они говорили. Читайте. Мы с Майком привезли для вас кое-что. Пока мы принесем это из машины, вы успеете прочесть все.

Майк помог внести аппарат в зал. Когда мы открыли дверь, Кеслер как раз швырнул стенограмму в экран. Листки рассыпались по полу, а он крикнул в ярости:

— Что, здесь, собственно, происходит?

Не обращая внимания ни на него, ни на остальных, мы установили аппарат возле ближайшего штепселя.

Майк вопросительно поглядел на меня.

— Ты что-нибудь предложишь?

Я покачал головой и попросил Джонсона заткнуться на несколько минут. Майк открыл крышку и после секундного колебания начал настройку. Толчком в грудь я усадил Джонсона в кресло и погасил свет. Джонсон, глядя через мое плечо, ахнул. Я услышал, как Бернстайн негромко выругался от изумления, и обернулся посмотреть, что показывает им Майк.

Это действительно производило впечатление. Он начал с точки над самой крышей лаборатории и продолжал стремительно подниматься в воздух все выше, пока Лос-Анджелес не превратился в крохотное пятнышко где-то внизу, в неизмеримой дали. На горизонте встала зубчатая линия Скалистых гор. Джонсон вцепился мне в локоть.

— Что это? Что это? Хватит! — выкрикнул он.

Майк выключил аппарат.

Ну, ты можешь легко догадаться, что произошло дальше. Сначала они не верили ни своим глазам, ни терпели-

вым объяснениям Майка. Ему пришлось дважды снова включить аппарат и забраться довольно далеко в прошлое Кеслера. Тут они поверили.

Мэрс курил без передышки, Бернштейн нервно крутил в пальцах золотой карандашик, Джонсон метался по залу, как тигр по клетке, а Кеслер сидел, молча уставившись на аппарат. Джонсон не переставая что-то бормотал себе под нос. Потом он остановился и потряс кулаком под носом у Майка.

— Черт побери! Ты отдаешь себе отчет, что такое эта штука? Зачем вам понадобилось тратить время на эти фильмы? Вы же можете взять за горло весь мир! Если бы я знал...

— Эд, да объясни же ему! — воззвал ко мне Майк.

Я объяснил. Не помню, что именно я говорил. Да это и не важно. Во всяком случае, я сказал ему, как мы начали, какие планы наметили и что собираемся делать теперь. В заключение я сообщил ему, как мы собираемся использовать ленту, которую они только что видели.

Он отскочил, как ужаленный змеей.

— Это вам с рук не сойдет! Вас повесят... если только прежде не линчуют!

— Конечно, но мы готовы рискнуть.

Джонсон вцепился в свои редеющие волосы. Мэрс вскочил и подошел к нам.

— Это действительно так? Вы действительно намерены снять такой фильм и показать его всему миру?

— Вот именно, — кивнул я.

— И лишиться всего, чего вы добились?

Мэрс повернулся к остальным:

— Нет, он не шутит.

— Ничего не выйдет, — сказал Бернштейн.

Начался бестолковый спор. Я пытался доказать им, что мы избрали единственно возможный путь.

— В каком мире вы предполагаете жить? Или вам вообще жить надоело?

— А сколько, по-вашему, нам останется жить, если мы сделаем такой фильм? — пробурчал Джонсон. — Вы ненормальные. А я нет. И я не стану совать голову в петлю.

— Может быть, вы правы, а может быть, нет, — сказал Мэрс. — Может быть, вы свихнулись, а может быть, свихнулся я. Но я всегда говорил, что в один прекрасный день поставлю на карту все. А ты, Берни?

Бернстайн сказал скептически:

— Вы все видели, что принесла последняя война. Не знаю, поможет ли это, но попробовать надо. Считайте, что я с вами.

— Кеслер?

Он повертел головой:

— Детские штучки! Кто собирается жить вечно? Кто согласится упустить такой шанс?

Джонсон поднял руки.

— Будем надеяться, что нас запрут в одну палату. Уж сходить с ума, так всем вместе.

Вот так.

Мы взялись за работу, охваченные общим порывом надежды. Через четыре месяца чтецы по губам кончили свою часть. Тут незачем рассказывать, как они относились к тому, что ежедневно Соренсон заносил на бумагу под их диктовку. Ради их же душевного спокойствия мы не сообщали им, что мы намерены сделать с записями, а когда они кончили, мы отослали их в Мексику, где Джонсон снял небольшое ранчо. Они могли нам еще понадобиться.

Пока копировщики трудились сверхурочно, Мэрс вообще не знал отдыха. Газеты и радио кричали о том, что премьера нашего нового фильма состоится одновременно во всех крупнейших городах мира. И это будет последняя картина, которую нам потребуется сделать. Слово «потребуется»

ся» приводило в недоумение и интриговало. Мы разжигали любопытство, отказываясь сообщить хоть что-нибудь о содержании. Премьера состоялась в воскресенье. А в понедельник разразилась буря.

Хотел бы я знать, сколько копий этого фильма сохранилось в настоящее время? Сколько копий избежало конфискации и сожжения? Это был фильм о двух мировых войнах, показанных с неслестной откровенностью, с упором на факты, которые до сих пор можно было лишь с трудом отыскать в нескольких книгах, запрятанных в темных уголках библиотек. Мы показали и назвали поименно поджигателей войны, тех, кто цинично лгал своим народам, тех, кто, лицемерно взывая к патриотизму, обрекал на смерть миллионы. Мы показали тайных предателей нашей страны и таких же предателей в стане наших противников — двуликих Янусов, до той поры не разоблаченных. Наши чтецы по губам поработали хорошо: это были уже не догадки, не предположения, основанные на разрозненных и искаженных сведениях, сохранившихся в архивах, а дела и слова, которые нельзя было ни замаскировать, ни отрицать.

В Европе фильм был снят с экранов на первый или на второй день. (Между прочим, Мэрс потратил сотни тысяч долларов на взятки, чтобы добиться выпуска фильма на экраны без предварительной цензуры.)

Но там, где фильм запрещался или уничтожался, тут же появлялись письменные его изложения и начинался тайный показ контрабандно добытых копий.

У нас в Штатах федеральное правительство, под яростным нажимом прессы и радио вынужденное «принять меры», беспрецедентным образом запретило какие бы то ни было демонстрации нашего фильма, чтобы «содействовать благополучию страны, обеспечить внутреннее спокойствие

и сохранить дружеские отношения с иностранными державами».

Мы в это время находились в Мексике — на ранчо, которое Джонсон снял для наших чтецов по губам. Джонсон первоначально рассказывал по комнате — мы слушали речь генерального прокурора Соединенных Штатов:

— ...и, наконец, сегодня мексиканскому правительству была направлена нота следующего содержания. Я зачитываю: «Правительство Соединенных Штатов просит о немедленном аресте и экстрадиции нижеперечисленных лиц:

Эдуарда Джозефа Левковича, известного как Лефко. (Первый в списке! Даже рыба могла бы избежать неприятностей, если бы держала язык за зубами!)

Мигеля Хосе Сапаты Лавьяды. (Майк заложил ногу за ногу.)

Эдварда Ли Джонсона. (Джонсон швырнул сигару на пол и рухнул в кресло.)

Роберта Честера Мэрса. (Мэрс закурил сигарету. Его лицо подергивалось.)

Бенджамина Лайонела Бернштейна. (Он улыбнулся кривой улыбкой и закрыл глаза.)

Карла Вильгельма Кеслера. (Свиристельное ругательство.)

Вышеуказанные лица подлежат суду по обвинениям, включающим преступный сговор, подстрекательство к мятежу, подозрение в государственной измене...

Я выключил приемник и сказал, не обращаясь ни к кому в частности:

— Ну?

Бернштейн открыл глаза.

— Мексиканская полиция, вероятно, уже мчится сюда. Проще вернуться самим и поглядеть, чем все это кончится.

Мы вернулись. Агенты ФБР встретили нас на границе.

Я думаю, за нашим процессом следили газеты, радио

и телевидение всего мира. К нам не допускали никого, кроме нашего адвоката. Сэмуэлс прилетел из Калифорнии, но ему удалось добиться свидания с нами только через неделю. Он велел нам не отвечать ни на какие вопросы репортеров, если паче чаяния кто-нибудь из них пробьется к нам.

— Газет вам не дают? Тем лучше... Зачем только вы все это затеяли! Могли бы, кажется, предвидеть!

Я объяснил.

Он только рот раскрыл:

— Вы все сошли с ума?

Он никак не хотел поверить, что такой аппарат действительно существует. В конце концов его убедила полная согласованность изложения событий каждым из нас. (Он говорил с нами по отдельности, так как мы сидели в одиночках.) Когда он опять вернулся ко мне, у него голова шла кругом.

— И на этом вы хотите строить свою защиту?

Я покачал головой.

— Нет. Я знаю, что мы виновны во всевозможных преступлениях, если рассматривать ситуацию с определенной точки зрения. Но существует и другой взгляд...

Он вскочил.

— Вам нужен не адвокат, а врач! Я приду еще раз. Мне необходимо сначала собраться с мыслями.

— Сядьте! Что вы скажете об этом?

И я изложил ему свой план.

— Я думаю... Я не знаю, что я думаю! Не знаю. Я приду еще раз. А пока мне нужно глотнуть свежего воздуха!

И он ушел.

Наш процесс начался с обычных ушатов помоев, которые принято выливать на обвиняемых, чтобы представить их ответными негодяями. (Почтенные дельцы, которых мы

когда-то шантажировали, давно уже получили назад все свои деньги, и теперь у них хватило здравого смысла промолчать, так что единственная по-настоящему неблагоприятная история в нашем прошлом осталась суду неизвестной. Возможно, они опасались, что у нас сохранились кое-какие негативы.) Мы сидели в зале Дворца правосудия и с большим интересом слушали печальную повесть, которую излагал прокурор.

Мы преднамеренно и злокозненно оклеветали великих людей, которые бескорыстно и самоотверженно посвятили себя служению общественному благу; мы бессмысленно поставили под угрозу традиционно дружеские отношения с другими странами, извращенно излагая вымышленные события; мы издевались над мужеством и подвигами тех, кто славно пал на поле брани, и вообще смущали умы и сеяли смятение.

Каждое новое обвинение вызывало одобрительную реакцию солиднейшей публики, заполнившей зал — высокопоставленные чиновники, влиятельные промышленники и финансисты, представители иностранных держав. На процесс смогли попасть даже далеко не все конгрессмены, и места были предоставлены только депутатам самых больших штатов. Как видишь, нашему защитнику пришлось выступать перед аудиторией, настроенной более чем враждебно. Однако Сэмуэлс наделен тем невозмутимым чувством юмора, которое обычно сопутствует глубочайшей уверенности в себе, и я не сомневаюсь, что ему нравилось стоять перед вершителями судеб нашей страны, зная, какой сюрприз их ждет. И он подвел под них мину с большим искусством. Начал он так:

— Мы считаем, что на подобные обвинения может быть только один ответ, и мы считаем, что одного ответа будет достаточно. Вы видели фильм, о котором идет речь. Возможно, вы заметили то, что было названо «поразительным

сходством актеров с изображаемыми ими государственными деятелями», которые в фильме были названы своими действительными именами. Возможно, вы обратили внимание на жизненность всех деталей. Я еще вернусь к этому позже. Наш первый свидетель, я полагаю, внесет ясность, как именно мы намерены опровергать обвинения, выдвинутые прокурором.

Он вызвал первого свидетеля. Вернее, свидетельницу.

— Ваше имя и фамилия?

— Мерседес Мария Гомес.

— Будьте добры, немного громче.

— Мерседес Мария Гомес.

— Род занятий?

— До прошлого года я была учительницей в Аризонской школе для глухонемых. Я учила глухорожденных детей говорить. И читать по губам.

— А сами вы читаете по губам, мисс Гомес?

— Я с пятнадцати лет страдаю полной глухотой.

— Говорящих на каких языках вы способны понимать, мисс Гомес?

— На английском и испанском.

По просьбе Сэмуэlsa был проведен судебный эксперимент: мексиканский офицер, личность которого была подтверждена послом его страны, находившимся среди публики, взял Библию на испанском языке, ушел в глубину зала, открыл ее наугад и начал читать вслух. Хотя воцарилась мертвая тишина, до скамьи свидетелей, как могли убедиться прокурор и судьи, не доносилось ни звука. Сэмуэлс сказал:

— Мисс Гомес, возьмите, пожалуйста, бинокль и, если можно, повторите суду, что здесь читает этот офицер.

Она взяла бинокль и умело навела его на лицо офицера, который умолк и ждал сигнала, чтобы продолжать.

— Я готова, — сказала она.

Офицер возобновил чтение, и мисс Гомес громко, четко и уверенно начала говорить что-то непонятное — я испанского не знаю. Это продолжалось минуты две.

Затем офицер подошел к судейскому столу, и стенографистка прочитала запись слов мисс Гомес.

— Да, я читал именно это,— подтвердил офицер.

Сэмуэлс предложил обвинению допросить свидетельницу, но эксперименты, поставленные прокурором, только подтвердили, что она одинаково хорошо читает по губам и английскую, и испанскую речь.

Затем Сэмуэлс вызвал свидетелями и остальных наших чтецов по губам. После окончания их допроса председатель суда сказал, что в их квалификации он убедился, но не видит, какое отношение все это имеет к разбираемому делу. Сэмуэлс, сияя уверенной улыбкой, повернулся к нему:

— Благодаря снисходительности суда и вопреки усилиям уважаемого представителя обвинения мы доказали поразительную точность, с какой можно читать по губам и с какой, в частности, читают представленные суду свидетели. Свою защиту мы будем строить, исходя из этой предпосылки и еще из одной, которую до этого момента мы не считали нужным делать достоянием гласности, а именно: рассматриваемый фильм отнюдь не представляет собой разыгранные актерами вымышленные события. В фильме были сняты не актеры, а непосредственно те люди, которые названы в нем их полными именами и фамилиями. В этом фильме нет ни единого «игрового» кадра, он носит чисто документальный характер и представляет собой ряд эпизодов, действительно имевших место и снимавшихся на пленку непосредственно, а затем смонтированных наиболее выигрышным способом!

Зал изумленно зашумел, а прокурор растерянно выкрикнул:

— Это нелепость! Какая могла быть документальная съемка...

Не обращая внимания на шум и протесты, Самуэлс вызвал меня. После обычных предварительных вопросов мне было позволено дать объяснения так, как я хотел. Судьи, хотя и были настроены враждебно, вскоре так заинтересовались, что отклоняли все бесчисленные возражения, с которыми то и дело выступал прокурор. Насколько помню, я коротко изложил нашу историю и закончил примерно так:

— Выбрали же мы такой путь потому, что ни я, ни мистер Лавьяда не могли уничтожить его изобретение, так как оно все равно было бы неизбежно повторено. Мы не хотели и не хотим, чтобы этот аппарат секретно использовался нами самими или каким-нибудь узким кругом лиц в своекорыстных целях. — Тут я посмотрел на судью Бронсона, известного своими либеральными убеждениями. — Со времени последней войны все исследования в области атомной энергии ведутся под эгидой номинально гражданского органа, но в действительности «под защитой и руководством» армии и флота. Эти «защита и руководство», как, несомненно, подтвердит любой компетентный физик, сводятся к дымовой завесе, за которой прячутся тупой консерватизм, глубочайшее невежество и бестолковость. Любая страна, если она, подобно нашей, по глупости сделает ставку на окостенелые формы милитаристского мышления, неизбежно должна отстать в развитии науки. Мы твердо убеждены, что даже малейший намек на потенциальные возможности открытия мистера Лавьяды при существующем в нашей стране режиме тут же привел бы к немедленной конфискации патента, если бы он его попробовал взять. Вот почему мистер Лавьяда не захотел взять патента и не возьмет его. Он, как и я, считает, что такое открытие не может принадлежать одному человеку, группе людей или даже целой стране — оно должно принадлежать всему

миру, всему человечеству. Мы готовы доказать, что внутренней и внешней политикой как нашей страны, так и многих других нередко руководят из-за кулис тайные группировки, которые в своекорыстных целях проводят губительную политику и не щадят человеческих жизней.

В зале стояло тяжелое, полное ненависти молчание.

— Слишком долго секретные договоры и ядовитая лживая пропаганда определяли мысли и чувства простых людей; слишком долго украшенные орденами воры грели руки, сидя на самых высоких должностях. Аппарат мистера Лавьяды делает предательство и ложь невозможными. И все наши фильмы были сняты ради достижения этой цели. Вначале нам нужны были деньги и известность, чтобы показать людям всего мира то, что, как мы знали, было истиной. Мы сделали все, что было в наших силах. А теперь бремя ответственности ложится уже не на нас, а на этот суд. Мы не виновны в измене, мы не виновны в клевете и обмане, мы не виновны ни в чем, кроме глубокого и искреннего желания служить человечеству. Мистер Лавьяда просил меня сообщить от его имени суду и всему миру, что его единственным желанием всегда было передать свое открытие в руки всего человечества, но до сих пор он не мог это осуществить.

Судьи молча смотрели на меня. Зрители замерли на своих стульях, от души желая, чтобы меня без дальнейшего разбирательства пристрелили на месте. Под блестящими мундирами прятался страх и кипела злость, а репортеры строчили в блокнотах, как одержимые. У меня от напряжения пересохло в горле. Эти две речи, которые Сэмюэлс и я отрепетировали накануне, были искрой в пороховом складе. Что последует теперь?

Сэмюэлс умело воспользовался паузой.

— С разрешения суда я хотел бы указать, что мистер Лефко выступил сейчас с некоторыми заявлениями. Да, поразительными, но тем не менее они легко поддаются проверке, которая либо полностью подтвердит их, либо опровергнет. И она их подтвердит!

Он вышел и через несколько минут вкатил в зал аппарат. Майк встал. Публика была явно разочарована. Сэмуэлс остановился прямо против судей и чуть-чуть отодвинулся, заметив, что телеоператоры наводят на него свои камеры.

— Мистер Лавьяда и мистер Лефко покажут вам... Полагаю, обвинение не будет возражать?

Он явно провоцировал прокурора, и тот было встал, нерешительно раскрыл рот, но передумал и снова сел.

— С разрешения суда,— продолжал Сэмуэлс,— нам необходимо пустое пространство. Если судебный пристав будет так добр... Благодарю вас.

Длинные столы были отодвинуты. Сэмуэлс продолжал стоять на прежнем месте. Взгляды всех присутствующих были устремлены на него, а он постоял так еще несколько секунд, а потом отошел к своему столу и сел, произнеся официальный тон:

— Мистер Лефко!

Теперь все взгляды сосредоточились на нас с Майком, который молча встал возле своего аппарата. Я откашлялся и сказал:

— Судья Бронсон...

Он внимательно посмотрел на меня, а потом взглянул на Майка.

— Я вас слушаю, мистер Лефко.

— Ваша беспристрастность известна всем...

Он недовольно нахмурился.

— Не согласитесь ли вы послужить объектом для этого

эксперимента, чтобы всякие подозрения о возможности обмана были заранее устранены?

Он подумал, а потом медленно наклонил голову. Прокурор попробовал запротестовать, но его протест был отклонен.

— Не назовете ли вы какое-нибудь место, где вы были в определенный день? Так, чтобы вы сами помнили все точно и в то же время могли бы с уверенностью утверждать, что там не было ни посторонних свидетелей, ни скрытых камер.

Он задумался. Шли секунды. Минуты. Напряжение достигло предела. В горле у меня пересохло. Наконец, он сказал негромко:

— Тысяча девятьсот восемнадцатый год. Одиннадцатое ноября.

Майк сделал знак, и я спросил:

— Какой-нибудь точный час?

Судья Бронсон посмотрел на Майка.

— Ровно одиннадцать часов. Час, когда было объявлено перемирие...— После небольшой паузы он добавил:— Ниагарский водопад.

Я услышал в полной тишине пощелкивание рукояток настройки, и Майк снова сделал мне знак.

— Необходимо погасить свет. Смотреть следует на левую стену. Во всяком случае, в ту сторону. Мне кажется, если бы судья Кассел немного подвинулся... Мы уже готовы.

Бронсон посмотрел на меня, а потом на левую стену.

— Я готов.

Люстры погасли. Телеоператоры раздраженно заворчали. Я тронул Майка за плечо.

— Ну-ка, покажи им, Майк!

Мы все в глубине души любим театральные эффекты, и Майк не составляет исключения. Внезапно ниоткуда воз-

никли гигантские неподвижные каскады. Ниагара. Я кажется упоминал, что так и не научился преодолевать страх высоты. И мало кто от него свободен. Я услышал судорожные вздохи ужаса, когда прямо под нами разверзлась сверкающая бездна. Вниз, вниз, вниз, пока мы не оказались у самого края безмолвного водопада, жуткого в своем застывшем величии. Я знал, что Майк остановил время точно на одиннадцати часах. Он панорамировал на американский берег. Там стояло несколько туристов. Их замершие в самых неожиданных позах фигуры производили почти комическое впечатление. На земле белел снег, в воздухе висели снежные хлопья. Время остановилось.

Бронсон почти крикнул:

— Достаточно!

Молодая пара — она и он. Длинные юбки, широкая армейская шинель, они стояли лицом к лицу, обнявшись. В темноте зашуршал рукав Майка, и они задвигались. Она плакала, а солдат улыбался. Она отвернулась, но он протянул ее к себе. Тут к ним подбежала другая пара, и все они весело схватились за руки.

— Довольно! — хрипло сказал Бронсон.

В зале вспыхнул свет, и несколько минут спустя заседание суда было отложено. С тех пор прошло больше месяца.

Аппарат Майка у нас забрали, и нас охраняют солдаты. Пожалуй, это даже неплохо. Насколько нам известно, было сделано уже несколько попыток линчевать нас, и толпу удалось остановить только на соседней улице. На прошлой неделе мы смотрели, как внизу на улице беснуется седовласый фанатик. Его вопли были неудобопонятными, но кое-какие слова нам все-таки удалось разобрать: «Дьявол!.. Антихристы!.. Надругательство над Библией!.. Надругательство... Надругательство... Надругательство...»

Наверное, в городе нашлись бы люди, которые с удо-

вольствием поджарили бы нас на костре, как исчадий ада. Хотел бы я знать, что думают предпринять руководители разных церквей теперь, когда истину можно узреть своими глазами. Найдутся ли специалисты, умеющие читать по губам арамейский язык, или коптский, или латынь? И чудо ли чудо, сотворенное с помощью механических средств?

Дело принимает скверный оборот. Нас куда-то увезли. Куда именно, я не знаю, но только климат здесь жаркий, и, судя по полному отсутствию гражданских лиц, мы находимся в расположении какой-то воинской части. Мы понимаем, что нам угрожает. И эти записки, Джо, которые я начал, чтобы убить время, теперь оказались необходимым предисловием к той просьбе, с которой я намерен к тебе обратиться. Дочитай до конца, а потом быстрее за дело! Сейчас у нас нет возможности переслать тебе рукопись, а потому я пока продолжаю — чтобы скоротать время. Для этой же цели приведу несколько выдержек из газет.

«Таблоид»: «...подобное оружие нельзя оставлять в бесчестных руках. Последний кинофильм этих двух негодяев показывает, как можно исказить и извратить изолированные и неправильно понятые события. Ни собственность, ни деловые договоры, ни личная жизнь не могут быть ограждены. Внешнюю политику нельзя будет...»

«Таймс»: «...колонии на нашей стороне... ликвидация империи... бремя белых...»

«Матэн»: «...законное место... возродить гордую Францию...»

«Ничи-Ничи»: «...неопровержимо доказывает божественное происхождение...»

«Детройт джорнэл»: «...под самым нашим носом... зловещей крепости на Ист-Уоррен... под строгим федераль-

ным наблюдением... усовершенствованное нашими опытными инженерами могучее средство в руках учреждений, наблюдающих за исполнением закона... излишние обвинения в адрес политических и деловых кругов... Завтра — разоблачение...»

«Оссерваторе романо»: «...Совет кардиналов... с минуты на минуту должно последовать заявление...»

Джексоновский «Стар Клермон»: «...в надежных руках докажет всю ошибочность расового равенства...»

Конечно, из газет мы могли почерпнуть только самое поверхностное и одностороннее представление о ситуации. Однако солдаты — тоже люди, а комнату убирает горничная, а обед приносят официанты. И кажется, мы все-таки знаем правду о том, что происходит.

На улицах и в частных домах собираются митинги, два общества ветеранов изгнали свое руководство, семь губернаторов подали в отставку, три сенатора и десяток членов палаты представителей удалились от дел «по состоянию здоровья», и настроение в стране самое тревожное. Ходят слухи, что конгресс спешно проводит поправку к конституции, запрещающую использование таких аппаратов частными лицами и какими бы то ни было организациями, кроме тех, которым будет выдано на это разрешение федеральным правительством. Говорят также, что по всей стране готовится марш на Вашингтон с требованием довести до конца наш процесс и установить, насколько верны предъявленные нам обвинения. По общему мнению, все газеты, радио и телевидение взяты под контроль ФБР и армией. Отовсюду в конгресс шлют петиции и требования, но они редко попадают по адресу.

Как-то горничная сказала:

— Тут, наверное, места не хватит для писем и телеграмм, адресованных вам! Ну, и многим бы хотелось добраться до вас, чтобы с вами поговорить. Только ничего

у них не выйдет — все здание битком набито военной полицией, — закончила она утрюмо.

Майк посмотрел на меня, и я, откашлявшись, спросил: — А что вы думаете об этом?

Она умело перевернула и взбила подушку:

— Я видела вашу последнюю картину до того, как ее запретили. Я все ваши картины видела. После работы я смотрела по телевизору ваш процесс. Я слышала, как вы им ответили. Я так и не вышла замуж, потому что мой жених не вернулся из Бирмы. Вы лучше его спросите, что он думает... — Она кивнула в сторону часового, совсем молодого парня, в обязанности которого входило следить, чтобы она с нами не разговаривала. — Вы его спросите, хочет он, чтобы какие-нибудь сволочи заставили его стрелять в другого такого же беднягу, как он сам... Послушайте, что он скажет, а потом спросите меня, хочу ли я, чтобы на меня сбросили бомбу только потому, что кому-то тут хочется заграбастать больше, чем у него уже есть?

На следующей неделе газеты вышли с гигантскими заголовками:

«ЧУДОДЕЙСТВЕННЫЙ ЛУЧ — СОБСТВЕННОСТЬ США»

«ПОПРАВКА К КОНСТИТУЦИИ ЖДЕТ УТВЕРЖДЕНИЯ»

«ЛАВЬЯДА И ЛЕФКО ОСВОБОЖДЕНЫ»

Мы действительно были освобождены. Спасибо Бронсону. Но в газетах, наверное, не сообщили, что нас тут же снова арестовали — «в интересах вашей собственной безопасности», как нам объяснили. И, я думаю, из этого места нашего заключения мы выйдем только ногами вперед.

Нам не дают газет, не разрешают переписки и содержат в полной изоляции. Нет, нас не выпускают. Они рассчитывают, что нас нечего опасаться, раз мы отрезаны от внеш-

него мира и не можем построить другой аппарат. А когда шум уляжется и мы будем забыты, нас можно будет надежно упрятать под двумя метрами земли. Ну, другой аппарат мы построить не можем. Но так ли уж мы отрезаны от остального мира?

Взвесь ситуацию — с появлением нашего аппарата война становится невозможной. Если у каждой страны, у каждого человека будет такой аппарат, все будут равно защищены. Но если он будет принадлежать одной какой-то стране, то остальные не смирятся с этим. Может быть, мы действовали неправильно. Но, бог свидетель, мы сделали все, что могли, чтобы помешать человечеству попасть в эту ловушку.

Аппарат Майка в руках армии, и сам Майк в руках армии. Времени остается немного. Один из часовых передаст тебе это — и надеюсь, вовремя.

Много времени назад мы дали тебе ключ и выразили надежду, что никогда не попросим тебя им воспользоваться. Но теперь пришло время пустить его в ход. Это ключ от одного из сейфов Детройтского банка. В этом сейфе лежат письма. Отправь их по адресу — только не все сразу и не из одного и того же места. Они адресованы людям во всем мире — людям, которых мы знаем, которых хорошо проверили, умным, честным и способным воплотить в жизнь план, который мы им посылаем.

Но поторопись — в любую минуту кому-нибудь может прийти в голову, что у нас где-то спрятан второй аппарат. Второго аппарата у нас нет. Было бы глупо его строить. Но если какой-нибудь сообразительный молодой лейтенант получит аппарат в свое распоряжение на срок, достаточный, чтобы проследить наши прошлые действия, он обнаружит этот сейф с планами и письмами, готовыми для отправки. Теперь ты видишь, почему нужно торопиться. Поторопись, Джо!

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С КАПРАЛОМ КУКУ?

Эту, казалось бы, невероятную историю могут подтвердить несколько тысяч солдат и офицеров армии Соединенных Штатов, которые воевали в Европе во время второй мировой войны.

Сейчас я им напомню, как было дело.

Шестого июля тысяча девятьсот сорок пятого года из Гринока, в устье реки Клайд, отошел битком набитый пассажирами океанский лайнер «Куин Мэри» и взял курс на Нью-Йорк. На борту находилось четырнадцать тысяч военнослужащих, несколько женщин и собака, и уж наверняка никто из них не забыл этого путешествия. Пес был умный, ласковый — немецкая овчарка, которую спас от медленной и мучительной смерти где-то в Голландии молодой американский офицер. Мне рассказывали, что этот храбрый пес, измученный и умирающий от голода, пытался перескочить через колючую проволоку, но застрял и провисел так несколько дней, не в силах двинуться ни вперед, ни назад. Наконец его снял с проволоки молодой офицер, и они нежно полюбили друг друга. На военных кораблях запрещено держать собак. И все же офицер как-то ухитрился протащить своего любимца на «Куин Мэри». Говорили, что вся команда как один человек поклялась не возвращаться в США без пса, и тут начальству пришлось пойти на уступки. Пса этого помнят все, кто отплыл на «Куин Мэри» шестого июля тысяча девятьсот сорок пятого года. Он появился на судне в самом жалком виде, под густой торчащей шерстью у него прощупывались все кости. С полсотни сильных полуголых мужчин выпрашивали или воровали для него кусочки мяса, и через три дня пес начал понемногу приходить в

себя. Одиннадцатого июля, когда «Куин Мэри» пришвартовалась. Нью-йоркском порту, он уже охотно кидался за резиновым мячом, в который играли офицеры на верхней палубе.

Я напоминаю об этом, чтобы все поверили: я тоже там был — направлялся на Тихий океан в качестве военного корреспондента. Я был в походной форме, но с бородой, поэтому, надеюсь, кое-кто меня запомнил. А те, кто втайне предавались игре в кости, должно быть, вспоминают обо мне с тоской и нежностью: когда я добрался до Нью-Йорка, в кармане у меня осталось ровно пятнадцать центов, и мне пришлось занять пять долларов у очень любезного священника, некоего Джона Смита, и он тоже может подтвердить, что я плыл на «Куин Мэри». Если вам и этого мало, то сестра милосердия лейтенант Грейс Диммишель из Вермонта фотографировала меня в Нью-йоркском порту.

Но в радостной суматохе той незабываемой минуты, когда лайнер вошел в гавань Нью-Йорка, когда тысячи солдат обнимались, кричали, плакали и смеялись, я потерял капрала Куку. Чего только я не делал, чтобы разыскать этого удивительного человека! Но он бесследно исчез, как сквозь землю провалился.

Я убежден, что его запомнили сотни людей, которые несчетное количество раз видели его на борту «Куин Мэри» между шестым и одиннадцатым июля тысяча девятьсот сорок пятого года.

Это светловолосый коренастый солдат среднего роста, но очень крепкого сложения; он широк в кости и весит не менее ста девяноста фунтов. Глаза у него зеленовато-серые, слезящиеся, и он прихрамывает на правую ногу. Зубы на редкость крепкие, крупные, квадратные и слегка выдаются вперед, но заметить это нелегко, ибо улыбается он очень редко. Я знаю, люди, как правило, не слишком наблюдательны, но тот, кто хоть раз видел капрала Куку,

не мог не заметить его шрамы. Самый страшный — на голове: он тянется от левой брови к правому уху. Когда я увидел его впервые, мне сразу же вспомнилось убийство, потрясшее меня много лет назад, когда я был полицейским репортером: убийца орудовал топором. Должно быть, редкостный здоровяк, подумал я, глядя на капрала, если он после такого удара выжил и преспокойно расхаживает по земле. Подбородок и шея у него изборождены отметинами, какие остаются после ожогов. У него не хватает половины правого уха, тыльная сторона правой руки точно иссечена ножом и вся покрыта глубокими, побелевшими от времени рубцами. Казалось, когда-то целая толпа сговорилась зарубить этого человека ножами, кинжалами и саблями, но усилия их остались тщетными. Все его шрамы явно давнего происхождения, а ведь он на вид совсем еще молод — лет тридцати пяти, не больше.

Капрал этот пробудил во мне острое любопытство. Неужели никто из вас так его и не вспомнил? Он бродил по кораблю, мрачный и нелюдимый, всегда с сигаретой, которую докуривал до самого конца и выплевывал, только когда она обжигала ему губы. Не от дыма ли у него слезятся глаза? Он бродил с унылым видом, поглощенный какими-то невеселыми мыслями, и всегда забивался в какой-нибудь темный угол или под лестницу. Я пробовал расспрашивать о нем на палубах, но ничего не добился — в ту пору все только и говорили, что об офицере, поразительно похожем на киноактера Спенсера Трейси. Но в конце концов я все узнал сам.

Спиртное тоже было под запретом на военных судах. Меня об этом предупредили заранее, и я позаботился тайком протащить на «Куин Мэри» несколько бутылок виски. В первый же день плавания я угостил одного пехотного

капитана. Не успел я и глазом моргнуть, как у меня уже оказалось семнадцать новых друзей и все они меня просто обожали и каждый выпрашивал у меня автограф. Так что уже на второй день я выбросил за борт последнюю пустую бутылку и был счастлив, когда мне в свою очередь удалось напроситься на угощение. (К мистеру Чарлзу Беннету, голливудскому сценаристу, и он, если ему позволит скромность, тоже подтвердит, что я говорю чистую правду.) Он подарил мне бутылку из-под пива, полную доброго шотландского виски, и я немедленно спрятал ее под гимнастерку, чтобы никто из моих новоявленных друзей ничего не заметил. На третий день плавания поздно вечером я удалился в укромный уголок, где было достаточно светло и можно было читать. Я собирался еще раз прочитать кое-какие стихи Франсуа Вийона, время от времени прикладываясь к виски мистера Беннета. На палубах «Куин Мэри» было не так-то просто найти пустынное местечко, но я все же нашел. Мне хотелось еще раз прочитать «Балладу добрых советов...»^{*}; великий Вийон написал ее на воровском жаргоне средних веков, и понять ее не может даже самый образованный француз, который изучал арго тех времен. Я повторял вслух первые две строки, надеясь расслышать в них какой-нибудь новый смысл!

Car ou soie porteur de bulles
Pipeur ou hasardeur de dez...^{**}

Вдруг чей-то голос лениво произнес:

— Эй, вы там! Вы-то что про это знаете?

Я поднял голову: из темноты выступило мрачное, ис-

^{*} «Баллада добрых советов ведущим дурную жизнь».

^{**} «В какую б дудку ты ни дул,

Будь ты монах или игрок...»

Франсуа Вийон, Стихи, Гос. изд-во худ. лит-ры, 1963.

сеченное шрамами лицо загадочного капрала. Мне не оставалось ничего иного, как предложить ему выпить, ибо бутылку я держал в руке и он глядел прямо на нее. Капрал отрывисто поблагодарил, одним глотком напбловину опорожнил бутылку и вернул ее мне.

— «*Pipeur ou hasardeur de dez*», — повторил он со вздохом. — Старая песня. Вам она нравится, сэр?

— Очень, — ответил я. — Наверно, Вийон был великий человек. Кто еще сумел бы так блистательно писать на таком низменном языке? Кто еще смог бы обратить воровские словечки, которые всегда отвратительны, в такую прекрасную поэзию?

— Так вы эти слова понимаете? — усмехнулся он.

— Да нет, не совсем, но чувствую, что это поэзия, — ответил я.

— Это верно.

— «*Pipeur ou hasardeur de dez...*» С тем же успехом можно пытаться положить на стихи что-нибудь вроде этого: «А мне один черт, играешь ли ты в кости или убиваешь людей...»

— А вы кто такой? Откуда взялись? В армии уже черт-те сколько времени не разрешают отпускать бороду.

— Я военный корреспондент, — ответил я. — Меня зовут Керш. Можете допивать.

Он осушил бутылку и сказал:

— Спасибо, мистер Керш. А меня звать Куку. — И тяжело, мешком, грохнулся на палубу рядом со мной. — Уф, — выдохнул он при этом, — посидеть, что ли.

Потом взял изуродованной рукой мою книжечку, хлопал ею по колену и вернул мне.

— «*Hasardeur de dez*», — повторил он с незнакомым мне акцентом.

— Я вижу, вы читаете Вийона, — заметил я.

— Нет, не читаю. Я и вообще-то не особый грамотей.

— Но вы говорите по-французски. Где вы этому научились?

— Во Франции.

— А теперь едете домой?

— Вроде бы так.

— И кажется, не жалеете об этом.

— Да уж нет.

— Возвращаетесь из Франции?

— Из Голландии.

— А давно в армии?

— Да уж порядочно.

— Вам нравится служить?

— Конечно. Чем плохо? А вы откуда?

— Из Лондона.

— Я там бывал,— сказал он.

— А вы откуда родом?

— Что? Я... Да вроде бы из Нью-Йорка.

— Как вам понравился Лондон? — спросил я.

— Он стал получше.

— Получше? А я-то думал, вы видели его в самое неудачное время — бомбежки и всякое такое,— заметил я.

— Да нет, Лондон вроде бы ничего.

— Вот если бы вы побывали там до войны, капрал...

— Бывал и до войны.

— Ну, тогда вы, верно, были еще очень молоды,— сказал я.

— Не так уж молод,— усмехнулся капрал Куку.

— Я военный корреспондент и газетчик,— сказал я,— и потому имею право задавать нескромные вопросы. Понимаете, я мог бы написать про вас в свою газету. Что это за имя такое — Куку? Никогда прежде не слыхивал такого.

И для пущей важности я вытащил карандаш и записную книжку.

— Да по-настоящему-то меня звать вовсе не Куку,— объяснил капрал.— Вообще-то имя у меня французское. Лекоку. Знаете, что это значит?

Я немного смутился.

— Н-ну... Если не ошибаюсь, так называют человека, которому изменила жена,— сказал я.

— Верно.

— У вас есть семья?

— Нет.

— Но вы были женаты?

— Много раз.

— А что вы собираетесь делать, когда вернетесь в Штаты, капрал?

— Буду выращивать цветы и заведу пчел и кур.

— И все в одиночку?

— Да.

— Цветы, пчелы и куры... А какие цветы?

— Розы,— сказал он, не задумываясь. И прибавил: — Может, попозже двинусь на юг.

— Это еще зачем?

— За скипидаром.

Понятно. Он просто сумасшедший. Должно быть, разум его помрачился после той страшной раны, от которой на голове остался такой ужасающий шрам.

— Вам, верно, досталось в боях, капрал,— сказал я.

— Да, сэр, порезали малость тут и там,— со смешком ответил он.— Всякое бывало.

— Оно и видно. Когда я взглянул на вас в первый раз, я подумал, не в обиду вам будь сказано, капрал, что раны у вас на голове, на лице и на руках такие — сразу видно, не от современного оружия.

— А я и не говорил, что от современного,— огрызнулся он. Потом набрал полную грудь воздуха и с шумом выдохнул.— Уф! Чем это вы меня напоили?

— Отличным шотландским виски. А что?

— Отличное-то оно отличное, только пить мне его не надо было. Я от такого крепкого отказался уж и не помню когда. В голову сильно ударяет. Мне такого и в рот брать нельзя.

— Кто же вас просил опорожнять целую бутылку, да еще в два глотка? — с досадой сказал я.

— Виноват, мистер. Как прибудем в Нью-Йорк, я вам тоже бутылку поставлю, коли желаете, — ответил капрал Куку, сощурился, точно ему больно было смотреть, и провел рукой по шраму на голове.

— Скверная, видно, была рана, — заметил я.

— Какая? Эта? — спросил он. — Да уж скверней некуда. Даже мозги полезли наружу. А вот гляньте-ка... — Левой рукой он растегнул гимнастерку и задрал нижнюю рубашку, а правой зажег старый, выдавший виды фонарик. — Вот поглядите...

Я вскрикнул от изумления. Никогда еще не видел я, чтобы живой человек был так невероятно изрезан и изуродован. В неверном свете фонарика передо мной предстало нечто вроде выжженной пустыни, где отбушевала ярость стихий, оставив за собой крутые откосы, пропасти, ущелья и провалы. Точно на тело его обрушились все громы небесные, ураганы и землетрясения. Ребра с левой стороны, казалось, сдавила какая-то страшная тяжесть и раздробила их на мелкие кусочки. Каким-то чудом кости срослись, и получилось что-то вроде лунного вулкана с кратером, окаймленным жесткой бугристой кромкой. Под ложечкой темнела огромная глубокая впадина.

— Господи, дружище, вас точно разорвали пополам и потом кое-как склепили, — воскликнул я.

Капрал Куку только засмеялся и поднял фонарик повыше, чтобы я мог получше разглядеть — могучие мышцы его груди и живота были сплошь изрублены и искромса-

ны. Наконец, фонарик погас и капрал Куку застегнул гимнастерку.

— Недурно? — спросил он.

— Недурно! Бог ты мой, я ничего не смыслю в медицине, но по-моему, от любой из этих ран человек должен отдать богу душу. Как вы ухитрились остаться в живых, капрал? Возможно ли это?

— Думаете, вы что-нибудь видели? Ничего вы еще не видели, вот поглядели бы на мою спину... Но это после.

— Послушайте, да откуда же они у вас? Шрамы-то все старые. Не в этой же войне вы их заполучили!

Капрал Куку расслабил узел на галстук, расстегнул воротничок и оттянул ворот рубашки.

— Ясно, — преспокойно заявил он. — Вот гляньте, на этой войне меня ранили только сюда.

И небрежно ткнул пальцем в плечо у самой шеи. Здесь тесно лепились пять ямок — следы пуль.

— Легкий пулемет, — пояснил Куку.

— Не может быть! — воскликнул я, пока он приводил в порядок свой галстук. — Эти пули должны были перерезать сонную артерию и разбить позвонки!

— Ну да, так и случилось — ответил капрал Куку.

— И сколько же вам тогда было лет?

— Да вроде бы четыреста тридцать восемь.

— Тридцать восемь?

— Я сказал — четыреста тридцать восемь.

Конечно, сумасшедший.

— Родились в тысяча девятьсот седьмом году? — спросил я.

— В тысяча пятьсот седьмом, — поправил капрал Куку, поглаживая шрам на голове. И продолжал почти мечтательно (речь его выдавала беспросветную тупость, низменную хитрость, тревогу, подозрительность и гнусный расчет. В полутьме капрал Куку поглядывал на меня алч-

ным, оценивающим взглядом и ощупывал пуговицы на гимнастерке, словно проверяя, надежно ли укрыты от нескромных взоров его драгоценные шрамы): — Вот послушайте, — неторопливо говорил он, — я вам только чуть намекну. Ведь одни намеки вам не продать, верно? Вы же газетчик. Вы, конечно, мигом смекнете, что к чему и что вам от этого очистится, да ведь я все сразу и не выложу, так что надеяться вам не на что. А мне хоть гром греми, надо снова приняться за работу, ясно? И мне нужна монета.

— На розы, кур, пчел и скипидар? — спросил я.

Он на секунду замялся, погладил голову и сказал:

— Ну... В общем да.

— Вас беспокоит этот шрам?

— Только ежели выпью.

— А как вы его заполучили?

— В битве при Турине.

— Не знаю такой битвы. Когда она была?

— Как это когда? Та самая битва при Турине.

— Значит, вас ранили в той самой битве при Турине, да? А когда она была?

— В тысяча пятьсот тридцать шестом или тридцать седьмом. Король Франсуа послал нас против маркиза де Гас. Враг стоял насмерть, но мы прорвались. Вот тут-то я в первый раз понюхал порошу.

— Так вы там были, капрал?

— Ясно, был. Только тогда я не был капралом и звали меня не Куку, а Лекокю. А настоящее мое имя — Лекок. Я родом из Ивето. Там я работал у одного, его звали Николя, он торговал полотном... Такой был... — И минуты две или три капрал в самых крепких выражениях излагал мне все, что думал о Николя. Потом, поостыв немного, продолжал: — Короче говоря, Дениза сбежала, и все ребятишки в городе стали распевать: «Лекок, Лекок, Лекокю, Ле-

кокую...» Ну, я убрался оттуда ко всем чертям и пошел в армию... Видите, ничего я вам толком покуда не сказал, на этом вам не заработать, ясно? Это пока что одки намеки, ясно? Ну вот: мне тогда было под тридцать, здоров как бык. И вот король Франсуа послал нас в Турин, а господин де Монтаган в то время командовал пехотой. А мой командир капитан ле Ра привел нас на одну горку и поставил там. Стычка была короткая, а уж досталось нам... Каждый дрался, как мог, а потом к нам прорвались остальные, мы пошли в наступление и тут-то я его и за-получил.

И Куку погладил свой шрам.

— Как же это вышло? — спросил я.

— Алебардой треснули. Знаете, что это за штука? Такой тяжеленный топор на длиннющей рукояти. Если с алебардой умеешь обращаться, можно разрубить человека до пояса, ясно? И ударил бы он попрямее... ну тогда я бы, верно, с вами сейчас не разговаривал. А я ее увидал, ясно? И присел, да поскользнулся в луже крови и упал боком. Но все равно, алебарда меня настигла. Удар пришелся по голове, вот он, шрам. Тут все стало черно, бело и опять черно, и больше я ничего не помню. А помереть-то я еще не помер, ясно? Очнулся — вижу, надо мной наш военный доктор, без шлема, в одной кирасе, руки по локоть в крови, и кровь эта наша, солдатская, уж не сомневайтесь, сами знаете, каковы наши армейские лекари.

— Знаю, знаю, — подтвердил я примирительно. — Так вы говорите, было это в тысяча пятьсот тридцать седьмом году?

— Может, и в тридцать шестом, точно не припомню. Ну вот, очнулся я, увидал доктора, а он в это время разговаривает с каким-то другим доктором, того-то мне не видно, а вокруг раненые орут, все просят, чтобы их поскорее прикончили и избавили от мучений... зовут священни-

ка... Сущий ад! Голова у меня разрублена, мозги вроде ветерок обдувает, в ушах гудит, трещит что-то... Ни шевельнуться, ни заговорить не могу, а все вижу и слышу, что кругом творится... Доктор посмотрел на меня и говорит...

Капрал Куку умоли.

— Что же он сказал? — осторожно напомнил я.

— Вот вы читаете вашу книжонку, а сами ничего-то в ней не понимаете,— буркнул капрал Куку,— «*Pireur ou hasardeur de dez*» и прочее, хотя все это и напечатано черным по белому. Сейчас я вам все растолкую. Доктор сказал вроде так: «Подите сюда, сэр, и взгляните. У этого малого мозги вылезли наружу. Примени я эликсир Тэриака, его бы уж давно похоронили и забыли. А эликсира Тэрнака у меня не оказалось, делать было нечего, я и влил ему свой. И вот, смотрите: он открыл глаза! И, обратите внимание, кости черепа сближаются и что-то вроде новой кожи затягивает рану! Значит, мое лечение правильное, и бог исцелит его». А тот, другой, которого мне не видно, отвечает: «Не делайте глупостей, Амбруаз, вы только зря тратите время и лекарства на этого покойника». Мой доктор поглядел на меня и тронул пальцами мои глаза. Я моргнул. А тот, другой, и говорит: «Ну зачем вам тратить время и лекарства на мертвецов?»

А я как моргнул, так уж больше не могу открыть глаза. И не вижу ничего, а слышу все очень хорошо. Услыхал эти его слова и перетрусил ужасно: зареют, думаю, живьем. А шевельнуться никак не могу. Но мой доктор говорит: «Прошло уже пять дней, а тело у этого бедняги все еще живое, и хоть я и очень устал, я пока в здравом уме и могу поклясться, что он сейчас открывал глаза». И крикнул кому-то: «Жан, давай сюда мой эликсир!» И говорит тому, другому: «С вашего позволения, сэр, я буду лечить этого солдата, пока он окончательно не ожи-

вет или окончательно не умрет. А сейчас я волью ему в рану еще моего снадобья»,

И тут я почувствовал: что-то льется мне прямо в голову. Ну и боль же была! Точно прямо в мозг ледяную воду льют... «Крышка мне», — подумал я, и опять весь застыл и ничего не помнил, а потом очнулся совсем в другом месте. Молодой доктор тоже был там, только без кирасы и в каком-то мягком колпаке. Теперь уж я мог двигаться и говорить и попросил попить. Как доктор услышал, что я говорю, он даже рот раскрыл, точно закричать хотел, но не закричал и дал мне какого-то вина в чашке. Только руки у него тряслись, так что на бороду мне попало больше вина, чем в рот. В ту пору и у меня была борода вроде вашей, только побольше и погуще. Вдруг слышу — кто-то бежит ко мне по комнате, вижу — мальчишка лет пятнадцати-шестнадцати. Он было тоже рот раскрыл, хотел что-то сказать, а доктор как схватит его за горло и говорит: «Молчи, Жан, если хочешь в живых остаться, молчи!» А парень говорит: «Учитель, ты воскресил его из мертвых!» А доктор отвечает: «Если хочешь быть жив, молчи, а то не миновать тебе костра». Тут я опять заснул, а как проснулся, вижу: маленькая комнатка, окна все закрыты, и в очаге огонь пылает, жара, точно в пекле. И доктор тут, и зовут его Амбруаз Паре. Вы часом не читали чего-нибудь про Амбруаза Паре?

— Вы имеете в виду Амбруаза Паре, который был хирургом в армии Франциска Первого?

— Про него я вам и толкую, разве не понятно? — отвечал капрал Куку. — Франсуа Первый, он же и Франциск Первый, был наш главнокомандующий, когда мы воевали с Карлом Пятым. Вся эта драка началась между Францией и Италией, вот мне и раскололи голову в битве при Турине. Ведь я вам так и сказал, верно?

— Верно. Ну что ж, мой почтеннейший друг, прожив

на свете четыреста с лишним лет, вы уж, наверно, исполнились премудрости, знаний и опыта у вас должно теперь быть не меньше, чем у библиотеки Британского музея!

— Это как? — спросил капрал Куку.

— А как же, это всем известно, — ответил я. — Ведь философ или, скажем, ученый по-настоящему что-то постигает, лишь когда жизнь его уже на исходе. Чего бы он не отдал, лишь бы прожить еще лет пятьсот! Да за пятьсот лет он бы с радостью продал душу дьяволу! Ведь, как известно, знание — это сила, и за такой срок он вполне мог бы стать владыкой мира!

— Чувшь собачья, — возразил капрал Куку. — Все это, может, и годится для разных там философов, эти бы знай гнули свое и, глядишь, под конец и научились бы... ну хотя бы превращать железо в золото или вроде того. А взять, к примеру, игрока в бейсбол или боксера: на что им пятьсот лет жизни? Что еще они могут, кроме как гонять мяч или лупить кулаками? Да вот взять хоть вас — что бы вы стали делать?

— Вы совершенно правы, капрал, — сказал я. — Я бы все мои пятьсот лет так и стучал на машинке и пускал бы деньги на ветер, так что никогда не стал бы ни умнее, ни богаче, чем сейчас.

— Нет, погодите, — прервал он, ткнув меня в плечо твердым, как железо, пальцем и пытливо вглядываясь в меня. — Вы бы писали и писали всякие там книжки. Ведь вам платят проценты, так за пятьсот лет деньжищ у вас набралось бы столько, что вам их нипочем не прожить. А как быть мне? Я только и умею, что воевать. И плевать я хотел на всякую там философию. Я в этом ни уха, ни рыла не смыслю. И не поумнел я ничуть, каким был в тридцать лет, такой и сейчас. И читать никогда не читал и не стану. Нет, я хочу одного: купить себе заведение вроде ресторана Джека Демпсея на Бродвее.

— Да ведь вы говорили, что хотите выращивать розы и разводить пчел, кур и еще какую-то ерунду,— заметил я.

— Ну да, так и есть.

— А как же с Джеком Демпсеем? Как же вы совместите ресторан на Бродвее с розами, пчелами и прочим?

— Понимаете, дело вот в чем...— начал капрал Куку.

— ...Я уже рассказал вам, как доктор Паре залечил мне голову. Ну вот, как я стал немного подниматься с постели, он еще долго держал меня у себя в доме и, уж поверьте, кормил и поил всем что ни на есть лучшим, хоть сам-то он жил вовсе не богато. Да, ходил он за мной, как за родным сыном, куда лучше, чем когда-то мой собственный отец: дыплята, яйца в вине — все, что только душе угодно. Стоило мне сказать: «А хорошо бы попробовать пирога с жаворонками»,— и пожалуйста: пирог на столе. Говорю: «Док, вино вроде бы кисловато», и тут же передо мной бутылка аликанте. Недели две или три прошло и я, поздоровел и раздобрел, как никогда в жизни. Но тут стал я вроде беспокоиться и говорю ему: «Пора мне убираться восвояси». А доктор Паре сказал, чтобы я еще остался у него. А я сказал: «Доктор, я живой человек, и мне надо зарабатывать себе на кусок хлеба. А в армии можно неплохо заработать».

Тогда доктор Паре предложил мне несколько золотых монет, чтобы только я остался у него в доме еще на месяц. Деньги-то я взял, но сразу понял: тут что-то неладно, и решил хоть умри разузнать, в чем дело. Ведь он — армейский хирург; а я-то всего-навсего солдатишка-пехотинец. Ясное дело, тут что-то не так. Я и притворился дурачком, а сам глядел в оба. И еще свел я дружбу с Жаном, ну с тем парнишкой, что помогал доктору. Он был большегла-

зый, худющий, одна нога короче другой. И он думал, что сильнее меня нет никого на свете, потому что я мог двумя пальцами раздавить грецкий орех и взвалить на спину большой стол фунтов пятьсот весом. Он мне сколько раз говорил, как ему хотелось бы стать таким же сильным. А он и родился хилым, и доктор Паре спас ему жизнь. Ну вот, я и взялся за мальчишку как следует и скоро разобрался, что этому доктору от меня надо. Вы-то их знаете, этих докторов.

Капрал Куку подтолкнул меня локтем, и я сказал:

— Знаю, знаю, валяйте дальше.

— Ну так вот, в ту пору они всегда лечили «инфекционные раны» кипящим соком бузины и добавляли туда каплю зелья, они его называли «Тэриак», а это была попросту смесь каких-то трав с медом. А перед той битвой у доктора Паре вышел весь «Тэриак» и сок бузины тоже, и он с горя сам составил какую-то смесь и назвал ее эликсиром.

Моего командира, капитана ле Ра, ранило пулей в щиколотку, и ему первому довелось испытать на себе это снадобье. И нога зажила в один миг. А я оказался третьим или четвертым. Доктор оглядывал поле боя, искал труп, чтобы разрезать, как ему было надо. Вы же знаете этих докторов. А Жан мне потом говорил, что доктору нужен был мозг! Ну вот, он и углядел меня с разрубленной головой. Нагнулся он ко мне, увидел, что я еще дышу, и удивился — как это с такой раной еще можно дышать? Влил он мне в голову своей смеси, перевязал и стал ждать, что будет дальше. А дальше я вам уже все рассказал. В общем я воскрес. И мало этого, все кости у меня на черепе срослись. Тут доктор Паре понял, что он составил чудо-зелье. И он глаз с меня не спускал и все записывал.

Ну, в общем взялся я за мальчишку и сказал ему: «Будь другом, Жан, расскажи, что это за снадобье такое,

каким меня лечили». А он и отвечает: «Что ж, мой учитель из этого секрета не делает. Он просто смешивает яичные желтки, розовое масло и скипидар». (Я вам это потому говорю, приятель, что про это уже давно в книгах напечатано.)

— Не пойму, откуда вам это известно, но я случайно знаю, что такой состав есть,— заметил я.— У нем написано в нескольких трудах по истории медицины. Эликсир доктора Амбруаза Паре, которым он лечил раненых в битве при Турине, действительно состоял из смеси яичных желтков, розового масла и скипидара. И первым человеком, на котором Паре испытал свое снадобье, был действительно капитан ле Ра. И было это в тысяча пятьсот тридцать седьмом году. Паре говорил: «Я перевязал ему раны, и бог исцелил его». Ну-с?

Капрал Куку фыркнул.

— Вот именно — скипидар, розовое масло, желтки. А сколько чего надо, знаете?

— Нет.

— Ясно, нет, приятель. А я знаю. И мало того: когда доктор Паре лечил меня, он еще кое-что добавил, так просто, для пробы. И я знаю, что это было.

— Ну, ну, дальше,— сказал я.

— Так вот, заметил я, доктор что-то со мной затевает. И я глядел в оба, выжидал и выспрашивал Жана, пока не выследил, где доктор прячет свои записки. Ведь в то время за косточку, что называлась «рог единорога», можно было взять тысяч шестьдесят, а то и семьдесят. Я хочу сказать, будь у меня в руках лекарство, что может воскресить человека из мертвых, чтобы кости у него срослись и он через неделю-другую встал на ноги, когда у него и мозги-то вываливались наружу,— черт побери, ведь повсюду шли войны, так я бы в два счета разбогател!

— Без сомнения,— сказал я.

— Какого черта, — перебил капрад Куку, — по какому праву он вздумал делать из меня подопытного кролика? И что бы он делал, если бы не я? А как по-вашему, что бы со мной дальше было? Сунул бы он мне парочку золотых да и выставил бы вон, а сам заграбастал бы и славу, и миллионы! А я хотел открыть в Париже заведение — ну, знаете, с девочками и т е такое прочее, ясно? А что сделаешь на два золотых, скажите на милость? Ну ладно. Как-то ночью доктор с Жаном ушли, а я взял его записки, вылез в окно и поминай как звали.

Ну, убрался я подальше — тут, думаю, уже не поймут, — зашел в кабак, выпил немного и разговорился с одной девчонкой. Но, видно, не одному мне она приглянулась, и началась драка. Тот малый резанул мне лицо ножом. У меня тоже был нож. Сами знаете, как это бывает: уж и не помню как, только мой нож очутился у него в боку. Он был этаким мозгляк с крысиной мордой, а девица крупная, статная п волосы, что золото. Я увидел, что он уже готов, и давай бог ноги, а нож мой так и остался у него между ребер. Я было притаился, но меня так и не нашли. Всю ночь до рассвета пролежал я в кустах. Худо мне было. Ведь он рассадил мне ножом все от скулы до самого затылка, да еще кусок уха отхватил! И больно было страх как, а главное по этому шраму меня бы сразу признали, половинки уха-то как не бывало. Уж виселицы бы мне не миновать, ясно? Вот я и лежал в какой-то канаве тихо, как мышь, и заснул только перед самым рассветом. А как проснулся, смотрю — ничего не болит, даже ухо, а уж, можете поверить, ухо — штука нежная. Пошел я к пруду, умылся и поглядел на себя. И что же вы думаете? Все зажило, и шрам такой, будто это было не вчера, а лет пять назад. А прошло всего несколько часов! Зашагал я дальше. Дня через два укусила меня собака, прямо кусок выхватила из ноги. Такое паде лечить не

одну неделю, а у меня зажило на другой же день, да и следа почти не осталось. Видно, от того снадобья, что Паревлил мне в голову, я стал точно заколдованный, всякая рана на мне мигом заживает. Я так и думал, что записки его дорого стоят, но такого никак не ожидал.

— А записки все еще были при вас, капрал? — спросил я.

— А вы как думали? Ясно, при мне, я их завернул в тряпочку и обвязал вокруг пояса, под рубашкой. Листков было всего шесть, только не из бумаги, а... как бишь его? Пергамент, кажется. Ну да, пергамент. Листочки сложенные, по сгибу сшиты и крайний снаружи чистый, вроде как обложка. А внутри все шесть страничек исписаны вдоль и поперек. Да ведь вот беда: читать-то я не мастак! Меня этому сроду не учили, ясно? Ну, золотые я еще не успел истратить и отправился в Париж.

— А что сказал на это доктор Амбруаз Парев? — спросил я.

Капрал Куку ехидно фыркнул.

— А что он мог сказать? Что своим зельем воскресил мертвеца? Тут бы ему и конец, уж не сомневайтесь. И какие доказательства? А уж мальчишка-то держал бы язык за зубами, нипочем не сознался бы, что предал своего учителя, ясно? Нет, никто и слова не сказал. И я преспокойно добрался до Парижа.

— Что же вы там делали? — спросил я.

— Думал найти надежного человека, кто прочитал бы мне эти записки. А если вы хотите знать, на что я там жил, — что ж, крутился как мог. Ну вот, однажды ночью встретил я в одном месте школяра, образованного человека; он там выпивал, а ночевать ему было негде. Показал я ему докторовы записки и спросил, про что там речь. Думал он, думал — додумался. Доктор там записал, как он смешал свое снадобье, но на это ушла всего одна страница.

На четырех страницах были одни цифры, а на последней — опять понаписано. И эта страница была все про меня, как все случилось и как он меня вылечил.

— Розовым маслом, желткам и скипидаром? — спросил я.

— Ага, — кивнул капрал Куку и добавил: — И еще кое-чем.

— Держу пари, я знаю эту четвертую составную часть вашего эликсира, — сказал я.

— Что ставите? — осведомился капрал Куку.

— Пчелиный рой, — ответил я.

— Как это?

— Разве не понятно? Вы сказали, что будете выращивать розы и разводить кур и пчел. И что поедете на юг за скипидаром. Насчет желтков, роз и скипидара все ясно. А зачем такому человеку, как вы, пчелы? Ясно, что четвертая составная часть — мед.

— Ага, — сказал капрал Куку. — Все верно, приятель. Доктор подбавил туда меду. — Он вынул из кармана складной нож, открыл его, подзрительно поглядел на меня, потом защелкнул и сунул в карман. — Вы же не знаете, сколько чего класть, — сказал он. — Не знаете, как эту штуку смешивать. Не знаете, сколько времени ее подогреть и сколько времени студить.

— Значит, вы владеете секретом вечной жизни, — сказал я. — Вам четыреста лет, и убить вас не может никакая рана. И все дело в некоей смеси розового масла, желтков, скипидара и меда, так?

— Так, — ответил капрал Куку.

— А вам не приходило в голову купить все что надо и смешать самому?

— Приходило. Доктор писал там, что бутылка с эликсиром, каким он лечил меня и капитана де Ра, два года хранилась в темноте. Я тоже наметал полную бутылку

снадобья и два года повсюду таскал ее с собой и прятал от света. А потом раз мы с приятелями попали в переделку, и один мой друг, Пьер Солитюд, получил пулю прямо в грудь. Я попробовал на нем мое зелье, но он умер. Тогда же меня ударили палашом в бок. И хотите верьте, хотите нет — моя рана за девять часов зажила сама собой. Помните, как знаете.

Ну, уехал я из Франции и с год кое-как проболтался, а потом очутился в Зальцбурге. После той битвы при Турине прошло уже года четыре. Ну, там в Зальцбурге один парень сказал мне, что у них живет самый лучший доктор на свете. Я даже имя его помню. Да и как его забыть? Его звали Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм. За несколько лет перед тем он прославился в Базеле. А вообще-то его знали под именем Парацельса. Дела у него в ту пору шли не сказать чтобы хорошо. Так, больше околачивался попусту и допивался до чертиков в винном погребеке под названием «Три голубки». Там я его и встретил однажды ночью — было это, наверно, в тысяча пятьсот сорок первом году — и высказал ему, что мне было нужно, когда никого близко не было.

Капрал Куку хрипло рассмеялся.

— Парацельс был великий человек, — заметил я. — Один из величайших врачей мира.

— Черта с два, он был просто старый жирный пьяница. По крайней мере когда я его увидел, он был пьян в стельку. Орал во всю глотку и дубасил пустой кружкой по столу. Ну, рассказал я ему по секрету про то зелье, а он еще пуще разошелся, обозвал меня всеми словами, какие знал, — а знал он их предостаточно, — да как грохнет меня кружкой по голове, вот тут, у самого лба. Я хотел было дать ему сдачи, но тут он малость поугомонился и говорит на каком-то чудном языке, то ли по-шведски, то ли по-немецки: «Опыт, опыт! Наглядность! Приходи ко

мне завтра, шарлатан, и покажи свою рану на голове: если она и вправду заживет, я тебя буду слушать». И давай хотеть, а я думаю: ну, погоди, приятель, ты у меня еще похочешь. И я пошел прогуляться, и рана зажила за какой-нибудь час. Тогда я пошел назад, чтобы показать ему. Мне этот старый пьяница как-то по душе пришелся. Прихожу назад в погребок и вижу: доктор фон Гогенгейм, или Парацельс, как вам угодно, лежит на полу и умирает, кто-то ударил его ножом в бок. Оказалось, он подрался с каким-то резчиком по дереву, а тот уже допился до белых слонов, вот и дал ему хорошенько. Не везет мне в жизни и никогда не везло. Мы бы с ним поладили, это уж точно, хоть я и толковал с ним всего с полчаса, да ведь большого человека сразу видно, верно я говорю? Ну да что тут поделаешь.

— А дальше что было? — спросил я.

— Я ведь только намеки вам даю, ясно? А коли хотите знать все, вам придется раскошелиться, — сказал капрал Куку... — Ну, с год торчал я в этом Зальцбурге, а потом меня оттуда выставили за попрошайничество и занесло меня в Швейцарию. Тут я пошел в наемники, они назывались «condottieri», и командовал нами швейцарский полковник, а дрались мы в Италии. Мы думали, там будет хорошая пожива. Но добычу всю у меня стащили, а под конец нам и половины жалованья не отдали. Двинулся я тогда назад во Францию и повстречал там морского капитана по имени Бордле, он возил в Англию спиртное, и ему как раз одного человека недоставало. Но в Ла-Манше нас перехватили пираты — маленькое быстроходное английское суденышко; они отняли наш груз, капитану перерезали глотку, а матросов покидали за борт — всех, кроме меня. Ихнему капитану Хокеру я приглянулся, он и оставил меня в своей команде, хоть моряк я никудышный. Эта старая калоша — ей богу, не больше спасательной

плюпки на «Куин Мэри» — называлась «Гарри» в честь английского короля Генриха Восьмого, про которого еще кино показывают. И все-таки жили мы неплохо. Промышляли в основном французской водкой: остановим судно лягушатников посреди канала, захватим груз, спихнем капитана и экипаж за борт... «Мертвый не выдаст», — говорил бывало старый Хокер. В общем где-то возле Ромсея удрал я с этой посудыны и денежки прихватил — моря-то я не люблю, ясно? Набралось у меня к тому времени с полдюжины тяжких ран, да только они меня не прикончили. А вот если за борт полечу, думаю, неизвестно еще, как оно обернется. Ну, голову прострелят — этим меня не убьешь, хоть и боль будет адова дня три, пока не заживет. А вот если кто станет меня топить — про это мне и думать было тошно, ясно? Пришлось бы мне болтаться под водой, пока рыбы не съедят или сам не сгнию, и ведь все это заживо! Не очень-то приятно.

Ну, сбежал я в Ромсею и отправился в Лондон. Там познакомился с одной вдовой, женщиной в годах, у нее была возле Лондонского моста торговлишка льняными товарами. И деньжонки у нее водились, и я ей по душе пришелся. А, где наша не пропадала! Я взял да и женился на ней. Прожили мы с ней чуть не тринадцать лет. Злющая была баба, но я ее живо укротил. Звали ее Роза, и умерла она аккуратно когда Елизавета стала британской королевой. Году в тысяча пятьсот пятьдесят восьмом. Она ужас как меня боялась — я хочу сказать Роза, а не королева Елизавета, — и все оттого, что я целыми днями возился с медом, желтками, скипидаром и розами. Она все старела, а я ничуть не менялся. И ей это, конечно, совсем не нравилось. Она думала, я колдун. Говорила, у меня, верно, есть такой амулет и я знаю секрет вечной молодости. Ха, черт меня побери, она почти угадала! Только она хотела тоже быть вечно молодой. А я трудился над зани-

сками доктора Паре и все готовил ту смесь, делал все точно, как он, клал всего сколько надо, подогревал, как надо, и в темноте держал, а снадобье никак не действовало.

— А как же вы это узнали? — спросил я.

— Да ведь я попробовал его на Розе. Она меня грызла и точила, пока я не согласился попробовать. Бывало как поцапаемся, так я потом и пробую на ней свое снадобье. Только все равно на ней заживало так же долго, как на всех людях. И вот что занятно: мало того, что никакая рана не могла меня убить; я и старше не становился, и зараза никакая меня не брала — я *просто не мог умереть!* Вот и посудите сами: если на снадобье, что лечит любые раны, можно нажить целое состояние, то сколько же наживешь, если сохранишь людям молодость и здоровье на веки вечные, а?

Капрал Куку умолк.

— Любопытное рассуждение, — сказал я. — Дали бы вы свой эликсир, скажем, Шекспиру. Ведь он писал чем дальше, тем лучше. До каких же высот он бы теперь поднялся? Впрочем, как знать? Если бы он выпил эликсир вечной молодости в юные лета, он бы, пожалуй, так и остался незрелым юнцом. Может, он и по сей день бегал бы на побегушках около театра — сторожил лошадей у подъездов или подзывал такси — влюбленный в театр деревенский паренек, нераскрывшийся гений!

Или выпей он этот эликсир к концу жизни, когда писал, скажем, «Бурю», он бы жил и по сей день, старый, измученный, уставший от жизни — все давно опостылело, а смерть не приходит! А вот какой-нибудь беспутный гуляка елизаветинских времен остался бы беспутным гулякой на долгие века... А ведь как бы ему надоело это занятие уже лет через сто и как бы он жаждал смерти! Ох, нет, опасное это было бы снадобье, капрал Куку!

— Шекспир? — переспросил капрал Куку. — Вильям

Шекспир? Встречал я и его. Мы с одним его дружкой вместе воевали в Голландии, он нас и познакомил, когда вернулись в Лондон. Да, Вильям Шекспир: лицо пухлое, сам плешивый... еще руками размахивал, когда говорил что-нибудь. Ему я тоже понравился. Мы с ним очень много толковали.

— А что он говорил? — спросил я.

— Да неужто я помню? Расспрашивал, вроде как вы сейчас. Так просто толковали да и все.

— И что это, по-вашему, был за человек? — спросил я.

Капрал Куку немного подумал и медленно сказал:

— Ну.. из тех, кто считает сдачу и на чай оставляет медную монетку... Как-нибудь на днях приналягу я на его книжки, а то у меня все как-то руки не доходили...

— Итак, ваш интерес к эликсиру доктора Паре носил чисто финансовый характер, — сказал я. — Вы просто хотели на нем заработать, так?

— Ну ясно, — ответил капрал Куку. — Сам-то я им уже попользовался, я-то теперь уже не помру.

— А вам не приходило в голову, что вы добиваетесь невозможного?

— Как это?

— А вот как: знаете ли вы, что вкус яйца зависит от того, чем питается курица?

— Ну и что?

— И не только вкус яйца, но и его цвет зависит от того, чем кормили курицу, это вам подтвердит любой фермер.

— Ну и что?

— В яйцо входит то, что съела курица, как в молоко — то, что съела корова. А подумали вы, сколько разных пород кур было на свете со времени битвы при Турине в тысяча пятьсот тридцать седьмом году? И сколько разного корма переменилось за это время? Подумали вы, что яич-

ный желток — только одна из четырех составных частей вашего эликсира?

Капрал Куку прсмолчал.

— Или взять розы, — продолжал я. — Если двух в точности одинаковых яиц и то не найти, то что же говорить о розах? Вот вы родом из винодельческого края, значит, вы знаете, что из двух виноградных лоз, растущих почти рядом, одна может дать отличное вино, а другая — никудышное. И с табаком то же самое. А розы опыляются пчелами, которые летают с цветка на цветок. И потому розовое масло состоит из бесчисленного множества всяческих составных частей. Разве не так?

Капрал Куку все еще молчал, и я продолжал с каким-то восторженным злорадством:

— Обо всем этом следует подумать, капрал. Или возьмите скипидар — его дают деревья. Еще в шестнадцатом столетии было известно немало видов скипидара. Но самое главное, приятель, — подумайте про мед! На свете столько разных сортов меда, что их и не перечесть. В разных медовых сотах — разный мед. Вы, верно, знаете, что, если пчелы живут в вереске, мед получается один, а если в яблоневом саду — совсем другой. Конечно, и то, и это — мед, но его вкус, запах и качество имеют множество всяких оттенков. Мед различен в различных ульях, капрал. Я уже не говорю о меде диких пчел.

— Ну и что? — спросил он мрачно.

— Но все это только цветочки, капрал, ягодки впереди. Я не знаю, сколько на свете пчелиных роев. Предположим, в каждом из них тысяча пчел. И каждая пчела приносит нектар чуточку не такой, как другая. И каждая может собрать его с пятидесяти различных цветков. И все, принесенное этим роем — тысячью пчел, — смешивается. И каждая капля меда в каждой ячейке сотов в каждом улье состоит из неисчислимого количества разных частиц.

Я уж не говорю о времени — ясно, что из одного и того же улья мед шестимесячной давности совсем не тот, что десятилетний. Мед изменяется день ото дня. Так вот, если учесть все возможные разновидности и сочетания желтков, роз, скипидара и меда, что получится? Попробуйте-ка ответить, капрал Куку.

Капрал с минуту обдумывал мою речь, потом сказал:

— Ничего не понял. Вы что, меня за придурка считаете?

— Этого я не говорил, — смутился я.

— Верно, сказать вы этого не сказали. Ну вот что, вы меня не путайте. Сейчас я вам кое-что покажу. Смотрите.

Он вынул из кармана складной нож, раскрыл его и внимательно осмотрел свою левую кисть, отыскивая местечко, где нет шрамов.

— Не надо! — закричал я и схватил его за руку. С таким же успехом я мог бы пытаться задержать рукой локомотив.

— Смотрите, — спокойно повторил капрал Куку и стал резать мякоть между большим и указательным пальцами; наконец нож наткнулся на кость и большой палец отвалился до самого запястья. — Видали?

Я видел все это как в тумане. Огромный корабль, казалось, вдруг закачался у меня под ногами.

— Вы что, спятили? — спросил я, едва ко мне вернулся дар речи.

— Нет, — отвечал капрал Куку. — Я как раз вам и доказываю, что нет.

И он поднес изувеченную руку к самым моим глазам.

— Не надо, — сказал я опять.

— Ладно, — сказал капрал. — Теперь смотрите. — Он прилепнул почти отрезанный палец на место и придерживал его правой рукой. — Все в порядке, — продолжал он. — Пугаться нечего. Я вам просто показываю, ясно? Нет, не

уходите, садитесь. Я ведь не шучу. Я мог вам рассказать такое... И все будет чистая правда. Могу показать вам записки доктора Паре и все остальное. Вы видели, что у меня на груди? А здесь на левом боку видели?

— Да.

— Так вот, это в меня попал девятифунтовый снаряд, когда я служил на «Мари Амбре» и воевал против испанской армады. Он пробил мне грудь, сломанные ребра проткнули сердце, а через две недели я был уже на ногах... А вот тут, справа, под ребрами, — завтра я покажу вам, как оно выглядит, — это я заработал в битве при Фонтенуа, сейчас расскажу, как было дело. Французский снаряд попал в сломанную шпагу, которую выронил убитый офицер, обломок шпаги подскочил и проткнул меня насквозь — легкие, печень и прочее. А вышел он у меня из правой лопатки, провалиться мне, если вру. А вот пониже отметина — эта от осколка в битве при Ватерлоо. Кровь из меня тогда хлестала, как из свиньи, хирург даже не стал тратить на меня время. А через шесть дней я был как огурчик, а у кого только и было, что сломанная нога, — те мерли, как мухи. Все это я могу доказать. И еще: я брал Квебек с Бенедиктом Арнольдом. Нет, вы погодите. А в Балаклаве разmozжило мне всю ногу до самого бедра, и хирург еще не успел ко мне подойти, а нога уже была целехонька; он глазам своим не поверил, думал, ему мерещится. Я еще много чего могу вам порассказать, только все это денег стоит, ясно? Вот я вам и предлагаю: я рассказываю, вы пишете, а деньги пополам, и я куплю себе ферму. Что скажете?

— Что же вы не отложили денег за четыреста-то лет? — тупо спросил я, едва ворочая языком.

— Что же я не отложил денег! — насмешливо повторил капрал Куку. — Да оттого, что я — это я, дубина ты этакая! Черт побери, когда-то я мог купить весь Манхэт-

тек, и это стоило бы меньше, чем я спустил в карты одному ловкому датчанину! Отложить денег! Вечно что-нибудь мешало, не одно, так другое. Бросил я пить. Ладно. Если не виски, так женщины. Бросил я женщин. Ладно. Тогда пошли карты или кости. Я всю жизнь собирался отложить денег, только не тот у меня характер! От эликсира доктора Паре я стал крепче камня, это уж точно, ничто меня не берет, каким был, такой уж я есть, таким и буду во веки веков. Ясно? Я просто пехота, темный человек, целые сто лет учился писать свое имя, а за четыреста — еле дослужился до капрала. Как это вам понравится? А сколько сил на это ушло! Упорства! Так вот, я предлагаю: напишите все как есть, а деньги пополам. А когда люди про меня узнают из газеты или журнала, можно будет и эликсир из рук выпустить — ведь никто не решится обжулить человека, которого знает вся страна. Верно?

— Конечно, верно, — сказал я.

— Точно?

— Да, конечно, капрал.

— Ладно, — сказал капрал Куку. — А если вы все еще думаете, что я вас надуваю, взгляните сюда. Вы видели, что я сделал?

— Видел.

— Ну, взгляните теперь.

И он сунул левую руку мне под нос. Она была вся в крови. Манжет гимнастерки тоже весь намок от крови. Медленная густая капля сорвалась и тяжело упала мне на колено. У меня на брюках до сих пор не стерся ее след.

Капрал Куку послунил и потер место пореза. Показалась чистая белая кожа.

— Видали? Где я тут резал? — спросил капрал.

Я только покачал головой. На месте раны остался лишь бледный шрам. Капрал вытер нож ладонью — на ней оста-

лась жирная кровавая полоса,—сложил его и опустил в карман. Потом обтер руки о штаны и спросил:

— Ну что, обманул я вас?

— Ну...— выдохнул я.

— Да какого черта! — простонал капрал Куку, не в силах более сдерживаться, не в силах более доказывать недоказуемое и объяснять необъяснимое.— Ладно. Вы думаете, это просто фокус. Есть у вас нож?

— Есть. А что?

— Большой?

— Довольно большой.

— Ладно. Перережьте мне глотку, и посмотрим, что будет. Ткните меня ножом куда хотите, в любое место. И ставлю тысячу долларов, что через два-три часа я буду в полном порядке. Да ну же! Будьте мужчиной! А хотите — найдите где-нибудь топор и стукните меня по голове.

Меня передернуло.

— Черта с два,— сказал я.

— Вот так всегда,— в отчаянии произнес капрал Куку.— Каждый раз одно и то же. Люди наживают состояния на мыле и зубной пасте, а у меня есть такое, что делает людей вечно молодыми и здоровыми,— и поди ж ты! Черт меня дернул пить ваше проклятое виски! Вот так всегда! У вас борода точно такая же, какая была у меня, пока мне не обожгло подбородок, когда я воевал под командой сэра Филиппа Сиднея, а то я бы и говорить с вами не стал. Ах ты, дубина! Убирайся к дьяволу, покуда я тебя не прикончил!

Капрал Куку вскочил на ноги, метнулся прочь и исчез — я и опомниться не успел. На палубе возле меня осталась лужица крови, и в ней отпечатался след его каблука. В двух шагах виднелся еще один кровавый след, уже не такой четкий.

— Куку! Куку! — закричал я. — Где вы, капрал?

Но больше я уже никогда не видел капрала Куку. Где он теперь? Может, он назвался вымышленным именем? Но я слышал то, что слышал, и видел то, что видел. И вот здесь у меня в конверте пятьсот долларов; я отдам их всякому, кто поможет мне его найти. Мед и розовое масло, желтки и скипидар; из них можно составить бесчисленное количество сочетаний и смесей. И все же стоит попробовать. Почему бы и нет? Получил же Флеминг пенициллин из плесени! Одному богу известны тайны праха, из которого рождаются деревья, и пчелы, и любая форма жизни от плесени до человека.

Я потерял из виду капрала Куку как раз перед тем, как одиннадцатого июля тысяча девятьсот сорок пятого года мы прибыли в Нью-Йорк. Но я твердо знаю: где-то в Соединенных Штатах живет человек — силы необычайной, весь покрытый чудовищными пирами, и он владеет грозным секретом бессмертия и вечной молодости. На вид ему лет тридцать пять, и у него слезящиеся зеленоватые глаза.

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ

Внутри она была живой, а снаружи мертвой, ее черное лицо было покрыто густой сетью морщин, шрамов и трещин. Она была лысой и слепой. Судороги, искажавшие лицо Либры, были лишь слабым отражением порока, бушевавшего внутри. Там, в черных коридорах и залах, веками бурлила жизнь, порождая кошмарные химические соединения.

— У этой чертовой планеты нелады с желудком, — проворчал Пью, когда купол пошатнулся и в километре к юго-западу прорвался пузырь, разбрызгав серебряный гной по закатному небу. Солнце садилось уже второй день. — Хотел бы я увидеть человеческое лицо.

— Спасибо, — сказал Мартин.

— Конечно, твое лицо — человеческое, — ответил Пью. — Но я так долго на него смотрю, что перестал замечать.

В коммуникаторе, на котором работал Мартин, раздались неясные сигналы, заглохли и затем уже возникло лицо и голос. Лицо заполнило экран — нос ассирийского царя, глаза самурая, бронзовая кожа и стальные глаза. Лицо было молодым и величественным.

— Неужели так выглядят человеческие существа? — удивился Пью. — А я и забыл.

— Заткнись, Оуэн. Мы выходим на связь.

— Исследовательская база Либра, вас вызывает корабль «Пассерина».

— Я Либра. Настройка по лучу. Опускайтесь.

— Отделение от корабля через семь земных секунд. Ждите.

Экран погас, и по нему побежали искры.

— Неужели они все так выглядят? Мартин, мы с тобой куда уродливее, чем я думал.

— Заткнись, Оуэн.

В течение двадцати двух минут Мартин следил за спускающейся капсулой по приборам, а затем они увидели ее сквозь крышу купола — падающую звездочку на кроваво-красном небосклоне. Она опустилась тихо и спокойно — в разреженной атмосфере Либры звуки были почти не слышны. Пью и Мартин защелкнули племы скафандров, закрыли люки купола и громадными прыжками, словно артисты балета, помчались к капсуле. Три контейнера с оборудованием снизились с интервалом в четыре минуты в сотне метров друг от друга.

— Выходите, — сказал по радиации Мартин, — мы ждем у дверей.

— Выходите, здесь чудесно пахнет метаном, — сказал Пью.

Люк открылся. Молодой человек, которого они видели на экране, по-спортивному выпрыгнул наружу и опустился на зыбкую пыль и гравий Либры. Мартин пожал ему руку, но Пью не спускал глаз с люка, в котором появился другой молодой человек, таким же прыжком опустившийся на землю, затем девушка, спрыгнувшая точно так же. Все они были высоки, черноволосы, с такой же бронзовой кожей и носами с горбинкой. Все на одно лицо. Четвертый выпрыгнул из люка...

— Мартин, старик, — сказал Пью, — к нам прибыл клон.

— Правильно, — ответил один из них. — Мы — десятиклон. По имени Джон Чоу. Вы лейтенант Мартин?

— Я Оуэн Пью.

— Альваро Гильен Мартин, — представился Мартин, слегка поклонившись.

Еще одна девушка вышла из капсулы. Она была так же прекрасна, как остальные. Мартин смотрел на нее, и

глаза у него были, как у перепуганного коня. Он был потрясен.

— Спокойно, — сказал Пью на аргентинском диалекте. — Это всего-навсего близнецы...

Он стоял рядом с Мартином. Он был доволен собой.

Нелегко встретиться с незнакомцем. Даже самый уверенный в себе человек, встречая самого робкого незнакомца, ощущает известные опасения, хотя он сам об этом может и не подозревать. Оставит ли он меня в дураках? Поколеблет мое мнение о самом себе? Вторгнется в мою жизнь? Разрушит меня? Изменит меня? Будет ли он поступать иначе, чем я? Да, конечно. В этом весь ужас: в незнании незнакомца.

После двух лет, проведенных на мертвой планете, причем последние полгода только вдвоем — ты и другой, — после всего этого еще труднее встретить незнакомца, как бы долгожданен он ни был. Ты отвык от разнообразия, потерял способность к контактам, и в сердце рождается первобытное беспокойство.

Клон, состоявший из пяти юношей и пяти девушек, за две минуты успел сделать то, на что обыкновенным людям потребовалось бы двадцать: поздоровался с Мартином и Пью, окинул взглядом Либру, разгрузил капсулу, приготовился к переходу под купол. Они вошли в купол и наполнили его, словно рой золотых пчел. Они спокойно гудели и жужжали, разгоняя тишину, заполняя пространство медово-коричневым потоком человеческого присутствия. Мартин растерянно глядел на длинноногих девушек, и те улыбались ему, сразу трое. Их улыбки были теплее, чем у юношей, но не менее уверенные.

— Уверенные в себе, — прошептал Оуэн Пью своему другу. — Вот в чем дело. Подумай о том, каково это — десять раз быть самим собой. Девять раз повторяется каж-

дое твое движение, девять «да» подтверждают каждое твое согласие. Это великолепно!

Но Мартин уже спал. И все Джоны Чоу заснули одновременно. Купол наполнился их тихим дыханием. Они были молоды, они не храпели. Мартин вздыхал и храпел, его обветренное лицо разгладилось в туманных сумерках Либры. Пью осветлил купол. Внутрь заглянули звезды, среди них Солнце — великое содружество света, клон сверкающих великолепий. Пью спал, и ему снилось, что одноглазый гигант гонится за ним по трясущимся холмам ада.

Лежа в спальном мешке, Пью следил за тем, как просыпается клон. Они проснулись в течение минуты, за исключением одной пары — юноши и девушки, которые спали обнявшись в одном мешке. Увидев это, Пью вздрогнул. Один из проснувшихся толкнул парочку. Они проснулись, и девушка села, сонная, покрасневшая. Одна из сестер что-то шепнула ей на ухо, девушка бросила на Пью быстрый взгляд и исчезла в спальном мешке. Раздался смехок. Еще кто-то буквально просверлил капитана взглядом, и откуда-то донеслось:

— Господи, мы же привыкли так. Надеюсь, вы не возражаете, капитан Пью.

— Разумеется, — ответил Пью не совсем искренне. Ему пришлось встать, он был в трусах и чувствовал себя оципаным петухом — весь покрылся гусиной кожей. Никогда он еще так не завидовал загорелому крепкому Мартину.

За завтраком один из Джонов сказал:

— Итак, если вы проинструктируете нас, капитан Пью...

— Зовите меня Оуэном.

— Тогда мы, Оуэн, сможем выработать программу.

Что нового на шахте со времени вашего последнего доклада? Мы ознакомились с вашими сообщениями, когда «Пассерина» была на орбите вокруг пятой планеты.

Мартин молчал, хотя шахта была его открытием, его детищем, и все объяснения выпали на долю Пью. Говорить с клоном было трудно. На десяти одинаковых лицах отражался одинаковый интерес, десять голов одинаково склонялись набок. Они даже кивали одновременно.

На форменных комбинезонах Службы исследования были вышиты их имена. Фамилия и первое имя у всех были общими — Джон Чоу, но вторые имена — разные. Юношей звали Алеф, Каф, Йод, Джимел и Самед. Девушек — Садэ, Далет, Зайин, Бет и Реш. Пью пытался было обращаться к ним по этим именам, но тут же от этого отказался: порой он даже не мог различить, кто из них говорит, так одинаковы были их голоса.

Мартин намазал гренок маслом, откусил кусок и наконец вмешался в разговор:

— Вы представляете собой команду, не так ли?

— Правильно, — ответили два Джона сразу.

— И какую команду! А я сначала даже не понял. Насколько же вы можете читать мысли друг друга?

— По правде говоря, мы совсем не умеем читать мыслей, — ответила девушка по имени Зайин. Остальные благожелательно наблюдали за ней. — Мы не знаем ни телепатии, ни чудес. Но наши мысли схожи. Мы одинаково подготовлены. Если перед нами поставить одинаковые задачи, вернее всего, мы одинаково к ним подойдем и одновременно их решим. Объяснить это просто, но обычно и не требуется объяснений. Мы редко не понимаем друг друга. И это помогает нам как команде.

— Еще бы, — сказал Мартин. — За последние полгода мы с Пью семь часов из десяти тратим на взаимное непонимание. Как и большинство людей. А в критических об-

стоятельствах вы можете действовать как нормаль... как команда, состоящая из отдельных людей?

— Статистика свидетельствует об обратном,— с готовностью ответила Зайин.

«Клоны, должно быть, обучены, как находить лучшие ответы на вопросы, как рассуждать толково и убедительно,— подумал Пью.— Все, что они говорили, несло на себе печать некоторой искусственности, высокопарности, словно ответы были заранее подготовлены для публики».

— У нас не бывает вспышек озарения, как у одиночек, мы как команда не извлекаем выгоды при обмене идеями. Но этот недостаток компенсируется другим: клоны создаются из лучшего человеческого материала, от индивидуумов с максимальным коэффициентом интеллектуальности, стабильной генетической структурой и так далее. Мы располагаем большими ресурсами, чем обычные индивидуумы.

— И все это надо умножить на десять. А кто такой, точнее, кем был Джон Чоу?

— Наверняка гений,— вежливо сказал Пью. Клоны интересовали его явно меньше, чем Мартина.

— Он был многогранен, как Леонардо,— сказал Йод.— Биоматематик, а также виолончелист и подводный охотник, он интересовался структурными проблемами и так далее. Он умер раньше, чем успел разработать свои основные теории.

— И теперь каждый из вас представляет собой какой-нибудь один аспект его разума, его таланта?

— Нет,— ответила Зайин, покачивая головой одновременно с несколькими братьями и сестрами. У всех у нас схожие мысли и устремления, мы все инженеры Службы планетных исследований. Другой клон может быть подготовлен для того, чтобы освоить иные аспекты личности Чоу. Все зависит от обучения — генетическая субстанция

идентична. Все мы — Джон Чоу. Но учат каждого из нас по-разному.

Мартин был потрясен.

— Сколько вам лет?

— Двадцать три.

— Вы сказали, что он умер молодым, так половые клетки были взяты у него заранее или как?

Ответить взялся Джимел.

— Он погиб двадцати четырех лет в авиационной катастрофе. Мозг его спасти не удалось, так что пришлось взять внутренние клетки и подготовить их к клонированию. Половые клетки для клонирования не годятся — в них только половинный набор хромосом. Внутренние клетки могут быть обработаны таким образом, что становятся базой нового организма.

— И все вы — обломки одного кирпича, — громко заявил Мартин. — Но как же... некоторые из вас — женщины?

Теперь ответила Бет:

— Это несложно — запрограммировать половину массы клона для воспроизведения женского организма. Удалите из половины клеток мужские гены, и они вернутся к базисному состоянию, то есть к женскому началу. Труднее добиться обратного эффекта и создать искусственную хромосому. Так что клонирование происходит в основном от мужского донора, потому что клоны, состоящие из обоих полов, лучше функционируют.

— А что касается следующего поколения, — не сдавался Мартин. — Я полагаю... вы размножаетесь?

— Мы, женщины, стерильны, — спокойно ответила Бет. — Как вы помните, из наших первоначальных клеток Y-хромосома удалена. Мужчины могут вступать в контакт с обыкновенными женщинами, если, конечно, захотят. Но для того, чтобы снова создать Джона Чоу в нужном коли-

честве копий и в нужное время, приходится брать клетку от клона — этого клона, нашего клона.

Мартин сдался. Он кивнул и дожевал остывший гренок.

— Ну что ж, — сказал один из Джонов. И тут же настрoeение клона изменилось, словно стая скворцов единым неувимым взмахом крыльев изменила направление полета, следуя за вожаком, которого человеческий глаз не в силах различить в этой стае. Они были готовы приняться за дело.

— Разрешите взглянуть на шахту? А потом мы разгрузим оборудование. Мы привезли любопытные новые машины. Вам, без сомнения, будет интересно на них взглянуть. Правда?

Если бы даже Пью с Мартином не согласились с предложением Джонов, признаться в этом было бы нелегко. Джоны были вежливы, но единодушны: то, что они решали, выполнялось. Пью, начальник базы Либра-2, почувствовал озноб. Сможет ли он командовать группой из десяти суперменов? И при этом гениев? Когда они выходили, Пью держался поближе к Мартину. Оба молчали.

Расположившись в трех больших флаерах — по четверо в каждом, — обитатели базы помчались к северу над серой под звездным светом, морщинистой кожей Либры.

— Пустынно, — сказал один из Джонов.

Во флаере Пью и Мартина сидели юноша и девушка. Пью подумал, не они ли спали прошлой ночью в одном мешке.

— Здесь пустынно, — сказал юноша.

— Мы первый раз в космосе, не считая практики на Луне, — голос девушки был выше и мягче.

— Как вы перенесли прыжок?

— Нам дали наркотик. А мне бы хотелось самому испытать, что это такое, — ответил юноша. Его голос дрог-

нул. Казалось, оставшись вдвоем, они обнаруживали большую индивидуальность. Неужели повторение индивидуума отрицает индивидуальность?

— Не расстраивайтесь, — сказал Мартин, управлявший вездеходом. — Вы все равно не ощутили бы вневнеременно-го перехода, там и ощущать-то нечего.

— Мне все равно хотелось бы попробовать, — ответил юноша, — тогда бы мы знали.

На востоке опухольями возникли горы Меринета, на западе поднялся столб замерзающего газа, и флаер опустился на землю. Близнецы вздрогнули от толчка и протянули руки, словно стараясь предохранить друг друга. Твоя кожа — моя кожа, в буквальном смысле этого слова, подумал Пью. Какие чувства испытываешь, когда на свете есть кто-то, столь близкий тебе? Если ты спрашиваешь, тебе всегда ответят, если тебе больно, кто-то рядом разделит твою боль. Возлюби своего ближнего, как самого себя... древняя неразрешимая проблема разрешена. Сосед твой — ты сам. Любовь достигла совершенства.

А вот и шахта, Адская Пасть.

Пью был космогеологом Службы, Мартин — техником и картографом при нем. Но когда в ходе разведки Мартин обнаружил месторождение урана, Пью полностью признал его заслуги, а заодно возложил на него обязанности по разведке залежей и планированию работы для исследовательской команды. Этих ребят стправили с Земли задолго до того, как там был получен доклад Мартина, и они не подозревали, чем будут заниматься, пока не прилетели на Либру. Служба исследований попросту регулярно отправляла исследовательские команды, подобно одуванчику, разбрасывающему семена, зная наверняка, что им найдется работа если не на Либре, то на соседней планете или еще на какой-то, о которой они и не слышали. Правительству был слишком нужен уран, чтобы ждать, когда до

Земли за несколько световых лет дойдут сообщения. Уран был, как золото, старомоден, но необходим, он стоил того, чтобы добывать его на других планетах и привозить домой. «Он стоит того, чтобы менять его на людские жизни», — невесело думал Пью, наблюдая за тем, как высокие юноши и девушки, облитые светом звезд, друг за другом входили в черную дыру, которую Мартин назвал Адской Пастью.

Когда они вошли в шахту, рефлекторы на их шлемах загорелись ярче. Двенадцать качающихся кругов света плыли по влажным, морщинистым стенам. Пью слышал, как впереди потрескивал счетчик радиации Мартина.

— Здесь обрыв, — раздался голос Мартина по внутренней связи, заглушив треск и окружавшую их мертвую тишину. — Мы прошли по боковому туннелю, впереди — вертикальный ход. — Черная пропасть простиралась в бесконечность, лучи фонарей не достигали противоположной стены. — Вулканическая деятельность прекратилась здесь примерно две тысячи лет назад. Ближайший сброс находится в двадцати восьми километрах к востоку, в траншее. Эта область сейсмически не более опасна, чем любая другая в нашем районе. Могучий слой базальта, перекрывающий субструктуру, стабилизирует ее, по крайней мере пока он сам стабилен. Ваша основная жила находится в тридцати шести метрах отсюда внизу и тянется через пять пустот к северо-востоку. Руда в жиле очень высокого качества. Надеюсь, вы знакомы с данными разведки? Добыча урана не представляет трудности. От вас требуется только одно — вытащить руду на поверхность.

— Поднимите крышу и выньте уран.

Смешок. Зазвучали голоса, но все они были одним голосом.

— Может, ее сразу вскрыть? Так безопаснее. Открытая разработка.

— Но это же сплошной базальт! Какой толщины? Десять метров?

— От трех до двадцати, если верить докладу.

— Используем этот туннель, расширим, выпрямим и уложим рельсы для робота́чек.

— Ослов бы сюда завезти.

— А хватит ли у нас стоек?

— Мартин, каковы, по вашему мнению, запасы месторождения?

— Пожалуй, от пяти до восьми миллионов килограммов.

— Транспорт прибудет через десять земных месяцев.

— Будем грузить чистый уран.

— Нет, проблема транспортировки грузов теперь разрешена, ты забыл, что мы уже шестнадцать лет как улети́ли с Земли.

— В прошлый вторник исполнилось шестнадцать лет.

— Правильно, они погрузят руду и очистят ее на земной орбите.

— Мы спустимся ниже, Мартин?

— Спускайтесь. Я там уже был.

Первый из них — кажется, Алеф — скользнул по лестнице вниз. Остальные последовали за ним. Пью и Мартин остались на краю пропасти. Пью настроил радию на избирательную связь с Мартином и заметил, что Мартин сделал то же самое. Было чуть утомительно слушать, как один человек рассуждает вслух десятю́ голосами. А может, это был один голос, выражавший мысли десятерых?

— Ну и утроба,— сказал Пью, глядя в черную пропасть, чьи изрезанные жилами, морщинистые стены отражали лучи фонарей где-то далеко внизу.— Коровий желудок, набитый окаменевшим дерьмом.

Счетчик Мартина попискивал, как потерявшийся цыпленок. Они стояли на умиравшей планете-эпилептике, дыша кислородом из баллонов, одетые в нержавеющие, антирадиационные скафандры, способные выдержать перепады температур в двести градусов, неподвластные ударам и разрывам, созданные для того, чтобы любой ценой сберечь мягкую плоть, заключенную внутри.

— Хотел бы я когда-нибудь попасть на планету, где нечего было бы исследовать.

— А тебе такая досталась.

— Тогда в следующий раз лучше не выпускай меня из дома.

Пью был рад. Он надеялся, что Мартин согласится и дальше работать вместе с ним, но оба они не привыкли говорить о своих чувствах, и потому он не решался спросить об этом.

— Я постараюсь,— сказал он.

— Ненавижу это место. Ты знаешь, я люблю пещеры. Потому я сюда и залез. Страсть к спелеологии. Но эта пещера — сволочь. Серьезно. Здесь ни на секунду нельзя расслабиться. Хотя, надеюсь, эти ребята с ней справятся. Они свое дело знают.

— За ними будущее, каким бы оно ни было,— сказал Пью.

«Будущее» карабкалось по лестнице, увлекло Мартина к выходу из пещеры и засыпало его вопросами.

— У нас хватит материала для крепления?

— Если мы переоборудуем один из сервоэкстракторов, то да.

— Микровзрывов будет достаточно?

— Каф может рассчитать нагрузки.

Пью переключил рацию на прием их голосов. Он наблюдал за ними, смотрел на Мартина, молча стоявшего среди них, на Адскую Пасть и морщинистую равнину.

— Все в порядке? Мартин, ты согласен с предварительным планом?

— Это уж твое дело, — ответил Мартин.

За пять дней Джоны разгрузили и подготовили оборудование и начали работу в шахте. Они работали с максимальной производительностью. Пью был зачарован и даже напуган этой производительностью, их уверенностью и независимостью. Они в нем совершенно не нуждались. Клон и в самом деле можно считать первым полностью стабильным, самостоятельным человеческим существом, думал он. Выросши, они уже не нуждаются ни в чьей помощи. Они будут сами себя удовлетворять и в физическом, и интеллектуальном, и эмоциональном отношении. Что бы ни делал член этой группы, он всегда будет пользоваться полной поддержкой и одобрением остальных близнецов. Никто больше им не нужен.

Двое из клона остались в куполе, занимаясь вычислениями и всякой писаниной, часто выбираясь на шахту для измерений и испытаний. Это были математики клона, Зайин и Каф. Как объяснила сама Зайин, все десятеро получили достаточную математическую подготовку в возрасте от трех до двадцати одного года. Но с двадцати одного до двадцати трех они с Кафом специализировались в математике, тогда как другие занимались больше геологией, горным делом, электроникой, роботикой, прикладной атомикой и так далее.

— Мы с Кафом считаем, что мы в клоне ближе всего к настоящему Джону Чоу, — сказала Зайин. — Но, разумеется, в основном он был биоматематиком, а это уже не наша специальность.

— Мы нужнее здесь, — заявил Каф со свойственным ему самодовольством.

Пью с Мартином вскоре научились отличать эту пару от других. Зайин — по целостности характера, Кафа — лишь по обесцвеченному ногтю на безымянном пальце (Каф в шестилетнем возрасте попал себе по пальцу молотком). Без сомнения, существовали и другие различия, как физические, так и психологические. Природа может создавать идентичное, а воспитание внесет свои поправки. Но найти эти различия было нелегко. Сложность заключалась еще и в том, что клон никогда не разговаривал с Пью и Мартином всерьез. Они шутили с ними, были вежливы. Жаловаться было не на что: они были милы, но в поведении чувствовалось стандартизированное американское дружелюбие:

— Вы родом из Ирландии, Оуэн?

— Нет, я валлиец.

— Вы разговариваете с Мартином на валлийском языке?

«Вот это тебя не касается», — подумал Пью и ответил:

— Нет, это диалект Мартина. Аргентинский. Ведет происхождение от испанского языка.

— Вы изучили его для того, чтобы другие вас не понимали?

— От кого нам таиться? Просто человеку иногда приятно говорить на родном языке.

— Наш родной язык английский, — сказал Каф безучастно. Да и как он мог быть участливым? Человек проявляет участие к другим потому, что сам в нем нуждается.

— Уэллс — необычная страна? — спросила Зайин.

— Уэллс? Да, Уэллс необычен. — Пью включил камнерез и таким образом избавился от дальнейших расспросов, заглушив их визгом пилы. И пока прибор визжал, Пью отвернулся от собеседников и выругался по-валлийски.

— Еще два месяца терпеть, — сказал Мартин как-то вечером.

— Два месяца до чего? — огрызнулся Пью. Последнее время он был раздражителен, и угрюмость Мартина действовала ему на нервы.

— До смены.

Через шестьдесят дней возвратится вся экспедиция с обследования других планет этой системы.

— Зачеркиваешь дни в своем календаре? — поддразнил он Мартина.

— Возьми себя в руки, Оуэн.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал.

Они расстались, недовольные друг другом.

Проведя день в Пампе, громадной лавовой долине, до которой было два часа лета на ракете, Пью вернулся домой. Он был утомлен, но освежен одиночеством. Одному было не положено пускаться в дальние поездки, но они часто делали это в последнее время. Мартин стоял, склонившись под яркой лампой, вычерчивая одну из своих элегантных, мастерски выполненных карт; на этой было изображено отвратительное лицо Либры. Кроме Мартина, дома не было никого, и купол казался огромным и туманным, как и до приезда клона.

— Где наша золотая орда?

Мартин, продолжая штриховать, буркнул, что не знает. Затем выпрямился и обернулся к солнцу, расплзшемуся по восточной равнине, словно громадная красная жаба, и взглянул на часы, которые показывали 18.45.

— Сегодня порядочные землетрясения, — сказал он, вновь наклоняясь над картой. — Чувствовал? Ящики так и сыплются. Взгляни на сейсмограф.

На ролике дергалась и дрожала игла. Она никогда не прекращала здесь свой танец. Во второй половине дня на

ленте было зарегистрировано пять крупных землетрясений. Два раза игла самописца вылезала за ленту. Спаренный с сейсмографом компьютер выдал карточку с надписью: «Эпицентр 61' норд — 42'4" ост».

— На этот раз не в траншее.

— Мне показалось, что оно отличается от обычных. Резче было.

— На первой базе я все ночи не спал, чувствуя, как трясется земля. Удивительно, как ко всему привыкаешь.

— Рехнешься, если не привыкнешь. Что на обед?

— А я думал, ты его уже приготовил.

— Я жду клона.

Чувствуя, что проиграл, Пью достал дюжину обеденных пакетов, сунул два из них в автовар и вытащил вновь.

— Вот и обед.

— Я вот думаю, — сказал Мартин, подходя к столу. — А что если какой-нибудь клон сам себя склонирует? Нелегально. Сделает тысячу дубликатов, десять тысяч, целую армию. Они смогут преспокойно захватить власть, разве не так?

— Но ты забыл, сколько миллионов стоило вырастить этот клон? Искусственная плацента и так далее. Это нелегко сделать в тайне, без собственной планеты... Когда-то давно, до создания Лиги, когда Земля была поделена между национальными правительствами, об этом был разговор: склонируйте своих лучших солдат, создайте целые полки-клоны. Но безумие кончилось раньше, чем они смогли сыграть в эту игру.

Они разговаривали дружески, совсем как раньше.

— Странно, — жуя сказал Мартин. — Они же уехали рано утром.

— Да, все, кроме Кафа и Зайин. Они надеялись доставить на поверхность первую партию руды. Что случилось?

— Они не приехали на обед.

— Не беспокойся, с голоду не помрут.

— Они уехали в семь утра.

— Ну и что? — И тут Пью понял. Воздушные баллоны были рассчитаны на восемь часов.

— Каф и Зайин взяли с собой запасные баллоны.

— А может, у них есть запас в шахте?

— Был, но они привезли все баллоны сюда на заправку.

Мартин поднялся и показал на поленницу баллонов.

— В каждом скафандре есть сигнал тревоги.

— Сигналы не автоматические.

Пью устал и хотел есть.

— Садись и поешь, старик. Они сами о себе позаботятся.

Мартин сел, но есть не стал.

— Первый толчок был очень сильным. Он меня даже испугал.

Пью помолчал, потом вздохнул и сказал:

— Ну, хорошо.

Без всякого энтузиазма они влезли в двухместный флаер, который всегда был в их распоряжении, и направились на север. Долгий рассвет окутал планету ядовито-красным туманом. Низкий свет и тени мешали разглядывать дорогу, создавали миражи — железные стены, сквозь которые свободно проникал флаер, превратили долину за Адской Пастью в низину, заполненную кровавой водой. У входа в туннель скопилось множество машин. Краны, сервороботы, кабели и колеса, автокопатели и подъемники причудливо выступали из тьмы, охваченные красным светом. Мартин соскочил с флаера и бросился в шахту. Тут же выбежал обратно и крикнул Пью:

— Боже, Оуэн, обвал!

Пью вбежал в туннель и метрах в пяти от входа увидел блестящую мокрую черную стену. Вход в туннель,

увеличенный взрывами, казался таким же, как раньше, пока Пью не заметил в стенах тысячи тонких трещинок. Пол был мокрым и скользким.

— Они были внутри, — сказал Мартин.

— Они и сейчас там. Но у них наверняка найдутся запасные баллоны.

— Да ты посмотри на базальтовый слой, на крышу, Оуэн. Разве ты не видишь, что натворило землетрясение?

Низкий горб породы, нависавший раньше над входом в шахту, провалился внутрь в огромную котловину. Пью увидел, что все эти породы испещрены множеством тонких трещин. Из некоторых струился белый газ, он скапливался в образовавшейся котловине, и солнечный свет отражался от него, словно это было красноватое мутное озеро.

Мартин последовал за Пью и начал поиски, бродя среди поломанных машин и механизмов. Он обнаружил флаер, который врезался под углом в яму. Во флаере было два пассажира. Одного из них наполовину засыпало пылью, но приборы его скафандра указывали на то, что человек жив. Зайин висела на ремнях сиденья. Ноги ее были перебиты, скафандр разорван, тело замерзло и было твердым как камень. Вот и все, что им удалось найти. Согласно правилам и обычаям, они тут же кремировали мертвую лазерными пистолетами, которые носили с собой. Им никогда раньше не приходилось пускать их в ход. Пью, чувствуя, что его сейчас вырвет, втащил другое тело в двухместный флаер и отправил Мартина с ним в купол. Затем его вырвало, он вычистил скафандр и, обнаружив неповрежденный четырехместный флаер, последовал за Мартином, трясаясь так, словно холод Либры пронизал его тело.

В живых остался Каф. Он был в глубоком шоке. На затылке у него обнаружили шишку, но кости были целы.

Пью принес две порции пищевого концентрата и поставил стакану аквавита.

— Давай, — сказал он.

Мартин послушно взял аквавит.

Каф лежал не двигаясь, лицо его в обрамлении черных волос казалось восковым, губы были приоткрыты, и из них вырывалось слабое дыхание.

— Это все первый толчок, самый сильный, — сказал Мартин. — Он сдвинул горные породы. Должно быть, там находились залежи газа, как в тех формациях в тридцать первом квадрате. Но ведь ничто не указывало...

И тут земля выскользнула у них из-под ног. Вещи вокруг запрыгали, загремели, затрещали, закричали: ха-ха-ха!

— В четырнадцать часов было то же самое, — неуверенно произнес Мартин. Но когда тряска затихла и все предметы вокруг прекратили танец, Каф вскочил, в нем всколыхнулась тревога.

Пью перепрыгнул через камень и уложил Кафа на койку. Тот отбросил его. Мартин навалился ему на плечи. Каф кричал, боролся, задыхался, его лицо почернело.

Пальцы Пью сами инстинктивно отыскивали нужный шприц; пока Мартин держал маску, он вонзил иглу в нервный узел, возвращая Кафа к жизни.

— Вот уж не думал, что ты это умеешь, — сказал Мартин, переводя дыхание.

— Мой отец был врачом. Но это средство не всегда помогает, — ответил Пью. — Жаль, что я не донил аквавита. Землетрясение кончилось? Что-то я не пойму.

— Не думай, что только тебя трясет. Толчки продолжаются.

— Почему он задыхался?

— Я не знаю, Оуэн. Загляни в книгу.

Каф стал дышать ровнее, и лицо его порозовело, толь-

ко губы были все еще темными. Мартин с Оуэном наполнили бокалы бодрящим напитком и сели рядом, раскрыв медицинский справочник. Под рубриками «шок» или «ушиб» ничего не сказано о цианозе и удушье. Он не мог ничего наглотаться — ведь он в скафандре.

— Этот справочник нам так же полезен, как «Бабушкина книга о лекарственных травах»... Пью бросил книгу на ящик. Она не долетела, потому что либо Пью, либо ящик еще не обрели спокойствия.

— Почему он не подал сигнала?

— Что?

— У тех восьми, которые остались в шахте, не было на это времени. Но ведь он-то и девушка были снаружи. Может, она стояла у входа, и ее засыпало камнями. Он же оставался снаружи, возможно, в дежурке. Он вбежал в туннель, вытащил ее, привязал к сиденью флаера и поспешил к куполу. И за все это время ни разу не нажал кнопку тревоги. Почему?

— Наверно, из-за удара по голове. Сомневаюсь, понял ли он, что девушка мертва. Он потерял рассудок. Но даже если он и соображал, не думаю, чтобы он стал нам сигналить. Они ждали помощи только друг от друга.

Лицо Мартина было похожим на индейскую маску с глубокими складками у рта и глазами цвета тусклого угля.

— Ты прав. Представляешь, что он пережил, когда началось землетрясение и он оказался снаружи, один...

В ответ Каф закричал.

Он свалился с койки, задыхаясь, в судорогах, размахивая рукой, спихнул Пью, дополз до кучи ящиков и упал на пол. Губы его были синими, глаза белыми. Мартин снова вытащил его на койку, дал вдохнуть кислорода и склонился над Пью, который приподнялся, вытирая кровь с рассеченной скулы.

— Оуэн, ты в порядке? Что с тобой, Оуэн?

— Я думаю, все в порядке,— сказал Пью.— Зачем ты трешь мне физиономию этой штукой?

Это был обрывок ленты компьютера, измазанный кровью Пью. Мартин отшвырнул его.

— Мне показалось, что это полотенце. Ты разбил щеку об угол ящика.

— У него прошел припадок?

— По-моему, да.

Они смотрели на Кафа, лежавшего неподвижно. Его зубы казались белой полоской между черными приоткрытыми губами.

— Похоже на эпилепсию. Может быть, поврежден мозг?

— Вкатить ему дозу мепробамата?

Пью покачал головой.

— Я не знаю, что было в противошоковом уколе. Боюсь, что доза будет слишком велика.

— Может, он проспится и все пройдет?

— Я и сам бы поспал. Я на ногах не держусь.

— Тебе нелегко пришлось. Иди, а я пока посижу.

Пью промыл порез на щеке, снял рубашку и остановился.

— А вдруг мы могли что-то сделать—хоть попытаться.

— Они умерли,— мягко сказал Мартин.

Пью улегся поверх спального мешка и вскоре проснулся от страшного kloкочущего звука. Он встал, покачиваясь, нашел шприц, трижды пытался ввести его, но это ему никак не удавалось. Затем начал массировать сердце Кафа.

— Искусственное дыхание, изо рта в рот,— приказал он, и Мартин подчинился.

Наконец, Каф резко втянул воздух, пульс его стал равномерным и напряженные мышцы расслабились.

— Сколько я спал? — спросил Пью.

— Полчаса.

Они стояли, обливаясь потом. Земля дрожала, дом покачивался и сжимался. Либра снова принялась танцевать свою проклятую польку, свой гусиный танец. Солнце, поднявшись чуть повыше, стало еще больше и краснее: скудная атмосфера была насыщена газом и пылью.

— Что с ним творится, Оуэн?

— Я боюсь, что он умирает вместе с ними.

— С ними... Но они умерли, я же сказал.

— Девять умерло. Они все мертвы, раздавлены или задохнулись. Все они в нем, и он в них во всех. Они умерли, и теперь он умирает их смертями, один за другим.

— Господи, какой ужас, — сказал Мартин.

Следующий приступ был примерно таким же. Пятый — еще хуже. Каф рвался и бился, стараясь сказать что-то, но слов не было, словно рот его набили камнями и глиной. После этого приступы стали слабее. Но и он сам ослаб. Восьмой приступ начался в 4.30. Пью и Мартин бились до половины шестого, стараясь удержать жизнь в теле, которое без сопротивления уплывало в царство смерти. Им это удалось, но Мартин сказал, что следующего приступа он не переживет. Так бы оно и вышло, но Пью, прижавшись ртом к его рту, вдыхал воздух в его опавшие легкие, пока сам не потерял сознания.

Пью очнулся. Купол был матовым, в нем не горел свет. Пью прислушался и уловил дыхание двух спящих мужчин. Потом он заснул, и его разбудил только голод.

Солнце поднялось высоко над темными равнинами, и планета прекратила свой танец. Каф спал. Пью и Мартин пили крепкий чай и глядели на него с торжеством собственников.

Когда он проснулся, Мартин подошел к нему.

— Как себя чувствуешь, старик?

Ответа не было. Пью занял место Мартина и заглянул в карие, тусклые глаза, которые глядели на него, но ничего не видели. Как и Мартин, он сразу отвернулся. Он подогрел пищевой концентрат и принес Кафу.

— Вышей.

Он заметил, как напряглись мышцы на шее Кафа.

— Дайте мне умереть,— сказал юноша.

— Ты не умрешь.

Каф сказал, четко выговаривая слова:

— Я на девять десятых мертв. У меня нет сил, чтобы жить дальше.

Это подействовало на Пью, но он решил сражаться.

— Нет,— сказал он тоном, не терпящим возражений.— Они мертвы. Другие. Твои братья и сестры. Ты — не они. Ты жив. Ты — Джон Чоу. Твоя жизнь в твоих собственных руках.

Юноша лежал неподвижно, глядя в темноту, которой не было.

Мартин и Пью с обоими запасными роботами по очереди отправлялись на экспедиционном трейлере к Адской Пасти, чтобы спасти оборудование, уберечь его от злоеющей атмосферы Либры, потому что ценность его выражалась в астрономических цифрах. Дело двигалось медленно, но они не хотели оставлять Кафа одного. Тот, кто оставался в куполе, возился с бумагами, а Каф сидел или лежал, глядя в темноту, и молчал. Дни проходили в тишине.

Затрещало, заговорило радио:

— Корабль на связи. Через пять недель будем на Либре, Оуэн. Точнее, по моим расчетам, через 34 земных дня и 9 часов. Как дела под куполом?

— Плохо, шеф. Исследовательская команда погибла в шахте. Все, кроме одного. Было землетрясение. Шесть дней назад.

Радио щелкнуло, и в него ворвались звуки космоса.

Пауза — шестнадцать секунд. Корабль был на орбите вокруг третьей планеты.

— Все, кроме одного, погибли? А вы с Мартином невредимы?

— Мы в порядке, шеф.

Тридцать две секунды молчания.

— «Пассерина» оставила нам еще одну исследовательскую команду. Я могу перевести их на объект Адская Пасть вместо квадрата 7. Мы уладим это, когда прилетим. В любом случае мы сменим тебя и Мартина. Держитесь. Что-нибудь еще?

— Больше ничего.

Тридцать две секунды...

— Тогда до свидания, Оуэн.

Каф слышал этот разговор, и позднее Пью сказал ему:

— Шеф может попросить тебя остаться со следующей исследовательской командой. Ты знаешь адепную обстановку.

Зная порядки в глубоком космосе, он хотел предупредить юношу.

Каф не ответил. С тех пор как он сказал: «У меня нет сил, чтобы жить дальше», он не произнес ни слова.

— Оуэн,— сказал Мартин по внутренней связи.— Он сломался. С ума сошел.

— Он неплохо выглядит для человека, который девять раз умер.

— Неплохо? Как выключенный андроид! У него не осталось никаких чувств, кроме ненависти. Загляни ему в глаза.

— Это не ненависть, Мартин. Послушай, это правда, что он в определенном смысле был мертв. Я и представить не могу, что он чувствует. Он нас даже не видит. Ему слишком темно.

— В темноте, бывает, перерезают глотки. Он нас ненавидит, потому что мы — не Алеф, не Йод и не Зайин.

— Может быть. Но я думаю, что он одинок. Он нас не видит и не слышит. Это верно. Раньше ему и не требовалось никого видеть. Никогда до этого он не знал одиночества. Он разговаривал сам с собой, видел самого себя, жил с самим собой, жизнь его была полна девятью «я». Он не понимает, как ты можешь жить сам по себе. Он должен научиться. Дай ему время.

Мартин покачал головой.

— Сломался, — сказал он. — И когда остаешься с ним один на один, запомни, что он может свернуть тебе шею одной рукой.

— Свернуть он может, — с улыбкой ответил Пью.

Они стояли перед куполом, программируя серворобота для починки сломанного тягача. Пью мог видеть оттуда Кафа под куполом, напоминавшего муху в янтаре.

— Передай мне вкладыш. Почему ты решил, что ему станет лучше?

— Он — сильная личность, можешь в этом не сомневаться.

— Сильная личность? Обломок личности. Девять десятых ее мертвы. Он же сам сказал.

— Но он-то не мертв. Он — живой человек по имени Джон Каф Чоу. Воспитание его было необычным, но в конце концов каждый мальчик расстается со своей семьей. Он тоже это сделает.

— Что-то не похоже.

— Подумай, Мартин. Для чего люди придумали клонирование? Для обновления земной расы. Мы ведь не лучшие ее представители. Погляди на меня. Мои интеллектуальные и физические данные вдвое хуже, чем у Джона Чоу. Но я был так нужен Земле в глубоком космосе, что, когда я изъявил желание работать здесь, мне вставили ис-

кусственное легкое и ликвидировали близорукость. А если бы на Земле был избыток здоровых молодых парней, неужели бы потребовались услуги близорукого валлийца с одним легким?

— Вот уж не знал, что у тебя искусственное легкое.

— Теперь будешь знать. Не жестяное легкое, а человеческое, часть чужого тела, выращенная искусственно, склонированная, точнее говоря. Так в медицине делают органы-заменители. С помощью клонирования, только частичного, а не полного. Теперь это мое собственное легкое. Но я хотел сказать о другом: сегодня слишком много таких, как я, и слишком мало таких, как Джон Чоу. Ученые пытаются поднять генетический уровень человечества. Поэтому мы знаем, что если человек клонирован, то это наверняка сильный и умный человек. Разве не логично?

Мартин хмыкнул. Серворобот загудел, разогреваясь.

Каф мало ел. Ему трудно было глотать пищу, он давился и отказывался от еды после нескольких глотков. Он потерял в весе восемь или десять килограммов. Но недели через три к нему начал возвращаться аппетит, и однажды он занялся разборкой имущества клона, переворошил спальные мешки, сумки, бумаги, которые Пью аккуратно сложил в конце прохода между ящиками. Он рассортировал все, сжег кипу бумаг и мелочей, собрал остатки в небольшой пакет и снова погрузился в молчание.

Еще через два дня он заговорил. Пью пытался избавиться от дрожания ленты в магнитофоне, но у него ничего не получалось. Мартин улетел на ракете проверять карту Пампы.

— Черт возьми! — воскликнул Пью, и Каф отозвался голосом, лишенным выражения:

— Хотите, чтобы я это сделал?

Пью вскочил, но тут же взял себя в руки и передал

аппарат Кафу. Тот разобрал его, потом собрал и оставил на столе.

— Поставь какую-нибудь ленту,— сказал Пью как можно естественней, склонившись над соседним столом.

Каф взял первую попавшуюся ленту. Это оказался хорал. Каф лег на койку. Звук поющих хором сотен человеческих голосов заполнил купол. Каф лежал неподвижно. Лицо его не выражало ничего.

В течение следующих дней он выполнил еще несколько дел, хотя никто его об этом не просил. Он не делал ничего, что потребовало бы с его стороны инициативы, и если его просили о чем-нибудь, он попросту не реагировал на просьбу.

— Он поправляется,— сказал Пью на аргентинском диалекте.

— Нет. Он превращает себя в машину. Делает лишь то, на что запрограммирован, и не реагирует на остальное. Это хуже, чем если бы он совсем ничего не делал. Он уже не человек.

Пью вздохнул.

— Спокойной ночи,— сказал он по-английски.— Спокойной ночи, Каф.

— Спокойной ночи,— ответил Мартин. Каф ничего не ответил.

На следующее утро Каф протянул за завтраком руку над тарелкой Мартина, чтобы достать гренки.

— Почему ты меня не попросил? — вежливо сказал Мартин, подавляя раздражение.— Я бы передал.

— Я и сам могу достать,— ответил Каф бесцветным голосом.

— Да, можешь. Но послушай: передать хлеб, сказать «спокойной ночи» или «привет» — все это не так важно, но если один человек что-то говорит, другой во всех случаях должен ему ответить...

Молодой человек равнодушно глянул в сторону Мартина. Его глаза все еще не замечали людей, с которыми он говорил.

— Почему я должен отвечать?

— Потому что к тебе обращаются.

— А почему?

Мартин пожал плечами и рассмеялся. Пью вскочил и включил камнерез.

Потом он сказал:

— Отстань от него, Мартин.

— В маленьких изолированных коллективах очень важно не забывать о хороших манерах, раз уж работаешь вместе. Его этому учили. Каждый в глубоком космосе знает об этом. Так что же он сознательно отказывается от вежливости?

— Ты говоришь «спокойной ночи» самому себе?

— Ну и что?

— Неужели ты не понимаешь, что Каф никогда не был знаком ни с кем, кроме самого себя?

— Тогда, клянусь богом, все эти штуки с клонированием ни к чему, — сказал Мартин. — Ничего из этого не выйдет. Чем могут помочь человеку эти дубликаты гениев, если они даже не подозревают о нашем существовании?

Пью кивнул:

— Может, разумнее разделять клоны и воспитывать их с обычными детьми. Но из них составляются такие великолепные команды!

— Разве? Не уверен. Если бы эта команда состояла из десяти обычных серых инженеров-изыскателей, неужели бы все они оказались в одно время в одном и том же месте? Неужели бы они все погибли? А что если эти ребята, когда начался обвал и стали рушиться стены, бросились в одном и том же направлении, в глубь шахты, может, чтобы спасти того, кто был дальше всех? Даже Каф,

который был снаружи, сразу бросился в шахту... Это гипотеза. Но я полагаю, что из десяти обыкновенных растерявшихся людей хоть один выскочил бы на поверхность.

Проходили дни, красное солнце кралось по темному небу, но Каф все так же не отвечал на вопросы, и Пью с Мартином все чаще сцеплялись между собой. Пью начал жаловаться на то, что Мартин храпит. Оскорбившись, Мартин перенес свою койку на другую сторону купола и некоторое время вообще с ним не разговаривал. Пью навистывал валлийские песенки, и это надоело Мартину. Тогда Пью тоже на него обиделся и какое-то время не разговаривал с ним.

За день до прилета корабля Мартин объявил, что собирается в горы Меринонета.

— А я полагал, что ты, наконец, поможешь мне закончить анализ образцов на компьютере, — мрачно заметил Пью.

— Каф тебе поможет. Я хочу еще разок взглянуть на траншею. Желаю успеха, — добавил Мартин на диалекте и ушел, посмеиваясь.

— Что это за язык?

— Аргентинский. Разве я тебе об этом не говорил?

— Не знаю. — Через некоторое время молодой человек добавил: — Боюсь, что я многое забыл.

— Ну и пусть, — мягко сказал Пью, внезапно осознав, как важен этот разговор. — Ты поможешь мне поработать на компьютере, Каф?

Тот кивнул.

У них было много недоделок, и работа отняла весь день. Каф был отличным помощником, быстрым и сообразительным, и чем-то напоминал самого Пью. Правда, его бесцветный голос действовал на нервы, но это можно было пережить — через день прибудет корабль — старая команда, товарищи и друзья.

Днем они сделали перерыв, чтобы выпить чаю, и Каф спросил:

— Что случится, если корабль разобьется?

— Они все погибнут.

— Что случится с вами?

— С нами? Мы передадим по радио SOS и будем жить на половинном рационе, пока не придет спасательный корабль с третьей базы. На это уйдет четыре с половиной года. Мы наскребем припасов для троих на четыре-пять лет. Туго придется, но перебьемся.

— И они пошлют спасательный корабль из-за трех человек?

— Конечно.

Каф больше ничего не сказал.

— Хватит рассуждать на веселые темы,— сказал Пью, поднимаясь из-за стола, чтобы вернуться к приборам. Он покачнулся, и стул вырвался из руки. Пью, не закончив пируэта, врезался в стену купола.

— Ну и ну,— сказал он.— Что это было?

— Землетрясение,— ответил Каф.

Чашки плясали, звонко ударяясь о стол, ворох бумаг взвился над ящиком, крыша купола вздувалась и оседала. Под ногами рождался глухой грохот, наполовину звук, наполовину движение.

Каф сидел неподвижно. Землетрясением не испугаешь человека, погибшего при землетрясении.

Пью побелел, черные жесткие волосы разметались. Он был напуган. Он сказал:

— Мартин в траншее.

— В какой траншее?

— На линии большого сброса. В эпицентре здешних землетрясений. Погляди на сейсмограф.

Пью сражался с заклиненной дверью дрожащего шкафа.

— Что вы делаете?

— Надо спешить ему на помощь.

— Мартин взял ракету. Летать на фляерах во время землетрясения опасно. Они выходят из-под контроля.

— Заткнись ты, ради бога!

Каф поднялся, и голос его был так же ровен и бесцветен, как и всегда.

— Нет никакой необходимости отправляться сейчас на поиски. Это ведет к неоправданному риску.

— Если услышишь, что он нажал на кнопку тревоги, немедленно сообщи мне по радиации, — сказал Пью, зацеливая шлем и бросаясь к люку.

Когда он выбежал наружу, Либра уже подобрала свои порванные юбки и вся она, до самого красного горизонта, отплясывала танец живота.

Из-под купола Каф видел, как фляер набрал скорость, взвился вверх в красном туманном свете подобно метеору и исчез на северо-востоке. Вершина купола вздрогнула, и земля кашлянула. К югу от купола образовался сифон, выплюнувший столб черного газа.

Пронзительно зазвенел звонок, и на центральном контрольном пульте вспыхнул красный свет. Под огоньком была надпись «Скафандр № 2», и от руки там было нацарапано «А. Г. М.» Каф не выключил сигнала. Он попытался связаться с Мартином, потом с Пью, но не получил ответа.

Когда толчки прекратились, Каф вернулся к работе и закончил то, что они делали с Пью. Это заняло часа два. Через каждые полчаса он пытался связаться со «скафандром № 2» и не получал никакого ответа, затем радировал «скафандру № 1» и тоже не получал ответа. Красный огонек потух примерно через час.

Подошло время ужинать. Каф приготовил себе ужин и съел его. Потом лег на койку.

Последние толчки улеглись, и лишь иногда по планете прокатывались отдаленный гул и дрожь. Солнце висело на западе, светло-красное, огромное, похожее на чечевицу, и все никак не садилось. Было тихо.

Каф поднялся и принялся расхаживать по заваленному вещами, неприбранному пустынному дому. Здесь царила тишина. Он подошел к магнитофону и поставил первую попавшуюся ленту. Это была чистая электронная музыка, лишенная гармонии и голосов. Музыка кончилась. Тишина осталась.

Форменный комбинезон Пью с оторванной пуговицей висел над кучей образцов породы. Каф смотрел на него.

Тишина продолжалась.

Детский сон: нет никого на свете, кроме меня. Во всем мире ни одного живого существа.

Низко над долиной, к северу от купола, сверкнул метеорит.

Рот Кафа открылся, будто он хотел что-то сказать, но не раздалось ни звука. Он быстро подошел к северной стене и вгляделся в желатиновый красный сумрак.

Звездочка подлетела и опустилась. Перед люком возникли две фигуры. Когда они вошли, Каф стоял у люка. Скафандр Мартина был покрыт пылью и оттого казался старым, покоробленным, словно поверхность Либры. Пью поддерживал его под руку.

— Он ранен?

Пью снял скафандр, помог Мартину раздеться.

— Перенервничал,— сказал он коротко.

— Обломок скалы упал на ракету,— сказал Мартин, усаживаясь за стол и размахивая руками.— Правда, меня там не было. Я, понимаешь, приземлился и копался в угольной пыли, когда почувствовал, что все вокруг затряслось. Тогда я выбрался на участок вулканической породы, который присмотрел еще сверху. Так было надеж-

нее и дальше от скал. И тут же увидел, как кусок планеты рухнул на мою ракету. Ну и зрелище! Тогда мне пришло в голову, что запасные баллоны с кислородом остались в ракете, так что я нажал на кнопку тревоги. Но по радио связаться ни с кем не смог — во время землетрясений здесь всегда так бывает. Я не знал, получили ли вы мой сигнал. А вокруг все прыгало, и скалы разваливались на глазах. Летели камни, и пыль поднялась такая, что в метре ничего не видно. Я уже начал подумывать, чем же я буду дышать через пару часов. как увидел, что старик Оуэн кружит над траншеей в пыли и камнях, словно огромная уродливая летучая мышь...

— Есть будешь? — спросил Пью.

— Конечно, буду. А как ты здесь пережил землетрясение, Каф? Повреждений нет? Не такое уж и сильное было землетрясение, правда? Что показывал сейсмограф? Мне не повезло, что я оказался в самой серединке. Чувствовал себя там, как на Рихтере-15, словно вся планета рассыпалась...

— Садись, — сказал Пью. — И ешь.

После того как Мартин поел, поток слов истощился. Мартин доплелся до койки, все еще стоявшей в том дальнем углу, куда он поставил ее, когда Пью пожаловался на его храп.

— Спокойной ночи, безлегочный валлиец, — крикнул он.

— Спокойной ночи.

Больше Мартин ничего не сказал. Пью затемнил купол, убавил свет в лампе, пока она не стала гореть желтым светом свечи. Затем, не говоря ни слова, сел, погружившись в свои мысли.

Тишина продолжалась.

— Я кончил расчеты.

Пью благодарно кивнул.

— Я получил сигнал Мартина, но не смог связаться ни с ним, ни с вами.

Сделав над собой усилие, Пью сказал:

— Мне не следовало улетать. У него еще оставалось кислорода на два часа даже с одним баллоном. Когда я помчался туда, он мог направиться домой. Так бы мы все друг друга растеряли. Но я перепугался.

Тишина вернулась, нарушаемая лишь негромким храпом Мартина.

— Вы любите Мартина?

Пью зло взглянул на него:

— Мартин мой друг. Мы работали вместе, и он хороший человек. — Он помолчал. Потом добавил через некоторое время: — Да, я его люблю. Почему ты спрашиваешь?

Каф ничего не отвечал, только смотрел на Пью. Выражение его лица изменилось, словно он увидел что-то, чего раньше не замечал. И голос его изменился:

— Как вы можете... как вы...

Но Пью не сумел ему ответить.

— Я не знаю, — сказал он. — В какой-то степени это вопрос привычки. Не знаю. Каждый из нас живет сам по себе. Что же делать, если не держаться за руки в темноте?

Станный, горящий взгляд Кафа потух, словно сожженный собственной силой.

— Устал я, — сказал Пью. — Ну и жутко же было разыскивать его в черной пыли и грязи, когда в земле раскрывались и захлопывались жадные пасти... Я пошел спать. Корабль начнет передачу часов в шесть.

Он встал и потянулся.

— Там клон, — сказал Каф. — Они везут сюда другую исследовательскую команду.

— Ну и что?

— Клон из двенадцати. Я их видел на «Пассерине».

Каф сидел в желтом тусклом свете лампы и, казалось, видел сквозь свет то, чего он так боялся: новый клон, множественное «я», к которому он не принадлежал. Потерянная фигурка из сломанного набора, фрагмент, не привыкший к одиночеству, не знающий даже, как можно отдавать свою любовь другому человеку. Теперь ему предстоит встретиться с абсолютом, с замкнутой системой клона из двенадцати близнецов. Слишком многое требовалось от бедного парня. Проходя мимо, Пью положил руку ему на плечо:

— Шеф не будет требовать, чтобы ты оставался здесь с клоном. Можешь вернуться домой. А может, раз уж ты космический разведчик, отправишься дальше с нами? Мы найдем тебе дело. Не спеши с ответом. Ты справишься.

Пью замолчал. Он стоял, расстегивая куртку, чуть сторбившись от усталости. Каф посмотрел на него и увидел то, чего не видел раньше. Увидел его, Оуэна Пью, другого человека, протягивающего ему руку в темноте.

— Спокойной ночи,— пробормотал полусонный Пью, залезая в спальный мешок. И он не услышал, как после паузы Каф ответил ему, протянув руку сквозь темноту.

ПОХИТИТЕЛЬ ДУШ

Ну что ж, действовали мы довольно быстро. Этот самый Ван-Пелт объявился в Пентагоне в четверг, а к следующему понедельнику отряд из ста тридцати пяти солдат с полным снаряжением под моей командой окружил берлогу старика.

Ему это не понравилось. Так я и предполагал. Как только грузовики въехали во двор, он вылетел из большого дома.

— Убирайтесь отсюда! Убирайтесь немедленно! Это частная собственность, а вы сюда врываетесь! Я этого не потерплю, слышите? Убирайтесь!

Я вылез из джипа и спокойно представился ему:

— Полковник Уиндермир, сэр. Имею приказ обеспечить охрану ваших лабораторий. Прошу ознакомиться — копия приказа.

Он рычал и шипел, но в конце концов вырвал бумаги из моей руки. Ничего не поделаешь, они были подписаны самим генералом Фолленсби. Я вежливо стоял возле него: хотел, чтобы в его же интересах все прошло спокойно. Я предпочитаю штатских без нужды против себя не возмущать. Но он явно не думал о своих интересах.

— Ван-Пелт! — завопил он. — Так, значит, этот продажный гад...

Я внимательно слушал. Он был в ударе. Заявил, что Ван-Пелт, в прошлом его сотрудник, якобы не имел никакого права сообщать Пентагону, что эффект Хорна можно применить и для военных целей. Убедительность его жалобам придавало их словесное оформление.

В конце концов мне пришлось его перебить:

— Доктор Хорн, генерал поручил мне передать вам

его личное заверение в том, что мы никак не будем вмешиваться в вашу работу. Разговор идет только о вашей безопасности. Я надеюсь, что вы понимаете, как важна безопасность, сэр.

— Безопасность! Послушайте, лейтенант, я не потерплю...

— Полковник Уиндермир, сэр.

— Полковник, лейтенант, генерал, черт возьми, не все ли равно? Выслушайте меня! Эффект Хорна — моя личная собственность, не ваша, не Ван-Пелта, не правительства, ничья — только моя! Я работал над разделением личности, когда вас еще и на свете не было...

— Безопасность, сэр, — сказал я резко.

Он выпучил на меня глаза, и я кивнул в сторону моего шофера.

— Он не имеет допуска, доктор Хорн, — объяснил я. — Все в порядке, О'Хейр, вы свободны.

Сержант О'Хейр козырнул мне и отъехал.

Я сказал вежливо:

— Доктор Хорн, поймите же, я здесь нахожусь для того, чтобы вам помогать. Если вам что-нибудь потребуется, только заикнитесь — я все раздобуду. Даже если вам захочется поехать в город, это можно будет устроить. Конечно, лучше нас предупредить за двадцать четыре часа, чтобы мы могли организовать маршрут следования...

Он коротко ответил:

— Молодой человек, катитесь к черту.

Повернулся и потопал к большому дому. Я смотрел ему вслед и, помню, думал, что для старого козла восьмидесяти или восьмидесяти пяти лет он сохранил массу энергии.

Я занялся своими делами, а доктор Хорн тем временем схватил телефонную трубку и решил выразить Пентагону свой протест против нашего присутствия. Когда он, нако-

нец, понял, что кричит в выключенный аппарат и что ни один разговор на этой линии не состоится без моего на то разрешения, он закатил новую бучу.

Но, сами понимаете, это ни к чему не привело, коль скоро приказ был подписан самим генералом Фолленсби.

На следующее утро в восемь ноль-ноль я провел учебную тревогу и симулировал проникновение врага, чтобы отряд находился в постоянной боевой готовности. Проверка прошла великолепно. Я приказал сержанту О'Хейру проникнуть в дом с юга, со стороны болота, и в пятидесяти метрах от кордона его засекли. Он мне об этом докладывал весь дрожа, покрытый грязью.

— Эти убийцы... то есть караульные, сэр, чуть не прострелили мне голову. Если бы рядом не оказалось дежурного офицера, они бы наверняка это сделали. Только он меня узнал.

— Отлично, сержант, — я отпустил его и пошел завтракать.

Саперы потрудились на славу и за ночь окружили участок проволокой под током в три ряда с внешней полосой спиралей из колючей проволоки. Через каждые пятьдесят метров и по углам возвышались сторожевые вышки, да, кроме того, солдаты для лучшего обзора срезали растительность на двадцать ярдов от проволоки. Я было подумал, что недурно вызвать бульдозер и сделать кольцевую дорогу, по которой мог бы курсировать на джипе мобильный патруль, но решил, что в этом нет острой необходимости.

Я был голоден и хотел спать — ночью саперы, натягивая проволоку, страшно шумели. Но в общем я был доволен, хоть и несколько раздражен.

Мне позвонил начальник караула и спросил, что делать. Из города приехал Ван-Пелт, и караул не пропускал его без моего разрешения. Я разрешил, и через секунду в

комнате, где я завтракал, появился Ван-Пелт. Он выглядел обеспокоенным и в то же время торжествующим.

— Как он это проглотил, полковник? — спросил он. — Ну... я хотел спросить, он разозлился?

— Еще как, — ответил я.

— О, — Ван-Пелт чуть вздрогнул, потом пожал плечами. — Ну ладно, вы здесь, так что, полагаю, он ни на что не осмелится. — Голодными глазами Ван-Пелт взглянул на пироги и сосиски. — Я... э-э-э... не успел позавтракать...

— Будьте моим гостем, доктор Ван-Пелт.

Я приказал принести еще один прибор и вторую порцию завтрака. Он сожрал все — бог знает, как это в него уместилось. Посмотришь на него, так можно подумать, что он на своих жировых запасах промарширует двести миль. Ростом он был примерно пять футов шесть дюймов, ну, может, семь, а весил фунтов двести восемьдесят. Он был настолько не похож на доктора Хорна, насколько это возможно.

Я спрашивал себя, как же они могли уживаться друг с другом, но я уже знал ответ на этот вопрос. Они уживались плохо, иначе зачем бы Ван-Пелту бежать в Пентагон. Разумеется, я пытался быть объективным. Я хочу сказать: раз генерал Фолленсби считает, что так надо в интересах национальной обороны...

Но я ничего не мог с собой поделать. Я представил, как бы я себя чувствовал, если б кто-нибудь из моих подчиненных сделал такой финт через мою голову. Правда, военная дисциплина одно, а дела штатские, как я их понимаю, — совсем другое, но все-таки...

Так или иначе, а он это сделал, и вот мы здесь. На войну не похоже, но приказ есть приказ.

В четырнадцать ноль-ноль я нанес визит доктору Хорну.

Когда я вошел в сопровождении военного клерка-сте-

нографиста, он поднял голову, но промолчал. Просто указал на дверь.

Я сказал:

— Добрый день, доктор Хорн. Если это время для ежедневного доклада о проделанной работе вас не устраивает, вы только слово скажите. Как вы знаете, я нахожусь здесь для того, чтобы оказывать вам помощь. Может, вас больше устроит время от двенадцати до тринадцати ежедневно? Или для вас удобнее утро?

— Ежедневно?

— Разумеется, сэр. Возможно, вы не обратили внимания на параграф восемь моего приказа. Инструкциями генерала Фолленсби предусмотрено...

Он прервал меня неуважительным замечанием в адрес генерала Фолленсби, но я сделал вид, что не расслышал. Кроме того, вероятно, он был прав.

Я сказал:

— Для начала, сэр, я полагаю, что вы будете так любезны провести нас по лаборатории. Я полагаю, что капитан Мак-Кейб сможет записывать ваши слова с нормальной скоростью.

— Какие еще слова?

— Да ваши, о проделанной работе сэр. Чего вы достигли за прошедшие двадцать четыре часа. Конечно, на этот раз в виде исключения мы подытожим итоги по сегодняшний день.

Он заорал:

— Нет! Никогда! Я решительно отказываюсь!

Я был к этому готов. Дал ему вдоволь поорать. Когда он кончил, я очень просто все ему разъяснил. Я сказал: «Только так и будет».

Он запнулся и задохнулся.

— Как? Ты, вонючий армейский... Слушай, кому это пришлось в голову...

Он замолчал и, нахмурившись, посмотрел на меня. Я был рад, что он замолчал, так как в секретной части приказа (в параграфах, которые я не показывал доктору Хорну, потому что он не имел допуска к секретным материалам) был параграф, предусматривающий подобную ситуацию.

Ван-Пелт предупредил генерала, что состояние здоровья Хорна оставляет желать лучшего. Кажется, апоплексия — я не очень-то разбираюсь в медицинских терминах. Во всяком случае, Ван-Пелт в беседе с сотрудниками разведотдела сообщил, что старик может помереть в любой момент. И надо сказать, что это было похоже на правду, особенно когда он бесился. Конечно, я не хотел, чтобы он помер прежде, чем я завершу анализ обстановки, для чего мне и требовался его доклад.

Хорн сел. Он сказал скрипучим голосом:

— Вы намерены упорствовать?

— Да, сэр.

— Тогда я полагаю, что должен приспособиться к ситуации, — сказал он, по-старчески хитря. — Что же конкретно вам требуется, лейтенант?

— Доклад, сэр.

Он коротко кивнул: «Вот именно».

Ага, сказал я сам себе, разумеется, дело принимает интересный оборот. Вы думаете, он постарается добиться моего расположения, чтобы потом позвонить своему конгрессмену? Или просто заставит меня отвернуться, чтобы треснуть по затылку?

— Да-да, доклад. Вот именно, — сказал он, задумчиво глядя на какую-то машину. Машина несколько напоминала СКР-784 модели МАРК-ХІІ, той самой, что имеет какое-то касательство к радио, радару, ко всякой электронике. С этим пускай разбираются связисты. У меня своя работа, у них своя. — Вот именно, — повторил он, подни-

маясь.— Придется подчиниться вашим желаниям. Посмотрите на мой поликлоидный квазитрон. Как видите...

Капрал Мак-Кейб издал жалкий звук. Я посмотрел на него. Он был в затруднительном положении.

— Сэр,— прервал я доктора.— Не произнесете ли вы это слово по буквам?

Он хихикнул.

— Очень просто. П-О-Л-И-К-Л-О-И-Д-Н-Ы-Й К-В-А-З-И-Т-Р-О-Н. Итак, лейтенант, надеюсь, вы знакомы с различными потенциометрическими исследованиями мозга, которые... Впрочем, лучше начать с самого начала. Как вы знаете, мозг в основном является электрическим устройством. Потенциометрические исследования показали...

Через каждые тридцать-пятьдесят секунд он взглядывал на меня, склонял голову набок и ждал. И я говорил: «Понятно», а он отвечал: «Разумеется» — и продолжал. Положение капрала Мак-Кейба, конечно, было незавидным, но я, пожалуй, наслаждался. Это меня успокаивало. В конце концов привыкаешь извлекать выгоду из любой ситуации. Нельзя же провести столько часов на штабных совещаниях, сколько провел я, и не научиться при этом тактике выживания в сложных ситуациях.

Когда он окончательно закруглился (Мак-Кейб только тихо стонал), я кратко подытожил:

— Иначе говоря, сэр, вы усовершенствовали метод электронного убийства человека на расстоянии.

По какой-то причине мое заявление потрясло доктора Корна.

Он уставился на меня.

— Электронного,— сказал он.— Убийства. Человека. На расстоянии.

— Это мои слова,— согласился я.

— Вот именно, вот именно,— он прочистил глотку и

глубоко вздохнул. — Лейтенант, не сделаете ли вы мне одно признание? Ради всего святого, что в моих словах внушило вам эту идиотскую мысль?

Я с трудом верил собственным ушам.

— Как так? Это же мне сказал генерал! А он, как вы понимаете, предварительно беседовал с Ван-Пелтом.

Я ломал голову — что он там еще замыслил? Пытается сделать вид, что оружие не работает?

Битых двадцать пять секунд он проклинал Ван-Пелта. Затем взял себя в руки и опять задумался.

— Нет, — сказал он. — Нет, Ван-Пелт этого сказать не мог. Это ваш идиот-генерал совсем рехнулся.

Я заявил официальным тоном:

— Доктор Хорн, не желаете ли вы тем самым сказать... — Я взглянул на Мак-Кейба. Он подсказал мне шепотом название. Я продолжал: — Что ваш поликлоидный квазитрон не может с помощью электроники лишить человека жизни на расстоянии?

Он ругался как маньяк. Будто бы что-то доставляло ему физическую боль. Наконец он с трудом признался:

— О да. Да, очевидно, да. Можно ли сказать, что паровоз окисляет уголь, превращая его в силицированные частицы? Конечно, можно. Обычно они называются золой. А раз так, значит, можно сказать, что квазитрон убивает людей.

— А я что говорил!

— Отлично. Именно так, — ответил он, морщась словно от боли. — Да, теперь я понимаю, что вы имеете в виду. Теперь мне ясно, почему вы здесь находитесь. А то я, сознаюсь, удивлялся. Вам кажется, что квазитрон — оружие.

— Разумеется, сэр.

— Ага.

Он сел, достал толстую, черную трубку и принялся набивать ее. Потом бодро произнес:

— Тогда мы друг друга понимаем. Моя машина превращает людей в трупы. Этого же можно добиться с помощью булыжника, о чем совершенно независимо от меня некоторое время назад догадались питекантропы. Ладно, вас интересует именно этот аспект. Очень хорошо.

Он зажег трубку.

— Как я указывал, мой квазитрон способен производить некоторые операции, недоступные булыжнику. Он может выделять субстанцию, имеющую отрицательный заряд по отношению к человеческому телу. Назовем эту субстанцию иксом и отметим, что в сочетании с человеческим телом она создает человека. Если же вычесть ее из человека, получится труп. Но вам на это наплевать.

Честно говоря, я растерялся. Я сказал резко:

— Сэр, боюсь, что я вас не понял.

— Я отлично знаю, что вы меня не поняли, — рявкнул он. — Все мы трупы, ясно? Трупы, населенные привидениями, одушевленные трупы! И на всем белом свете существует лишь один человек, который может разделить другого на составные части, не погубив его при этом. Это я. И существует единственный способ провести такую операцию — с помощью моего квазитрона! Лейтенант, вы тупица, идиот! Я...

Пожалуй, этого было достаточно.

— До свиданья, сэр, — сказал я вежливо, хотя он, оглушенный звуками собственного голоса, вряд ли слышал меня. Я кивнул капралу Мак-Кейбу. Он захлопнул записную книжку, бросился отворять передо мною дверь, и мы удалились.

Зачем нам было оставаться? Разве не ясно, что я набрал достаточно материала для анализа ситуации?

На всякий случай тем же вечером я вызвал к себе

в комнату Ван-Пелта. Я желал получить подтверждение тому, что старик в своем уме.

— Он абсолютно в своем уме, полковник Уиндермир. Абсолютно! — Двойной подбородок Ван-Пелта трясся. — Но он опасен. Он крайне опасен. Особенно опасен для меня. Разумеется, я надеюсь на ваше покровительство и защиту. Разумеется. Он опасен. Я...

Он замолк, глядя на буфет, где стояла ваза с фруктами (я люблю побаловаться фруктами после ужина). Он кашлянул.

— Полковник, не разрешите ли вы...

— Берите сколько угодно, — сказал я ему.

— Большое спасибо! Большое спасибо! Какие яблоки! Честно говоря, полковник Уиндермир, я полагаю, что яблоко — лучшее произведение природы. Не считая, конечно, груш. Должен признаться, что груши...

— Дорогой доктор Ван-Пелт, простите меня, — перебил я его. — Мне нужны точные сведения о докторе Хорне. Что он имел в виду, говоря о привидениях.

Он посмотрел на меня пустыми глазами, вгрызаясь в яблоко.

— Привидения? — Он хрустнул яблоком. Хруп, хруп. — Боже мой, полковник, — хруп, хруп, — полковник Уиндермир, я не понимаю... А, привидения! — хруп! — Конечно, конечно. Это просто такое выражение, которое употребляет доктор Хорн. Вы же знаете его манеру. Понимаете, существует разница между живым и мертвым человеком, и эту разницу доктор Хорн называет привидением. — Он хихикнул, бросил огрызок в мою корзину для бумаг и взял другое яблоко. — Назовите это жизнью плюс интеллект плюс душа, если такое слово есть в вашем лексиконе, полковник. Доктор Хорн объединяет все это термином «привидение».

Я припер его к стенке:

— Значит, на этой машине выпекают привидения?

— Нет, нет! — воскликнул он, почти потеряв самообладание. — Полковник, не давайте ввести себя в заблуждение! Доктор Хорн — невоспитанный, беспринципный человек, но не дурак и не мошенник. Забудьте о слове «привидение», раз уж этот термин вас так пугает. Думайте о... о... — Он подыскивал нужное слово. — Думайте просто о разнице между жизнью и смертью. Вот эту разницу и улавливает машина доктора Хорна. Жизнь, интеллект — все это электрические явления, понимаете? И доктор Хорн может извлекать их из человеческого тела, хранить их, если считает нужным, заменять и даже вкладывать в другое тело.

Он кивнул, подмигнул мне и вгрызся во второе яблоко. Хруп, хруп, хруп.

Вот так-то!

Отделавшись от него, я какое-то время старался взять себя в руки.

Этот странный старик обладал машиной, которая может вытащить ум из тела и — да-да! — вложить его в другое тело!

Черт возьми, почему они не сказали об этом сразу, вместо того чтобы напускать туману?

Естественно, что я не поверил этому, пока не увидел собственными глазами. На следующее утро по моей просьбе доктор Хорн поместил курицу и спаниеля в свой так называемый поликлоидный квазитрон и поменял им умы.

Вот тогда я поверил. Я увидел, как курица старалась махать хвостом, а спаниель, всхлипывая, царапая нос, пытался склевать кукурузное зерно.

Глаза капрала Мак-Кейба чуть не вылезли из орбит. Он начал было что-то записывать, потом взглянул на меня, медленно покачал головой и уставился в пространство.

Хорошо, им я займусь позже. Я сказал:

— Да, вам это удастся, доктор Хорн. Вы можете взять курицу и пересадить ее в спаниеля, и наоборот.

Он наклóнил голову, так как был слишком заносчив, чтобы меня поблагодарить.

— Именно так, лейтенант.

— И вы можете проделывать это с людьми?

— Конечно могу! Конечно могу! — зарычал он. — Ох уж эти мне глупейшие законы, которыми руководствуются научные учреждения! Я пытался, клянусь, пытался получить разрешение на проведение простого обмена. Допустим, один человек умирает от рака, а другой лишен рассудка. Почему бы и нет? Вложите здоровый дух в здоровое тело, и пусть больные тела и души гниют вместе! И думаете, они мне это разрешили?

— Понимаю. Значит, вам так и не удалось это сделать?

— Ни разу. — Он глядел на меня, его старческие глазки сверкали. — Но теперь сюда приехали вы, лейтенант. Человек военный. Очень смелый человек, не так ли? А мне всего-навсего нужен один доброволец. Этот трусливый Ван-Пелт отказался, мой садовник отказался, все отказались! Но вы...

— Ответ отрицательный, сэр! — Нет, вы только посмотрите, как высоко он себя ценит! — Я не лейтенант, а старший офицер! И полагаю, что вы не имеете представления, как много вложили в меня наши вооруженные силы!

— Но, лейтенант, важность...

— Ответ отрицательный, сэр.

Тупость этого человека меня поражала. Предложить такое мне, полковнику! Как это отразится на моем деле № 201? А что тогда станет с выслугой лет? Пентагон будет взбешен, именно взбешен!

Стараясь сохранять спокойствие, я сказал:

— Вы не разбираетесь в военных делах, доктор Хорн. Могу вас заверить: если возникнет нужда в добровольцах, мы вам их предоставим. Верьте мне, сэр, мы здесь только для того, чтобы вам помогать! Любой из наших нижних чинов будет счастлив — нет, горд! — предложить себя... капрал Мак-Кейб! А ну-ка назад!

Но было уже поздно. Визжа от страха, он вылетел из комнаты.

Я в некотором замешательстве обернулся к доктору Хорну.

— Так, сэр... мы в таких вещах разбираемся. Парень в состоянии шока. Но я отыщу вам добровольца. Поверьте мне!

Старик был доволен, как кадет-выпускник перед первым парадом, но старался этого не показывать. Он очень сдержанно произнес:

— Именно так, лейтенант... я хотел сказать майор. То есть капитан. Завтра мы начнем опыт.

Завтра! Какой прекрасный день! Ведь я увидел, что доктор Хорн выполнит свое обещание, и я — единственный из всех — понимал, что это означает. Оружие? Чепуха, это куда важнее оружия.

Требовалось только отыскать добровольцев.

— Доверьтесь мне, — посоветовал я доктору Хорну.

Я вызвал дежурного по сортиру, который получил наряд вне очереди за бегство в город без увольнительной, и, когда я объяснил ему, что его ждет в военном трибунале, он вызвался добровольцем с потрясающей быстротой. Он даже не спросил меня, на что вызвался.

Мне нужны были два добровольца. Мой заместитель, и это я говорю с гордостью, вызвался вторым. Он очень смелый человек, типичный командир:

Мы прибыли в лабораторию доктора Хорна. По моей просьбе людей привязали к креслам, анестезировали — я хотел соблюсти секретность, поэтому не желал, чтобы они знали, что с ними происходит. Перед тем как начать, мой заместитель прошептал:

— Сэр, меня не пошлют во Вьетнам?

— Я обещаю вам, капитан, — сказал я торжественно и прямо у него на глазах разорвал мое заявление об отправке его на фронт, которое я написал прошлой ночью. Он уснул счастливым.

Гудение, жужжание, треск. Я не очень-то смыслию в науке, но, когда электрические искры потухли и жужжание замерло, доктор Хорн сделал им какие-то уколы.

Первым открыл глаза дневальный по сортиру. Я встал перед ним.

— Имя, чин, звание и номер!

— Сэр, — ответил он четко. — Леффертс, Роберт Т. Капитан армии США, личный номер 0-3339615!

Боже мой! Но я решил перепроверить его следующим вопросом:

— Куда вы не хотите быть переведены?

— Разумеется, во Вьетнам, сэр. Прошу вас, сэр, куда угодно, только не туда! Я же вызвался к вам добровольцем! Я буду...

Я кивнул доктору Хорну, и новый укол погрузил «капитана» в сон.

Затем дошла очередь до тела, которое раньше было моим заместителем. Тело открыло глаза.

— Полковник! Я передумал! Я пойду на губу, только...

— Вольно! — скомандовал я и кивнул доктору Хорну. Сомнений не было.

— А вы, оказывается, можете.

Он кивнул.

— Вот именно, лейтенант. Могу.

Пока он переключал их обратно, я начал соображать, что к чему.

Придя в свой кабинет, я немедленно снял телефонную трубку.

— Срочность номер один! — приказал я. — Дайте мне Пентагон! Срочный секретный разговор с генералом Фолленсби. Попросите его включить противоподслушивающие устройства.

Я положил трубку полевого телефона в ящик. Оружие? Оружие — ничто по сравнению с этой машиной. У нас в руках весь мир. Признаюсь, я был на седьмом небе от счастья. Я отчетливо видел генеральские погоны на своих плечах — Армия ничего не пожалеет для офицера, который сделает ей такой подарок.

С шумом и грохотом в комнату ворвался Ван-Пелт. Морда у него была перемазана, в кулаке он держал тающую шоколадку.

— Полковник Уиндермир! — прохрипел он. — Вы дали Хорну провести испытание! Но ведь именно этого он и добивался! Он...

Это было невыносимо.

— О'Хейр! — зарычал я. Робко появился сержант О'Хейр. — Как вы посмели пропустить этого человека без моего разрешения? Неужели вы не видите, что у меня секретный разговор с Вашингтоном?

О'Хейр проямил:

— Сэр, он...

— Выкиньте его отсюда!

— Слушаюсь, сэр!

Толстяк пытался сопротивляться, но О'Хейр куда крупнее его. И все-таки Ван-Пелт сдался не сразу. Он что-то вопил, расстраивался, но, честно говоря, я его не слушал, потому что тут мне дали Пентагон.

— Генерал Фолленсби? Докладывает полковник Уиндермир, сэр. Прошу включить противоподслушивающее устройство.

Я нажал кнопку, изолирующую разговор с моей стороны. Через секунду я услышал голос генерала, но любой другой, кто подключился бы к разговору, услышал бы только треск электрических разрядов.

Я вкратце изложил генералу все, что видел. Вначале он был раздражен и разочарован. Этого я и ожидал.

— Менять людей, Уиндермир? — он говорил на высоких тонах, и в голосе его слышалось недовольство. — Какой нам прок от того, чтобы менять их друг на дружку? В этом нет никаких стратегических выгод. Может быть, противник немного растеряется, если мы раздобудем двух-трех их командиров. И это все? Я надеялся на что-то большее, Уиндермир. На то, что можно сейчас же применить в военных операциях. Этого Ван-Пелта следует проучить, чтобы он попусту не отнимал времени у руководителей Армии.

— Генерал Фолленсби, могу ли я привлечь ваше внимание? Предположим, сэр, что некто решил посетить Соединенные Штаты. Предположим, мы окружим его вместе со всей его свитой. И поменяем их. Поместим наших людей в их тела. Понимаете?

Сначала он решил, что я свихнулся. Об этом можно было легко догадаться:

— Полковник Уиндермир, что вы мелете?

— Это совершенно реально, сэр, — сказал я убежденно. — Поверьте мне, я это видел. Но допустим, именно такую операцию нам провести не удастся. А что вы скажете о враждебном США после? Подстерегите его, поместите внутрь нашего разведчика. Понимаете, сэр? Нет сомнений в том, какой разведке достанутся все секретные сведения, не так ли? Или... если мы не захотим делать этого в мирное

время, то как насчет войны? Возьмите двух пленных, посадите внутри наших людей и обменяйте их пленных на наших.

Я продолжал в том же духе и не уверен, что в чем-нибудь его убедил. Но совершенно точно, что к тому моменту, когда он повесил трубку, он уже сильно задумался.

На следующий день у меня с ним была назначена встреча в Пентагоне. И я знал, что раз уж я там окажусь, то считайте — дело сделано. Он один не захочет брать на себя всю ответственность за такое решение. Но он созовет совещание, и уж кто-нибудь в штабе схватит суть дела.

Я уже чувствовал, как горят на моих плечах генеральские звезды...

— Что случилось, О'Хейр? — спросил я.

Этот парень меня раздражал. Он опять сунул голову в дверь и выглядел очень встревоженным. Ему было о чем тревожиться, и я был склонен подбавить ему еще.

— Сэр, это Ван-Пелт, — он проглотил слюну. Вид у него был довольно дурацкий. — Я не знаю, спятил он или нет, но он говорит... он говорит, что доктор Хорн хочет жить вечно! А еще он говорит, что Хорну не хватало только испытаний на человеке. Я не понимаю, о чем это он, но он говорит, сэр, что, раз вы теперь дали ему провести испытание, он схватит первого попавшегося человека и сопрет его тело. Какой в этом смысл, сэр?

Какой смысл?

Я отбросил его прочь, задержавшись лишь на секунду, чтобы схватить пистолет.

Это имело огромный смысл.

Вот чего следовало ожидать от такого человека, как доктор Хорн, — он ухватился за ценное изобретение и использует его для того, чтобы воровать чужие тела и продолжить свою старческую жизнь в молодом теле.

А если это случится, что тогда будет с моей генеральской звездой?

Я знал ход мыслей Хорна. Укради тело, разбей машину, беги подальше. Сможем ли мы его выследить? Невозможно. Никаким тестом в мире — ни по отпечаткам пальцев, ни по строению сетчатки, ни по типу крови — мы не сможем отличить Джона Смита от Хорна, который сидит в теле Джона Смита.

Так он и сделает. Я сразу это понял.

Ван-Пелт ушел в лабораторию, победив собственную трусость. Конечно, он хотел остановить Хорна, но какой смысл имело его вторжение в лабораторию? Что он, хотел подарить свое тело Хорну?

А если одного недостаточно, всегда найдутся другие, потому что вокруг шныряло множество людей из моего отряда, и Хорну будет нетрудно заманить кого-то внутрь. И он ждать не будет, так как знает, что его собственное тело в любую минуту может отказать. Тело это старое, изношенное, к тому же охваченное волнением, окрыленное надеждой — оно может рухнуть от малейшего толчка.

Я вбежал в здание и пронесся через неосвещенные темные залы, к комнате, где стоял поликлоидный квазитрон...

Я споткнулся о человеческое тело, пошатнулся, упал, и пистолет вылетел у меня из рук. Я поднялся на колени, опираясь руками о пол, и потрогал тело. Оно все еще было теплым, мало того, это было тело доктора Хорна. Пустой кокон, оставленный обитателем!

А надо мной возвышалась фигура, бывшая недавно Ван-Пелтом. Он держал пистолет.

— Слишком поздно! — вскрикнул он. — Вы опоздали, полковник Уиндермир!

Ван-Пелт! Но в этой толстой, мягкой оболочке жил не Ван-Пелт. Это доктор Хорн-Ван-Пелт держал в одной руке пистолет, а в другой железный стержень. И с его помощью

он разбивал поликлоидный квазитрон. Бац! Фонтаном разлетаются искры! Бац! И машина начала оседать и рассыпаться.

Он был вооружен. Это очень осложняло ситуацию.

Но положение не было безвыходным. Потому что мы были не одни.

Рядом с моим упавшим пистолетом лежало другое тело. Не мертвое, но без сознания. Это был капрал Мак-Кейб, выведенный из строя ударом стержня по голове.

— Остановитесь! — крикнул я, поднимаясь. Хорн-Ван-Пелт обернулся ко мне. — Стоп! Не ломайте машину! От нее зависит больше, чем вы можете вообразить, доктор Хорн! Речь идет не только о вашей жизни, поверьте мне, доктор Хорн. Я добьюсь, чтобы у вас было много тел, хороших тел, чтобы ваш разум жил столько, сколько вы сами этого желаете. Но подумайте о безопасности нашей страны! Вспомните о вашем святом долге перед наукой! — Я молил его, а перед моими глазами маячили генеральские звезды.

Капрал Мак-Кейб пошевелился.

Я встал. Носитель доктора Хорна, Ван-Пелт, выронил железный стержень, перехватил пистолет в правую руку и глядел на меня в упор. Хорошо. Пусть лучше целится в меня, чем в капрала Мак-Кейба.

— Вы не должны разрушать машину, доктор Хорн, — сказал я. — Нам она нужна.

— Но она уже разрушена, — ответил маленький жирный человечек, указывая на обломки. — Я не доктор...

— Бах!

Пуля Мак-Кейба ударила в основание черепа. Мозг, который принадлежал когда-то Ван-Пелту, а потом Хорну, перестал существовать. Маленький толстяк был мертв.

Вот когда я взъярился!

— Дурак, идиот, слов у меня нет! — кричал я Мак-

Кейбу. — Ты зачем его убил? Прострелил бы ему руку, ранил бы его, ноги бы ему переломал, вышиб бы пистолет. А теперь он мертв, и машина сломана!

Так, увы, уплыли мои генеральские звездочки.

Капрал смотрел на меня странным взглядом.

Я взял себя в руки. Мечта жизни ушла, и этому ничем не поможешь. Может быть, инженерам удастся разобрать-ся в обломках и построить новую машину?.. Но, взглянув на разрушения, я понял, что это лишь очередная мечта.

Я глубоко вздохнул.

— Ладно, Мак-Кейб, — сказал я строго. — Отправляйся в барак. Я с тобой потом поговорю. А сейчас мне придется звонить в Пентагон и постараться объяснить, как ты умудрился нам все испортить.

Мак-Кейб нежно погладил пистолет, положил его на пол и ушел. Я мужественно доложил обо всем генералу, стоя по стойке смирно, пока телефонная трубка меня отчитывала, и не успел положить трубку на место, как телефон зазвонил вновь. Я услышал голос Мак-Кейба.

— Что еще, капрал? — возмутился я. — Я занят.

— Я только позвонил, чтобы доложить, что еще не нашел своего барака. Но скоро найду. Очень скоро, лейтенант.

— Доктор Хорн! — ахнул я.

— Вот именно, лейтенант, — сказал он и захихикал, вешая трубку.

ТАКАЯ РАБОТА...

*Керрисвилль, Индиана
28 августа 1980 г.*

Дорогой Джордж!

Большое спасибо за информацию насчет Государственного управления геологоразведки и за анкеты. Я их уже заполнил и послал.

Если я устроюсь на работу, то ты, возможно, станешь моим начальником, так что ты имеешь право получить объяснение, почему я ухожу с высокооплачиваемой работы в частной фирме и поступаю на государственную службу.

Как ты знаешь, когда наступил кризис, я работал в «Люцифер ойл». Я в два счета оказался на улице, а надо было кормить семью. По объявлению в журнале я встретился с Джилом Плэттом, который подыскивал опытного геолога. С тех пор я у него и работаю. Может быть, ты слышал о Плэтте. Он начинал как палеонтолог, но не смог продвинуться в этой области, потому что был органически неспособен кому бы то ни было подчиняться. Тогда он взялся за конструирование приборов для геологической разведки и последние двадцать лет крутился как белка в колесе, делая и патентуя изобретения и тратя все свободное время на палеонтологию. Деньги, которые он получал, уходили на палеонтологические экспедиции и судебные тяжбы. В конце концов он накопил массу патентов, незавершенных тяжб и ископаемых костей.

Году в 1976 Фонд Линвальда решил, что Плэтт заслуживает финансовой поддержки, и включил его в список

стипендиатов. А так как он только что изобрел новый поисковый прибор, доводка которого требовала средств и времени, ежемесячные чеки из Швеции пришлось как нельзя кстати.

Нам с женой не хотелось менять Калифорнию на Индиану — мы оба родились и выросли в Сан-Франциско. Но в нашем деле не приходится привередничать.

Я проработал у Плэтта с полгода, прежде чем прибор был готов к полевым испытаниям. Я не выдам никаких секретов, сказав, что он записывает сверхзвуковые колебания, как и старый прибор Маккенна. Отличие его в том, что, используя два пересекающихся луча, Плэтт получает стереоскопический эффект. А это дает ему возможность регистрировать изменение плотности на любой глубине.

Сначала мы смонтировали прибор на грузовике. Мы построили его на глубину в два метра и выехали по направлению к Форт-Уэйну...

Грузовик полз по шоссе со скоростью пятнадцать миль в час. Машина за машиной, сигналив, обгоняли его. Кеннет Стэплз, сидевший за рулем, обернулся и крикнул в заднее окошко тому, кто сидел в кузове:

— Эй, Джил! Лента еще не кончилась?

Из кузова донеслось что-то вроде подтверждения. Стэплз затормозил на обочине и пошел к двери кузова. Он был высок, некрасив, лицо обветренное и изрезанное морщинами, так что он казался старше своих тридцати пяти. Стэплз был лыс и не любил снимать шляпу. Рано облысевшие мужчины инстинктивно тянутся к работе на открытом воздухе или вступают в армию, где головной убор обязателен.

В кузове склонился над прибором маленький седой человечек. Он глядел на ленту, натянутую между катушка-

ми. Над лентой застыли самописцы. Когда грузовик двигался, они чертили на ленте зигзаги.

Джилмор Плэтт сказал:

— Кен, подите-ка взгляните. Что вы об этом думаете? Я знаю, что это такое, но думать не в состоянии.

Стэплз уставился на зигзаги:

— По-моему, похоже на детские каракули.

— Нет, нет! Это не детские... Я знаю, что это такое! Это кусок черепа. Черепа одной из фелид, возможно даже *Felis atros*, судя по размеру. Мы должны его выкопать!

— Этот обломок? Может быть, и так. Вы палеонтолог. Но не станете же вы копать ямы посреди шоссе только из-за того, что под ним лежит череп ископаемого льва?

— Кен, послушайте, такая изумительная вещь...

— Успокойтесь, Джил. Этот плейстоценовый слой тянется до самого дома. Достаточно подъехать к вашему двору, и мы отыщем сколько угодно ископаемых.

— Это грызун. Сначала я решил, что, судя по размерам черепа, это медведь. Но теперь я разглядел его резцы.

— Совершенно верно. Но какой грызун?

Стэплз нахмурился, разглядывая кучку костей на краю ямы.

— Мне кажется, что в Северной Америке лишь один грызун мог поспорить по величине с медведем. Это был гигантский бобр, касторойд.

— Великолечно! Я еще сделаю из вас палеонтолога! А что это за кость?

— Скапула.

— Правильно. Правда, вопрос был не из трудных. А эта?

— М-м... хумерус.

— Нет, ульна. Но вы делаете успехи. Жалко, что мы

все здесь подчистили. Но понимаете, что это значит? Раньше нам приходилось руководствоваться лишь поверхностными признаками. А теперь мы можем наплевать на них и с точностью до пятнадцати-двадцати футов определять место залегания любых останков. Грузовик, правда, придется оставить. Надо будет погрузить прибор на машину, которая сможет возить его по пересеченной местности. Самолет не годится — он летает слишком высоко и слишком быстро. Но... я догадался!

— Что? — Стэплз был несколько смущен. — Мне кажется, испытания прибора влетят нам в копейчку. Но в конце концов это деньги фонда, а не наши.

Вскоре Плэтт получил от компании «Гудийер» дирижабль «Дарвин». Мы научились им управлять, за два месяца облетели почти всю Индиану и нашли столько ископаемых, что их и за пятьдесят лет не выкопать. Мы составили их список с указанием координат и разослали его во все музеи и университеты страны. Во второй половине лета Индиана была отдана на откуп охотникам за ископаемыми. Куда бы вы ни поехали, обязательно бы наткнулись на энергичных людей, торгующихся с фермером, и догадались бы, что это палеонтологи из музея Фильда или Калифорнийского университета, добивающиеся согласия фермера на раскопки на его поле. Так все и было, а ведь Индиана весьма бедный штат с точки зрения ископаемых позвоночных. Слои там в основном палеозойские, и лишь кое-где у поверхности — небольшие плейстоценовые вкрапления.

Друг Плэтта, доктор Вильгельми приехал из Цюриха на уикэнд. Он был археологом и представительным мужчи-

ной. Стэплз почувствовал к нему известную симпатию, ибо на голове у Вильгельми волос было еще меньше, чем у Стэплза.

Вильгельми работал в Анатолии, где нашел кучу древностей времен Тиридата Великого.

— Видите, друзья мои,— объяснял он.— Это в основном сосуды, изготовленные из бгонзы. Вот фотогафия одного из них — таким мы его нашли. Он так окислился, что кажется просто бесфогменным комком. А тепегь взгляните на изображение этого сосуда после геставгации.

— А вы уверены, что это тот же сосуд? — спросил Стэплз.— Штука на втором снимке будто только что вышла из мастерской.

— Ха-ха. Это кгайне остроумно. Тот же сосуд, тот же самый! Мы его поместили в электголизную ванну, пгисоединили к одному из полюсов и пгопустили электгический ток. И все атомы олова и меди вегнулись на свои места. Гезультат пгевосходен, не пгавда ли?

После того как швейцарский друг уехал, Плэтт отправился в Чикаго к специалисту по патентам. Вернулся он довольно задумчивым.

— Кен,— сказал он,— давайте отвлечемся на несколько дней.

Стэплз настороженно взглянул на него.

— То есть вы предлагаете оставить на время поисковый прибор и заняться ископаемыми?

— Совершенно верно.

Это решение привело их на следующий день в лабораторию, где они выскребывали из конкреций карликового ископаемого носорога. Стэплз заметил, что работа эта, с точки зрения зоолога, довольно скучна,— это вам не носороги былых времен.

— До определенной степени вы правы,— ответил Плэтт.— Передайте мне клей. На свете сохранилось ни-

чтожное количество китов, которых не успели переработать на маргарин и ружейное масло. Мы живем в период исчезновения крупных животных. Сегодня вы можете отыскать фауну, близкую к плейстоценовой, только в африканских заповедниках. И чем больше разводится на Земле особей нашего с вами кровожадного вида, тем хуже положение гигантов. Да-а... Не хватает левого резца и правого коренного...

Плэтт аккуратно счищал иглой крупинки породы. Поговорить он любил. Он продолжал:

— У меня родилась идея, которая, если ее осуществить, поможет обогатить современную фауну. Вы слышали, как Вильгельми рассказывал о восстановлении окисленного металла? А почему бы нам не сделать чего-нибудь подобного с ископаемыми животными?

— Вы что, хотите восстановить по скелету все животное, с шерстью и так далее?

— А почему бы и нет? Вы же знаете, каких успехов добились медики — отрачивают новые руки и ноги у людей, потерявших конечности.

— Несмотря на мое уважение к вам, шеф, должен заявить, что вы рехнулись.

— Это мы еще посмотрим. Во всяком случае, я хочу провести кое-какие опыты. Только это между нами. Если опыты не получатся, многие из моих коллег присоединятся к вашему мнению.

Плэтт начал работу с кроликов — современных кроликов. Он убивал кролика, удалял некоторые органы и помещал его в ванну с раствором. Для восстановления недостающих органов он использовал биологически активные аминокислоты, которые объединялись, образуя протеины, и при наличии существующих клеток формировали новые клетки, им подобные.

После многих неудач наступил день, когда Плэтт увидел, как восстанавливается ткань одного из кроликов. Он позвал Стэплза.

— Но этого не может быть, — запротестовал геолог. — Я отключил этот бак от сети.

— Да? — ответил Плэтт. — Посмотрим. Ага! Вы думали, что выключили ток, но вы лишь понизили напряжение. Теперь я все понял. Надо было снизить напряжение с самого начала.

И Плэтт умчался прочь, словно его ветром сдуло, меняя реостат на новый, с большим сопротивлением.

Им удалось усовершенствовать методы восстановления животных, что впоследствии сослужило добрую службу хирургии. И открытие их не было столь уж невероятным, если учесть, что каждая клетка в теле содержит полный набор хромосом с генами, определяющими форму живого существа. В каждой клетке заключены чертежи всего организма.

Первая попытка восстановить ископаемое животное провалилась. Но Стэплз не расстроился. Он думал о том, какой вред его профессиональной репутации нанесут слухи об этих странных опытах.

И вот однажды за ужином Плэтт вскочил со стула и произнес речь. Он так яростно размахивал при этом ножом и вилок, что чуть было не лишил жизни поклонника своей дочери, которому пришлось шмыгнуть под стол и переждать, пока не утихнет шторм.

— Я знаю, что делать! — кричал палеонтолог. — Кен, я знаю! Нам нужно собрать как можно больше органических остатков и поместить их в ту же ванну, что и кости. Под действием электрического тока атомы займут свои прежние места и станут основой для дальнейшей подстройки аминокислот. Мы должны раздобыть скелет целиком и добавить к нему остатки органики из окружающей породы.

А если возможно, то и отпечатки тела. Нам придется обработать массу породы, потому что атомы тела рассеяны в ней.

Весь следующий день они провели в лабораторий, разворачивая глыбы с заключенными в них костями. Наконец они выбрали для эксперимента кость *Canis dirus*, заключенный в глыбе песчаника, подняли глыбу подъемником и осторожно опустили в ванну с раствором.

Долгое время ничего не происходило. Затем песчаник превратился в грязь, и на месте его образовался ком слизи, сквозь который просматривался скелет. Слизь становилась все менее прозрачной, и в ней образовывались внутренние органы, атомы занимали свои места, и новые клетки, построенные аминокислотами, полипептидами и прочими субстанциями, содержавшимися в ванне, воссоединялись в теле. Это казалось невероятным — будто атомы точно помнили, какой части тела они принадлежали в плейстоцене.

Когда изменения прекратились, масса в ванне приняла форму гигантского волка, размером с большого дога, но вдвое сильнее и вдесятеро страшнее его.

Ученые вытащили волка из ванны, выкачали из него лишний раствор и подсоединили к сердцу электровозбудитель. Часа через три волк вздрогнул и принялся прочищать легкие, откашливаясь от остатков раствора. Тут экспериментаторам пришло в голову, что им негде держать волка, который вряд ли станет ручным. Пока готовили клетку, волка привязали к дереву. Но в течение нескольких дней волк почти не двигался. Он напоминал человека, который провел год на больничной койке и учится ходить заново.

К концу второй недели волк начал питаться самостоятельно. Его шерсть, бывшая вначале еле заметным пушком (ведь восстанавливались лишь корни волос), отросла до нормальной длины. К концу третьей недели волк настоль-

ко обрел свое «я», что стал рычать на Стэплза, когда тот входил в клетку. Рычание было внушительным, словно где-то поблизости рвали надвое лист железа.

После этого я уже приближался к волку со всей осторожностью и старался не поворачиваться к нему спиной. Но хоть он и не был настроен, как говорится, дружелюбно, особых неприятностей он нам не доставлял. Я даже любил его. И вот по какой причине: у дочери Плэтта была лохматая собачонка, которая обожала без всякой на то причины кусать людей за лодыжки. После того как собачонка искусала одного из моих мальчишек, я серьезно повздорил с дочкой моего хозяина. Не успел я еще раз повздорить с ней, как в один прекрасный день собачонка бросилась на нашего ископаемого волка. Мистер Волк прыгнул к прутьям клетки и рывкнул. Один разок. Только мы эту проклятую собачонку и видели...

Еще через полгода Плэтт и Стэплз вытащили из ванны арктотерия — громадного медведя из калифорнийского плейстоцена. Эти полгода были самыми насыщенными в жизни Стэплза, которому приходилось разрываться между приготовлением растворов и подготовкой к оживлению других ископаемых. Были у него и неудачи — то не хватало важных частей скелета, то органики в окружающей породе, то неизвестно чего. По этим-то неизвестным причинам его и постигла неудача с медведем. Он выглядел совершенно нормальным, но оживать отказывался. Впоследствии Стэплз сознался, что, глядя на тушу медведя, он больше опасался удачи, нежели провала. Позднее чучело этого медведя украсило Музей естествознания в Нью-Йорке.

Оживлять волка оказалось довольно легким делом, потому что он был сравнительно невелик и вымер не так уж давно. Затем работа пошла в двух направлениях — в глубь

веков и в сторону увеличения размеров животных. Плэтт раздобыл ископаемые из миоцена Небраски. Им удалось оживить *Stenomylus hitchcocki*, маленького первобытного верблюда. В поисках более эффектного пациента они принялись за работу над новым видом трилофодона, самого маленького и раннего из предков слона, найденных в Америке. Очевидно, он был первым из хоботных, пришедших туда из Азии. Эта работа была радостью и гордостью Плэтта. Животное оказалось самкой, похожей на большого мохнатого тапира с выступающими челюстями и четырьмя бивнями.

После неудач с арктотерием им удалось добиться успеха в оживлении собакомедведя. Когда Стэплз увидел, что получилось, он почувствовал, как у него пересохло в горле. Чудище силуэтом напоминало полярного медведя, но было крупнее, чем самый крупный из медведей. Большие уши делали его похожим на волка, к тому же у него был длинный пушистый хвост. Собакомедведь весил почти тонну и никого не любил. Плэтт был в восторге.

— Теперь бы раздобыть креодонта из азиатского олигоцена. У него череп больше метра длиной!

— Да? — сказал Стэплз, все еще разглядывая собакомедведя. — Как вам заблагорассудится. Я без него обойдусь. Мне вполне достаточно этой твари.

Они наняли старого циркового служителя Элиаса, чтобы он помог управляться с растущим зоопарком. Для зверей они соорудили бетонный загон с клетками вдоль одной из стен. Клетки казались вполне надежными до тех пор, пока однажды вечером Стэплз не услышал шума и не пошел выяснить, в чем дело. Обнаружилось, что прутья клетки собакомедведя вырваны из бетонного основания, а зверя и след простыл. Стэплза посетило жуткое видение — будто собакомедведь бродит по окрестностям и пожирает все, что попадает на зуб.

К счастью, зверь ушел недалеко. Он оказался тут же, за углом, перед клеткой с верблюдом, стоял и раздумывал, как бы в нее забраться. Через несколько секунд он вернулся и посмотрел на Стэплза. Геолог мог бы поклясться, что в его выразительных желтых глазах можно было прочесть: «Ага, вот и обед пришел». С рычанием, подобным далеким раскатам грома, собакомедведь бросился к Стэплзу,

Стэплз знал, что зверь будет кружить вокруг него, пока не выберет момента для прыжка, но он не мог придумать ничего лучшего, кроме как залезть по прутьям в клетку к трилофодону. При нормальных обстоятельствах ему бы ни за что не вскарабкаться по железным прутьям, однако на этот раз Стэплз взлетел вверх за две секунды.

Но оставаться наверху было нельзя. В любой момент собакомедведь мог встать на задние лапы и стащить его вниз. С другой стороны, и в самой клетке было не слишком-то уютно. «Маленькая» мастодонтиха двухметрового роста и весом чуть больше тонны совершенно свихнулась от страха. Она носилась по клетке и визжала как недорезанный поросенок. Нет ничего удивительного в том, что слон испугался собаки, если учесть, что собака эта ростом не меньше слона.

Как только собакомедведь бросился на Стэплза, тот прыгнул прямо на спину слонихе. Он совершенно не ощущал себя киногероем, который прыгает с балкона в седло своего верного скакуна. Он был до смерти перепуган. Вцепившись мертвой хваткой в длинную шерсть на загривке слонихи, он держался из последних сил, потому что понимал: стоит ему слететь на землю, и слониха сделает из него котлету.

Стэплз услышал выстрел из ружья, затем еще выстрелы и увидел в клубах дыма Джила Платта, палящего из

лаборатории. Собакомедведь со страшным рыком прыгнул к двери выяснять, кто его беспокоит. Стэплз был слишком занят, чтобы внимательно следить за развитием событий, но успел заметить, что собакомедведь бежит вокруг лаборатории, пытаясь забраться в окна, которые были малы для него. Наконец он принялся рыть подкоп под лабораторию. Все это время Плэтт высовывался из окон, стрелял и вновь прятался. Стэплз отметил, что в собакомедведя попало немало пуль, но он был так живуч, что его нужно было бы буквально изрешетить пулями, чтобы он сдался.

Собакомедведь рыл весьма успешно. Он выбрасывал землю, будто транспортер. Стэплз вспомнил, что в лаборатории тонкий дощатый пол, который зверю будет нетрудно разрушить. Требовался крупнокалиберный пулемет. Но пулемета у них не было.

Прежде чем зверь забрался в лабораторию, Плэтт умудрился залезть на крышу и бросить в него динамитную шашку. Это решило поединок в пользу палеонтолога. Едва Стэплз успокоил свою слониху, как взрыв снова перепугал ее. Дальнейшее зависело от того, кто первый свалится с ног от усталости. В последний момент геолог победил.

Осматривая останки собакомедведя, Стэплз спросил Плэтта:

— Почему вы не стреляли в голову?

— Но если бы я стрелял в голову, то испортил бы череп, и мы не смогли бы его оживить.

— Вы хотите сказать... что собираетесь... — Стэплз не смог закончить фразы. Он уже знал ответ. Они собрали останки собакомедведя, сложили примерно так, как нужно, и снова поместили в самую большую ванну. Через несколько дней Стэплз с грустью отметил, что собакомедведь очень быстро поправляется и набирает силы. Плэтт построил новую клетку, разрушить которую было не под силу даже собакомедведю. Но, принимая во внимание размеры

и прожорливость зверя, Плэтт решил, что содержать его слишком опасно и накладно. И он продал его в Филадельфийский зоопарк. После того как работники зоопарка поближе познакомились с собакомедведем, они, наверно, прокляли тот день, когда решились на покупку.

Продажа собакомедведя вызвала сенсацию, и какое-то время в Филадельфийский зоопарк народ валил валом. Плэтт навел справки о возможных покупателях для своих оживших зверей, и вот недели через две к нему явился загорелый человек. Он назвал себя Найвели и сказал, что представляет компанию «Марко Поло». Эта компания, объяснил он, объединяет торговцев дикими зверями по всей стране. Она не имеет общего капитала, и потому ей удается обойти антитрестовские законы.

Полагая, что теперь некоторая гласность не повредит, Плэтт и Стэплз провели Найвели по зоопарку. Особое впечатление на гостя произвел новый жилец — динохий, зверь, похожий на свинью, но размером с буйвола и ртом, полным медвежьих зубов. Этот зверь жрал решительно все.

Элиас подготавливал самую большую ванну. Плэтт объяснил:

— Старые ванны малы. На складе у меня хранится скелет замечательного *Parelephas jeffersonii*. Вы, наверно, слышали о нем — это так называемый мамонт Джеферсона. Он намного крупнее обычного, или волосатого, мамонта, которого так здорово рисовали пещерные люди. Волосатый мамонт был сравнительно невелик, не выше трех метров.

— В самом деле? — сказал Найвели. Они уже возвращались к конторе. — А я-то думал, что все мамонты были великанами. Да, кстати, мистер Плэтт, я хотел бы поговорить с вами наедине.

— Можете начинать, мистер Найвели. У меня нет секретов от Стэплза.

— Хорошо. Прежде всего ответьте мне, ваш метод запатентован?

— Разумеется. Я подал патентную заявку. А к чему вы клоните, мистер Найвели?

— Я думаю, что компания «Марко Поло» сделает вам выгодное предложение.

— Какое?

— Мы хотели бы купить вашу патентную заявку и все права, из этого вытекающие.

— А на что вам они?

— Понимаете, наше дело требует больших капиталовложений, и степень риска очень велика. Вы грузите в Джибути шесть жирафов и, если один из них остается в живых, когда вы достигнете Нью-Йорка, считайте, что вам повезло. А используя ваш метод, мы можем класть зверей в холодильник на время пути и потом... как это вы говорите... оживлять их на месте.

— Крайне любопытно. Если желаете, могу выдать вам лицензию на право пользования этим способом.

— Нет-нет. Мы хотели бы полностью контролировать все. Нам надо... как бы это сказать... поддерживать высокую марку нашей фирмы.

— Простите, но мой метод не продается.

— Послушайте, доктор Плэтт...

Они еще поспорили, но Найвели пришлось уйти ни с чем. А через неделю, в тот день, когда породу со скелетом мамонта поместили в ванну, он вернулся.

— Доктор Плэтт, — начал он. — Мы бизнесмены, и мы хотели бы предложить вам подходящую цену...

Так что все опять началось и все опять безрезультатно.

После того как Найвели ушел, Плэтт сказал Стэплзу:

— Он, наверное, думает, что я зануда и упрямец. Но я ведь понимаю, что их интересует не столько мой метод, сколько сохранение монополии. Ведь во всей стране не найдется цирка или зоопарка, который отказался бы от исторического животного.

Тактичный Стэплз позволил себе высказать мнение:

— Представляю, как они взбесятся, когда мы создадим парочку особей одного вида и они у нас дадут потомство!

— Боже мой! А мне это и в голову не приходило! Никто в наши дни не будет покупать диких львов. Легче вырастить льва в неволе. И вот еще что: допустим, мы возродим таких вот крупных свиней, как наш друг, сидящий в соседней клетке. И представьте себе, что наша цивилизация погибнет и все документы о нашей с вами работе будут утеряны. Что же скажут палеонтологи отдаленного будущего при виде этих гигантских свиней, которые вымерли полностью в миоцене, а затем, через двадцать миллионов лет, возродились вновь?

— Очень просто,— ответил Стэплз.— Они изобретут затонувший континент в Тихом океане, на котором все эти годы скрывались свиньи, а затем образовался сухопутный мост и свиньи распространились на север... Ой! Не кидайте в меня этой штукой! Я обещаю вести себя хорошо!

Найвели пришел в третий раз еще через несколько дней, когда мамонта пора было выволакивать из ванны. Загорелый человек сразу взял быка за рога.

— Мистер Плэтт,— сказал он.— Мы сколотили большой капитал, претерпев немало лишений, и не намерены сидеть сложа руки и наблюдать, как гибнут плоды наших рук только оттого, что какому-то ученому пришла в голову светлая идея. Мы готовы сделать вам выгодное предложение: мы покупаем вашу патентную заявку при условии, что вы продолжаете свои опыты, но мы становимся един-

ственными продавцами ваших тварей. Таким образом, вы занимаетесь наукой, а мы — коммерцией. Все счастливы. Ну, что вы на это скажете?

— Простите, мистер Найвели, но сделка не состоится. Если хотите получить лицензию на продажу животных, стать одним из моих агентов — милости просим.

— Послушайте, Плэтт. Вы лучше дважды подумайте, прежде чем от нас отказываться. Мы — могучая организация и можем вам испортить настроение.

— Что ж, я рискну.

— Коллекция диких животных недешево стоит. Несчастные случаи...

— Мистер Найвели, — цвет лица Плэтта претерпел ряд изменений, пока не стал малиновым. — Не будете ли вы так любезны обратиться к черту.

Найвели убрался.

Глядя ему вслед, Плэтт сказал задумчиво:

— Опять меня подвели нервы. Пожалуй, стоило уклониться от прямого ответа.

— Может быть, — согласился Стэплз. — Нельзя сказать, что он открыто грозил нам. Но, без сомнения, он думал именно об этом.

— Возможно, он блефует, — сказал Плэтт. — Но, пожалуй, стоит нанять еще одного служителя. Надо, чтобы кто-нибудь находился при животных круглые сутки.

Наконец они вытащили мамонта из ванны и оживили его. Они нервничали — ведь мамонт был крупнейшим животным, с которым им когда-либо приходилось иметь дело. Когда мамонт проявил признаки жизни, Плэтт на радостях подбросил вверх свою шляпу. Стэплз также выразил радость, но шляпу бросать не стал.

Они назвали мамонта Монтигомо — в честь легендарно-

го вождя индейцев. Мамонт был четырехметровой высоты. — ростом он не уступал самому большому из африканских слонов. Его громадные бивни почти соприкасались друг с другом концами. Когда мамонт совсем очухался, он поднял бунт, но в конце концов успокоился и стал вести себя как самый обычный современный слон. Позднее у него отросла длинная бурая шерсть.

Плэтт, как и сказал, нанял в помощь Элиасу еще одного служителя. Как-то утром новый служитель, Джейк, обнаружил, что у Монтигомо болит живот. Тогда Джейк растворил в лохани с джином лекарство и понес больному. Монтигомо опустил в лохань хобот и с наслаждением «лечился», а Джейк ушел в контору, как вдруг появился Найвели. Он подошел к загородке и выстрелил в голову Монтигомо бронебойной пулей.

Это было ошибкой. Такие пули не подходят для охоты на слонов. Ведь темя у этих животных — сплошная кость, поддерживающая мышцы шеи. Мозг расположен значительно ниже. Но Найвели охотился обычно в Южной Америке и ничего не знал о строении слоновьего черепа. Пуля прошла насквозь, но вреда мамонту не принесла, а лишь очень разозлила его. Возмущенный Монтигомо поднял хобот и затрубил. Если бы не слышали этого звука, то много потеряли: мамонт может заглушить целый духовой оркестр.

Джейк выбежал на шум и, увидев, что творится с Монтигомо, бросился к воротам. В спешке он забыл их запирать. Найвели выстрелил еще раз и промахнулся. Тогда он тоже побежал, Монтигомо — за ним. Добежать до машины Найвели не успел. И мамонт без сомнения догнал бы его, если бы Найвели вдруг не заметил прислоненный к дереву велосипед Элиаса.

Шум заставил Кеннета Стэплза выскочить из постели. Он подбежал к окну и увидел, как Найвели на велосипеде

мчится по дорожке, а Монтигомо преследует его по пятам, Через секунду они исчезли за поворотом дороги, ведущей к Керрисвиллю.

Стаплз не стал тратить времени на одевание и кинулся вниз, к гаражу. Лишь на мгновение он задержался, чтобы схватить с вешалки шляпу. В гараже он завел грузовик, специально купленный Платтом для перевозки самых крупных животных, и помчался вслед за Найвели и Монтигомо.

Не проехал он и мили, как его остановил Поупено, местный автоинспектор.

— А, это вы, мистер Стаплз,— сказал Поупено.— Но какого черта вы...

— Я ищу моего мамонта,— ответил Стаплз.

— Вашего кого?

— Моего мамонта. Ну, знаете, такого большого слона, обросшего шерстью.

— Да, мне пришлось на своем веку послушаться чудных объяснений, но это побивает все рекорды. Да и тому же вы в пижаме. Я сдаюсь. Поезжайте и ловите своего волосатого слона. Но я поеду вслед за вами, и лучше, чтобы слон все-таки существовал. А вы уверены, что он не розовый, в зеленую крапинку?

Геолог ответил, что уверен, и поехал дальше, к Керрисвиллю. Там он обнаружил большую часть населения города на улицах, прилегающих к центральной площади, хотя ступить на саму площадь никто не осмеливался,

Городки вроде Керрисвилля почти всегда могут похвастаться газоном в центре, а на этом газоне обычно возвышается статуя или пушка с кучкой ядер. Типичным сочетанием такого рода можно считать крупновскую шестидюймовку образца 1916 года и под ней кучку ядер образ-

ца 1845 года. В центре Керрисвилльского газона перед зданием городского суда стояла конная статуя генерала Филиппа Шеридаана на высоком гранитном пьедестале.

Только что взошло солнце, и его нежные лучи осветили мистера Найвели, восседавшего на бронзовой генеральской шляпе. Монтигомо носился вокруг пьедестала, стараясь достать Найвели хоботом.

Впоследствии Стэплз узнал, что один из местных жителей разрядил в Монтигомо обойму своего пистолета, но мамонт этого даже не заметил. Затем кто-то другой всадил в мамонта пулю из охотничьего ружья, чем его обидел. Монтигомо погнался за стрелком, и тому пришлось спасаться бегством. Пока мамонт отвлекся, Найвели начал было карабкаться вниз, но Монтигомо вернулся и загнал его обратно на шляпу.

Стэплз остановил машину у здания городского суда и вылез из нее. Монтигомо пошел к нему. Стэплз приготовился отступить, но мамонт узнал его и вернулся к Найвели. На призывы Стэплза он не обратил ровным счетом никакого внимания. К тому времени он сообразил упереться головой в пьедестал, не поломав при этом бивней, и после первого же толчка конный генерал опрокинулся. Пока статуя падала, Найвели умудрился ухватиться за сук растущего рядом дуба и повис на нем, болтаясь, словно яблоко на ветру. Монтигомо вальсировал внизу и издавал угрожающие звуки.

Стэплз подогнал грузовик к мамонту, откинул задний борт, а Найвели крикнул, чтобы тот прыгал на крышу кузова и оставался там. Найвели так и поступил. Монтигомо попытался до него добраться, но не смог и начал обходить грузовик сзади. Увидев откинутый задний борт, он сообразил, что, забравшись в грузовик, сможет приблизиться к врагу. Стэплз поднял и запер борт, затем вернулся к кабине и вскарабкался на радиатор.

Найвели сидел на крыше кузова и казался удивительно бледным для столь загорелого человека. Стэплз почувствовал неприятный разговор с Плэттом по возвращении домой и понимал, что ехать обратно в таком виде не следует. Он прекрасно знал, что стыдно извлекать выгоду из чужой беды, но что поделаешь... И сказал вслух:

— Найвели, отдайте мне ваши деньги и ваши брюки.

Найвели начал протестовать, но Стэплз не был склонен к долгим спорам. Он вскарабкался на крышу кузова и схватил Найвели за руку.

— Хотите спуститься к вашему мохнатому другу?

Найвели был сильным человеком, но железная хватка геолога заставила его поморщиться.

— Вы...— крикнул он.— Вы... вымогатель! Вас за это арестуют!

— Вы уверены? Тогда и я могу добиться вашего ареста за вторжение на чужую территорию и варварское отношение к животным, не говоря уж о краже велосипеда. Еще поглядим, кого из нас арестуют. Брюки я вам верну. И машину тоже.

Найвели посмотрел на просунутый в щель между крышей кузова и кабиной хобот Монтигомо, которым тот шарил в надежде добраться до врага, и сдался. Стэплз оставил ему ровно столько денег, чтобы хватило добраться до Чикаго, и отпустил.

В это время автоинспектор Поупено и два других местных полицейских набрались смелости и приблизились к грузовику. Один из полицейских тащил пулемет.

— Отойдите-ка в сторонку, мистер Стэплз,— сказал Поупено.— В машине находится опасное дикое животное, и мы его сейчас прикончим.

— Ни в коем случае,— ответил Стэплз.— Это не дикое животное, а ценная частная собственность и к тому же объект важных научных исследований.

— А нам все равно. Согласно постановлению муниципального совета номер 486...— Поупено приподнял край брезента, заглянул в кузов, определил местоположение мамонта и указал полицейскому, куда стрелять.

Стэплз решил, что бессмысленно ждать, когда полицейские начнут мамонта свинцом. Он дал задний ход, съехал с газона и погнал машину. Полицейские подняли страшный шум. Стэплз не мог вернуться обратно тем же путем, каким приехал, потому что дорога была перекрыта машинами и толпой местных жителей. Пришлось взять курс в противоположном направлении, на Чикаго. Миновав два квартала, он свернул с улицы в тупик и спрятал грузовик в пустом гараже. А еще через полминуты он имел удовольствие видеть на дороге две завывающие полицейские машины. Затем машины промчались обратно, полагая, очевидно, что Стэплз сделал крюк и теперь направляется домой.

Стэплз позвонил Плэтту и рассказал о случившемся. Плэтт ответил:

— Ради бога, Кен, не возвращайтесь домой. У ворот полиция. Они вас ждут, вернее не вас, а Монтигомо.

— Что мне делать? Не могу же я оставаться здесь до бесконечности. Монтигомо проголодался, а кроме того, он ранен.

— Вот что,— сказал Плэтт после паузы.— Отправляйтесь в Чикаго и продайте мамонта в зоопарк. Тамошнего директора зовут Трафаген. Полицейские не догадаются, что вы поедете туда, А если везти Монтигомо обратно, неприятностей не оберешься.

Когда Стэплз повесил трубку, механик гаража спросил его:

— А кто этот Монтигомо, о котором вы сейчас говорили?

Механик стоял, опершись о борт грузовика. В этот момент мамонт издал леденящий душу трубный глас. Механик подскочил на полметра.

— Вот это и есть Монтигомо, — вежливо сказал Стэплз. Он сел в кабину и поехал в Чикаго.

Стэплз добрался до Чикаго к десяти часам и в одиннадцать был уже у дверей кабинета доктора Трафагена. Секретарша директора с подозрением оглядела Стэплза. Надо сказать, он выглядел и впрямь подозрительно в пижамной куртке, коротких брюках Найвели и в шлепанцах.

Секретарша спросила Стэплза, есть ли у него визитная карточка. Он вытащил бумажник и дал ей карточку. Когда секретарша исчезла за дверью кабинета, Стэплз вспомнил, что бумажник принадлежал Найвели и карточка, разумеется, тоже.

Наконец секретарша пригласила его в кабинет. Стэплз вошел и сказал:

— Доброе утро, доктор Трафаген.

— Мистер Стэплз... то есть Найвели... то есть... совершенно спокойно... садитесь пожалуйста... все будет хорошо.

— Что касается карточки, то я все объясню, — сказал Стэплз. — Но на самом деле меня зовут Стэплз и я...

— И что бы вы хотели, мистер... то есть Стэплз?

— Вы не хотели бы приобрести мамонта?

— Простите, дорогой сэр, но мы покупаем только живых зверей. А кости мамонта, думаю, с удовольствием приобретет Музей Фильда.

— А я и не говорю про кости. Я предлагаю вам живого мамонта. Хорошо сохранившийся самец мамонта Джефферсона. Хотите взглянуть?

— Разумеется, разумеется... мечтаю, дорогой сэр.

Трафаген направился к двери. Когда Стэплз выходил

следом за ним, два дюжих служителя схватили его. Трафаген выпалил, обращаясь к секретарше:

— Теперь срочно звоните в госпиталь, то есть в сумасшедший дом или куда там надо!

Стэплз пытался сопротивляться, но служители привыкли иметь дело с существами, куда более сильными, нежели люди.

— Послушайте, Трафаген, — заявил он. — Вы можете сейчас же проверить, псих я или нет. Только взгляните на мамонта. Неужели вы никогда не слышали о докторе Джилморе Плэтте?

— Ш-ш-ш, мой дорогой сэр. Сначала вы заявляете, что ваше имя Стэплз, потом вручаете мне визитную карточку, на которой написано, что вы Найвели, а теперь пытаетесь убедить меня, что вы — доктор Плэтт. Успокойтесь, пожалуйста. Сейчас вас отвезут в одно чудесное тихое место, где вы будете играть с мамонтами в свое удовольствие.

Стэплз пытался протестовать, но ничего из этого не вышло. Он и вообще-то был не очень разговорчив, тем более без шляпы на голове, и ему никак не удавалось вставить словечко в поток успокаивающих причитаний доктора Трафагена.

Приехала скорая помощь, и люди в белых халатах вывели Стэплза из административного корпуса. Трафаген следовал за ними. Грузовик стоял как раз у самой машины скорой помощи. Стэплз завопил:

— Монтигомо!

Мамонт поднял хобот и затрубил. Леденящий кровь звук так перепугал санитаров, что они отпустили Стэплза, но, нужно отдать им должное, тут же вновь схватили пациента, прежде чем ему удалось от них скрыться.

Трафаген подбежал к грузовику и, заглянув под брезент, обернулся к Стэплзу с криком:

— Простите меня! Простите меня, ради всего святого! Ведь я же знаю о Плэтте и его процессе. Но мне и в голову не пришло, что вы — это он... то есть вы от него. Мальчишки, произошла ошибка, все это сплошная ошибка. Он, оказывается, вовсе не сумасшедший!

Санитары отпустили Стэплза. Приняв вид невинно оскорбленного, Стэплз сказал:

— Вот уже пятнадцать минут, как я пытаюсь объяснить вам, доктор Трафаген, кто я такой, но вы же меня не слушаете.

Трафаген извинился еще раз и сказал:

— Я не знаю, не пропала ли у вас охота обсуждать условия продажи этого зверя, мой дорогой сэр, но я хотел бы перейти к делу. Только вначале мне надо ознакомиться с финансовым состоянием зоопарка и проверить, каков перерасход в этом квартале.

На самом деле я скорее развеселился, чем разозлился, но, до тех пор пока мы не сговорились о цене, я сохранял оскорбленный вид. Трафаген был так смущен, что неплохо заплатил нам за мамонта. Несколько долларов из этой суммы пошли в фонд помощи полицейским Керрисвилльского управления для налаживания с ними добросердечных отношений.

Плэтт нанял сторожей и обнес зоопарк забором. Я не думаю, что люди из «Марко Поло» предпримут что-то еще. После того, что случилось, любой инцидент будет казаться подозрительным. Плэтт также взял на работу еще одного помощника, восторженного молодого палеонтолога, по имени Рубидо. Сейчас они в Вайоминге, где выкапывают кости динозавров.

В клетках у нас живут некоторые интересные ископаемые и еще несколько ждут своей очереди в ваннах. Один

из них — американский мастодонт, которого мы уже обещали зоопарку в Нью-Йорке.

Но вначале я обещал рассказать, почему я ухожу от Плэтта. Во-первых, я геолог, а не служитель зоопарка. То, что ты прочел, даст тебе представление, каково работать на Плэтта. Во-вторых, как я уже писал, у меня на руках семья, и поэтому я берегу свое здоровье. На прошлой неделе я получил телеграмму от Плэтта, где он сообщает, что они раскопали полный скелет тиранозавра длиной в двадцать метров, с пастью, полной пятнадцатисантиметровых зубов. Я знаю, что все это значит, и полагаю, что мне лучше унести ноги, покуда цел.

С наилучшими пожеланиями тебе и Джорджии. Надеюсь, скоро увидимся,

Кен.

СУМАСШЕДШИЙ

— Простите... можно войти?

Я был скорее изумлен, чем испуган.

— Как вы сюда попали?

— О... не стоит говорить. У меня свои способы... Поверьте, при минимальной ловкости и максимальном желании можно без труда попасть в любую квартиру.

— Вы, вероятно, не ожидали, что застанете меня дома?

— Наоборот, именно на это я и рассчитывал.

Я снова ощутил изумление — на этот раз из-за наглости своего посетителя.

— На что вы рассчитывали, мне безразлично. Прошу немедленно покинуть мой дом!

«Гость» преспокойно уселся в кресло.

— Вы не можете требовать от меня, чтобы я ушел, не объяснив вам, в чем дело.

— Я веду дела только с теми, кто входит сюда через дверь. Убирайтесь сейчас же, или...

Я протянул руку к ящику, где держу оружие. Однако гость был проворнее: в руке у него очутился револьвер, направленный прямо на меня.

— Не советую вам открывать ящик...

Я положил руки на стол.

— ...или звонить куда-нибудь. Вы должны выслушать меня!

Я покорился судьбе.

— Слушаю вас.

— Мне нужны деньги!

— Вы ошиблись в расчетах: деньги я держу в банке. При себе у меня лишь несколько сот франков.

Гость задумчиво покачал головой.

— Да, да, вы правы: это действительно похоже на попытку ограбления. Но вы сами вынудили меня поступить так: я не могу уйти, пока вы меня не выслушаете.

— Я уже знаю: вам нужны деньги.— Хладнокровие постепенно начинало мне изменять.

— Мне нужны деньги, много, очень много. Для начала хватит двух миллионов франков, даже одного. Я не хочу отнимать их у вас, не хочу подачки, но прошу займы. Я предлагаю вам участие в выгодном деле: в обмен на свой вклад вы через полгода получите двадцать, даже пятьдесят миллионов!

— Странный способ приглашать компаньона: с револьвером в руках!

— Это просто пугач.— Он бросил револьвер на письменный стол.— Не будь этой игрушки, вы бы вышвырнули меня из комнаты раньше, чем я успел бы предложить вам что-нибудь.

Я почувствовал себя свободнее. Вся эта история начала забавлять меня.

— И все-таки вы попали не по адресу: я не занимаюсь выгодными делами.

— Именно поэтому я к вам и обращаюсь. Я ищу честного человека, абсолютно честного. В финансово-промышленных кругах такого не найдешь.

— Благодарю за комплимент; но неужели вы думаете, что, не занимаясь сделками и не разбираясь в них, я вложу значительную сумму в какое-то неопределенное и — простите за откровенность — довольно-таки подозрительное предприятие? Ведь я вас, в сущности, совершенно не знаю, не знаю даже, как вас зовут, мосье...

— Грижо, Анри Грижо.

— Рад с вами познакомиться, но совершенно не намерен стать вашим компаньоном.

— Через полгода вы получите сто миллионов франков!

Часы на камине пробили одиннадцать. За окном чернела ночь. Мне еще нужно было просмотреть критическую статью о живописи Пауля Клея и написать рецензию на осеннюю выставку молодых художников. Необходимо было раз и навсегда избавиться от этого нахала.

— Я не разбираюсь в делах, но то, что вы говорите, — чепуха! А может быть, и мошенничество. Неужели я, по-вашему, настолько наивен, чтобы поверить в ваши сомнительные обещания? Даже если бы вы предлагали мне участвовать в добыче алмазов...

— Я не предлагаю вам ни алмазов, ни золота, — прервал он меня довольно резко. — Я предлагаю вам эксплуатировать изобретение.

— Я не знаю изобретения, которое приносило бы такие баснословные доходы.

— Зато я знаю. Мало того: это изобретение — мое собственное. Я работал над ним десять лет, пока, наконец, не осуществил задуманного.

— А именно?

— А именно воду в порошке.

Я с детства не люблю насмешек. На этот раз я почувствовал себя глубоко уязвленным: подозрительным образом приходит какой-то подозрительный тип, отнимает драгоценное время, да еще и издевается при этом.

— Плохая шутка. — Я встал. — У меня нет времени выслушивать ваши анекдоты. Прощайте!

Грижо не двинулся с места.

— Ваш прадедушка мог бы сказать то же самое о порошковом молоке, — заметил он. — Не думаю, однако, чтобы вы назвали сухое молоко анекдотом.

— Но ведь воду нельзя выпарить так, как молоко! Если даже на дне что-нибудь и останется, это будут соли или примеси. Воду нельзя превратить в твердое тело.

— А лед?

Я никогда не претендовал на знакомство с точными науками, а физику и химию знал поверхностно. Поэтому мне нельзя было обижаться на собственную ошибку, но все же мне стало неприятно.

— Так что же, вы предлагаете мне открыть фабрику льда? Вы не слишком оригинальны; боюсь только, что при двух градусах тепла мои деньги попросту растают.

— Почему вы так думаете?

Казалось, Грижо забавляется, и это рассердило меня еще больше.

— Кажется, лед тает при нуле, правильно? Или вам удалось изменить законы физики?

— Если, добавляя соль, можно понизить точку замерзания, то почему нельзя таким же способом повысить точку плавления?

Мои сведения в этой области были исчерпаны. Мне оставалось только сдаться.

— Не знаю, — сказал я.

Грижо торжествовал:

— Вот видите, вы сами признались, что не знаете. Стало быть, у вас нет никаких оснований сомневаться в возможности получить воду в порошке. Впрочем, — добавил он, порывшись в кармане, — я сейчас вам это докажу. — Он положил на стол пробирку, наполненную каким-то белым порошком. — Выньте пробку, — сказал он, — и высыпьте себе на ладонь немного этого вещества.

Я поколебался, но, не желая показать слабость, сделал так, как он мне сказал. Порошок был холодный на ощупь и необычайно мелкий, похожий на очень тонкую пудру, но влажности в нем не ощущалось.

— А теперь разотрите порошок на ладони!

Порошок с ладони исчез, зато появилась крупная капля какой-то жидкости.

— Можете взять ее на язык. Вы убедитесь, что она не отличается от обыкновенной пресной воды.

— Я не люблю воды, пью только вино.— Ничего умнее в эту минуту я не мог придумать: почему-то я боялся, что меня могут улюстить ядом.

Грижо иронически усмехнулся:

— Хорошо, я сейчас докажу вам, что это вода.

Он зажег спичку и подогрел пробирку на пламени. Ее содержимое потемнело, вроде бы уплотнилось, потом превратилось в прозрачную жидкость.

— А теперь я беру лакмусовую бумажку,— мой посетитель начал демонстрировать опыт,— и вот вам: цвет бумажки не меняется! Это не кислота и не щелочь, а вода, самая обыкновенная вода!

Да, несомненно, это была вода. Ее поистине чудесное появление в пробирке напомнило мне о фокуснике, извлекавшем миски с водой из-под полы старомодного сюртука. Я был почти уверен, что тут кроется какой-то подвох, что мой непрощенный гость попросту дурачит меня. Мысль об этом привела меня в бешенство.

— Самая обыкновенная вода, говорите вы? — насмешливо обрушился я на него.— Самая обыкновенная вода в порошке? Замечательное изобретение, за которое вы собираетесь получить десятки и сотни миллионов франков! А кто будет ее покупать, если достаточно отвернуть кран, чтобы получить ее бесплатно, в любом количестве, уже готовую к употреблению? Ваша идея наивна, чтобы не сказать бессмысленна, нежизненна, даже если ее удастся практически осуществить, в чем я, впрочем, тоже сомневаюсь...

Я не щадил Грижо, доказывая с помощью законов логики всю абсурдность его изобретения. Не могу не пожалеть, что эта импровизированная речь не была записана: в ней было множество метких словечек и остроумных

определений, которые восхитили бы даже самых придирчивых литературных критиков. Разумеется, только знатоки могли бы полностью оценить весь мощный заряд ума, заключенный в этой отповеди. Но на Грижо она не произвела большого впечатления. Он сидел спокойно, даже беспечно, положив ногу на ногу. Когда я приостановился чтобы перевести дыхание, он произнес:

— Я и не предполагал, что у вас, такого умного человека, настолько ограниченное воображение. Вода легкодоступна, говорите? Ну так что же? Согласитесь, что не только в Сахаре, но и на европейском материке воздух гораздо доступнее воды, а ведь сейчас десятки огромных заводов выпускают сжатый воздух и жидкий кислород. Но я утверждаю, что у порошковой воды гораздо больше преимуществ. Если она поступит на рынок, это будет настоящий переворот. Я сам еще не вполне осознал перспективы использования этого изобретения, но я уверен, и впоследствии вы вспомните мои слова, что наш век откроет перед людьми новую эпоху: эпоху воды в порошке!

— Но как же вы представляете себе применение этого изобретения? Признаюсь, я...

Я не успел договорить. Грижо встал и начал рассказывать по комнате, скрестив руки на груди, как Наполеон.

— Как я это себе представляю? Смешно спрашивать об этом! У вас есть свободные сутки, чтобы выслушать мой ответ? Да, да, не улыбайтесь: чтобы ответить вам, мне пришлось бы перебрать все отрасли человеческой деятельности. О чем я должен говорить? О промышленности? Мое изобретение позволит сооружать заводы в местностях, богатых минеральным сырьем, но бедных водой; сейчас ее доставляют туда в дорогостоящих цистернах, а будут посылать просто в бумажных мешках. Торговля? Совершенно исчезнут стеклянные, керамические и металлические сосуды для всяких жидкостей. Жидкости будут продавать-

ся в виде порошков, содержащих сухую воду. Медицина? Исчезнут, наконец, раз и навсегда капли и микстуры, которые так неудобно дозировать и принимать: эти лекарства будут выпускаться в виде порошков. Искусство? Здесь открываются новые чудесные перспективы в отношении сухих акварельных красок. Да, впрочем, что тут много говорить? Тысячи, десятки тысяч способов использования сухой воды в обыденной жизни приведут к полному перевороту во всех взглядах и склонностях человека, и пользоваться водой в жидком состоянии будет так же смешно, как пользоваться лучиной. В космические полеты воду будут брать только в виде порошка...

Сначала я еще следил за ходом рассуждений Грижо, но потом перестал. Он говорил без запинки и был возбужден, словно произносил превосходно заученную речь или замечательно импровизировал. Что бы там ни было, а этот человек знал толк в рекламе! Пытаясь собрать все услышанное за этот вечер в одно логическое целое, я прервал его:

— Простите, но не можете ли вы объяснить мне подробнее сущность своего изобретения? Насколько я понял, вы добавляете к воде что-то, что повышает температуру ее таяния?

Грижо остановился на полуслове:

— Но это-то я и держу в тайне. Я не считаю, что даже патент является гарантией, но кое-что все же могу сказать, Вы когда-нибудь видели капсулы с касторкой?

— Конечно!

— Так вот, порошковая вода напоминает именно такие капсулы, только масштабы здесь другие. Микроскопическая водяная капелька заключена в оболочку толщиной не более нескольких микронов. Разумеется, химический состав оболочки, соотношение между ее толщиной и диаметром капельки и вся технология изготовления порошковой

воды остаются пока моей тайной. Я открою их, то есть дам патентную заявку, только когда буду располагать достаточными средствами, чтобы развернуть производство. Вот почему я обратился к вам.

— Но отчего же вы тогда не обратитесь к финансистам, к промышленникам? — вскричал я. — Тогда у вас было бы все: деньги, лаборатории, помощники...

— К промышленникам? — презрительно повторил Грижо. — Не посылайте овцу к волкам! Неужели вы думаете, что они возьмутся осуществить мою идею только ради моего удовольствия? Или ради счастья человечества? Не будьте наивным: все они думают только о том, чтобы набить себе карманы. Они обокрадут меня! — закричал он. — Отнимут у меня все — и деньги, и славу, а потом вышвырнут как ненужную тряпку!

Он оперся о стол, наклонился ко мне и возбужденно зашептал:

— Именно поэтому я и обратился к вам. Вы ни в чем не разбираетесь — ни в технике, ни в делах; вы не сможете обмануть меня, даже если бы и захотели. Мне не нужно от вас никакой помощи, только ваши деньги...

— Я не могу так сразу ответить на ваше предложение. Я должен подумать, посоветоваться кое с кем. Не говоря уже о сумме, которую вы просите, участие в таком деле...

— Понимаю. Вы мне не доверяете.

— Вопрос о личном доверии тут ни при чем. Ваше предложение настолько серьезно, что спешить с решением нельзя. Да я и не думаю, что нужно спешить: неделя-другая не может иметь в таком деле никакого значения.

Грижо заколебался, словно раздумывая, можно ли доверить мне тайну. Оглядевшись, он шепотом произнес:

— За мной следят. Подобные работы ведет ИГ Фарбениндустри, но до сих пор, кажется, безуспешно. Они там

готовы на все, только бы убрать меня с дороги. Поэтому важен каждый час.

Вот так штука! Если Грижо говорил правду, я мог впутаться в неприятную историю. Если он лгал, тем более нужна была осторожность.

— Я могу сейчас выписать вам чек на сорок... нет, на пятьдесят тысяч франков.

Грижо встал.

— Я не нищий. Если вы не хотите финансировать все предприятие, я не возьму у вас ни сантима.— Он помолчал.— Я приду к вам через неделю; может быть, к тому времени вы решитесь.

Он протянул мне руку.

— Итак, до свиданья через неделю — конечно, если до тех пор со мной ничего не случится.

В эту ночь я спал плохо. Мне снились то какие-то краски, растворенные в сухой воде, то Грижо, поджигающий спичкой картину Сезанна, то Рембрандт, чокающийся со мной бокалами порошкового вина. Однако утром я несколько успокоился, а в последующие часы был так занят, что и вовсе забыл о своем ночном посетителе.

Примерно через неделю я неожиданно нашел среди своей почты конверт с обратным адресом: «Психиатрическая лечебница в М.» Заинтересовавшись, я вскрыл его. Письмо было коротким:

«Мосье,

просим Вас приехать к нам для выполнения некоторых формальностей, связанных со смертью больного Анри Грижо...»

Взволнованный и встревоженный, я не раздумывая прыгнул в автомобиль и кинулся в М. Я приехал туда после полудня. В лечебнице я назвал себя, и меня тотчас же

провели к директору. Это был пожилой седеющий человек с учтивыми манерами.

— Вы курите? — спросил он. — Папиросы, сигару? — и продолжал:

— Два дня назад пациент нашей лечебницы, Анри Грижо, неожиданно умер от сердечного приступа... — Он взглянул на меня, очевидно наблюдая, какое впечатление произвели на меня его слова. — Кем он был для вас, другом или знакомым?

— Он не был мне другом, — ответил я. — Не могу я назвать его и знакомым; мы разговаривали только один раз, и то в довольно необычных обстоятельствах.

— Вы, конечно, знаете, что Грижо был химиком?

Я кивнул.

— Жаль, что такой несомненно одаренный человек страдал манией преследования, — продолжал директор. — Он вообразил, что у него есть враги, стремящиеся отнять у него какое-то изобретение. Мы лечили его довольно долго, но, признаюсь, безрезультатно. Я лично приписываю нашу неудачу тому, что мы не были в состоянии вести лечение непрерывно: время от времени больной неожиданно исчезал. Мы не хотели запереть его, чтобы не ухудшить его состояния, но зато не могли и уследить за ним. Дней десять назад он как раз отправился в одно из своих таинственных путешествий. А на обратном пути, уже на нашем вокзале, ему вдруг стало плохо, и он умер, не дождавшись врача.

Наступило довольно долгое молчание.

— В карманах у покойного нашли карточку с вашим именем, — добавил потом директор, — и вот это. — Он протянул мне пробирку с белым порошком. — Вероятно, какое-нибудь из его «изобретений».

Но я не принял его грустно-иронического тона и обратился к нему:

— Можно попросить у вас зажигалку?

— Ну, конечно! — Он явно не понял меня. — Сигару? Папиросу?

— Нет, благодарю вас. Мне нужна только зажигалка.

Пробирка в моей левой руке слегка дрожала над голубоватым пламенем. Директор заинтересованно присматривался. Белый порошок стал похож на мокрый снег, его становилось все меньше и меньше...

Директор взял у меня из руки пробирку, понюхал, попробовал на вкус и вскричал изумленно:

— Но ведь это вода, обыкновенная вода!

— Вот именно, — ответил я. — Обыкновенная вода.

1935 г. н. э.

Представьте себе, если сможете, 1875 год и изобретателя, низко склонившегося над верстаком в мастерской по ремонту велосипедов. Ему то и дело застят глаза длинные волосы, он раздраженно отбрасывает их в сторону и, прикусив губу от усердия, работает гаечным ключом, зажатый мускулистой рукой. Временами он делает передышку, чтобы отхлебнуть глоток-другой холодного лимонада, который принесла ему старушка-мать, — отхлебнуть, а потом окинуть взглядом портрет Сэма Франклина на чистой дощатой стене. «Кто рано ложится и рано встает, здоровье, богатство и ум наживет», — повторяет изобретатель про себя... «Бережливость лучше богатства». Насупленные брови сдвигаются сильнее — он жадно выискивает в этих словосицах крупицы истины.

Таким изобретателем и был Эмиль Харт. Жил он со своей матерью, вдовой, в маленьком домике, расположенном в штате Кайова. Их скромное жилище ничем особым не отличалось от других, если не считать огромной закладной, которую бедная вдова со временем надеялась погасить. Для этого она вязала красивые антимакамилансы (кружевные салфетки для спинок кресел и диванов, предохраняющие от масла «Мак-Милан», которым в те времена люди смазывали себе волосы) и продавала павлиньи яйца. Эмиль же зарабатывал на хлеб починкой велосипедов и продажей газеты «Фрайди ивнинг пост» (основанной самим Сэмом Франклином). И, кроме того, он знал, что судьба уготовила ему завидную долю — стать изобретателем машины времени!

Как-то раз в его мастерскую зашел местный бонвиван и задира Фентон Морбис. Увидев большую машину, заняв-

шую всю мастерскую, он присвистнул от удивления.

— Что это ты делаешь? — спросил он Эмиля.

— Подравниваю кусочек слюды, — кратко ответил Эмиль, откидывая волосы со лба: у него не было времени на пустую болтовню с Морбисом.

— Я спрашиваю, что это за машину ты собираешь? — сказал Морбис, стащив с брюк велосипедные зажимы и небрежно бросив их в угол. Они были изготовлены из настоящего, дорогостоящего алюминия, потому что Морбис был человек состоятельный.

Эмиль вздохнул.

— Я собираю экстраполятор времени, который даст мне возможность отправиться в будущее, — ответил он.

Бонвиван расхохотался ему прямо в лицо.

— Какая чужь! — заявил он. — Да разве можно поехать в будущее?

Эмиль, хитро усмехнувшись, продолжал работать. Подравняв слюду, он приладил ее к прибору какой-то странной конструкции и подвел две проволоочки к телеграфному ключу.

У Морбиса от гнева раздулись крылья широкого седлообразного носа. Он не привык, чтобы его третировали.

— Чепуха! — вновь повторил он. — Даже если эта штука действует, ты все равно на ней не заработаешь даже на корм своим павлинам, уж не говоря об уплате по закладной, когда мой папан подаст на вас в суд за просрочку платежей.

— В суд?! — воскликнул юный изобретатель, бледнея.

— А ты что думал? Готовьте сотнягу к следующему понедельнику, понял? — сказал Морбис с усмешкой. — Вон вымой мой велосипед, получишь целый доллар. Вымой как следует. Я еду сегодня на пикник вместе с мисс Мод Пид.

При этом известии Эмиль отшатнулся, словно от удара, и побледнел еще больше.

— Знаю, знаю. Ты тоже неравно дышишь к ней, — ухмыльнулся бонвиван. — Только ей не хочется тратить время на всяких сумасшедших, которые изобретают в слесарных мастерских какие-то машины времени. Ха-ха-ха!

По мере того как с лица Эмиля сбегал румянец, а лицо его соперника багровело, в голове несчастного изобретателя вертелся один неотвязный вопрос: по чьей прихоти им выпал такой странный жребий — обоим стать искателями руки прекрасной Мод Пид? Готовый разрыдаться, он еще раз взглянул на Сэма Франклина, и, видимо, простые черты и слезящиеся глаза этого великого человека придали ему силы. Какое бы принять решение, гениально простое, как колумбово яйцо? Остаться и вырвать Мод из рук Фентона Морбиса? Или же уехать в светлое завтра и там искать свое счастье?

В считанные секунды он принял решение. Он поедет в будущее! В 1935 год нашей эры — ту землю обетованную, которая, по всем данным, там будет. Он бы стал упиваться его чудесами: летающими машинами, мостом через Ла-Манш, бессмертием, достигнутым с помощью гипноза, электрическими пушками, Землей, где царит мир, а солнце никогда не заходит на флаге Соединенных Штатов Колумбии!

— Ну что, ты так и будешь стоять словно пень, вылупивши глаза на этого старикашку, или начнешь мыть мою машину? — спросил Морбис.

— Ни за что! Можешь хоть сейчас забрать мое имущество, — ответил Эмиль и, подняв сжатые кулаки, добавил: — Катись к своей Мод Пид. И передай ей... передай, что...

Руки его опустились, голова бессильно склонилась на грудь, а непокорная прядь волос упала на глаза. Прямо вылитый молодой Абнер Линкольн, подумал Морбис.

— ...передай ей... — уже спокойно сказал юноша, — что победил достойнейший. Желаю вам обоим с-счастья!

И, еле сдержав рыдания, он отвернулся.

Морбис был так удивлен этой внезапной вспышкой гнева, что ничего не мог сказать в ответ. Он повернулся и вышел из мастерской.

Эмиль понимал, что поступает правильно. Не жалея ни о чем, он набил карманы сладким печеньем, приготовленным его заботливой маменькой, отхлебнул последний раз лимонаду и крутанул педаль, сцепленную с большим генератором, питавшим его машину времени. На щитке управления имелся специальный счетчик времени, и когда его стрелка придвинулась к 1935 году, юноша нажал на телеграфный ключ.

— Вот он, 1935 год! — воскликнул изобретатель, озираясь по сторонам.

Его мастерская почти не изменилась, хотя, огражденная с четырех сторон алыми бархатными канатами, она теперь стала напоминать музей.

— Эй ты, ну-ка марш отсюда! — закричал на него какой-то человек в униформе и, схватив за руку, стащил его с машины времени. — Ты что, не знаешь, что трогать руками музейные экспонаты запрещено?!

И не успел сбитый с толку изобретатель сказать хоть слово в свое оправдание, как обнаружил, что стоит на улице и глазает на медную дощечку, на которой было написано: «Исторический музей Эмиля Харта». «Ого, уже исторический! Вот тебе и на!» С минуту он стоял, упиваясь собственной славой, а затем быстро зашагал к центральной улице города, торопясь взглянуть на те перемены, которые принесло с собой время. Он заметил, что на мостовой было какое-то твердое покрытие и нигде не было даже на-мека на навоз!

Потом он увидел их, выстроившихся возле тротуара:

великолепные безрельсовые локомотивы, именно такие, какими он их себе представлял. Пока он их разглядывал, два человека вышли из магазина и уселись в одну из машин. Сквозь прозрачные окна Эмиль увидел, как один подбросил в топку уголь, тогда как другой открыл клапан тяги. В одно мгновение огромная машина, фыркнув, рванулась с места и умчалась по мостовой.

Однако приподнятое настроение у Эмиля исчезло, как только он обернулся, чтобы получше разглядеть магазины. За шестьдесят лет главная улица не украсилась ни единым новым зданием, и хотя на многих старых домах появились большие стеклянные витрины, фасады домов оставались, как и раньше, грязными и какими-то облезлыми. Правда, столовая Дельмонико стала называться рестораном, но на карлсоновском магазине комбикормов для птиц даже вывеска не изменилась.

Юноша внимательно изучил витрины магазина готового платья и почувствовал отвращение при виде приевшегося серого убожества костюмов. Почему люди не наряжаются в шитые золотом одеяния с красными накидками?

На дамских манекенах были все те же длинные платья и глупые шляпки, а на мужских — темные, нагоняющие тоску костюмы. Хуже того — два-три пешехода, которых Эмиль успел мельком разглядеть, носили комбинезоны такого же покроя и цвета, как его собственный.

Когда он дошел до здания публичной библиотеки в конце единственной на весь город улицы, настроение у него было совершенно подавленное.

Отчаявшись увидеть еще какие-нибудь чудесные изобретения вроде этих безрельсовых локомотивов, Эмиль направился в комнатки под вывеской «Наука и техника». Может, здесь он, наконец, отдохнет от прошлого и увидит будущее, которое, по-видимому, обошло его родной город стороной?

Он достал с полки книгу под названием «Изобретения» и раскрыл ее. Ага, вот они: Томас Эльва Эддисон — электрическая лампа накаливания; Борджес Венн — летающая машина; Гордон К. Мотт — телевидение. (Что бы это слово значило?)

Заглянув в конец книги, он выяснил, что это оптическое дополнение к радио. Последнее же представляло собой устное сообщение, передаваемое на большие расстояния с помощью электромагнитных волн по эфиру, тогда как первое делает то же самое с визуальными изображениями. Мысль об этих волнах, которые распространяются повсюду, даже в этом зале, и пронизывают его тело, потрясла его. Он так глубоко погрузился в размышления, что даже не заметил, как возле него кто-то остановился.

— Хэлло, Эмиль!

Это был Морбис.

— Ты воспользовался моей машиной?

— А то как же! Я вернулся в мастерскую за велосипедными зажимами, смотрю, а тебя и след простыл. Эге, подумал я тогда, да если узнать, что произойдет в будущем, ведь можно заграбастать кучу денег. И вот я здесь. Где тут хранятся подшивки старых газет?

— Зачем они тебе? — Эмиль вскочил на ноги, опрокинув стул.

— Как зачем? Чтобы прочесть о результатах нескольких скачек, ну и разную чепуху о биржевых делах. У меня, правда, денег хватает. Эмиль, но я хочу стать еще богаче.

Морбис усмехнулся, показал ряд неровных гнилых зубов.

— Не смей! Это бессовестно! Подумай о мелких держателях акций: они же разорятся на твоих спекуляциях! — вскричал Эмиль.

Он нагнал Морбиса в отделе периодики и схватил его за плечо. Морбис стряхнул его руку.

— Не мешай! — зарычал он. — Я сделаю, как задумал.

— Оставьте его в покое! — неожиданно послышался детский голос. — Вы мешаете заниматься.

Эмиль оглянулся и увидел маленького, лет десяти, паренька, чей лоб сердито наморщился под ровной челкой золотистых волос.

Ухмыляясь, Морбис спросил:

— Эй, малыш, где здесь лежат старые газеты? Ну, знаешь: «Уолл-стрит джорнэл» и другие?

— Не знаю. Здесь есть только вот это.

И мальчик показал на раскрытый перед ним огромный фолиант, куда он что-то вписывал ручкой. Эмиль заметил — это была одна из тех похожих друг на друга книг, которые занимали все полки в этом зале. Таких томов были тысячи.

— В них вы найдете все, что вам нужно, — заявил мальчик. — Здесь собрано все сущее на Земле.

Все эти книги назывались «Универсальный синопсис».

— Ага! — вскрикнул вдруг Морбис, осененный догадкой, что было для него необычно. — Если я стану богатым, как оно должно случиться, то в этих книгах обязательно будет сказано обо мне.

Он бросился на поиски и, вернувшись к столу с томом «Морей-Морбуд», уселся напротив мальчика.

— Вот оно! Морбис, Фентон младший, — прочел он, задышав от восторга.

— Не смей читать дальше! — закричал ему Эмиль. — Нам не дано знать о будущем!

— Чепуха! Кто мне запретит?

— Я!.. — воскликнул Эмиль и, выхватив из рук мальчика ручку, обмакнул ее в чернильницу и перечеркнул в книге то место, которое Морбис собирался прочесть.

— Послушай, зачем ты это сделал? Я...— и Морбис еле слышным щелчком растворился в воздухе.

— Вот здорово! — воскликнул мальчик. — Значит, я был прав. Эти книги — в одном-единственном экземпляре.

— Что?!

Эмиль, онемев, вытаращил глаза, глядя на то место, где только что стоял его соперник.

— Вы не поняли, что произошло? Это «эффект Допплера», названный так в честь меня, Юлиуса Допплера. Присаживайтесь, я вам сейчас все объясню.

Эмиль покорно опустил на стул и уставился на серьезное веснушчатое лицо мальчика.

— Видите ли, я разработал теорию, согласно которой будущее активно влияет на прошлое. Я был несказанно рад, обнаружив здесь этот универсальный сборник, по которому мог проверить свою теорию. Если этот синопсис со справочными данными, сказал я себе, существует в одном экземпляре, значит, я могу изменить прошлое, просто переписав его заново.

— Каким же образом ты можешь изменить историю? — спросил несколько озадаченный Эмиль.

— С помощью обычной семантики: слово является вещью, во всяком случае после того, как сама вещь исчезла с лица земли. Измените в будущем любое слово, и вы тотчас измените саму вещь, которая некогда обозначалась этим словом. Дайте-ка я вам поясню на примере.

Мальчик раскрыл свой том на одной из страниц и ткнул пальцем.

— Смотрите. Вот здесь я заменил у Франклина имя Сэм на Джон. Если же в будущем кто-нибудь придет и заменит его, скажем, на Бенджамин, то почему бы ему и в самом деле не стать Беном? Поняли?

— Не совсем.

— Ну хорошо. Смотрите. — Юлиус открыл карту Сое-

диненных Штатов. На ней виднелся знакомый Эмилю розовый косоугольник его родного штата Кайова, а прямо над ним — зеленые песочные часы штата Миннехаха, но здесь в названиях штатов была путаница. Вместо «Кайова» стояло «Айова», а «Миннехаха» читалась как «Миннесота». На самом верху карты после слов «Соединенные Штаты»... шла не Колумбия, а какое-то труднопроизносимое итальянское имя!

Карта была явно напечатана с ошибками.

— На прошлой неделе, — рассказывал мальчик, — я внес все эти изменения чернилами, а сейчас они уже стали неотъемлемой частью оригинала.

— Но как же это получается?

Юлиус насупился.

— Я думаю, что и прошлое в свою очередь влияет на будущее, только намного медленнее. В сущности моя теория исключительно проста, хотя я не могу вам ее объяснить. Ведь вы даже не знаете, что $E = mc^2$.

— Я знаю только одно, — ответил Эмиль, вскакивая со стула. — Я убил беднягу Морбиса. Я убийца!

— Э-э, не очень-то расстраивайтесь, — молвил мальчик. — Ведь если бы не я, и вас бы не было. И путешествие во времени вы совершили только потому, что я написал об этом на полях книги рядом с вашим именем.

— Рядом с моим именем?! — При упоминании о своей славе Эмиль загорелся. — Моим именем... Хм, печенья хочешь?

— Давайте.

И они принялись уминать за обе щеки кулинарные изделия вдовы Харт, еще и еще раз обсуждая теорию Юлиуса, пока Эмиль не решил, что он понял все. Разумеется, ему не очень-то понравилась мысль жить под властью будущего, но, если разобраться, это ничуть не хуже, чем жить под властью прошлого.

Доев печенье, Эмиль встал и распрощался с мальчиком. Он торопливо зашагал обратно в музей, уплатил за вход и, улучив момент, когда зритель отвернулся, вскочил в свою машину. Юноша бешено крутанул педали и помчался назад, в 1875 год, и какое горделивое чувство охватило его, когда он узнал знакомые черты Джона Франклина!

«Я здоров, богат и мудр... вернее, скоро буду,— сказал про себя Эмиль.— Мой соперник исчез... я даже не могу припомнить его имя. И я обязательно буду знаменитым!»

Переодевшись в выходной костюм, он нарвал в саду у маменьки букет цветов и отправился в дом Пидов.

Мистер Пид сидел на веранде в качалке, усердно полируя трубку о собственный нос.

— Привет, молодой человек! — бросил он Эмилю.— Чего ради ты сегодня так разрядился?

— Я... я... — начал было юноша и вдруг сообразил, что не знает, о чем говорить. В самом деле, зачем он пришел к мистеру и миссис Пид?

— Я принес цветы вашей жене, — нашелся он наконец.— Из сада моей мамочки.

— Моей жене?! — изумился Пид, наклоняясь вперед, чтобы принять букет.— Да я же, сынок, не женат. Я...

Раздался легкий щелчок, вытянутая рука Пиды стала прозрачной, и он вдруг исчез вместе с верандой и домом.

Кошмар! Эмиль кинулся домой проверить, жива ли его мамочка. Ведь нельзя предусмотреть, кто исчезнет следующим!

Он успокоился только тогда, когда увидел маленькую хрупкую фигурку, которая, ковыляя, вышла к нему с подносом в руках.

— Ну-ка, дай я тебе помогу, — сказал Эмиль, принимая поднос из ее натруженных рук.

— Лимонад и печенье? Ах, как ты добра, маменька!

И, наклонившись, он поцеловал ее в седой висок. С блаженной от счастья улыбкой старушка заковыляла назад в кухню, откуда доносился аромат свежееиспеченных сдобных булочек. Эмиль со страхом смотрел на нее, пока она не скрылась в дверях. Затем он, ясно представляя, что ему делать, вновь взобрался в машину времени и нажал на педали.

В библиотеке он прижал Юлиуса к стенке и потребовал объяснений.

— Чего вы от меня хотите? — спрашивал тот.

— Я, правда, не уверен, но мне казалось, что у Пидов есть дочь, и я считал себя влюбленным в нее. А тут оказывается, она куда-то у них исчезла, да и сами Пиды тоже исчезли. Уж не внес ли ты тут какие-то новые исправления?

— Так это же вы сами сделали. Вычеркнув Фентона или как там его, вы тем самым уничтожили единственное упоминание о девушке Мод, которая стала его женой. Понятно? Печенье захватили?

— Ты хочешь сказать, что так или иначе, а я потерял ее навсегда?

— Ум-гм, — ответил мальчик — рот у него был набит печеньем. — Уничтожение Мод ведет к уничтожению ее родителей, родителей ее родителей и так далее, вплоть до того момента, когда какой-то их предок окажется достаточно знаменитым, чтобы попасть на страницы вот этого Универсального синопсиса.

Харт с трудом мог уследить за его рассуждениями не только потому, что мальчик говорил, жуя печенье, но и потому, что ни Эмиль, ни Юлиус не могли ясно вспомнить, о ком идет речь. Как сказал Юлиус, все это ужасно мифично... или мистично...

Во всяком случае, Харт уразумел, что он потерял единственную девушку, которую когда-либо любил. Горе его не поддавалось описанию.

Эмиль понимал, что во всем виноват он сам. Если бы ему не захотелось так страстно хоть краем глаза увидеть золотые башни и зубчатые стены будущего! Если бы он удовольствовался малым! Гордыня сгубила его, та самая гордыня, которая никогда не доводит до добра.

Так какая же она была, та девушка, которую он любил? Он смутно припоминал ее красивые, как у лани, глаза, длинные волосы. Как же ее звали? В отчаянии он сжал голову и зарыдал.

— Послушайте, прочтите-ка вот что, — сказал Юлиус Допплер. — Может, это ободрит вас немного.

Перед удрученным юношей лежал том синопсиса на «Хан — Харуспекс», где он прочел следующее:

«Харт Эмиль (1857—...) — изобретатель машины времени и единственный человек, которому удалось совершить путешествие во времени. Покинув 1875 год, он прибыл в 1935, где в публичной библиотеке встретил Юлиуса Допплера (см. соответствующий том), который объяснил ему суть знаменитого «эффекта Допплера» — влияние будущего на прошлое. Совершив ряд грубых ошибок, Харт наконец прочел собственную биографию в Универсальном синопсисе и, поняв, насколько это ему было доступно, что, прочти он об этом раньше, он мог бы избежать свершения роковой ошибки — уничтожения некоей, надо полагать, мифической женщины. Поняв все это, он, говорят, воскликнул:

«Гром и молния! Почему я не догадался об этом раньше?!»

— Гром и молния! — воскликнул Эмиль, хлопнув себя по лбу. — Почему я не догадался об этом раньше?!

Однако о прошлых своих ошибках он не помянул ни словом, зная, что у него все впереди. Выхватив ручку у Юлиуса, который только что переделал павлинов на цыплят, Эмиль приписал на полях следующее:

«Попад в затруднительное положение, отважный изобретатель воссоздал по памяти любимую им девушку Хэйзел Пейд, включил ее в собственную биографию, и после краткого знакомства они поженились. Смелый Харт жил долго и был здоровым, богатым и умным...»

После минутного размышления Эмиль добавил:

«...И кто бы, и что бы ни написал здесь в будущем, ничто не должно измениться».

Затем, угостив Юлиуса остатками печенья, изобретатель отбыл в свой девятнадцатый век.

Она была в мастерской, его любимая кареглазая Хэйзел Пейд — в точь-в-точь такая, какой он ее представлял. Встав на одно колено и отбросив непокорную прядь волос, Эмиль сказал:

— Мисс Пейд, вы согласны стать моей женой?

— О да! — воскликнула она, захлопав в ладошки.

— Эге, значит, предстоит свадьба, — сказала мама Эмиля, входя с подносом. — Не хотите ли печенья и лимонада?

Эмиль со своей суженой стояли обнявшись, а над ними слезящиеся глаза Бенджамина Франклина на портрете, казалось, посылали молодым свое благословение.

МГНОВЕНЬЕ ВЕЧНОСТЬ БЕРЕЖЕТ

День был тихий. Нигде ничего.

Я сидел у Грирсона и пил. Бармен, навалившись грудью на стойку, уставился на цветной телевизор. Прием здесь, в центре города, был из рук вон плох, но бармен с унылым упорством вперился в экран. Передавали дурацкую викторину с истеричными домашними хозяйками.

Я посматривал на бармена поверх моего бокала. (Я знал, что на моем лице была написана плохо скрываемая злоба — промежуточная стадия между скептической иронией и пьяным благодушием, — потому что видел свое отражение в зеркале за стойкой: скверный знак, но что поделаешь.) Дневной выпуск «Телеграмм» вскоре должен был уйти в типографию. Тогда народу тут сразу прибавится. А у меня был выходной, и потому я пришел сюда загодя.

Кроме меня, в баре сидел только небритый старик в покатеченной шляпе, который со среды грел в пальцах пузатенькую рюмку. Каждые десять секунд он воровато оглядывался по сторонам и отхлебывал глоток из бутылки вина в бумажном мешочке.

День был тихий. Жарко снаружи, жарко внутри.

Тут вдруг на улице раздался страшный грохот, и я обернулся посмотреть, в чем дело. Мимо окна (зеркальное стекло, рассеченное пополам красными занавесками) галопом мчались люди. Отчаянно гудели машины. В открытую дверь я увидел, как бегущая мимо женщина споткнулась и упала на колени — кто-то помог ей подняться и в награду за доброе дело был сам сбит с ног.

И тут я увидел ЕГО.

— Эй, Джордж! — окликнул я бармена.

Он с трудом оторвался от телевизора, где на экране улыбатый ведущий с микрофоном прыгал как одержимый перед дородной матроной.

— А?

— По Главной улице действительно идет динозавр? — спросил я, слегка повизгивая.

Бармен поглядел в окно.

— Да вроде бы, — сказал он и как загипнотизированный снова уставился на свой дурацкий ящик.

Небритый старик уснул, положив голову на стойку. Его рюмка опрокинулась.

Я, пошатываясь, встал на ноги. Динозавр — судя по всему, он принадлежал к отряду бронтозавров — шествовал по Главной улице. Он двигался с неторопливой неуклюжей внушительностью, и я вспомнил (в детстве я этим интересовался), что бронтозавры из-за своего чудовищного веса почти все время проводили в воде. Мощный хвост двигался из стороны в сторону как маятник.

Бронтозавр прошел мимо бара, направляясь на юг, к заводу и реке, а я допил свой бокал. Инстинктивно я почувствовал, что тут можно наскрести интересный материал.

— Пойду посмотрю, — сказал я.

Мне никто не ответил. Старик спал, а Джордж тарашил глаза на экран.

— Не уходи, Джордж! — закричал я.

— А куда я пойду? — сказал он, пожимая плечами.

Я выбрался на улицу. Люди метались там, как обитатели разворошенной муравьиной кучи. Мостовую загромождали брошенные автомобили. Маленький фольксваген лежал колесами вверх, точно дохлая черепаха. Прорезая пестрый шум папики, звучал нарастающий рев сирен.

Наши доблестные полицейские силы, показывая себя в самом лучшем свете, со всех сторон спешили к месту происшествия, и вскоре на распоясавшегося ящера должен был обрушиться град пуль — или ураган пуль, если вам так больше нравится. Я уже сочинял свою статью. А может быть, они прогонят его дубинками или дадут ему понюхать слезоточивого газа — ну, уж что-нибудь они да придумают.

Справа от меня творилось нечто невообразимое. Мимо промчался Майк Дауди, один из наших фотографов, щелкая камерой как сумасшедший. Удаляющаяся туша динозавра слегка покачивалась, точно в кошмарном сне. Следом бежали два городских репортера и один из пригорода — наверное, на случай, если зверюга выберется за черту города.

На фотографии могла бы получиться недурная картина гибели и разрушения. Вдобавок к дохлому фольксвагену кто-то умудрился открыть пожарный кран, и по улице уже струилась бурная речка. В магазине напротив была разбита витрина, и тротуар усеивали осколки зеркального стекла. Все это до меня как-то не доходило, потому что было подернуто пьяным туманом. Люди мчались куда-то сломя голову, точно в комедиях эпохи немого кино. А вокруг — исковерканные бамперы, столкнувшиеся и вылезшие на тротуар машины. Вдобавок ко всему где-то рядом включилась сигнализация против воров.

Может быть, из-за этого сюда и торопились полицейские?

На мостовой лежало человека два-три, но серьезно ли они были ранены, я понять не мог. Ни ручьев крови, ни даже кровавых пятен возле них не было видно. Одно тело явно принадлежало женщине. Я было шагнул к ней, но тут же остановился. Слева, в том направлении, откуда явился динозавр, улица совсем опустела. Она была загромождена всякими обломками, но безлюдна. Только шагах

в двадцати от меня стоял низенький толстенный человек с буйной гривой седых волос и козлиной бородкой ученого. Он казался необъяснимо спокойным.

Репортерский инстинкт взял верх.

— Что случилось? — спросил я, в два прыжка добравшись до него. То есть мне казалось, что я передвигался прыжками, но, может быть, я выписывал кренделя.

Не глядя на меня, он сказал глухим голосом:

— Все это сделал я.

— Вот именно. А как?

— С помощью моего времясместителя, — он жалобно поглядел на меня. — Это случайность, несчастная случайность. Ведь всего же нельзя предусмотреть, правда?

— Конечно, — сказал я. — Чистая случайность. А как вас зовут?

Блокнота я не достал, чтобы не спугнуть старичка.

— Мейсон Догерти.

— Очень рад с вами познакомиться, — сказал я с энтузиазмом, и он, поведя носом, слегка отвернул лицо. — Уэбб Уильямс, к вашим услугам.

— Очень рад. Я был профессором пространственной механики в Клойстерском университете. Но меня уволили за радиальный образ мыслей.

— Вы хотите сказать — радикальный?

— Нет, за радиальный. — Он сделал неопределенный жест, возможно, изображая в воздухе радиус. — Но теперь они увидят! — Его голос перешел в пронзительный визг, и он потер руки — ей-богу, потер! — а в его кротких голубых глазах вспыхнуло яростное пламя.

— Да-да, безусловно, — сказал я с прежним энтузиазмом. Никогда не возражайте тому, кого интервьюируете. Не перебивайте, а подбивайте. Поспешить — людей насмешить. — Да, конечно, теперь они увидят. Ну, а все-таки, как это произошло?

Он в первый раз посмотрел прямо на меня.

— Может быть, вы хотите посмотреть мой времясменитель?

Я понял.

— А он у вас с собой?

— Разумеется, нет. Мне его не поднять.

Я слегка расслабился, но оставался начеку. Я знаком с дзюдо.

— Он весит тонну, — продолжал Догерти. — Ну, не совсем, не тонну, а тысячу пятьсот семьдесят три килограмма, если быть точным.

— Я хотел бы его посмотреть, — сказал я решительно.

— Вот и чудесно. Вы очень милый молодой человек. Разрешите узнать ваше имя?

— Уэбб Уильямс, — просветил я его еще раз. Я бы с удовольствием вручил ему мою визитную карточку, украшенную семейным гербом и напечатанную подлинным готическим шрифтом, но только они у меня все вышли.

— Если не ошибаюсь, вы посещали мои лекции года два-три тому назад? — спросил он.

— Это всем кажется, — сказал я.

До лаборатории Догерти было рукой подать — всего полтора квартала. Она помещалась в бывшем хлебном амбаре, который в период аграрного кризиса был приспособлен под угольный склад. Теперь это помещенье было заполнено всем тем, чем обычно заполняют лаборатории. Однако, несмотря на тесноту, порядок там был идеальный. В углу, подавляя прочее оборудование своими размерами, высилась внушительная машина из стекла и стали, вся в витках медной проволоки, снабженная бесчисленными циферблатами, счетчиками, рукоятками и еще бог знает чем. Сбоку стоял большой аккумулятор, от которого к неведо-

мому аппарату тянулись провода. По другую его сторону виднелась маленькая динамо-машина. Все это гудело басисто, но пронзительно, так что у меня завибрировали пломбы в коренных зубах. И повсюду мигали симпатичные цветные лампочки.

Указывая на это сооружение, Догерти торжественно объявил:

— Вот он!

— Ага,— сказал я.— А что это такое?

— Мой времясместитель,— объяснил он.

— Он что, смещает время? — предположил я.

— Вот именно! Вы очень сообразительны.

— Видели бы вы меня в понедельник утром! А как он работает?

Догерти погладил бороду.

— Весьма уместный вопрос. Откровенно говоря, в этой частности я пока еще до конца не разобрался. Но аппарат функционирует прекрасно, как доказывает динозавр. Он способен — то есть сместитель, а не динозавр — перемещать предметы почти любого заданного заранее размера в прошлое или... — он сделал паузу, вероятно для лучшего эффекта, — или же в на-сто-я-щее. Он с несомненностью доказывает, что время — это...

Тут Догерти забормотал что-то нечленораздельное, и я уже начал припоминать, какую помощь следует оказывать эпилептику в начале припадка, когда до меня дошло, что он декламирует уравнения.

Наконец он остановился, чтобы перевести дух, и я ринулся в брешь:

— О конечно! — сказал я.— Это-то всякому понятно...

— Неужели?

— Но как он работает?

Догерти ласково погребал аппарат по блестящему боку.

— Не могу сказать. То есть я не вполне уверен. Но как

бы то ни было, он работает. Случайное взаимодействие определенных факторов привело к созданию времясместителя. По правде говоря,— продолжал он, понизив голос,— я пытался опровергнуть третий закон термодинамики. Или первый? А может быть, второй? Ну, вы знаете, какой из них я имею в виду.

Я понимающе кивнул. Какой из них он имел в виду, мне было абсолютно неизвестно — я не отличил бы третий закон термодинамики от летнего расписания пригородных поездов.

— Ну, тот, согласно которому вы извлекаете из чего-либо больше энергии, чем вкладываете,— напомнил Догерти.

— А-а, этот!

— Да. Я пытался сконструировать... только не смейтесь!.. вечный двигатель.

— А! — сказал я.

— Но вместо этого у меня получился сместитель, что даже лучше.

— А когда именно вы заметили, что у вас получилось? — спросил я, все еще стараясь сделать интервью.

— Когда включил аппарат, а из него вылез динозавр. Он прошел сквозь вот эту стену, пересек пустырь и выбрался на улицу.

— Стена, по-моему, совсем целая, — указал я.

Она и правда была целой — ни одной дыры, сквозь которую мог бы пролезть динозавр или хотя бы мышь.

— Я настроил сместитель на малый период и починил стену, вернувшись к тому моменту, когда она еще не была разрушена.

— А почему вы тем же способом не отправили динозавра назад, туда, откуда он явился?

Догерти печально покачал головой.

— Он сразу же вышел за радиус действия аппарата.

Я ведь не могу бегать по улице со сместителем на спине, поскольку он весит больше полутора тонн.

Тут он, пожалуй, был прав.

— Послушайте,— сказал я.— А что случилось бы, если бы я с помощью вашей машины отправился в прошлое и убил моего дедушку до того, как он познакомился с моей бабушкой?

Этот вопрос всегда меня крайне интересовал.

— Я бы рекомендовал вам не проделывать подсобного эксперимента,— сказал Догерти деловито.

— У вас есть радиоприемник? — спросил я.

— Да, конечно. А что?

— Мне хотелось бы узнать, что происходит с нашим чешуйчатым другом. Наверное, по радио передают какие-нибудь сообщения.

— Пожалуй,— сказал он, смахнул с лабораторного стола какой-то хлам и включил радиоприемник, искусно замаскированный под маленькую статую Венеры Милосской. Кнопка включения, кнопка настройки на станцию. Замигала лампочка, и зазвучал голос диктора:

— ...в одном Милвилле пострадало не меньше четырех человек. Согласно последним сообщениям, полицейские, вооруженные автоматами, оттесняют бронтозавра к муниципальной стоянке автомашин. В Милвилл спешно выезжают ученые из всех стран мира, чтобы исследовать сказочное чудовище. Минуточку! Начинаем передачу с места события. У микрофона Джим Бартелли. Начинайте, Джим!

Раздался другой голос, более глухой и неясный:

— Говорит Джим Бартелли. Я нахожусь сейчас на муниципальной автомобильной стоянке у перекрестка Хай-стрит и Мейпл-стрит в Милвилле. Разъяренный бронтозавр — вы слышите шум, который он поднимает, — появившийся неведомо откуда сегодня в полдень, был временно усмирен химическими средствами, пущенными в ход мест-

ной полицией. Многочисленные ученые прислали просьбы не убивать динозавра, в результате чего и были приняты эти временные меры, которые, по-видимому, привели чудовище в полубесчувственное состояние. Однако полицейские стараются держаться подальше от хвоста чудовища. Хвост этот дергается взад и вперед, ломая изгородь. Этот хвост, уважаемые дамы и господа, равен по длине двум автомобилям, очень толст у основания и сужается к концу. Рядом со мной стоит профессор Вильгельм фон Дейчланд, всемирно известный палеонтолог, преподающий эту дисциплину в Клойстерском университете. Скажите нам, профессор фон...

— У, ш-ш-шарлатан! — злобно прошипел Догерти. — Он возглавлял комиссию, которая потребовала моего увольнения. А сам он, во-первых, никакой не «фон», а во-вторых...

— Тихе, — сказал я.

— Ну, что же, Джим! — произнес профессорский бас с сильным немецким акцентом. — Хотя я еще не имел возможности осмотреть этого динозавра, а точнее бронтозавра позднего мезозойского периода, я позволю себе высказать предположение, что перед нами — последнее сохранившееся в мире животное этого типа.

— Какая смелая мысль! Ах ты скотина! — фыркнул Догерти.

— Ну, пожалуйста! — взмолился я.

— ...как он мог попасть сюда, в центр Милвилла? — закончил свой вопрос диктор.

— Гут, Джим... — начал фон Дейчланд, но тут Догерти схватил безрукую Венеру и в бешенстве швырнул ее об пол. Внутренности богини брызнули во все стороны — лампы, транзисторы, конденсаторы. К этому времени я начал трезветь, и ощущение было не из приятных.

— Что за остопо! — крикнул Догерти.

— Почему вы разбили приемник? — спросил я.

Мне очень хотелось услышать, какую теорию происхождения динозавра выдвинет прославленный профессор палеонтологии.

— Что он понимает в сместителях времени? Я подам на него в суд!

— Ну, если город узнает, что бронтозавра на улицу выпустили вы, то в суд подадут на вас!

Это его слегка охладило.

— Правда? — спросил он с боязливым и в то же время мстительным видом (интересное сочетание!).

— Безусловно, — сказал я.

— Мы должны что-то сделать!

Я хотел было спросить, кто это «мы», но вместо этого сказал:

— Совершенно верно. У вас имеются какие-нибудь предложения?

Я знал, что держу в руках такую сенсацию, о которой можно только мечтать.

— Есть один выход, — сказал Догерти, смерив меня задумчивым взглядом. — Но я... э... не решаюсь просить вас...

— Не стесняйтесь, — сказал я. — Выкладывайте.

— Я мог бы послать вас назад в прошлое...

— Не пойдет! — отрезал я.

— Но погодите! Послушайте!

— И слушать не хочу!

— Только позвольте мне...

— И не старайтесь.

— Но другого выхода нет, — сказал он. — Подумайте, скольких людей вы могли бы спасти от смерти!

— Пока еще никто не погиб, — возразил я.

— Но могут.

— И я могу.

— Это предусмотрено, — сказал он поспешно. — Я по-

шлю вас в прошлое за несколько минут до того, как я извлек этого динозавра из первобытного леса. Вы его отпугнете, а сами вернетесь.

— Еще бы! — сказал я. — Что мне стоит отпугнуть тварь, которая ломает хвостом изгороди и переворачивает фольксвагены? Этот номер не пройдет.

Догерти пошарил за лабораторным столом и поставил на него бутылку виски и пару рюмок. И налил виски в рюмки. Две большие рюмки до краев. Одну он протянул мне.

— Я человек неподкупный, — заявил я.

— Терпеть не могу пить в одиночестве, — объяснил он.

— Я тоже, — сказал я и взял рюмку.

Некоторое время спустя он спросил:

— А почему вам не хочется побывать в прошлом?

— Могу насчитать хоть сто причин. Хотя бы потому, что эта тварь может на меня ненароком наступить. А не она, так какая-нибудь другая. И ведь вы сами сказали, что не знаете, как работает ваш аппарат. Я могу влететь прямо в судилище священной инквизиции или в разгар римского пожара! И даже если я попаду в самую что ни на есть мезу... меза... ну, вы знаете... Как его там?

— В мезозой.

— Верно. Ну, вот попаду я туда... А вдруг этот бронтозавр не из пугливых? Будь я с него ростом, я бы никого не боялся. И откуда я узнаю, где мне встать? — я мрачно покачал головой и закончил. — Нет, ничего не выйдет.

Два часа спустя план был разработан во всех подробностях.

Время, место (он объяснил, что я узнаю нужное место потому, что там появится большая дверь, ведущая в его лабораторию, а поскольку в доисторических джунглях дверь — вещь редкая, я ее наверняка не проморгаю) и пистолет, чтобы отпугнуть бронтозавра. Мы бросили монету,

и, когда отправляться в мезозой выпало Догерти, он сказал, что должен остаться в лаборатории и управлять аппаратом. К этому времени я уже так налился, что спорить не стал.

План был на редкость глупым — сквозь его прорехи прошло бы целое стадо бронтозавров. Но виски кончилось, и мы наполовину вылакали бутылку джина, так что я был уже готов идти впереди Жанны д'Арк спасать Прекрасную Францию, случись в том нужда.

Теперь я дал зарок не пить — и не пью.

Вот представьте себе: я в голубом нейлоновом костюме и в галстуке ручной вышивки выхожу в мезозойскую эру с большим пистолетом сорок четвертого калибра в одной руке, недопитой бутылкой джина в другой и с выражением угрюмой решимости на лице, готовясь нагнать страху на динозавра, весящего примерно в двести раз больше меня. Представили?

Жарко было до ужаса. Жарко, влажно и очень, очень душно, а воздух казался на вкус каким-то странным. Я пожалел, что не оставил костюм в лаборатории. И себя в нем. Меня словно посадили в ванну. Какой-то муравей, что-ли, величиной со спаниеля подобрался к моей ноге и стал нюхать, а потому я всадил в него пулю, чуть-чуть не задев собственный большой палец. Отдача едва не вывихнула мне кисть, а поскольку никаких индустриальных шумов вокруг не было, выстрел прозвучал так, словно земной шар разлетелся вдребезги.

Надо мной пролетел птеродактиль. За ним последовало еще несколько. Лес был мокрым, полным испарений, изобиловал самыми разными растениями невообразимой раскраски. Он гудел — и совсем не так, как гудят наши леса. Сообразительный ботаник мог бы разбогатеть, наладив импорт цветов из этой естественной оранжереи назад, в настоящее.

Назад! Господи, до этого «назад» были миллионы лет! Я вытер лоб рукавом и узнал, что мокрая материя плохо стирает пот, а потому отпил из бутылки порядочный глоток джина, который совсем меня не охладил, но зато очень подбодрил.

Из зарослей появилось маленькое чудовище, какого мне не доводилось видеть в книгах моего детства, и прошло мимо меня, оскалив бесчисленные зубы, но я не стал стрелять. Правда, в кармане у меня были запасные патроны, но эта зверушка ничего плохого мне не делала и по-своему — по-кровожадному — выглядела даже очень мило.

И ни одного большого динозавра вокруг. Ни единого!

Еще одно маленькое чудовище, по-видимому, менее дружелюбное, чем первое, или, наоборот, более (это уж как посмотреть!), подобралось ко мне настолько близко, что я дрожащей рукой всадил ему в грудной сегмент три пули. Выстрелы прогремели оглушительно, но не вызвали никакого эха. Зверушка заверещала, пьяно закачалась (ах, как я понимаю тебя, приятель!), перекувыркнулась и забилась в судорогах.

И тут что-то тронуло меня за плечо. Я повернулся с такой быстротой, что чуть было не свалился и едва не всадил в него пулю, как вдруг обнаружил, что передо мной стоит собрат-человек в легком комбинезоне и глядит на меня весьма неодобрительно.

— Кто вы такой? — взвизгнул я.

Он протянул руку ладонью вверх.

— Ваш охотничий билет, пожалуйста.

— Что?

— Охотничий билет.

На этот раз он обошелся без «пожалуйста», но явно намеревался поставить на своем.

Я пожал плечами.

— Не понимаю, о чем вы говорите. И вообще — что здесь происходит?

— В таком случае пройдемте, — приказал он сурово.

И я вдруг понял, на кого он смахивает. На полицейского, конечно.

Я прицелился в него из пистолета.

— Простите, — сказал я, — но прежде мне надо кончить кое-какие дела.

Он пошевелил рукой, я почувствовал резкую боль в запястье, пистолет выпал у меня из пальцев и исчез в чаще гигантских папоротников. Я нырнул за ним и ощутил пониже спины прикосновение подошвы. Моя голова утонула в перистых листьях, я извернулся и приготовился встретить его нападение. Мысли у меня мешались, но в левой руке я по-прежнему сжимал бутылку.

Однако он и не думал на меня нападать, а просто стоял, широко расставив ноги, и поигрывал какой-то блестящей штукой, похожей на свернутую в спираль трубку.

— Назовите себя и вашу временную станцию, — приказал он.

Весельям и забавам пришел конец: его глаза сузились в щелочки — самый верный признак.

Я попробовал встать на ноги, но волна энергии, исходящая из трубки (то есть я так полагаю, но я ее не видел), снова сбила меня на землю. Ого!

— Уэбб Уильямс, — сказал я. — А вы кто такой, сэр?

— Джок Пласта, егерь этого заповедника.

— А, — сказал я. — Да, конечно. Что, черт побери, все это означает?

Он нахмурился.

— Временная станция?

— Центральный вокзал, — сказал я наугад.

— Мне неизвестен. — он замолчал. — Вы из какого года?

— Из тысяча девятьсот восьмидесятого. — Я уже начал кое-что соображать.

— На этой временной станции охотничьи билеты не выдаются, — сказал он сурово.

— Я не охотник.

— Но вы охотились, — объявил он, указывая на двух мертвых зверушек, которых я застрелил.

— Я очутился здесь, — сказал я, — для того, чтобы... Впрочем, вы все равно не поверите. Чтобы помешать бронтозавру бесчинствовать в моем родном городе. Он вылез из времязместителя Мейсона Догерти. И я из него вылез.

Лицо егеря внезапно смягчилось, и он утратил сходство с полицейским.

— Мейсон Догерти?! — произнес он с благоговением.

— Вот именно. А вы что, слышали про старого хрыча?

— Конечно! Любой школьник знает, кто такой великий Мейсон Догерти, изобретатель времязместителя, вечного двигателя и электричества.

— Электричество изобрел Эдисон, — заметил я.

— Неужели? — удивился он и помог мне встать.

Это было похоже на дело. Он почистил мой костюм.

— Не хотите ли? — спросил я, протягивая бутылку.

Он отказался, а я отхлебнул джина. Терпеть не могу пить в одиночку, но пью. Затем я в общих чертах объяснил егерю ситуацию, после чего он в общих чертах объяснил ситуацию мне. Насколько я понял, поздний мезозой использовался охотниками будущего в качестве охотничьего заповедника. Собственно говоря, почему бы и нет? В том времени, откуда он явился, дичи на Земле для пустой забавы не осталось. Именно этим, по его словам, и объяснялось исчезновение динозавров — с ними произошла та же история, что и с американскими бизонами.

— Ну что ж, — сказал я, когда он договорил.

Я допил джин и швырнул бутылку в папоротники.

Егерь навел на нее трубку, и она исчезла в облачке пара.

— Я присмотрю, чтобы бронтозавр не влез в аппарат профессора Догерти,— обещал он.

— Буду вам очень благодарен,— воскликнул я с глубоким чувством.

— Очень удачно, что я оказался тут,— заметил егерь.— Ведь до того болота, где водятся бронтозавры, больше километра. Профессор Догерти не учел вращения Земли. Впрочем, он же только приступил к исследованиям.

— Да, конечно,— сказал я и подумал, что из-за этого дурацкого километра мне пришлось бы навсегда остаться в мезозое. И сразу предпочел забыть об этом.

— Я отошлю вас назад с помощью моего собственного времясместителя,— сказал егерь.

— Вот и чудесно.

Пожалуй, и правда, чем совершеннее техническое приспособление, тем оно меньше. Во всяком случае, времясместитель этот был чуть больше транзисторного приемника. Егерь повертел рукоятки, попрощался со мной, и я очутился в лаборатории Догерти.

Догерти удивленно посмотрел на меня. Я протянул ему пистолет, который он взял с некоторой растерянностью.

— Ну, о своем динозавре можете не беспокоиться,— сказал я.

— О динозавре? — повторил он, словно первый раз в жизни услышал это слово.— О каком динозавре? Что вы говорите? Кто вы такой?

Догерти посмотрел на пистолет, и я сообразил, что ничего этого не случилось и мне тут делать нечего.

— Ну, неважно,— сказал я, поворачиваясь.

— Погодите. Вы, по-моему, были моим студентом? — спросил он.

— Это всем кажется,— сказал я и ушел.

Снаружи был тихий день. Нигде ничего.

ОБРАТНЫМ ХОДОМ

— Присядьте и подождите,— сказал ему санитар. Подавая мне документы, он наклонился и прошептал:

— Не бойтесь, он тихий.

Я остался наедине с сумасшедшим.

Это волновало и ошеломляло, но мне было тогда двадцать лет, и я повсюду искал приключений. А какого еще приключения может ожидать секретарь психиатра? Собственно говоря, я согласился на эту работу, первую в моей жизни, скорее по материальным соображениям, рассчитывая, что благодаря ей мне удастся в трудных условиях послевоенной Европы продолжить только что начатое ученье. Мне нужны были деньги, а профессор Ги, мировая знаменитость по распутыванию психических загадок, искал кого-нибудь для того, чтобы следить за его обширной корреспонденцией и приводить в порядок записи. Поэтому я явился к нему и был принят. Однако в течение двух месяцев я не мог наблюдать за его пациентами. Этот был первым. Но бояться не стоило. Он был тихим.

Я искоса взглянул на него. Молодой человек моего возраста, задумчивый. Я бросил взгляд на бумаги. Диагноз по-латыни, имя и фамилия — Рудольф Дизель.

«Дизель?»

— У вас точно такое же имя, как у изобретателя двигателя внутреннего сгорания,— заметил я.

Он поднял голову и взглянул на меня так, словно только что увидел.

— У меня не точно такое же имя, я и есть этот самый изобретатель,— сказал он.

Значит, мания величия. И как оригинально: не Цезарь, не Наполеон, а Дизель. Парень с воображением, а в скоб-

ках заметим — какой-нибудь студент, разум которого не выдержал столкновения ни с наукой, ни с жизнью.

— Вы мне, конечно, не верите...

Так он начал, а я слушал его рассказ со все большим интересом, забыв, с кем имею дело.

— Вы мне, конечно, не верите... Вы смотрите на меня и видите своего сверстника, который выдает себя за пожилого человека, погибшего тридцать пять лет назад. Да... это было ровно тридцать пять лет назад... если бы я жил обычной жизнью, если бы пережил обе войны, то мне сейчас было бы ровно девяносто. Однако все пошло по-иному с той ночи, когда я пересекал Ла-Манш. Об этом вы можете прочесть в любой книжке по истории техники: великий исследователь исчез бесследно на пути в Англию. Все только строят догадки о том, что это было: то ли самоубийство из-за финансовой катастрофы, то ли убийство, поскольку Дизель встал кому-то поперек дороги. Мне писали... впрочем, тогда я не читал, я познакомился со всем этим только за последнее время... То есть перед тем, как меня забрали сюда, — поправился он и продолжал: — Я действительно исчез из этого мира, но особым образом, представить такое было невозможно ни тогда, ни даже сейчас. Я отступил в прошлое.

Он задумался, а у меня его последние слова вызвали в памяти уэллсовскую машину времени. Неужели фантазия великого писателя свела с ума этого молодого человека?

— Вы, наверное, вспомнили о повести Уэллса, — заговорил он, словно прочитав мои мысли. — Вы думаете, что я, воспользовавшись какой-нибудь такой фантастической машиной, помчался в прошлое или в будущее. Я высоко ставлю Уэллса, но такая машина может существовать только в воображении писателя. По крайней мере я так считаю. И прошу мне верить: я занимался этими проблемами боль-

ше, чем кто-либо другой. Впрочем, когда молодой Эйнштейн опубликовал свою теорию относительности, сущность времени и содержание этого понятия интересовали многих физиков. Странное дело: каждый из них рассматривал — теоретически, конечно, — возможность передвижения во времени вперед или назад, но все считали, что время движется всегда в одну и ту же сторону: от прошлого к будущему. Эта уэллсовская машина, о которой, впрочем, я не раз беседовал с Гербертом, должна была занимать соответствующее место во времени, прошедшем или будущем; дальше все происходило бы, как обычно, то есть после нынешнего дня наступил бы следующий, и так далее. А из моих расчетов следовало, что построить такую машину невозможно: нельзя по желанию ускорить течение времени, перескочить в будущее или прыгнуть в прошлое. Конечно, в прошлое можно попасть, но только одним путем: изменив направление хода времени.

— Вы, разумеется, читали, что я испытывал денежные затруднения, — помолчав, продолжал он. — Так это и было. Я использовал все свои средства, чтобы построить прибор, служащий для поворота времени вспять. Повторяю: не машину времени, а скорей стрелку, как на железной дороге. В конце концов мне удалось построить генератор, создающий поле, где время течет в обратную сторону. Это было сравнительно простое устройство, получавшее энергию от аккумуляторов, а те в свою очередь заряжались от агрегата, движимого морскими приливами и отливами. Таким образом, при достаточно хорошем исполнении самой аппаратуры можно было рассчитывать, что она будет работать без коррекции десятки лет. Десятки лет! Одного дня, одного часа, проведенного в поле с обратным ходом времени, хватило бы, чтобы доказать верность моих исходных положений и правильность принципов, на основе которых я создал свою аппаратуру. Вот так я напал на фор-

мулу Фауста, на рецепт возвращения к молодости. Я должен был остановиться, подумать, посоветоваться... но я устал, жизнь мне надоела. Что может быть проще, чем наладить соответствующим образом генератор и начать жить в обратном направлении, возвращаясь к молодости? У меня не было сил бороться с этим стремлением, потому что не было сил бороться с противоречиями жизни. Итак, в ночь с 29 на 30 сентября 1913 года для меня началась новая жизнь — обратным ходом.

Он умолк, а я вытащил портсигар и жестом предложил ему закурить. Он отказался:

— Нет, нет! Спасибо. Я еще не привык, то есть уже отвык от курения. Я начал курить только на двадцать пятом году жизни — разумеется, первой жизни; когда я снова достиг этого возраста, я бросил курить. Вам, видимо, трудно все это понять, потому что трудно представить себе обратный ход жизни. Это что-то вроде фильма, который показывают от конца к началу. Вы наверняка видели в кино такие фокусы: пловец выскакивает из бассейна и становится на трамплин, на высоте нескольких метров над водой. Так вот, каждый час, каждая минута моей новой жизни похожа на такой «обратный» фильм. В этом мире день начинался вечером и кончался утром. Я ходил спиной вперед, а речь у меня была такой, какая слышится из... как это называется?... из магнитофона с запущенной в обратную сторону лентой. К столу я садился сытым, вставал голодным, а на пустых тарелках появлялись горячие кушанья. В первые часы моей новой жизни это меня очень забавляло, потом стало удивлять. Но я уже не мог вернуться обратно. Генератор был поставлен на момент, когда я достигну двадцати лет, и я должен был дожить до этого времени, двигаясь обратным ходом, подобно тому как для вас независимо от вашего желания время может течь только в сторону будущего. В конце концов я к этому привык.

Но поверьте, это было трудно, очень трудно. Я часто мечтал о самоубийстве, но оно оставалось для меня недостижимым. Ведь моя жизнь была предопределена заранее, и я не мог умереть в том возрасте, который уже пережил однажды, тем более что я отступал в сторону молодости. Кстати, поэтому тяготы моей — что бы вы там ни говорили — необычной жизни не только не подтачивали моего организма, а, напротив, возвращали ему силы. С каждым годом я чувствовал себя все лучше, физически становился все крепче. Время от времени я болел, причем болезнь начиналась с медленного выздоровления и кончалась резким ухудшением самочувствия, после чего я сразу же выздоравливал.

Он задумался. Как и многие люди, он явно ощущал потребность поделиться с кем-нибудь всем пережитым, но ему было трудно рассказывать о событиях своей жизни по порядку. Наконец он продолжил:

— Не скажу, чтобы меня не радовало возвращение физических сил. В последние годы своей первой жизни я чувствовал себя неважно: напряженная работа предшествующих лет подорвала мое здоровье. В первой жизни я должен был часто отдыхать, а это мне было неприятно. Во второй жизни, достигнув периода расцвета, я снова начал интенсивно работать. Сначала мне это очень нравилось, но радость быстро уступила место досаде. Радует ведь не только сама работа, но и ее результаты: «Конец — делу венец», как говаривали еще древние римляне. А для меня венцом дела было его начало. Сначала приходил успех, признание, потом удачные опыты, потом неудачные, а потом утомительные вычисления и безуспешные размышления венчал смутный проблеск невыкристаллизовавшейся идеи. Все это напоминало мне нить Ариадны, которую наматывали обратно на клубок Тезея. Особенно большие успехи, разумеется, в обратном порядке, выпали на мою долю уже

вскоре после того, как я очутился в поле с обратным ходом времени: применение двигателя моей конструкции на локомотиве и грузовике, а через два года, то есть, в сущности, двумя годами раньше, в 1911 году, — спуск на воду датского корабля «Зеландия» с дизель-мотором. Потом запуск и постройка (да, именно в этом порядке) электрической машины с моим двигателем, снабжающей током трамвайную сеть в Киеве. Да, я точно помню конец, то есть, по-вашему, начало этого строительства; это было через десять лет после того, как я оказался в поле с обратным ходом времени, в 1903 году. Десять лет! Но если к обратной последовательности обычных житейских действий мне уже удалось привыкнуть и я даже начал считать все это совершенно естественным, то вновь пережить успех, который потом бесследно улетучивается, уступая место огромному душевному напряжению, — вот что было для меня постоянным мучением. Представьте себе: сначала я был миллионером, а за следующие два года миллионы растаяли с той же скоростью, с какой накапливались в моей первой жизни; после триумфа моего изобретения на Мюнхенской выставке я пережил все волнения, связанные с ожиданием этой выставки. Или неуклонное отставание в области технического прогресса: проблема питания двигателя в обратном порядке. Сначала я питал его пригодной для этого нефтью, потом перешел к своей первоначальной идее — к питанию угольной пылью. И снова то, на что я жаловался раньше: «неслыханная борьба с глупостью и завистью, с ленью и злобой». И все это мне приходится переживать заново, с самого начала!

Рассказ мучил его, он обрывал фразы, запинаясь, задумываясь, словно должен был все повторять снова — уже в третий раз.

— Итак, мне становилось все труднее, все тяжелее, все безнадежнее. В моей первой жизни день 17 февраля 1894

года был настоящим праздником: в этот день мой двигатель впервые работал непрерывно целую минуту. А в жизни обратным ходом это была последняя минута его работы. В декабре 1892 года, в своей второй жизни, я должен был вернуть патент, полученный в первой. Можете себе представить, как идея двигателя все больше тускнела в моем сознании и что я в связи с этим пережил.

Впервые я прервал эту своеобразную исповедь вопросом:

— А вы не помните того, что изобретали раньше? По мере того как уходило время, вы все забывали? Почему же вы помните это теперь?

Только сейчас, услышав собственные слова, я понял их неуместность. Но он только кивнул головой, словно это был отзвук его мыслей, и сказал:

— Забыть? Да, это можно назвать и так, хотя это не соответствует истине. Память у меня была очень хорошая, вернее, у меня были две различные памяти: старая, из первой жизни, и новая, связанная с обратным ходом времени. По мере возвращения к молодости из старой памяти словно автоматически вычеркивалось все, что касалось позднейших лет, словно у меня этого не было в первой жизни, словно я никогда не учился и ничего не изобретал. Одновременно в новой памяти запечатлевались все события, пережитые мною в обратном ходе времени. В результате я сознавал, что был когда-то крупным изобретателем, но все меньше помнил, в чем состояло мое изобретение и как мне удалось преодолеть технические трудности, да и не только технические. Конечно, я мог бы все это записывать, если бы не то, что — не забывайте! — моя жизнь была в известном смысле предопределена заранее. В процессе обратного хода времени я не мог делать ничего такого, чего не делал раньше, хоть я и не всегда сознавал это так ясно, как сейчас. Я не мог встречаться с другими людьми, кро-

ме тех, с которыми уже встречался. Даже эти статисты нашей жизни, люди, встреченные случайно в случайных обстоятельствах, были именно теми же, что и в первой жизни.

— Значит, очутившись в так называемом поле обратного хода времени, вы повернули время обратно и для множества других людей? А они в свою очередь сделали то же для своих собратьев? Не получается ли тут некая цепь событий, которые должно будет переживать в обратном порядке все население мира, кроме отшельников? Но я как-то не заметил у нас массового нашествия молодых стариков, явившихся из эпохи начала XX века.

Я сказал это без всякого злого умысла, я не хотел его дразнить и просто поделился тем, что мне пришло на ум. Но он подпер голову обеими руками.

— Да, всего этого я не могу себе объяснить. Эти люди и впрямь нашли себе место в моей второй жизни; но одновременно их истинная жизнь шла нормально, они старели и умирали, как всякие другие. Значит, в обратном ходе времени они были словно нереальными, они существовали только для меня...

— Это немного напоминает философию Платона,— заметил я.

— Я никогда не был хорошо знаком с философией,— ответил он,— а жаль. Я пришел к убеждению, что она в известном смысле составляет продолжение физики, математики и других наук, что истолкование этих наук само по себе является философией. Но, повторяю, я с нею мало знаком. И поэтому мне не удастся объяснить все, что я пережил. Кто знает, может быть, существуют бок о бок два мира, и в каждом из них время течет в другую сторону? А вдруг в том, другом мире, где для нас время идет в обратную сторону, люди считают, что живут нормально, что они тоже растут, стареют, умирают? А если для меня мои

переживания оказались новыми, то, может, это лишь результат постоянного взаимоуничтожения, аннигиляции жизни, когда два противоположных временных потока накладываются друг на друга? Так что, может быть, для нас даже хорошо, что время и антивремя отделены друг от друга и что мы живем только в одном определенном временном потоке?

— Во всяком случае, вы добились того, чего хотели: молодости. Значит, уж вам-то не стоит жаловаться на обратный ход времени, — заметил я.

— Молодости! Да, я жаждал ее, добился и заплатил за нее той же монетой, что и Фауст!

Он закрыл лицо руками, а когда снова взглянул на меня, то я увидел у него в глазах выражение безмерной горечи.

— Кто я? Двадцатилетний одаренный юноша из 1868 года. Мои знания, мои привычки — все соответствует именно этой дате. Неужели я должен все начинать заново? Заново изобретать двигатель, теперь уже всем давно известный? Снова трудиться без отдыха, чтобы в конце концов вывести формулы, которые каждый мой сверстник без труда найдет в первом попавшемся справочнике? А может, учиться заново? Нет, это ни к чему не приведет, ничего уже из меня не выйдет. Каждый из моих потенциальных коллег будет иметь передо мной преимущества восьмидесятилетнего опыта всего человечества. Мне придется учиться всему, даже тому, что они бессознательно усвоили в самом раннем детстве. Я поднимаю голову, чтобы следить взглядом за самолетом, к виду которого они уже привыкли. И если при упоминании имен Бора и Ферми вы встаете с мест, то для меня они — пустые звуки. Да мне только теперь, несколько недель назад, стало известно, что мир пережил две войны! Знаете ли вы, что я впервые взял в

руки книгу Хемингуэя? Сколько же трудов у меня уйдет на то, чтобы хотя бы догнать вас!

Он сделал глоток, словно что-то душило его.

— Но если б я даже захотел, если б решился, откуда мне взять деньги? Откуда взять деньги на квартиру, на стол, на одежду, на учебники? Ведь у меня нет средств, нет работы, да и что я могу делать, разве только выполнять неквалифицированную работу? У меня нет ни родственников, ни друзей, ни даже знакомых. Я — человек без имени, даже мое собственное имя считают чужим. Другие благодаря моему изобретению богатеют, а я не могу добыть средства для самого скромного существования. Кто же поверит, что двадцатилетний молодой человек — на самом деле старик, погибший несколько десятков лет назад?

— Но разве в вашей жизни нет ничего, ни одного события, которое вам хотелось бы снова пережить? Неужели у вас нет ни одного воспоминания, которое смягчило бы вашу горечь?

Он задумался. В этот момент в кабинет вошел профессор Ги. Он бросил взгляд на взволнованного молодого человека, бегло просмотрел бумаги и, открывая дверь кабинета, сказал:

— Прошу вас сюда!

Молодой человек встал, но у моего столика задержался и произнес медленно и выразительно:

— Я был студентом и однажды на экскурсии напился воды из родника. Она была изумительно холодная и вкусная, как амброзия. С радостью и волнением я вторично ощутил ее вкус.

— Мосье Дизель, прошу вас в кабинет! — окликнул его профессор, выглянув в полуоткрытую дверь, и подмигнул мне, как заговорщик.

ЗВОНОК

Вчера утром меня вызвал к себе наш Главный редактор.

— Пан Стефан,— сказал он, протягивая мне портсигар,— перед нами стоят новые, очень важные задачи.

Не люблю я таких вступлений, за ними всегда что-то кроется. К сожалению, я не ошибся.

— Видите ли,— продолжал редактор, выпуская клубы дыма,— мы должны дать читателю кое-что совершенно новое. Вы знаете, как я ценю наших популяризаторов, но что же делать — нужно идти в ногу со временем...

— А чего оно требует? — спросил я.

— Беллетризации! — торжествующе заявил Главный. — Беллетризации, вот чего! Конечно, содержание книги должно быть научным, но форма — беллетристической. Только такие вещи еще могут привлечь читателя, который вообще не очень любит, чтобы его поучали. Мы кое-что об этом знаем, не правда ли?

— К сожалению, да,— вздохнул я.

— Ну, вот видите,— снова победно заявил он. — Нужна повесть, но особого рода.

— Вы имеете в виду... — осторожно подсказал я.

— Конечно, научную фантастику. — Редактор уперся в меня пальцем. — Разве можно иметь в виду что-либо другое?

Я вышел от Главного в совершенно угнетенном состоянии. Нужно было приниматься за фантастическую повесть, хотя у меня не было к этому ни малейшей охоты. О чем писать и как? Вернуться в прошлое? Но куда? В средневековье, как Андерсен в «Калошах счастья» или Марк Твен в романе «Янки при дворе короля Артура»?

Этим легко было писать. Они жили в такое время, когда люди захлебывались от счастья, что у них есть калоши, телефон, железная дорога, газеты. А я, бедный,— попробуй я только написать что-нибудь в этом духе о нынешнем времени!

Я раздумывал обо всем этом целый день, а ночью не мог уснуть. Ворочался с боку на бок, пока Марыся не спросила, что со мной.

— Может, ты заболел? Тебе наверняка повредил этот паштет из зайца. Дать тебе капель?

— Капли не помогут,— вздохнул я.— Видишь ли, я думаю о том, какое время выбрать. Настоящего Главному мало, на прошлое он не согласен, а с будущим тоже нелегко. Не знаю, что куда переносить: настоящее в прошлое или в будущее, или прошлое в будущее, или будущее в прошлое — вот была бы интересная комбинация! Что ты об этом думаешь?

— Забил ты себе голову чепухой, а теперь и сам не спишь, и мне не даешь. Выпей валерьянки.

«О эти женщины,— подумал я.— Лечиться валерьянкой от требований Главного редактора!»

Но, вероятно, на свете нет лучшего помощника, чем сон. Наяву я еще долго бы мучился над этой задачей, а во сне решил ее за несколько минут.

...Я совсем не удивился, когда мосье Вьетан, господин в коротких штанах и с большим белым отложным воротником, вдруг обратился ко мне:

— А вы уже читали о великом изобретении этого магдебургского немца, как его там, фон Герике? Он крупный ученый, но, простите, имя у него совершенно варварское. У меня даже в горле першит: Г-ррр-кк...

— Конечно, читал. Вы, наверно, говорите о насосе для создания пустоты?

— Ну да. Ведь то, что Герике показал в Магдебурге, попросту необычайно. С помощью восьми пар лошадей нельзя разорвать пустой медный шар, хотя, когда он наполнен воздухом, его легко разнимает один человек... Кто бы об этом думал еще полсотни лет назад? — восхищался мой симпатичный сосед. — А знаете, этим необычайным зрелищем любовались даже король и духовенство!

— А что тут понимают король и духовенство? — пробормотал я. — Это же просто невежды...

— Как вы сказали? — изумился мосье Вьетан.

Невольно я взглянул в окно и увидел панораму Парижа. На фоне неба ясно вырисовывались башни Бастилии.

«Гм, — подумал я. — Лучше не касаться этой темы».

— Я не намерен умалять заслуги Герике, — сказал я, — но он бы немногое сделал, если бы до него Торричелли и другие ученые не доказали, что пустота существует и что ее можно создать экспериментально.

— Подумайте только, — продолжал восхищаться мой знакомый, — в какое время мы живем! Какие необычайные события! Сейчас 1665 год, мне только что исполнилось 65 лет, а представьте, чего достигли наука и техника за мою короткую жизнь! Когда я родился, еще не было подзорных труб, а сейчас у нас есть такие замечательные астрономические приборы, что трудно представить себе что-нибудь лучшее. Только недавно я видел чертеж и описание трубы Гука с микрометрическим винтом и нониусом. Ведь это — чудо изобретательности! Сударь! — Тут мосье Вьетан залил свое возбуждение четвертой вином. — Кривая открытий растет из года в год, это действительно похоже на лавину. В математике — логарифмы Непера и Бриггса, аналитическая геометрия Декарта. В химии — гениальные труды Бойля, который на-

всегда покончил с алхимией! Для одной короткой человеческой жизни этого более чем достаточно, судары!

«Этим меня не удивишь, дружище,— подумал я.— Уж я бы тебе мог рассказать, что на протяжении моей жизни родилась квантовая теория, теория Эйнштейна, открыто строение атома, он расщеплен, высвобождена атомная энергия. А еще несколько тысяч мелких открытий — вирусы, антибиотики, гормоны, витамины! А такие, как радио, кино, телевидение, электронный мозг?»

Положение мое было выгодным: я знал все, но ничего не выбалтывал. Моему соседу даже в голову не приходило, что я не его современник. Правда, одет я был совсем не так, как он, но мосье Вьетан почему-то совсем не удивлялся этому.

Мой сосед налил себе вина из большого кувшина и, промочив горло, продолжал:

— Эти открытия были чрезвычайно важны для науки, но подумайте, какую пользу они принесли технике! Разве часы когда-нибудь ходили так точно, как сейчас, после того как Гюйгенс придал им маятник? Только недавно мой знакомый привез из Лондона карандаш, наполненный плумбаго. Сударь, наши прежние, свинцовые, рядом с ним — просто варварские орудия!

«Он говорит о графите»,— подумал я и спросил с деланной наивностью:

— А как вы думаете, гусиное перо, которым мы сейчас пишем, тоже будет заменено чем-нибудь другим?

— Несомненно! — вскричал мосье Вьетан. — Почему бы не делать перья из какого-нибудь другого материала? Хотя бы из того, что сейчас привозят из Америки. Если там растет такое чудо, как хинное дерево, почему бы там не расти деревьям, из которых можно делать перья?

Мой собеседник снова влил в себя кружку вина и задумался.

— К сожалению,— заговорил он после паузы,— я уже стар и не успею написать об этом, к тому же у меня нет писательских способностей. А вот вы, приятель, гораздо моложе меня, знания у вас есть, и я уверен, что вы хорошо владеете пером. Вы должны...

— О чем это вы? — подозрительно взглянул я на него.

— Вы должны описать, как будет выглядеть мир через двести-триста лет. Если вы будете опираться на нынешние великие открытия, вам это будет легко. Напишите фантастическую повесть!

Сердце у меня заколотилось. Я присмотрелся повнимательнее: конечно, это был Главный редактор! Но теперь не я у него в руках, а он у меня! «Ну погоди,— подумал я,— уж я тебе сочиню такое, что тебе небо с овчинку покажется!» Прежде всего я притворился, что ничего не понимаю, а потом самым сладким голосом, каким только мог, спросил его:

— А вам известно о последних опытах Герике?

— Каких же это? Я что-то не припомню, чтобы после магдебургских полушарий у него были более важные открытия.

— Я говорю о его опытах с серным шаром, проделанных два года назад.

— Ах, это! — он презрительно махнул рукой. — Игрушка! Уже известно, что серный шар притягивает бумагу, если его потерять рукой.

— Говорят, из шара Герике летели искры,— попытался я подсказать.

— Ну и что из того? — презрительно скривился он. — Игрушка!

«Игрушка! — подумал я. — Электрические явления для тебя игрушка, а карандаш — великое изобретение! И ты еще думаешь о фантастическом произведении, посвященном 1965 году! Ну, погоди ж ты...»

Я саркастически усмехнулся, но напустил на себя вид серьезный и даже равнодушный.

— Ваше предложение написать фантастическую повесть звучит неплохо, — сказал я. — И я над этим подумаю. Дам вам ответ ну, скажем, через месяц. Встретимся тут же, в таверне, — прибавил я, доставая деньги и подзывая хозяина, чтобы расплатиться.

Мой план мести Главному редактору был очень прост. Я хотел доказать: то, что сейчас считается игрушкой, в будущем может стать определяющим для науки и техники. «Вот бы мне сейчас пригодилось маленькое динамо на четыре лошадиные силы», — пришло мне в голову. Но я тотчас же чуть не расхохотался. Динамо в 1665 году? А где же цехи и мастерские, в которых можно было бы изготовить ротор, статор, обмотку и прочие детали? Но если б даже они были, где взять нужные материалы? Допустим даже, что мне удастся сделать такое маленькое динамо, — чем я буду приводить его в движение? Паровой машиной, которая будет изобретена только через сто лет? Хорошо было Марку Твену, который позволил своему герою построить в VI веке телефон и железную дорогу: он не был связан научной истиной. Но попробовал бы я сам написать что-нибудь в этом роде!

Что мне оставалось? Построить электростатическую машину, какие показывают в школе? Это было возможно, но ведь на самом деле должно пройти еще лет восемьдесят, прежде чем эта машина будет действительно построена.

После долгих размышлений я пришел к выводу, что легче всего будет построить электрическую вольтову батарею. По конструкции она проста, а с таким источником электрического тока мне удастся зажечь электрическую лампочку или показать еще какой-нибудь эффектный опыт с электрической энергией.

Задумано — сделано! Я тотчас же принялся за работу. С медью у меня не было трудностей — ее употребляли повсюду для изготовления кухонной утвари, и медник без всякого труда сделал для меня несколько пластинок. Намного труднее было с серной кислотой — в эту эпоху она еще не применялась в промышленности. Кажется, ее можно было отыскать в аптеках, но настоящими ее потребителями были алхимики. Они получали серную кислоту, обжигая медный купорос и улавливая пары в сосуды с водой, но я решил внести усовершенствования в это дело. Я раздобыл серы, смешал ее с селитрой, зажег, а после сгорания улавливал газы в воду. Таким образом я получил немало купоросного масла, которого достаточно было добавить к дистиллированной воде, чтобы получить нужную мне разбавленную серную кислоту. Я очень гордился собой, так как, строго говоря, открыл принцип заводского получения серной кислоты. Но что из этого? Ведь уже в 1666 году это же проделал француз Лемери, и вся честь открытия досталась ему, а не мне. Как плохо родиться слишком поздно!

Итак, у меня была медь, была серная кислота, не хватало только цинка, но получить его мне казалось делом нетрудным: ведь в эту эпоху была уже известна латунь! А если людям знаком сплав цинка с медью, то почему бы им не знать цинка? Однако оказалось, что чистого цинка нельзя достать ни за какие деньги: этот металл в чистом виде попросту еще не применялся. Латунь получали не с помощью сплава обоих металлов, но обжигая медь с цинковой рудой и древесным углем.

Ничего не поделаешь — пришлось мне самому получить кусочек цинка. Передо мной был выбор: либо выплавить его из руды, либо выделить из латуни. Но и то, и другое было почти невозможно сделать в эту эпоху. Я был настолько обескуражен, что хотел бросить все и

вернуться в XX век, но стиснул зубы и в конце концов неслыханными трудами получил кусочек металлургического цинка. Не помню уж, сколько открытий и изобретений мне пришлось сделать — штук двадцать, а, может быть, и больше.

Когда химикалии уже были у меня под рукой, я начал искать стеклянный сосуд и медную проволоку. По своей чрезвычайной наивности я думал, что достать стеклянную банку или колбу мне будет нетрудно, но когда, выйдя на улицу, я заметил стекла только в окнах у богачей, то понял, что мои требования попросту неслыханны эпохе. Однако мне удалось как-то вывернуться: два замечательных стеклянных кубка, которые я раздобыл у венецианских мастеров за сказочную сумму, заменили мне обычные стеклянные банки.

Оставалось только достать тонкую медную проволоку, обвить ее шелковой нитью (я сделал это вручную), припаять пластинки — и батарея готова. Заняло это ни больше ни меньше как целый год, в течение которого у меня не было ни минуты досуга. А какие потребовались средства! Такие деньги можно иметь только во сне.

Но все же батарея была готова. Нетрудно себе представить, как я обрадовался, когда, приложив кончик провода к языку, ощутил характерное пощипывание! У меня есть источник тока, и я покажу мосье Вьетану кое-что такое, что поразит его. Завтра же утром побегу к нему, и наконец-то произойдет встреча, которую мне столько раз приходилось откладывать!

Но что же я покажу ему? Как щиплет язык? Этого мало. Зажгу-ка я для него лампочку! Я даже подпрыгнул при мысли о том, какой это произведет эффект.

— Гм,— произнес венецианский стеклодув, к которому я обратился с просьбой выдуть стеклянный пузырь,— это нетрудно.

— А можете вы приделать к нему тоненькую трубочку?

— Конечно.

Мысленно я уже видел свою лампочку, но из осторожности спросил:

— А можете вы вплавить в нее две проволоочки, а потом запаять трубку?

Венецианец посмотрел на меня непонимающим взглядом, так что пришлось объяснять ему подробнее.

— Но в таком случае,— воскликнул он,— нужно будет разогреть готовый пузырь так, чтобы стекло опять размялось.

— Ну да, конечно,— ответил я.

— Простите, но мне неизвестен такой способ.

Разумеется, ему неизвестно, ведь для этого нужно газовое пламя. Я настолько рассердился, что решил построить маленький газогенератор. Но тут меня охватили новые сомнения. Где взять азот для наполнения лампочки? Выделить из воздуха? Можно бы использовать аммиачную селитру — материалы для ее создания у меня имеются. Восстановить селитру, добавить туда серной кислоты, нейтрализовать аммиаком, перекристаллизовать — перебирал я в памяти.

А может, вместо того чтобы наполнять пузырь азотом, лучше откачать из него воздух? Пустяк, только вот как присоединить к нему насос? Может, с помощью резинового шланга? — поиздевался я сам над собой.

А когда я задумался еще и над тем, как изготовить и впаять в колбу тоненькую спиральку, то руки у меня совсем опустились. Невозможно в 1665 году получить лампочку накаливания, пусть я даже отлично знаю, как ее изготовить.

Я, как правило, в жизни не капитулирую, разве что

если речь идет о создании фантастической повести, так что это поражение не обескуражило меня.

«Разве уж так обязательно иметь лампочку? — сказал я себе. — А что если это будет электрический звонок? Покажу мосье Вьетану не только ток, но и электромагнит».

Итак, я побежал к французу, снова попросил отсрочки на несколько месяцев и снова лихорадочно окунулся в работу. Я замучил разных ремесленников своими заказами, но все же они были выполнены: железный сердечник, клеммы, кнопка, соленоид, пружинка, звонок с молоточком. Я бегал, за всеми следил, помогал, и через полгода у меня были все нужные части. Я заперся в комнате, собственноручно смонтировал звонок и с бьющимся сердцем включил ток из обеих соединенных между собой батарей. Я услышал слабое жужжание, и не знаю, что сказать об охватившем меня чувстве. Такое испытывал разве что Ферми, когда включал свой первый атомный котел.

Я тотчас же помчался к мосье Вьетану и пригласил его к себе. Он пришел в назначенное время, подсел к кружке вина, которую я приказал перед ним поставить, и тотчас же спросил:

— Ну как, вы решили написать о том, что будет через триста лет? Ведь прошло уже полтора года.

Я ничего не ответил, только нажал кнопку звонка, предусмотрительно помещенную мною под столом.

— А это что такое? — удивился француз.

— Вы сами слышите — звонок.

— Слышу, но звук идет из-под стола, а там нет ничего, что бы двигало звонок.

— Нет, есть. Двигает его электрическая сила, та самая, которую Герике получил из своего серного шара.

Выражение лица у почтенного мосье Вьетана было довольно глупое, но, когда я показал ему звонок и объяснил принцип его действия, он был попросту потрясен.

— Это необычайное открытие! — вскричал он. — Поистине необычайное! Из металла идет сила, и железо под ее влиянием становится магнитным! Кто бы об этом подумал! От души поздравляю, позвольте мне вас обнять! — и кинулся мне на шею.

Славный он был парень и совсем не завистливый.

— Знаете что? — сказал он, несколько успокоясь. — Вы должны как можно скорее показать этот свой звонок соборно ученым. Кто знает, не заинтересуется ли этим любопытным приборчиком сам король? Может быть, он даже велит установить его в своей спальне! Я уверен, что его величество сумеет оценить и вознаградить вас.

Мне хотелось сказать ему, что не нужен мне король со всеми его наградами. Не для того изобретал я гальванический ток, чтобы его величество мог звонить своим придворным. Но я прикусил язык и должен был признаться, что он отчасти прав. Для чего же еще годились сейчас мои изобретения, кто мог позволить себе иметь звоночек, который стоил мне полутора лет труда и целого состояния?

— Почему вы молчите? — присматриваясь ко мне, спросил Вьетан. — Или вас потрясли перспективы, открывающиеся перед вами?

— Нет, — ответил я. — У меня голова закружилась от совсем иных перспектив. Я думаю о том, что сила, проявившаяся в этом опыте, через триста лет станет владой мира. Исчезнут масляные светильники и сальные свечи, на улицах и в домах будет светло как днем. Эта сила озарит улицы яркими цветными огнями, будет двигать повозки, вращать колеса машин и жернова мельниц...

Вьетан слушал меня внимательно, с едва заметной улыбкой кивая головой.

— Ну и фантазия же у вас, — сказал он. — И таким вы хотите представить читателям мир через триста лет?

— Дело не в том, что я хочу представить, а мир действительно будет таким! — вспыхнул я.

— Ха-ха-ха! — засмеялся мосье Вьетан. — Ну и шутник же вы!

— Приношу тысячи извинений, — говорил тем временем Вьетан, — я вижу, что обидел вас. Если я и сказал о шутке, то, конечно, не в обычном значении этого слова. Я имел в виду псевдонаучные фантазии, не опирающиеся на что-то реальное. Ваше открытие чрезвычайно интересно, но, делая из него столь далеко идущие выводы, вы, откровенно говоря, скатываетесь до уровня псевдонаучных шуток.

— А как я могу предугадать, какое будущее ждет этот звонок или из чего через пятьдесят лет создадут электронный мозг? — в отчаянии вскрикнул я.

— Звонок? — удивился Главный.

— Ну, конечно, звонок, — взвизгнул я и, нажав на кнопку, стал звонить, звонить, звонить...

— Открой, это, наверное, молочница, — толкнула меня в бок Марыся. — Опять мы забыли выставить бутылки для молока.

МИР МИРИОНА ФЛАУЕРСА

Мир Мириона Флауерса одновременно напоминал «добрую старую Англию» и итальянское Возрождение. В этом мире, как в идеализированной Англии, все представители привилегированного класса были по меньшей мере друзьями собственных друзей. Любой гарлемский бизнесмен обычно узнавал, кто заправляет делами на музыкальном факультете Говардского университета*, через неделю после того, как там происходили перемены. И, как во Флоренции времен Челлини, в этом мире находилось место для разностороннего человека. Американский негр мог быть доктором, строителем, педагогом, политиком-реалистом.

Таким человеком и был Мирион Флауерс. Он родился в Бостоне в 1913 году. Его отец был адвокатом и политиком-реалистом, а мать — актрисочкой. Он упорно трудился, и ему повезло; он поступил в университет, получил степень доктора медицины и лицензию на право практики в штате Нью-Йорк. Все последующие годы от него требовалась способность действовать. Разорявшаяся строительная фирма нуждалась в небольшом капитале и человеке с некоторой долей здравого смысла — он приобрел акции этой фирмы. Школьный совет, которому был нужен уважаемый человек для представительства, обратился к нему — он хорошо служил совету. Ему пришлось сдать пустяковый экзамен, чтобы стать владельцем недвижимости, — ерунда для человека, который проштудировал десятки томов по патологии, гистологии, анатомии и фарма-

* Говардский университет (Вашингтон) существует с 1867 года как высшее учебное заведение для негритянского населения США.

цевтике. Если его выступлению в пользу кандидата коалиции придается такое большое значение — почему бы и не проголосовать за него? И когда его приглашали принять участие в дюжине благотворительных кампаний, он охотно называл известные ему имена нуждающихся.

Флауерс был холодным, сдержанным человеком, никогда не имевшим семьи. Вместо детей у него были протеже — негритянские ребятишки из приютов или бедствующих семей. Он помогал им окончить институт и аспирантуру и поддерживал до тех пор, пока они, по его мнению, не исчерпывали своих способностей. При первом признаке спада он предоставлял их самим себе. В течение многих лет отсеивался примерно каждый четвертый. Мирион Флауерс лучше любой приемной комиссии умел разглядеть своих питомцев. Сорок два из его подопечных уже добились успеха, когда один из них, свежееиспеченный доктор психологии, обратился к нему с просьбой.

Протеже звали Энсел Брубекер. Он занял свое место среди многих других просителей, собравшихся после обеда в гостиной бруклинского дома Мириона Флауерса. Здесь была старуха, которая просила об отсрочке закладной и добилась ее; был торговец, который не мог расплатиться с поставщиками и искал поручительства доктора, но не нашел; была мать, сын которой пошел по плохой дорожке, и муж, чья жена с каждым днем вела себя все более странно; был домохозяин, затравленный строительным управлением, и полицейский, который хотел добиться перевода; был человек, желавший открыть бар и нуждавшийся в рекомендации влиятельного лица; был архиепископ, который хотел только одного: выяснить отношения доктора Флауерса с богом.

В 9 часов 30 минут Брубекер переступил порог докторского кабинета. Это было всего шестое свидание его с человеком, который вытаскил его из сиротского приюта и

истратил на его образование двадцать тысяч долларов. Доктор Флауерс показался ему более иссохшим, бесстрастным и проворным, чем когда-либо раньше. Доктор не поздравил его. Он сказал: «Итак, Брубекер, вы получили диплом. Если вы пришли ко мне за советом, я считаю, что вам следует отказаться от академической деятельности, особенно в негритянских университетах. Я знаю, на что вы способны. Я бы хотел, чтобы вы испытали силы в одной из фирм, занятых рекламой и изучением ее воздействия на общество. Вы должны стать исследователем мотивов человеческого поведения».

Брубекер почтительно выслушал и, когда наступила пауза, проговорил: «Доктор Флауерс, я вам очень благодарен за все, что вы для меня сделали. Я искренне стремлюсь оправдать ваши ожидания, однако... меня привлекает область научных исследований! Я послал вам свою диссертацию, но это только начало...»

Мирион Флауерс мысленно нашел нужную карточку и холодно произнес:

— «Взаимодействие топоскопических явлений, бета-волновых колебаний и чувствительности движения спинной струны у 1107 произвольно выбранных подростков». Очень хорошо. Теперь, когда у вас есть хорошая вывеска — звание доктора психологии, можно ожидать, что вы преуспеете в том деле, к которому вас готовили.

— Да, сэр... Я бы только хотел показать вам...

— Я не желаю, чтобы вы превратились в подобие милого старого Джорджа Вашингтона Карвера*, смиренно согнувшегося над бумагами и пробирками. Научная деятельность — это не то, что нужно в настоящий момент.

— Но, сэр, я...

— Америкой управляют правительство и администра-

*Карвер Джордж Вашингтон — американский ученый-негр.

ция больших корпораций, куда я пытаюсь проникнуть,— продолжал доктор Флауерс.— Я хочу, чтобы вы стали управляющим большой корпорацией, Брубекер. Для этого вас учили. Как раз сейчас вы можете зацепиться. Я не допускаю мысли, что вы не попытаетесь это сделать.

В отчаянии взглянув на доктора, Брубекер закрыл лицо руками. Его плечи вздрагивали.

— Я вижу, вы отказываетесь. Прощайте, Брубекер, и больше не попадайтесь мне на глаза,— презрительно проговорил доктор Флауерс.

Молодой человек, спотыкаясь, вышел из комнаты, держа в руках большой кожаный чемодан, который ему так и не позволили открыть. Он собирался ошеломить своего благодетеля и не предвидел сложившейся ситуации. Ему оставалось только опять возвратиться в свой университет, где, может быть, он получит стипендию, прежде чем израсходует свои небольшие сбережения. Но особенно надеяться на это не приходилось. Никаких предложений ему не делали и некому было дать ему дельный совет.

Когда он на Центральном вокзале сел в ночной чикагский поезд, настроение его не улучшилось. Он пришел одним из первых и занял место у окна. Свободное место рядом с ним несколько раз пытались занять пожилые дамы, обремененные багажом, юноши в форме Плющевой Лиги *, коммивояжер с картонками, но все они неуклюже ускользали, как только обнаруживали, что им придется сидеть рядом с гориллой-неучем-крокодилом-пьяницей-насильником-черномазым бандитом, которым был в их глазах доктор Энсел Брубекер.

Однако в конце концов нашелся человек, разделивший его одиночество. Парень, что с довольным видом шлепнул-

* Плющевая Лига — ассоциация студентов аристократических университетов в Новой Англии (США).

ся рядом с ним, как только поезд тронулся, принадлежал к тому сорту людей, которые Сами по Себе. Он был грязный, неграмотный, с бутылкой самогона в кармане — и в необыкновенно приподнятом настроении. Он говорил на таком чистом гарлемском жаргоне, что Брубекер понимал лишь одно слово из двадцати. Но вежливость и боязнь показаться неучтивым заставили его в районе 125-стрит, задыхаясь, глотнуть из плоской полупинтовой бутылки, которую протянул ему попутчик. Те же самые чувства, да еще неясное ощущение чего-то утраченного заставили его несколько позже принять предложение своего попутчика и испытать более сильно действующее средство.

Через десять месяцев Брубекер умер в Ленсингтоне, штат Кентукки, от воспаления легких вследствие употребления героина. Больничный врач в недоумении признавался жене: «Чего они только не говорят при смерти! Но, черт возьми, хотел бы я знать, откуда он взял слово «интуиция»?»

Примерно через месяц Мирион Флауерс получил посылку с пожитками Брубекера. Больше некому было их послать.

Этот сдержанный человек был потрясен. Он видел многих кумиров своего народа, которые кончали так же, но то были проповедники, мечтатели или люди, посвятившие себя борьбе, — он не ждал такого от юноши, блестяще окончившего университет. Только поэтому он не выбросил тотчас же присланный ему хлам, а несколько минут разглядывал его.

Очередной посетитель застал его с чем-то вроде серебристо-медного шлема в руках. Этим посетителем был человек, в прошлом член Муниципального Совета города Нью-Йорка. В свое время для того, чтобы укрепиться в обоих главных политических лагерях города, он стал посещать церковь доктора Поуэлла и лечиться у доктора Ми-

риона Флауерса. Он больше не нуждался в политической поддержке, но Флауерс спас его от сердечного приступа, и он был слишком стар, чтобы менять врачей.

— Что это у вас, Мирион? — спросил он.

Флауерс взглянул на него и ответил вполне определенно:

— Если верить записям человека, который создал этот прибор, это приемник и усилитель для бета-волновых колебаний.

Муниципальный Совет застонал:

— Упаси меня бог разговаривать с медиком. Как перевести все это на английский язык?

С удивлением он заметил на иссохшем лице Мириона выражение благоговейного ужаса.

— Он читает мысли, — прошептал Мирион.

Муниципальный Совет схватился за грудь, но боли не было.

— Что за шутки? — раздраженно пожаловался он.

— Не думаю, что это шутка, Уилмот. У человека, который сделал этот прибор, были все необходимые данные: диплом с отличием, похвальная грамота декана, около тридцати преуспевающих фирм заинтересовались им — конечно, пока там не узнали цвета его кожи. Нет, — повторил он задумчиво, — вряд ли это шутка. Впрочем, есть возможность это выяснить.

Он поднес шлем к голове.

— Черт вас подери, Мирион, что вы делаете? — воскликнул Муниципальный Совет.

Флауерс помедлил:

— Вы боитесь, что я прочту ваши мысли и узнаю ваши секреты?

— В мой-то годы? Вы, мой врач? Мирион, вам бы следовало знать, что у меня больное сердце. Я не хочу, чтобы вы у меня перед глазами были убиты электрическим

током. И потом — за каким чертом этому негру понадобилась машина, которая будет рассказывать ему, о чем думают люди? Лучше вам не лезть в это дело.

Мирион Флауерс сделал вид, что не слышал последних слов своего пациента.

— Не думаю, что меня убьет электрическим током, Уилмот, и, уж во всяком случае, это не повредит вашему сердцу. Так или иначе, я не собираюсь до конца дней своих гадать над этой штукой. И мне не хочется испытывать ее одному, когда рядом никого не будет.

Он напялил на голову металлический колпак, очень тяжелый и неудобный. С него свисал провод, и Флауерс не мешкая воткнул его в розетку рядом с креслом.

Шлем слабо зазвучал, и Флауерс с истощенным криком вскочил на ноги.

Муниципальный Совет действовал так быстро, что едва не задохнулся. Он стащил шлем с головы Мириона, схватил его за плечи и снова усадил в кресло.

— Вы целы? — прохрипел он.

Несколько минут Флауерс дрожал как эпилептик, но потом овладел собой.

— Спасибо, Уилмот. Надеюсь, вы не повредили изобретения доктора Брубекера. — Внезапно он добавил: — Меня словно током ударило! Эта штука причиняет боль!

Он глубоко вздохнул и выпрямился. Из ящика своего стола он достал обычный пузырек с пилюлями и проглотил, не запивая, одну из них.

— Тут кто хочешь закричит, — сказал он, собираясь поставить пузырек на место, но в этот момент заметил, что Муниципальный Совет молча держится за грудь. Флауерс протянул ему пилюлю и вдруг отпрянул, ужасно удивившись. Он заглянул в глаза своему посетителю:

— Я вас все еще слышу.

— Что?

— Я думаю, это сердечный приступ. Возьмите на всякий случай пиллюлю,— он закрыл глаза рукой.— Вы подумали, что меня током убило и нельзя ли уменьшить мой последний счет. Счет правильный, Уилмот, я ничего не прибавил.

Широко раскрыв глаза, Флауерс продолжал:

— Мальчишка-газетчик на углу радуется, что надул меня, сдавая сдачу...— он проглотил слюну.— Полицейским в дежурной машине, которая сворачивает с улицы Фултона, не нравится, что у меня есть белые пациенты. Один из них думает навестить девушку, которая приходила сюда.— Он всхлипнул.— Уилмот, это не прекращается.

— Мирион, ложитесь, ради бога.

— Это не прекращается. Это не радио, его нельзя выключить! Любой мозг за несколько миль отсюда стучится в мою голову — я узнаю, что он думает обо мне... обо мне... о нас!

Энсел Брубекер был психологом-клиницистом, а не радиоинженером, он не предназначал свой шлем для длительного пользования и не подумал о переключателях. Хотя аппарат работал всего лишь несколько секунд, этого оказалось достаточно, чтобы изменились пути нескольких нейтронов, открылась одна или две заблокированные линии, одна из деталей перегрелась, в результате нагрузка на другую оказалась чрезмерной. Через мгновение шлем вспыхнул. Перегорели пробки, и комната погрузилась в темноту. Почтенный экс-Муниципальный Совет сумел потушить огонь и кинулся к телефону. Ему пришлось кричать, чтобы среди воплей Мириона Флауерса его могли расслышать. В больнице округа Кингс знали имя Флауерса и прибыли через девять минут.

Через несколько недель Флауерс умер в больнице, правда, не окружной, но он не заметил разницы. Почти месяц его пичкали сильными транквилизаторами, пока не

пришлось уменьшить дозу. Как только у него появились силы, он умудрился повеситься в своей комнате.

Его похороны были событием в жизни штата. Собралась огромная толпа, многие плакали. Муниципальный Совет был в числе тех, кто бросил горсть земли на крышку бронзового гроба. Но он не плакал.

Никто не поинтересовался остатками сгоревшего аппарата, а Уилмот ничего не рассказывал. «Изобретениям нет числа,— думал он,— и чтение мыслей — это дело белых. Если это вообще чье-либо дело». В мире Мириона Флауерса многие семена проросли здоровыми, но некоторые зрелые плоды потом становились ядовитыми.

Без сомнения, ни один мозг не выдержал бы непрерывного слушания всех чужих мыслей, имевших отношение к нему. Машина вызывала головокружение, сводила с ума. Человеку, надевшему такой шлем, пришлось бы плохо в любом мире. Но только в мире Мириона Флауерса он мог погибнуть от всеобщей ненависти.

РАКОВИНА С ВЕНЕРЫ

Для самого мистера Джекоба Кедигана было загадкой, что побудило его купить эту раковину. Он не был сентиментален и никогда не питал слабости к экзотическим безделушкам. Вероятно, во всем была виновата секретарша Кедигана, которая как-то мимоходом заметила, что контора его фирмы обставлена слишком аскетично. Может быть, в другой раз он и пропустил бы это замечание мимо ушей, но холодный блеск миндалевидных зеленых глаз мисс Клер давно уже смущал его покой. С другой стороны, магазин космических сувениров находился совсем рядом с его конторой, и продавец чуть ли не насильно всунул в руки Кедигана эту раковину за смехотворную сумму в десять долларов.

— Это настоящая венерианская раковина, мистер Кедиган, — заговорщически шептал ему на ухо продавец. — Ее привез из последней экспедиции сам Джо Харпер. Контрабандой. Он нашел ее в советской зоне...

Джекоб Кедиган внимательно осмотрел раковину. Она была великолепна — ромбовидная, с фиолетовым, светящимся в темноте узором, напоминавшим знаки какой-то таинственной письменности. Когда секретарша увидела раковину на его столе, она, всплеснув от восторга руками, заявила, что никогда в жизни не видела ничего более оригинального, что вся контора разом преобразилась. Мисс Клер бережно гладила раковину, рассматривала ее со всех сторон и, наконец, приложила к уху.

— Я слышу какой-то шум, — сказала она дрожащим от волнения голосом, — может, это шепот страшного венерианского океана?

Одним словом, мистер Джекоб Кедиган был очень доволен своей покупкой.

Чудеса начались в тот же день. Время близилось к полудню. Кедиган собирался, как обычно, пообедать в соседнем ресторане и уже подошел к двери кабинета, когда за его спиной послышался незнакомый голос, который тихо, но настойчиво повторял:

— Не входите в лифт! Спускайтесь вниз по лестнице! Не входите в лифт!

Вздрогнув от неожиданности, Кедиган оглянулся. Он был один в комнате. Что с ним происходит? Неужели он сошел с ума или это просто галлюцинация? Но голос настойчиво твердил все ту же фразу:

— Не входите в лифт!..

Наконец он догадался, что голос исходит из раковины. Схватив ее со стола, приложил к уху. Невероятно!..

Кедиган оделся и вышел из конторы, но, покосившись на дверцу лифта, не стал его вызывать. Да и зачем? Лестница пологая, а небольшая прогулка ему не повредит. Не успел он спуститься в вестибюль, как вдруг услышал страшный треск. Весь дом ожил как разворошенный муравейник. Из дверей выглядывали испуганные лица. В вестибюле бледный как полотно управляющий объяснял всем, что кабина лифта, сорвавшись с тросов, упала в шахту с двенадцатого этажа. К счастью, обошлось без жертв. Кабина была пуста. Джекоб Кедиган почувствовал, как по его спине стекают струйки холодного пота. Таинственный голос из раковины спас ему жизнь. Но слышал ли он в действительности этот голос или ему только почудилось? А может, это было просто предчувствие, некий внутренний голос, озарение свыше?

Через два дня раковина снова заговорила:

— Примите приглашение на партию покера...

И странно — ни секретарша, ни счетовод, которых при-

гласил Кедиган, ничего не слышали. С недоумением смотрели они на шефа.

— Вы это себе внушаете, мистер Джекоб, — безапелляционно заявила ему обладательница зеленых глаз.

Чувствуя, что он рискует попасть в дурацкое положение, Кедиган решил больше никому не рассказывать о своем удивительном открытии.

Однако не пора ли читателям поближе познакомиться с мистером Джекобом Кедиганом? Этот немолодой бизнесмен, недавно отпраздновавший свое пятидесятилетие, был еще довольно бодр и полон энергии. (Лисий нюх, волчья хватка, удачливость в делах ни разу не изменяли Кедигану.) Правда, беспощадная коса времени изрядно поубавила растительности на его голове... Но разве это так уж важно для обладателя солидного пакета акций урановой промышленности Марса, которому, кроме того, принадлежат обширные плантации хлореллы у берегов Флориды!

Но... о покере! В тот день, когда раковина снова заговорила, Джекоб Кедиган действительно получил приглашение на партию покера от своих приятелей — биржевых акул. Он всегда был очень осторожен и обычно отклонял такие предложения, но на этот раз решил рискнуть. Игра была великолепной, Кедигану фантастически везло, и за три часа он выиграл сто тысяч долларов. С этого дня Кедиган стал смотреть на раковину с уважением. «Может, она обладает свойством обострять во мне шестое чувство, — думал он. — Но главное — то, что раковина приносит мне счастье».

Впрочем, вскоре он совсем перестал удивляться. С тех пор как научная фантастика безраздельно завладела литературой, радио и телевидением, Кедиган вдосталь наслаждался и не о таких чудесах — «телепортация», «телекинез», «парапсихология»... Да и где, в сущности, граница между реальностью и фантазией?

А загадочный голос продолжал нашептывать ему советы и предостережения. Теперь уже Кедиган не задумываясь выполнял все указания раковины. И ни разу не пожалел об этом. Еще бы, благодаря им он нажил немалую сумму на биржевых спекуляциях, выгодно продал большую партию хлореллы, и, наконец, голос из раковины снова спас ему жизнь, посоветовав остерегаться красного автомобиля.

Поэтому, когда раковина втянула его в кобальтовую аферу, он ни минуты не колебался. Дело и вправду пахло миллионами. Все акции кобальтовых разработок, открытых на одном из спутников Юпитера, принадлежали компании Гюнтерхайма. Но из-за несовершенства современных американских космических кораблей доставка кобальта на Землю обходилась слишком дорого. И вот раковина шепнула Кедигану, что один французский инженер изобрел новый сенсационный тип ракетного двигателя. Теперь рейсовые полеты к Юпитеру не будут уже монополией советских космонавтов. Пока еще никто в Америке не знает об этом. Все, казалось бы, благоприятствовало планам Кедигана. Компания Гюнтерхайма еле сводила концы с концами и на пороге полного финансового краха за бесценок распродавала акции кобальтовых разработок. Перед Кедиганом открывалась поистине великолепная перспектива нанести смертельный удар старым конкурентам. И старый бизнесмен, не теряя даром времени, ринулся в атаку. Только за три дня Кедиган купил акций на сто миллионов долларов. Хоть приятели и насмехались над ним, он был уверен, что хорошо смеется лишь тот, кто смеется последним. Скоро битва на бирже разгорелась с неожиданной силой и поглотила не только его марсианские акции, но и плантации хлореллы во Флориде. Но о мифическом изобретении французского инженера никто так и не услышал. Больше того, советские космонавты открыли огромные залежи ко-

бальта на Уране, и правительство Соединенных Штатов заключило с Советским Союзом соглашение о поставке кобальта на Землю. Акции, за которые Кедиган заплатил миллионы, превратились в ненужные бумажки. Полный крах! В эти тяжелые для старого бизнесмена дни его прежние приятели вместо того, чтобы помочь ему, довершили разорение. Каждый стремился урвать себе хоть что-нибудь из остатков его состояния. Таков уж обычай акул — достаточно одной из них получить рану, как другие, привлеченные запахом крови, спешат наброситься на нее, растерзать на куски и сожрать. Слабым, побежденным нет пощады!

И самое ужасное было в том, что раковина навсегда замолчала. Напрасно Кедиган вертел ее и тряс, то умоляя о помощи, то угрожая разбить ее вдребезги. Раковина упорно молчала.

— Это всего лишь имитация раковины, — сообщил Кедигану шериф, к которому он обратился с просьбой исследовать коварную советчицу. — Наши специалисты установили, что она изготовлена из разновидности дюралюминия. А внутри у нее неизвестно кто вмонтировал миниатюрный радиоприемник. Его передачи и ввели вас в заблуждение.

— А как же лифт и случай с красным автомобилем?.. — упавшим голосом спросил Кедиган.

— Специально подстроено! — ответил шериф.

Кедиган все понял. Как его разыграли! Выигрыш в покер, несколько удачных биржевых спекуляций — все это было подстроено, все было подготовкой к решающему удару, приманкой, чтобы он попался на крючок. И он клюнул на такую примитивную приманку, старый, глупый сом!

— Это работа Гюнтерхайма, — задумчиво проговорил Кедиган. — Когда-то я здорово прижал его, и вот теперь он мне мстит.

— Ну и ловко он вас облапошил. Сами же и выложили ему свои денежки за кучу никуда не годных бумажек, —

шериф даже не пытался скрыть своего восхищения ловкостью Гюнтерхайма. — Я вам, конечно, очень сочувствую, но ничем не могу помочь. Это выходит за рамки моих полномочий.

Шериф попросту боялся. Ему было хорошо известно, что Гюнтерхайм связан с одной из могущественных гангстерских корпораций.

Оставшись один, Кедиган подошел к открытому окну. Порывы соленого ветра с океана освежили горящее лицо.

Зазвонил телефон. Кедиган лениво поднял трубку.

— Привет, старина! Я слышал, у тебя большие неприятности, — узнал он голос Гюнтерхайма.

Кедиган молчал.

— Послушай, не могу ли я тебе чем-нибудь помочь? Мне как раз нужен агент на Венеру для сбора образцов местной флоры и фауны. Зарплата — пятьсот долларов в месяц. Немного, но...

Что ж, его намек нетрудно было понять. Кедиган бросил трубку. Зачем лететь на Венеру, когда Атлантический океан совсем рядом, в нескольких километрах от его конторы. Даже отсюда видно, как окаймленные белым кружевом пены валы разбиваются о гранит набережной. В черной воде залива отражались пурпурные огни.

И вот все кончено. Кедиган позвал секретаршу и распорядился, чтобы автомобиль ждал его у подъезда.

— Куда вы собрались, мистер Кедиган? — удивленно спросила мисс Клер. Она еще ничего не знала.

— Хочу прогуляться по набережной, — грустно ответил он. Хотел добавить: «Прощай, зеленоглазая!», но не сказал ничего.

— Ой, как здорово! — воскликнула она, когда Кедиган уже подошел к двери. — Сейчас самое время прилива. И так чудесно пахнет водорослями. Приятной прогулки, мистер Кедиган!

ДЕМОНСТРАТОР ЧЕТВЕРТОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Пит Дэвидсон был обручен с мисс Дейзи Мэннерс из кабаре «Зеленый рай». Он только что унаследовал всю собственность своего дяди, доки по части четвертого измерения, и стал опекуном необыкновенно общительного кенгуру по кличке Артур. И все-таки он не был счастлив; сейчас это было особенно заметно.

Сидя в лаборатории дяди, Пит что-то царапал на листке бумаги. Он складывал цифры и в отчаянии хватался за волосы. Затем вычитал, делил и умножал. В результате неизменно возникали проблемы, так же мало поддающиеся решению, как и уравнения четвертого измерения его покойного дядюшки. Время от времени в лабораторию с надеждой заглядывало длинное, лошадеобразное лицо. Это был Томас, слуга его дяди, — Пит серьезно опасался, что Томаса он тоже унаследовал.

— Извините, сэр, — осторожно произнес Томас.

Пит в тревоге откинулся на спинку кресла.

— Ну, что еще, Томас? Чем сейчас занимается Артур?

— Он пасется в георгинах, сэр. Я хотел спросить насчет ленча, сэр. Что прикажете приготовить?

— Что угодно! — ответил Пит. — То есть все, что угодно! Впрочем, нет. Пожалуй, чтобы разобраться в делах дяди Роберта, нужны мозги. Приготовь мне что-нибудь богатое фосфором и витаминами; это мне понадобится.

— Будет сделано, сэр, — сказал Томас. — Вот только бакалейщик, сэр...

— Как, опять? — в отчаянии застонал Пит.

— Да, сэр, — ответил Томас, входя в лабораторию. — Я надеялся, сэр, что положение несколько улучшилось.

Пит покачал головой, подавленно уставившись на свои расчеты.

— Все по-прежнему. Наличные для оплаты счета от бакалейщика остаются далекой и туманной мечтой. Это ужасно, Томас! Я всегда считал, что дядя по самую завязку набит деньгами, и полагал, что четвертое измерение имеет отношение к математике и никак не связано с пьянством и развратом. Но дядя Роберт, должно быть, проводил время в настоящих оргиях с квантами и космическими континуумами! Мне даже не удастся рассчитаться с его долгами, где уж там выкроить что-то для себя!

Томас хмыкнул, что должно было означать сочувствие.

— Если бы я был один, я бы это выдержал,— мрачно продолжал Пит.— Даже Артур с его простым кенгуриным сердцем держится стойко. Но Дейзи! В этом-то вся загвоздка! Дейзи!

— Дейзи, сэр?

— Моя невеста,— пояснил Пит.— Она из кабаре «Зеленый рай». Формально Артур принадлежит ей. Я сказал Дейзи, что получил наследство. И она будет очень разочарована.

— Очень жаль, сэр,— сказал Томас.

— Это заявление, Томас, является смехотворной недооценкой положения. Дейзи не тот человек, который легко мирится с разочарованиями. Когда я начну объяснять, что состояние дяди исчезло в четвертом измерении, у Дейзи на лице появится отсутствующее выражение и она перестанет слушать. Вам когда-нибудь приходилось целовать девушку, думающую о чем-то другом, а?

— Нет, сэр,— ответил Томас.— Ну а как же ленч, сэр...

— Нам придется заплатить за него,— с отчаянием произнес Пит.— У меня в кармане всего сорок центов, Томас, и по крайней мере Артур не должен голодать. Дейзи это не понравится. Ну, давай посмотрим!

Он отошел от стола и хищным взглядом окинул лабораторию. Ее никак нельзя было назвать уютной. В углу стояло странное сооружение из железных прутьев высотой примерно фута четыре, похожее на скелет. Томас сказал, что это тессеракт — модель куба, существующая в четырех измерениях вместо обычных трех.

Питу она больше напоминала средневековое орудие пыток — весомое доказательство в теологическом диспуте с еретиками. Пит не мог себе представить, чтобы этот тессеракт понравился кому-либо, кроме его дяди. Кругом валялись детали приборов самых разных размеров, по большей части разобранных. Они выглядели как результат усилий человека, потратившего огромное количество денег и терпения на сооружение чего-то, что после завершения будет никому не нужно.

— Здесь нечего и в ломбард заложить, — подавленно заметил Пит. — Ничего, даже отдаленно похожего на шарманку, если Артур согласится исполнять роль мартышки.

— У нас есть демонстратор, сэр, — с надеждой в голосе напомнил Томас. — Ваш дядя закончил его, сэр, он действовал, и вашего дядю хватил удар, сэр.

— Очень весело! — сказал Пит. — Что же это за демонстратор? Что он демонстрирует?

— Видите ли, сэр, он демонстрирует четвертое измерение, — сообщил Томас. — Ваш дядя посвятил ему всю свою жизнь, сэр.

— Тогда давай посмотрим на него, — сказал Пит. — Может быть, мы заработаем на жизнь, демонстрируя с рекламными целями четвертое измерение в витринах магазинов. Впрочем, я не думаю, что Дейзи понравится подобная карьера.

Томас торжественно подошел к занавеси позади письменного стола. Пит думал, что за ней спрятан буфет. Томас отодвинул занавес — там оказался огромный аппарат,

единственным достоинством которого была завершенность. Перед глазами Пита предстала чудовищная бронзовая подкова в целых семь футов высотой. По-видимому, она была полой и наполненной множеством таинственных колесиков и шестеренок. В ее нижней части находилась стеклянная пластина в дюйм толщиной, судя по всему, вращающаяся. Еще ниже было расположено массивное основание, к которому тянулись медные трубки от рефрижераторного устройства.

Томас повернул выключатель, и аппарат загудел. Пит смотрел на него.

— Ваш дядя много рассуждал сам с собой о нем, сэр, — сказал Томас. — Насколько я понимаю, это подлинный научный триумф, сэр. Видите ли, сэр, четвертое измерение — это время.

— Приятно слышать простые объяснения, — сказал Пит.

— Спасибо, сэр. Насколько я понимаю, сэр, если бы кто-то ехал на автомобиле и вдруг увидел, как прелестная девушка вот-вот наступит на кожуру банана, сэр, и если бы он захотел предупредить ее, так сказать, но не сразу сделал это — прошло, скажем, две минуты, за это время он проехал полмили...

— Прелестная девушка наступила бы на банановую кожуру, и дальше все пошло бы по законам природы, — продолжил Пит.

— Это если бы не было демонстратора, сэр. Видите ли, чтобы предупредить девушку, ему понадобится вернуться назад не только по расстоянию, но и по времени, иначе будет слишком поздно, сэр. То есть придется возвращаться не только на полмили, но и на две минуты. И поэтому, сэр, ваш дядя построил демонстратор...

— Чтобы он мог справиться с подобной ситуацией, когда она возникнет, — закончил за него Пит. — Понятно! Но

боюсь, что эта машина не решит наших финансовых затруднений.

Холодильная установка перестала гудеть. Томас торжественно чиркнул спичкой.

— С вашего позволения, сэр, мне хотелось бы закончить демонстрацию,— сказал он с надеждой в голосе.— Я тушу эту спичку и кладу ее на стеклянную пластину между концами подковы. С температурой все в порядке, так что должно получиться.

Откуда-то из глубины машины послышалось самодовольное кудахтанье, продолжавшееся несколько секунд. Затем огромная стеклянная пластина внезапно повернулась на одну восьмую оборота. Послышалось жужжание. Прекратилось. Неожиданно на стеклянной пластине появилась вторая обгоревшая спичка. Машина тут же торжествуя возобновила свое кудахтанье.

— Видите, сэр? — сказал Томас.— Она воспроизвела еще одну обгоревшую спичку. Вытащила ее из прошлого в настоящее, сэр. На этом месте несколько секунд назад, пока пластина еще не повернулась, была спичка. Как в случае с девушкой и банановой кожурой, сэр. Машина отправилась обратно в то место, где спичка была сначала, затем вернулась во времени туда, где спичка была потом, и протащила ее вперед.

Пластина повернулась еще на одну восьмую оборота. Машина кудахтала и жужжала. Но вот жужжание прекратилось, и на стеклянной пластине появилась еще одна обгоревшая спичка. Затем снова началось кудахтанье.

— Так будет продолжаться бесконечно, сэр,— с надеждой в голосе сказал Томас.

— Вот когда я начинаю понимать все величие современной науки,— заметил Пит.— Используя всего лишь две тонны меди и стали, потратив всего пару сотен тысяч долларов и несколько десятков лет труда, мой дядя Роберт

оставил мне машину, которая будет снабжать меня обгоревшими спичками в неограниченном количестве! Томас, эта машина — поистине триумф науки!

Томас просиял.

— Великолечно, сэр! Я рад, что она вам нравится. Так как же насчет ленча, сэр?

Машина, покудахтав и пожужжав положенное время, воспроизвела четвертую спичку и издала еще более торжествующее кудахтанье. Она готовилась снова отправиться в недостижимое до сих пор прошлое.

Пит с упреком посмотрел на слугу, которого он, по всей вероятности, унаследовал. Затем сунул руку в карман и достал оттуда сорок центов. В этот момент машина зажужжала. Пит повернул голову и застыл, глядя на машину.

— Раз уж речь зашла о науке, — мгновение спустя произнес он, — то у меня появилась некая коммерческая мысль. Мне стыдно даже думать об этом. — Он посмотрел на чудовищный кудахчущий демонстратор четвертого измерения. — Выйди-ка отсюда на десять минут, Томас. Я буду занят.

Томас исчез. Пит выключил демонстратор. Он рискнул пятицентовой монеткой, решительно опустив ее на стеклянную пластину. Машина снова заработала. Она кудахтала, жужжала, затем замолчала — и появилось две монеты. Пит прибавил ко второму пятицентовику десять центов. После окончания второго цикла он с отчаянной решимостью провел рукой по волосам и прибавил все свое оставшееся богатство — четверть доллара. Затем, увидев результат и не веря глазам своим, он начал строить пирамиды.

Через десять минут послышался полный достоинства стук Томаса.

— Извините, сэр, — сказал он с надеждой в голосе. — Но как же насчет ленча, сэр?..

Пит выключил демонстратор и проглотил слюну.

— Томас,— сказал он, стараясь выглядеть спокойным,— ты можешь сам составить меню для ленча. Возьми корзинку вот этой мелочи и отправляйся в магазин. Да, Томас, у тебя нет монеты больше чем четверть доллара? Полдоллара будет достаточно. Мне хочется продемонстрировать Дейзи, когда она придет, что-нибудь поистине впечатляющее.

Мисс Дейзи Мэннерс из кабаре «Зеленый рай» была именно таким человеком, который примет демонстратор четвертого измерения как само собой разумеющееся и на всю катушку использует результаты современных научных исследований. Она рассеянно поздоровалась с Питом и проявила большой интерес к величине наследства. Пит ввел ее в лабораторию, где показал демонстратор.

— Вот мои драгоценности,— торжественно произнес Пит.— Милая, я знаю, это тебя потрясет, но скажи, у тебя есть четверть доллара?

— Какая наглость — выпрашивать у меня деньги! — воскликнула Дейзи.— И если ты обманул меня насчет наследства...

Пит нежно улыбнулся ей. Он достал из кармана собственную монету в четверть доллара.

— Смотри, милая! Я делаю это для тебя!

Он включил демонстратор и начал самодовольно объяснять принцип его работы, когда откуда-то из глубины машины послышались кудахтающие звуки. Стеклопластина повернулась, и рядом с первой появилась вторая монета. Пит, не прерывая объяснений, положил монеты одна на другую. Через долю минуты на пластине было четыре монеты. Снова Пит положил их столбиком. Появилось восемь — шестнадцать — тридцать две — шестьдесят

четыре — сто двадцать восемь... В этот момент небоскреб из монет рухнул, и Пит выключил демонстратор.

— Вот видишь, милая, деньги из четвертого измерения! Дядя изобрел машину, я ее унаследовал, и... поменять тебе деньги?

Дейзи больше не выглядела рассеянной. Пит вручил ей аккуратную тоненькую пачку банкнотов.

— Теперь, милая, — сказал он приветливо, — всякий раз, когда тебе нужны деньги, приходи сюда, включай машину и собирай монеты! Разве не великолепно?

— Деньги мне нужны как раз сейчас, — сказала Дейзи. — Я должна купить себе приданое.

— Я надеялся, что тебе это придет в голову! — с энтузиазмом воскликнул Пит. — За дело! А пока машина работает, у нас есть время поговорить.

Демонстратор начал кудяхтать и жужжать, производя теперь банкноты вместо монет. Правда, один раз он приостановил все операции, и некоторое время холодильное устройство деловито гудело. Затем машина возобновила самодовольное проникновение в недалекое прошлое.

— До разговора с тобой я не хотел планировать ничего определенного, — объяснил Пит. — Просто приводил дела в порядок. Но я очень внимательно присматривал за Артуром. Ты ведь знаешь, как ему нравятся сигареты. Он их ест, и, хотя для кенгуру это может показаться эксцентричным, по-видимому, они идут ему на пользу. С помощью демонстратора я создал огромные запасы сигарет его любимого сорта. Кроме того, я попытался увеличить свой банковский счет. Очевидно, покажется странным, если мы купим особняк на Парк-авеню и небрежно предложим в уплату самосвал мелочи. Могут подумать, что мы занимаемся похищением детей.

— Глупый! — сказала Дейзи.

— Почему?

— Ты можешь производить банкноты в такой же прогрессии, как и монеты,— объявила Дейзи.— Тогда их будет гораздо больше!

— Милая, какое имеет значение, сколько у тебя денег, если у меня их так много! — нежно заметил Пит.

— Большое,— сказала Дейзи.— Мы можем поспорить.

— Никогда! — запротестовал Пит. Потом он задумчиво добавил: — До того как нам пришла в голову мысль о банкнотах, мы с Томасом наполнили подвал для угля монетами в четверть- и полл доллара. Они и сейчас там.

— Хорошо бы пустить в дело золотые монеты,— напрыгав весь свой мыслительный аппарат, предложила Дейзи.— Если б только удалось достать несколько штук. Может быть, это удастся.

— Ага! — воскликнул Пит.— Да ведь у Томаса в одном из зубов была золотая пломба. Мы вытащили ее, размножили, и золота стало полфунта. Затем мы переплавили золото в маленький брусок и положили его на демонстратор. Если ты теперь заглянешь в дровяной сарай, тебя ждет настоящий сюрприз.

— Кроме того, есть и драгоценности,— сообщила Дейзи.— Это будет еще быстрее!

— Если тебе нравятся драгоценности,— нежно проговорил Пит,— посмотри в ящике для овощей. Когда эта идея пришла нам в голову, у нас уже не оставалось места.

— Я думаю, что нам нужно пожениться немедленно. А ты как думаешь? — с энтузиазмом воскликнула Дейзи.

— Конечно! Поедем сейчас же! Я пойду заведу автомобиль!

— Давай, милый,— поддержала его Дейзи.— А я пока присмотрю за демонстратором.

С сияющим лицом Пит поцеловал ее и кинулся из лаборатории. Он нажал кнопку, вызывая Томаса, потом на-

жал еще раз. Томас появился только после третьего звонка, очень бледный. Он взволнованно спросил:

— Извините, сэр, упаковать ваш чемодан?

— Я собираюсь... Упаковать мой чемодан? Зачем?

— Нас собираются арестовать, сэр,— сообщил Томас, с трудом проглотив слюну.— Я подумал, что он вам понадобится. Один из моих знакомых в поселке, сэр, считает, что мы принадлежим к числу врагов общества, сэр, и испытывает к нам соответствующее уважение. Он только что позвонил мне и сообщил новости.

— Томас, ты не прикладывался к бутылке?

— Нет, сэр,— произнес бледный Томас.— Нет еще, сэр. Но это отличное предложение, благодарю вас, сэр.— Затем добавил с отчаянием в голосе: — Это все деньги, сэр, банкноты. Вы, наверно, помните, что мы обменяли серебро на банкноты только один раз. Мы получили банкноты в один доллар, пять, десять, двадцать и так далее, сэр.

— Конечно,— согласился Пит.— Только это и было нам нужно. Так в чем дело?

— Дело в номере, сэр! Все банкноты, воспроизведенные демонстратором, имеют один и тот же серийный номер — и все пятерки, десятки, и все остальное, сэр. Кто-то, чье хобби — поиски банкнотов, использованных для оплаты выкупа, обнаружил, что у него несколько банкнотов с одним и тем же номером. Секретная служба проследила путь этих денег. Скоро они явятся за нами, сэр. Наказание за производство фальшивых денег — двадцать лет тюремного заключения, сэр. Мой друг в поселке поинтересовался, не собираемся ли мы отстреливаться, потому что тогда, сэр, жители деревни хотели бы посмотреть.

Томас ломал руки. Пит уставился на него.

— А ведь они и вправду поддельные,— сказал он задумчиво.— Раньше мне это и в голову не приходило. Нам придется признать свою вину, Томас. Может быть, Дейзи

не захочет выходить за меня замуж, если меня собираются посадить в тюрьму. Пойду сообщу ей новости.

Но тут он замер на месте, услышав сердитый голос Дейзи. Звуки стали громче. Они перешли в непрерывный пронзительный шум. Он стал еще громче. Пит побежал.

Он ворвался в лабораторию и замер, пораженный. Демонстратор все еще работал. Дейзи видела, как Пит сваливает банкноты кучей, а машина воспроизводит их, с тем чтобы следующая куча была еще больше. Очевидно, Дейзи попыталась сделать то же самое. Однако теперь куча была слишком рыхлой, и Дейзи влезла на стеклянную пластину, попав в поле действия аппарата.

Когда Пит вбежал в лабораторию, их было уже трое. Пока он, скованный ужасом, стоял на пороге, к ним прибавилась четвертая. Демонстратор кудахтал и жужжал почти с триумфом. Затем он произвел пятую Дейзи. Пит рванулся вперед и повернул выключатель; но он чуть-чуть опоздал помешать появлению шестой мисс Дейзи Мэннерс из кабаре «Зеленый рай». Она как две капли воды походила на своих предыдущих сестер, но Пит смотрел на перепроизводство мечты своего сердца, буквально парализованный ужасом.

Поскольку все Дейзи были абсолютно похожи, обладая не только идентичной внешностью, но, так сказать, одинаковым серийным номером, у них были одни и те же точки зрения и убеждения. И все Дейзи были уверены, что они каждая по отдельности, являются обладательницами кучи банкнотов, находившейся на стеклянной пластине. Все шесть старались завладеть ими. И все Дейзи отчаянно ссорились между собой. Они говорили друг другу, что они думают одна о другой, и их мнение в целом было далеко не лестным.

Артур, как и Дейзи, обладал счастливым характером. Он не относился к тем кенгуру, которые только и выиски-

вают причины для расстройства. Он мирно пасся на лужайке, поедая георгины и время от времени перепрыгивая через шестифутовую изгородь в надежде на то, что на аллее появится собака, пришедшая на него полаять. Или, если уж ему не удастся увидеть собаку, появится кто-нибудь другой, кто обронил бы окурок, который бы Артур мог подобрать.

Когда он впервые приехал в этот дом, и то и другое приятное событие случалось довольно часто. Рядовой непосвященный прохожий, заведя в этой части света мчащегося к нему пятифутowego кенгуру, обычно ронял все, что было у него в руках, и обращался в бегство. Иногда среди брошенных им вещей оказывалась и сигарета.

Обеспечение собаками тоже сначала было на высоте, однако за последнее время игры с Артуром потеряли в глазах собак свою привлекательность. Манера Артура играть с незнакомой собакой, особенно если она лаяла на него, заключалась в том, что Артур крепко хватал ее передними лапами, а задними вышибал из нее все потроха.

Итак, Артур пасся в георгинах, и ему было скучно. Из-за этой скуки он был готов заняться чем угодно. Из лаборатории доносился шум скандала, но Артура не интересовали семейные ссоры. А вот к государственным служащим, только что подъехавшим к дому, он проявил гораздо больший интерес. Их было двое, и они подкатили в открытом автомобиле. На мгновение они остановились у калитки, затем решительно направились к входной двери.

Артур прискакал из-за дома в тот момент, когда они загрохотали кулаками по двери. На заднем дворе он занимался тем, что выдергивал рассаду капусты, посаженной Томасом, чтобы выяснить, почему она растет так медленно. Последним прыжком он покрыл по крайней мере десять метров и уселся на хвост, с интересом разглядывая визитеров.

— Б-б-боже мой! — воскликнул широкоплечий коротышка-полицейский. Он курил сигарету. При виде Артура он бросил ее и схватился за пистолет.

Это было ошибкой. Артур любил сигареты. Эта же валялась всего в пяти метрах от него. В царящем прыжке Артур устремился к ней.

Полицейский взвизгнул, увидев летевшего прямо на него Артура. Действительно, в этот момент Артур выглядел устрашающе. Полицейский выстрелил не целясь и промахнулся. Артур не обратил на выстрел никакого внимания. Для него выстрелы не означали угрозы. Это были всего лишь громкие звуки, издаваемые автомобилем с неисправным карбюратором. Он мягко приземлился у самых ног полицейского — тот в истерике и отчаянии обрушил на Артура град ударов кулаками и рукоятью пистолета.

Артур был мирным кенгуру, но он терпеть не мог, когда на него нападали.

Широкоплечий коротышка-полицейский взвизгнул еще раз, когда Артур схватил его передними лапами. Его спутник попятился к двери, готовый дорого продать свою жизнь. Но в то мгновение — и оба эти события случились одновременно, — когда Артур начал выбивать из коротышки-полицейского все потроха, смирившийся со своей участью Томас распахнул дверь позади второго полицейского, тот рухнул в прихожую, ударился о порог и потерял сознание.

Пятнадцать минут спустя широкоплечий коротышка-полицейский мрачно заметил:

— Нам подсунули ложный след. Спасибо, что вы стащили с меня этого зверя, а Кейси благодарит за виски. Мы разыскиваем шайку фальшивомонетчиков, печатающих удивительно добротные банкноты. След вел прямо к вам. Вы могли совершенно спокойно перестрелять нас. Но вы

не сделали этого. Так что теперь нам придется приниматься за работу с самого начала.

— Боюсь, что след снова приведет вас сюда, — признался Пит. — Но, может, вы, как государственный служащий, сможете что-то сделать с демонстратором четвертого измерения. Он — виновник всего этого. Я проведу вас к нему.

Пит повел посетителей в лабораторию. Появился Артур, горя жаждой мести. На лицах полицейских отразились тревожные предчувствия.

— А вы дайте ему сигарету, — посоветовал Пит. — Он ест их. И тогда вы станете его другом на всю жизнь.

— Только этого не хватало, черт побери! — воскликнул широкоплечий коротышка-полицейский. — Вы стойте между мной и ним. Может быть, Кейси захочет с ним подружиться.

— У меня нет сигарет, — нерешительно проговорил Кейси. — А сигара подойдет?

— Тяжеловато с самого утра, — задумчиво произнес Пит, — но попробуйте.

Артур взвился в воздух и приземлился в двух футах от Кейси. Кейси протянул ему сигару. Артур обнюхал ее и принял. Он сунул один конец в рот и откусил кончик.

— Видите! — радостно воскликнул Пит. — Ему нравится! Пошли!

Они двинулись к лаборатории и вошли внутрь. Там царил сумятица. Демонстратор трудился вовсю, и Томас, бледный, с безнадежным выражением лица, наблюдал за его работой. Демонстратор производил банкноты целыми контейнерами. Как только на пластине из глубин четвертого измерения появлялась очередная порция, Томас брал банкноты в охапку и передавал их Дейзи, которые по идее должны были стоять в очереди, чтобы каждая могла получить равную долю. Но Дейзи отчаянно ссорились между собой, потому что одна из них пыталась сжульничать.

— Это вот моя невеста, — спокойно произнес Пит, показывая на девушек.

Но коротышка-полицейский уже увидел охажки зелененьких, появляющихся из ничего. Он вытащил короткоствольный револьвер.

— У вас там за стеной печатный пресс, правда? — сразу догадался он. — Пойду посмотрю!

Он по-хозяйски шагнул вперед, оттолкнул в сторону Томаса и ступил на стеклянную пластину. Охваченный ужасом, Пит протянул руку к выключателю. Но было уже поздно. Стеклянная пластина повернулась на одну восьмую оборота. Демонстратор насмешливо загудел — и в тот момент, когда оцепеневшие пальцы Пита выключили аппарат, появилась копия полицейского.

Оба полицейских, остолбенев от удивления, уставились друг на друга. Кейси воззрился на них, и волосы у него встали дыбом. В это мгновение Артур просительным жестом опустил переднюю лапу на плечо Кейси. Артуру понравилась сигара. Дверь в лабораторию была открыта, и он пришел попросить еще одну. Однако Кейси потерял контроль над собой. Он завопил и бросился бежать, вообразив, что Артур гонится за ним по пятам. Он влетел в модель тессеракта и безнадежно запутался внутри.

Артур был спокойным, но чувствительным кенгуру. Ужасный крик Кейси расстроил и его. Он прыгнул вперед, не глядя толкнул Пита прямо на выключатель и приземлился между двумя оцепеневшими копиями коротышки-полицейского. Те, разделяя воспоминание о первой встрече с Артуром, шарахнулись в панике как раз в тот момент, когда стеклянная пластина повернулась.

От гудка демонстратора Артур подпрыгнул. Ближайшая к нему копия широкоплечего коротышки-полицейского сделала большой грациозный прыжок и исчезла за дверью. Пит боролся со вторым близнецом, который размахивал

вал револьвером и требовал объяснений, уже охрипнув от ревностного исполнения служебного долга.

Пит попытался удариться в объяснения, рассказывая о прелестных девушках и банановой кожуре, но полицейский никак не мог понять, что к чему. Он кричал хриплым голосом, в то время как со стеклянной пластины спрыгнул еще один Артур, затем второй, третий, четвертый, пятый, шестой и седьмой появились на сцене.

Полицейский продолжал хрипло лаять на Пита, пока вопли почти всех Дейзи не заставили его обернуться, и он увидел, что лаборатория переполнена пятифутовыми Артурами, приятно удивленными и старающимися подружиться друг с другом и приступить к играм.

Артур был единственным существом, приветствующим такой ход событий. Раньше он был в основном предоставлен самому себе. Теперь же его общество стало весьма многочисленным. По сути дела, из одинокого кенгуру получилось целое стадо. Переполненные счастливым возбуждением, Артуры забыли о всех правилах приличия и начали гоняться друг за другом по всей лаборатории, затеяв стихийную, неорганизованную чехарду.

Полицейский упал и превратился в трамплин для веселящихся кенгуру. Дейзи отчаянно вопили. А Артуры — все до одного — выбирали новые и новые объекты для прыжков, пока один из них не выбрал мотор демонстратора. Из трудолюбивого механизма посыпались искры, ужалившие Артура. Тот в ужасе оттолкнулся и выпрыгнул в окно. За ним тут же последовало остальное стадо, решившее, что это продолжение игры.

Через несколько секунд Артуры исчезли из лаборатории. Стало слышно, как демонстратор издает странные жалобные звуки. Кейси по-прежнему оставался пленником тессеракта, он глазел на все это из-за прутьев модели; выражение его лица напоминало о пациентах психиатриче-

ской больницы. Только один из широкоплечих коротышек-полицейских находился в лаборатории. Он лежал на полу, едва переводя дыхание. А Дейзи были так рассержены, что не могли произнести ни звука — все шестеро. Один только Пит сохранял спокойствие.

— Ну что ж, — философски заметил он, — обстановка немного разрядилась. Но что-то случилось с демонстратором.

— Извините, сэр, — сказал все еще бледный Томас, — но я не разбираюсь в машинах.

Одна из Дейзи сердито проговорила, обращаясь к другой:

— Ты совсем обнаглела! Эти деньги на подносе — мои!

Они начали угрожающе сближаться. Еще трое, возмущенно протестуя, присоединились к свалке. Шестая — и Питу показалось, что это была первоначальная Дейзи, — начала поспешно перебрасывать деньги из куч, накопленных другими, в свою.

Тем временем демонстратор продолжал как-то странно гудеть. С отчаяния Пит решил выяснить, в чем дело. Он обнаружил, что прыжок Артура сдвинул с места рукоятку, по всей видимости, контролирующую количество оборотов мотора. Он сдвинул ее наугад. Демонстратор облегченно закудахтал. И затем Пит в ужасе заметил, что на стеклянной пластине стоят пять Дейзи. Он попытался выключить аппарат, но опоздал.

Пит закрыл глаза, пытаясь сохранить спокойствие, чувствуя, что его охватывает отчаяние. Дейзи ему очень нравились. А вот шесть Дейзи было слишком много. Но перспектива иметь одиннадцать...

В его ушах раздался хриплый голос.

— Ага! Так вот где у вас печатный станок и... хм, зеркала, обманывающие зрение, так что все кажется двойным.

Я сейчас пройду через этот люк за девушками. И если кто-нибудь за стеной выкинет фокус, ему будет плохо!

Лишний полицейский ступил на стеклянную пластину, которая по неизвестной причине опустела. Демонстратор закудахтал. Затем загудел. Пластина повернулась — в обратном направлении! И полицейский исчез в одно мгновение. Как он явился из прошлого, так и исчез — по воле случая. Оказалось, что один из Артуров передвинул рычаг в нейтральное положение, а затем Пит переставил его на реверс. Он видел, как исчез полицейский, теперь он знал, куда делись лишние Дейзи и куда денутся компрометирующие его банкноты. Пит вздохнул с облегчением.

Но Кейси, освобожденный наконец из тессеракта, не испытывал облегчения. Он вырвался из рук Томаса, пытавшегося ему помочь, и кинулся к автомобилю. Там он нашел своего компаньона, наблюдавшего за тем, как девятнадцать Артуров играли в чехарду, перепрыгивая через гараж. Получив объяснения, полицейские расстроились еще больше. Пит увидел, как отъезжает автомобиль, качаясь из стороны в сторону.

— Мне кажется, сэр, что они уже не вернутся, — проговорил Томас с надеждой в голосе.

— По-моему тоже, — согласился Пит, обрета, наконец, полное спокойствие. Он повернулся к оставшейся Дейзи, испуганной, но еще не отказавшейся от стяжательства. — Милая, — сказал он нежно, — как оказалось, все эти банкноты поддельные. Придется отправить их обратно и попытаться прожить на содержимое дровяного сарая и ящика для овощей.

Дейзи попробовала сделать вид, что не расслышала, но это ей не удалось.

— Ты совсем обнаглел! — воскликнула она негодующим тоном.

КОЛЬЦЕВЫЕ ВЕТКИ

Говорят, молодость светла и прекрасна. Но у нее, как правило, пусто в кармане. Взять хотя бы меня: денег нет, а без денег не жизнь, а сплошной мрак. Так что с этим светлым эпитетом поспешили — очень уж он противоречит действительности.

Но порой и среди молодых попадаютсся денежные мешки. Беда, если один из таких станет твоим соперником в любви. А со мной так оно и получилось.

— Денег у меня, конечно, нет,— сказал я ей.— И положения в обществе — тоже. Но я тебя люблю, понимаешь? Потому прошу, не выходи замуж за этого типа. Ведь он же свинья! Ленивый боров! Сам бы ни за что не разбогатеет, а уж если наследство привалило, тут и дурак разбогатеет. Он бегемот! Кретин! Неужели ты выйдешь за него?! Да я с ума схожу только от одной мысли об этом!

— Умоляю, перестань! Уже поздно, поздно! — она продолжала плакать, пряча лицо на моей груди (между прочим, уже третий час подряд).— Нет, гет, не уговаривай меня! Самое ужасное, что ты прав — он свинья. И бегемот. И кретин. Но что мне делать? Я не могу выйти за тебя замуж, потому что ты не в состоянии содержать моих родителей, а он в состоянии...

— Ну подожди, потерпи немного! — заныл я.— Конечно, сейчас я ничто, так сказать, пылленок от математики. Но скоро стану солидным математическим петушком, то есть доцентом. Да, да, я не вру, у меня есть свои соображения на этот счет. И тогда я смогу помогать твоим родителям. А потом, глядишь, и в профессора выбьюсь.

— Нет, ничего не выйдет! Слишком поздно ты спохватился.

Она заревела в голос. Ее прекрасные огромные глаза покраснели, опухли и стали совсем маленькими.

— О-о-о!..— вне себя она заломила руки.— Если бы у меня было два тела!

— Что, что?.. Два тела?..— я взял ее за плечи и заглянул в опухшие от слез глаза.— Два тела, говоришь... Гм... Да... А это мысль... Если... если бы ты удвоилась, все бы разрешилось как пельзя лучше. Да, да! Одна бы вышла замуж за меня, другая — за эту свинью...

Она испуганно отшатнулась.

— Что ты такое болтаешь?! Ты в своем уме?.. Милый, ну приди в себя, опомнись! Это же невозможно...

— Возможно или нет, это еще вопрос. Сначала надо попытаться, а потом уже говорить.

Она снова разрыдалась. Наверно, решила, что я окончательно снятил. Так и ушла в слезах.

А я тут же взялся за дело. Смахнул пыль с грязноватого стола в моей комнатухе, самой дешевой из комнат дешевого пансиона. Аккуратно расстелил миллиметровку.

Свадьба назначена через неделю. Я должен успеть. Должен решить за это время задачу. Забыв сон, еду и все прочее, я с головой погрузился в водоворот формул и диаграмм.

На шестой день решение было найдено. Я лихорадочно схватил телефонную трубку и попросил ее прийти немедленно.

Она сразу прибежала.

— В чем дело? Случилось что-нибудь?

— Посмотри! — я показал ей миллиметровку, испещренную формулами и диаграммами.

— Это еще что такое?! Ничего не понимаю!

— Одно из топологических уравнений, по которым я

специализируюсь. Тут четыре координаты — функции X , Y , Z и t . Три из них — X , Y и Z — это измерения трехмерного пространства, четвертая — t — время. Интегрируем:

$$A = \int \int af(X) g(Y) K(Z) [h(t)] dt.$$

Исходное A — это ты. Путем перестановок получаем $2A$. Понимаешь, в чем дело? $2A$ — это ты вдвойне. То есть ты удвоилась. Вас уже двое — ты и ты. Не знаю, подтвердятся ли это на практике... Но если мои выводы правильные, ты получишь из ипомерного пространства свою копию. На схеме мои формулы можно выразить цепочкой таких вот диаграмм.

Я показал ей диаграмму.

— Ой, по-моему, я это уже где-то видела!..

— Еще бы, конечно видела! Каждый день видишь! Ведь мои диаграммы как две капли воды похожи на схему движения электричек по железнодорожным веткам вокруг центра столицы. А теперь слушай внимательно. Если ты, согласно этой формуле, в строго определенное время будешь передвигаться по Нагорной и Центральной веткам, явится многомерный эффект, то есть ты удвоишься.

— Что-то не верится...

— А это уж твое дело, можешь не верить. Но попробовать ведь стоит?

— А что я для этого должна делать?

— Сейчас объясню. Сначала на Токийском вокзале ты садишься в электричку, идущую по Нагорной ветке в направлении Уэно, и на той же электричке, нигде ни разу не пересаживаясь, возвращаешься на Токийский вокзал. Возвращаешься, но из электрички не выходишь, а едешь дальше, до станции Канда, где пересаживаешься в электричку Центральной ветки, и доезжаешь до станции Йойоги. Там снова пересаживаешься в электричку Нагорной ветки, по

уже идущую со стороны Уэно и следуешь до станции Акибахара. Там пересаживаешься и возвращаешься на Токийский вокзал, но на этот раз через Отяно-мидзу, со стороны станции Канда.

— Ну и что?

— А то, что ты удвоишься! На Токийском вокзале ты выйдешь из двух электричек — из той, что придет со стороны Отяно-мидзу, и из той, что придет со стороны Акибахара.

— Ну да?.. В самом деле?

— Конечно! Если только не перепутаешь время и станции пересадки. Ладно, хватит болтать. Пошли на Токийский вокзал, да побыстрее!

Я ждал ее на Токийском вокзале, на платформе Центральной ветки. Волновался ужасно. То и дело поглядывал на большие станционные часы и сверял их со своими. Вот-вот должна прибыть электричка из Отяно-мидзу. И вдруг мне в голову пришла жуткая мысль.

Если она удвоится, которую мне выбрать?.. Я отнюдь не страдаю самовлюбленностью, но в данной ситуации ясно одно — обе захотят выйти за меня замуж. Вот кошмар-то! Вот ужас!.. Такую задачу не решишь, это вам не интегральчики! Шутка ли — две женщины на одного мужчину! Да, найти решение невозможно. Разве что пусть ставят меня на кон — пусть сыграют в дзянкен и... Но какие уж тут игры! Мы, кажется, и так переиграли...

Пока я в смертельном страхе размышлял над этой проблемой, прибыла электричка со стороны Отяно-мидзу. Из среднего вагона вышла она и бросилась ко мне.

— Ну как, получилось?

— Пока неизвестно. Идем на другую платформу.

Мы перешли на платформу внешнего кольца. Там уже

стояла электричка, только что прибывшая по Нагорной ветке из Акибахара. Навстречу нам сплошным потоком двигались пассажиры. Продравшись сквозь толпу, мы увидели ее — вторую. Она стояла посреди платформы и ждала.

И вот мы встретились. Две женщины — то есть вообще-то одна и та же женщина — смотрели друг на друга с нескрываемой враждебностью. А как же иначе? Они ведь теперь соперницы — обе влюблены в одного мужчину.

Кто из них кто? Которая основная, А? И которая А₁?..

В это время на другую платформу, находившуюся через путь от нашей, прибыла еще одна электричка — тоже по Нагорной ветке, но с противоположной стороны. Когда электричка, извергнув поток пассажиров и вобрав в себя новый поток, отошла, я остолбенел и почувствовал, что меня вот-вот хватит удар.

На платформе стояла она — третья, А₂ — и смотрела в нашу сторону.

А₂, словно боясь потерять нас, кинулась к нашей платформе. Я не знал, куда деваться. Три женщины окружили меня и начали орать, как ненормальные.

— Что все это значит?!

— Почему нас трое? Одна, значит, лишняя?..

— Что ты наделал?! Теперь расхлебывай!

— Да погодите вы! — я окончательно растерялся. — Странно... В моих расчетах не могло быть ошибки. Послушайте, да послушайте же! Ты, нет, ты... Черт, не пойму, которая из вас основная!.. Ты все сделала так, как я сказал?

— Конечно!... Впрочем... Я... я... перепутала электрички. На станции Йойоги села не на ту, что идет в Уэно, а на другую, в сторону Синагава. Но на станции Харадзюку я сошла и вернулась...

— Так я и знал! Теперь все ясно. Значит, ты — это ты, то есть та, которая по ошибке поехала в Харадзюку. А ты...

ты та самая, что приехала из Акибахара через Отяно-мидзу... А ты... ты ехала из Акибахара прямо...

Некоторое время все мы стояли в полном молчании и недоуменно переглядывались. Потом женщины снова завели волюнку.

— Ну, на которой же из нас ты теперь женишься? Отвечай!

— А кто должен выйти замуж за того типа?

— Уж во всяком случае, не я!

— Может быть, я? Нет, этот номер не пройдет!

— А третьей-то что делать? Одна из нас ведь лишняя...

— Ну почему ты молчишь? Придумай что-нибудь!

— И вообще объясни, что ты намерен делать?

Три женщины кричали, рыдали и пожирали друг друга полными ненависти глазами. Того и гляди начнут потасовку. Вокруг нас стали собираться зеваки.

— Математик несчастный! Ты из нас посмешище сделал!

Я озирался по сторонам, как затравленный зверь. Но железная дорога меня спасла, хоть она же меня и погубила. К платформе подошла электричка, и я, сделав отчаянный бросок, юркнул в вагон.

Три женщины опешили, но, мгновенно сориентировавшись, бросились за мной вдогонку. Наверно, они решили, что я хочу скрыться, бесследно исчезнуть. На мое счастье, дверь захлопнулась у них перед носом. По ней забарабанили три пары кулаков.

— Куда ты?.. Бессовестный!.. Удрать надумал?..

Высунув голову в окно, я крикнул:

— Успокойтесь, мои дорогие невесты! Я не удираю. Хочу прокатиться по кольцевым веткам и вернуться... вместе!..

От автора: *Я передаю эту историю так, как ее услышал, не добавив от себя ни слова. Но должен признаться, что с тех пор, как я по-встречал того парня, мои рассказы стали неотразимы для редакторов. Они настолько правдивы, что я и сам в них верю.*

М. РЕЙНОЛЬДС

ЭКСПЕРТ

Ростом он был чуть повыше пяти футов, весил около ста пятнадцати фунтов, а глазами был схож с заблудившимся щенком. При взгляде на лохматую бородавку становилось ясно, что в ней обожает ночевать моль.

— Я с удовольствием выпью в вашей компании, — ответил я. — Празднуете что-нибудь?

Он покачал головой.

— Не совсем так. Топлю печали.

Я разрешил ему пожать свою руку

— Ларри Маршалл, — сказал я.

Он потряс ее.

— Ньютон Браун. Друзья называют меня Ньют.

— Что ж, значит, у вас тоже неприятности?

— Хотите сказать, что я встретил родственную душу, что вы тоже приползли в этот оазис искать утешение в рюмке?

— Прямо в точку попали, — ответил я, не обращая внимания на изысканный слог собеседника. — Послушайте...

И я поспешил выложить ему свои неприятности, прежде чем он займется рассказом о своих.

— Это все главный редактор. Я хотел, чтобы меня перевели в корпункт в Париже, понимаете? Хотел переменить обстановку. Но вы думаете, он назначил меня?..

— И это неприятности? — прервал он меня с печалью в голосе. — Поглядите.

Он протянул мне желтый листок бумаги.

— Так вот, главный редактор, — продолжал я, равнодушно разглядывая листок... — С ума сойти! Десять тысяч долларов!

Листок оказался чеком, выписанным от имени Ассоциации производителей полотенец Америки.

— И так всегда, — жаловался он. — Никак не могу пробиться к народу. Всегда что-нибудь да случается. Не мог же я отказаться от этого чека. Теперь они, без сомнения, положат мое открытие под сукно.

— Кто что положит? — спросил я, не сводя глаз с этого желтого листочка, за которым маячила куча зеленых банкнотов.

— Ясное дело, Ассоциация производителей полотенец Америки, — вздохнул он. — За эти деньги они купили у меня сухую воду.

— Что купили? — недоверчиво спросил я.

— Сухую воду, — повторил он. — В ней заложены безграничные возможности. Революция в ирригации. Воду можно таскать в сетках. Я натолкнулся на эту идею, экспериментируя с легкой водой. Кстати, я исследователь.

И добавил совсем печально:

— Самый настоящий гений.

Теперь уж я не мог остановиться:

— А что вы собирались делать с легкой водой?

— Вы, наверно, слышали о тяжелой воде. Ну а я пришел к выводу, что, если удастся создать легкую воду, я решу проблему тучности и похудения.

На какое-то мгновение глаза его загорелись. Мечта преобразила его.

— Боюсь, что не совсем вас понимаю, — сказал я.

— Это же проще простого, — ответил он. — Вы должны

знать, что человеческое тело на девяносто процентов состоит из воды. Ну а если я смогу обычную воду H_2O заменить на легкую, люди будут весить куда меньше. Просто, не правда ли?

Несколько секунд я пытался представить себе последствия этого открытия. Затем тряхнул головой, чтобы прояснить мозги.

— Не знаю,— сказал я, чувствуя, что пора воспользоваться его приглашением и выпить.— Но чем кончились ваши эксперименты с легкой водой?

Он снова вздохнул.

— Их прекратило правительство.

— Правительство?

Ньютон Браун кивнул:

— Вы, конечно, слышали, что тяжелая вода очень важна в ядерных реакциях. Ну, это же... проще простого, не так ли? Один эксперимент ведет к другому, вот так я и добрался до ядерной антиреакции на легкой воде. Тут-то мои исследования и прикрыли.

Я было начал:

— Антиреакция...— но он поднял руку, останавливая меня.

— Простите, Ларри, но я дал слово эту проблему не обсуждать. Тема занесена Пентагоном в разряд «чрезвычайно секретных».

— Окей,— сказал я.— Но послушай, Ньют, чего ты не бросишь к черту эту воду? Сначала легкая вода, потом сухая. Ты выбрал себе узкую дорожку.

Он сунул чек обратно в карман и ответил со вздохом:

— Что-то в этой жидкости меня всегда привлекало. Должна же она хоть на что-нибудь годиться. Не пить же ее.

Ньютон Браун постучал кулачком по стойке, чтобы привлечь внимание Сэма, и добавил:

— Я буду счастлив предложить средство для потопления наших бед. Знаете, я ненавижу лить в одиночестве, но обычно никто не хочет мне помочь — даже мухи. Через несколько минут они начинают жаловаться на головную боль.

Я ответил несколько двусмысленно:

— Ведь я — газетчик.

Сэм подошел к нам, и Ньютон Браун сказал:

— Два Джека Потрошителя, пожалуйста.

Сэм глаза выпучил от удивления.

— Как? Снова? И в это время дня?

Я заподозрил неладное:

— А что делает с людьми этот Джек Потрошитель?

Сэм осклабился.

— Завтра утром вам покажется, что вас выпотрошили, как курицу.

— Не спорьте, Сэм, — сказал Ньют. — Два Джека Потрошителя. Это тот камень, к которому надо привязать грусть, чтобы ее утопить.

Когда Сэм притащил выпивку в громадных бокалах, каких я сроду не видывал, я сделал опасливый глоток и чуть не задохнулся.

— С ума сойти!

Ньютон Браун расплылся от удовольствия.

— Не правда ли, великолепно? Я назвал смесь в честь известного разбойника. Основные составные части — яйца, ром, абсент, водка и соляная кислота.

— Соляная кислота?

— Соляная кислота, — повторил он. — Проще простого. Кроме того, здесь...

— Лучше не говори, — сказал я с содроганием и заглянул в бокал. — Вроде бы там кусок яичной скорлупы.

— Разве? Обычно она к этому времени уже растворяет-

ся. Кстати, ты так и не кончил рассказ. Что там у тебя с редактором?

Я отхлебнул.

— Он подонок. Сейчас я многое бы отдал за то, чтобы вообще избавиться от газетной работы. К сожалению, это единственное, что я умею делать с тех пор, как кончил колледж. Иначе я не могу зарабатывать на пропитание.

Ньютон Браун принял дозу убийственной смеси, и я последовал его примеру.

После того как мы пришли в себя, он почесал бородавку и сказал:

— А что ты думаешь о моем суперцеребрографе?

И, прежде чем я успел ответить, он продолжал:

— Да, вернее всего, ты ничего не думаешь. Я же тебе о нем не говорил.

Я сделал еще глоток, чтобы подкрепиться, и сказал:

— Валяй.

— Это не совсем мое изобретение,— скромно заявил он.— Я натолкнулся на него, когда проводил опыты с моей машинной времени.

Я сочувственно хихикнул.

— Еще машинны времени тебе не хватало. Наверно, сплошные разочарования.

— Проще простого. Я же тебе говорил — стоит мне изобрести что-нибудь путное, как они покупают у меня права и кладут вещь под сукно.— Он отпил еще глоток Джека Потрошителя.— Черт бы побрал этот Международный союз историков.

— Что-то я тебя не понял,— признался я.

— Купили. И положили под сукно.

В голосе его звучало озлобление.

— Ты хочешь сказать... Ну да!.. А почему?

Он пожал узенькими плечиками и попросил Сэма налить еще два бокала.

— Они чуть с ума не посходили. Между прочим, я доказал, что Колумб никогда не открывал Америки. Даже моря в глаза не видал. Всю жизнь трудился в своей портняжной мастерской в Генуе.

Я не смог удержаться от вопроса:

— Так кто же тогда открыл Америку?

— Один грек по имени Попандополус. Впоследствии он открыл ресторан на Кубе. И это еще не все. Я могу сообщить, что Наполеон...

— Постой,— в отчаянии перебил его я.— Расскажи лучше о своем супердуперграфе.

— Сколько угодно,— ответил Ньют.— Ты, наверно, слышал о церебрографии, или гипнопедии. Это метод обучения во сне. Смысл его в том, что к уху прикрепляется миниатюрный динамик и, пока студент спит, ему несколько раз проигрывают лекцию. К утру он уже знает ее наизусть.

— А какое это имеет отношение ко мне? — спросил я, допивая бокал.

Ньютон Браун кивнул Сэму, чтобы тот принес еще два бокала.

Сэм скорбно покачал головой и сказал:

— Мне бы вывеску здесь повесить: «Клиентам запрещается выпивать больше чем полпорции Джека Потрошителя».

Ньют и ухом не повел и продолжал, обращаясь ко мне:

— Проще простого. Мой усовершенствованный супер-цереброграф подготовит тебя к новой профессии. Он действует по принципу гипноза, стимуляции желез внутренней секреции и сверхчувственного восприятия с помощью особого проигрывателя, работающего на больших скоростях. Гипноз улучшает восприимчивость твоего подсознания. За ночь ты приобретешь такие знания, как если бы всю жизнь посвятил изучению этого дела.

Я глядел на него во все глаза, запивая его слова Джеком Потрошителем.

— Ты хочешь сказать, что за ночь сможешь сделать из меня... скажем... водопроводчика, каменщика или кого-нибудь в этом роде?

Его плечики приподнялись и опали.

— И еще могу сделать из тебя специалиста по бальзамированию египетских мумий. Как это делается, я разузнал с помощью машины времени. Ты погрузишься в гипнотический транс, и проигрыватель будет напентывать тебе на ухо. А наутро все настолько глубоко укоренится в твоём мозгу, будто ты знал это всю жизнь.

— Укоренится? — спросил я.

— Укоренится, — ответил он уверенно, показав Сэму два пальца, что означало налить еще по порции.

— И тебе останется только подать заявление, чтобы тебя приняли на новую работу. С чистым сердцем заявишь им, что у тебя двадцатилетний опыт по этой части.

Я сделал еще один большой глоток. Постепенно меня окутывало туманом.

— Надо посмотреть, — сказал я.

— Отлично, сэр, — сказал он. — У меня записаны десятки различных профессий, и ничего не стоит добавить к ним еще сотню. Главное — выбрать.

— Ш-ш-ш-нибудь о-ош-ш-шобенное, — выговорил я. — Ш-ш-ш-ш-нибудь... у-у-у...

— Уникальное? — Он задумчиво покачнулся на стуле. Сэм принес еще по бокалу.

Когда утром туман рассеялся, я осторожно открыл один глаз, потом второй. Без всякого сомнения, меня полностью выпотрошили и забыли положить внутренности обратно. Я услышал визгливый голос: «...вслед за пере...

жогом третьего двигателя. В этом случае, если в качестве топлива используется одноатомный водород, теоретически скорость выхода газов достигнет двадцати одной тысячи метров в секунду, тогда как в случае с обычным водородом теоретическая скорость не превысит пяти тысяч ста семидесяти метров в секунду. Разница, однако, заключается в том...»

— Радио,— простошал я.— Только этого мне не хватало. Почему бы им не обложить эти штуки специальным налогом?

Голос умолк, что-то щелкнуло. Я растворил глаза пошире. Это было не радио, а автоматический проигрыватель у моего изголовья. Я сел и, постанывая, выключил его. Проигрыватель производил странное впечатление. Когда он заканчивал прокручивать последнюю пластинку, все начиналось сначала.

Я потряс головой. Каким-то образом эта штука должна была иметь ко мне отношение. Но она не имела.

Я встал и осмотрелся. Сквозь распахнутую дверь, ведущую в микроскопическое сочетание гостиной-столовой-кухни, я разглядел бородатого человечка, схожего с тряпичной куклой. Человек спал на диване. Я постарался вспомнить, кто он такой.

— Ньютон Браун,— сказал я наконец.— Чокнутый изобретатель из бара Сэма.

Он открыл один глаз.

— Не ори на меня,— пожаловался он.

— Я же шепотом.

— А похоже было, что орешь.

Он открыл другой глаз.

— Кто ты такой?

Но я сначала отправился на кухню, открыл кран и подождал, когда пойдет холодная вода, чтобы напиться. Затем сунул голову в раковину и стоял так, пока не замерз.

— Великолепно, — простонал я.

Потом я вытерся насухо и сказал:

— Меня зовут Ларри Маршалл. Прошлым вечером мы встретились у Сэма и пили Джека Потрошителя. Как сюда пришли — не помню. А почему у моей кровати стоит проигрыватель?

— Проигрыватель?

С похмелья он казался еще ничтожнее, чем раньше.

— На столике у моей кровати.

Он покосился на меня и почесал бакенбарды. Жизнь меркла в его глазах. Наконец он произнес:

— Похоже, что это мой суперцереброграф.

Я щелкнул пальцами.

— Теперь вспомнил! Я сказал тебе, что хочу смотаться из газеты, и ты ответил, что можешь за одну ночь научить меня чему-нибудь путному. И ни черта не вышло. Интересно, куда я засунул аспирин?

Он опустил ножки с дивана и попытался принять вертикальное положение.

— Из чего ни черта не вышло? — спросил он. — Если найдешь аспирин, дай мне две таблетки.

— Из этой супердуперштуки. Думаешь, аспирин нам поможет? Ничему меня твой супердупер не научил.

— Послушай, давай говорить обо всем по порядку, — попросил он. — Голова у меня раскалывается, и я не уверен, что только из-за похмелья. А ты почему знаешь, что ни черта не вышло?

— А чему он меня научил? Какой я был вчера, таким и остался.

Аспирин нашелся в кухонном шкафу. Я взял три таблетки, налил в стакан холодной воды и запил их.

— Разве что голова стала трещать.

Я передал ему бутылочку с таблетками.

Наевшись аспирина, он сказал:

— Сейчас возьмем пластинки и посмотрим, чему ты научился.

Он передвигался осторожно, одной рукой цепляясь за стенку и другой поддерживая голову.

Я слышал, как он колдует с машиной. Затем через несколько секунд раздался грандиозный грохот.

Он вполз обратно в гостиную и признался:

— Я их разбил.

Я сел на освобожденный им диван.

— А я-то думаю, почему такой шум? — язвительно сказал я и постарался сфокусировать глаза на ручных часах.

— Черт возьми, пора на работу! Редактор мне голову оторвет.

Он со стоном опустился на стул.

— И не мечтай об этом, — сказал он. — У тебя теперь новая профессия.

— Да? — рявкнул я. — Но пока я не узнаю, что это за профессия, не лучше ли мне зарабатывать на кусок хлеба с маслом старым способом?

Ньютон Браун покачал головой.

— Боюсь, ничего из этого не выйдет. Разве я тебя не предупредил, что мой суперцереброграф не только подготавливает тебя к новой профессии, но и заодно ликвидирует ненужную память о старой? Проще простого. Зачем забивать голову лишними сведениями?

Я выпучил глаза.

— Ты что, спятил? И у тебя хватает наглости заявить, что я забыл свое ремесло газетчика только потому, что ты подключил к моему уху свои паршивые пластинки?

Он откинулся на спинку стула и зажмурился.

— Умоляю, не ори. Попробуй напечатать что-нибудь на машинке.

Злой как черт, я подошел к моему старенькому ундер-

буду, стоявшему на столе. Я сел за машинку и неверными пальцами потянулся к клавишам. Посмотрел на клавиши, убрал пальцы и протянул снова.

— Когда печатают на машинке, сначала закладывают в нее бумагу, — раздался за спиной голос Ньютона. — Совершенно очевидно, что, какой бы ни была твоя новая профессия, умения печатать на машинке она не требует.

Я подпрыгнул на стуле. До меня наконец дошло, в какое положение я попал.

— Ты хочешь... ты хочешь сказать, что твоя идиотская затея в самом деле удалась? Что ты вышиб у меня из головы все, что я знал о журналистике? Что я теперь даже на машинке печатать разучился?

— Проще простого. Ты же этого хотел. И отныне ты эксперт совсем в иной области.

— Но в какой? — взмолился я. — Я не знаю ничего, о чем не знал бы раньше.

В отчаянии я пробрался на кухню, открыл ящик, в котором держу инструменты, достал оттуда молоток и несколько гвоздей. Я принялся забивать гвоздь в оконную раму. Ньютон Браун подмигнул мне, когда я в третий раз подряд не попал по шляпке гвоздя, и печально покачал головой.

— Нет, ты ведь и не хотел становиться плотником.

Я хватил молотком по пальцу и бросился в ванную. Вторую неделю там протекала труба. Я устался на трубу.

Пустой номер. Я не имел ни малейшего представления о том, как ее починить.

— Водопроводчик из меня не получится! — воскликнул я в отчаянии, вернулся на кухню, схватил сковородку и достал из холодильника два яйца. Когда я разбил яйца, оба желтка разлились.

Ньютон Браун наблюдал за мной с интересом.

— Сомневаюсь, чтобы из тебя вышел повар,— сказал он.— К тому же ты забыл положить масло на сковороду. Схватив карандаш и лист бумаги, я принялся рисовать.

Он заглянул мне через плечо.

— Нет, не художник,— сказал он.— Проще простого, мы решили художника из тебя не делать.

Я сказал уже без всякой надежды:

— Может, я современный художник? Абстракционист?

Он почесал бородку, снова заглянул мне через плечо и содрогнулся:

— Нет,— сказал он.— Это даже не абстракция.

В отчаянии я бросил карандаш.

— Ничего не выйдет. Потребуется месяц, чтобы перебрать все возможные профессии.

Ньют согласился со мной.

— Может, и больше. Я не записывал, какие профессии освоены проигрывателем, а их было множество. Придется изобрести какой-нибудь метод определения твоей профессии. Погоди-ка, ведь ты хотел научиться чему-то уникальному. Может, из тебя вышел эксперт по плетению лыка?

— А может быть, я дегустатор вин? — спросил я с надеждой.

Он, глубоко задумавшись, закрыл глаза.

— Где-то здесь лежит ключ к разгадке. О чем мы говорили вчера вечером?

Я щелкнул пальцами.

— Мы говорили о твоём напитке. Может, мы решили сделать меня барменом?

Он спросил:

— Как приготовить Красную Мэри?

— Ты что, хочешь, чтобы Маккарти начал за мной охотиться? Я обращаю внимание только на стопроцентных американоков.

Он помотал головой.

— Нет, ты не бармен. О чем мы еще говорили?

Я прижал ладони к пульсирующим вискам.

— Мы обо всем говорили. О сухой воде и легкой воде. О всех водах, кроме черной.

Несмотря на похмелье, он заинтересовался.

— Черная вода, — сказал он... — Ее очевидные преимущества, надо думать, ускользнули от моего внимания.

— Возможно, она пригодится тем, кому все равно, чем мыться, — разозлился я.

— Умоляю, — сказал он. — Ты забыл о моей головной боли. Когда же начнет действовать аспирин? О чем мы еще говорили? Именно здесь должен лежать ключ к тайне.

— Давай примем еще по две таблетки, — предложил я. — Мы говорили о том, как все твои изобретения попадают под сукно, о том, что Колумб орудовал в портняжной мастерской, о Международном союзе историков и еще о ком-то, кто запретил твою машину времени. И...

— Ой-ой-ой, — произнес он, избегая смотреть мне в глаза. — Давай в самом деле примем еще по две таблетки аспирина. У меня предчувствие...

Он не закончил фразы.

— Что с тобой? — рявкнул я.

— Машина времени, — сказал он. — Тебе хотелось овладеть какой-нибудь уникальной профессией.

Я понял, что он сейчас скажет.

— О нет, не надо, — сказал я.

От автора:

*Если только мне удастся удержать этого парня от внешних контактов и скрыть его от Вилли Ли **

* Вилли Ли — известный американский популяризатор науки, автор книг по футурологии. — *Прим. перев.*

или Артура Кларка, считайте, что я — самый удачливый человек на свете. Я уже говорил, что после встречи с этим парнем мои рассказы отличаются особой правдивостью. Я единственный из писателей-фантастов, кто может похвастаться знакомством с человеком, который специализируется по ремонту машин времени.

Мак Рейнольдс

ЧЕЛОВЕК-ОБЛАКО

Кто может поручиться, что Джереми Спэлдинг исчез навсегда? Это произошло лишь вчера, и город до сих пор содрогается от ужаса. В полдень Джереми Спэлдинг собрал в своей лаборатории, раскинувшейся на зеленых холмах, всех самых видных научных экспертов. С быстротой молнии город облетела весть: Джереми Спэлдинг сумел преодолеть силу тяжести.

Ну разве это не чудо? Вы можете одним пальцем поднять гору! Ведь без действия силы тяжести любая вещь становится невесомой. Тогда можно одним прыжком оторваться от Земли и помчаться к звездам.

Однако вернемся к Джереми Спэлдингу. Невероятно взлохмаченный, в традиционном белом халате, он сидел в своей просторной лаборатории. Очки его, подвязанные веревочкой, болтались там, где положено быть галстуку.

Джереми Спэлдинг был любимым учеником знаменитого Буркхарда Гейма, но ему повезло куда больше, чем его учителю. Опыты по улавливанию малоизученных «контрадинамических полей» он сумел довести до счастливого конца.

Джереми Спэлдинг провел экспертов в большой внутренний двор, посреди которого стояла металлическая ловушка с мощной установкой неправильной цилиндрической формы. На ней можно было разглядеть квадранты, индикаторы, рычаги; на панелях беспрестанно мигали разноцветные сигнальные лампочки. Из чрева установки к стене лаборатории тянулся электрический кабель толщиной в кулак.

— Вот ловушка, с помощью которой я смогу нейтрализовать гравитационное поле Земли, — торжественно

провозгласил Джереми Спэлдинг, театральным жестом указав на установку. Затем с изрядной долей патетики он произнес «историческую» фразу:

— Сбывается многовековая мечта Икара!

Само собой разумеется, заявлению маститого ученого никто не поверил. Большая часть собравшихся встретила его слова пронической улыбкой. Ведь почти все научные эксперты — закоренелые скептики. Но Джереми Спэлдинг ничего не заметил. Впрочем, он был чрезвычайно возбужден, так что этому не приходится удивляться. Он решительно вошел в металлическую ловушку, принял наполеоновскую позу и сказал эксперту, который стоял к нему ближе всех:

— Нажмите на седьмой рычаг, а когда закрепленный внизу квадрант покажет максимум, нажимайте на десятый рычаг!

Под насмешливыми взглядами коллег «счастливец» сделал то, что приказал ему Джереми Спэлдинг.

Ничего не произошло. Вернее, всем показалось, что ничего не произошло. Но вдруг эксперт из популярного еженедельника «Техника в повседневной жизни» Смадерс, обычно не теряющий хладнокровия ни при каких обстоятельствах, громко вскрикнул. Спустя мгновение все эксперты побелели от ужаса и, потеряв дар речи, следили за происходящим.

Нет, Джереми Спэлдинг не взлетел ввысь, он по-прежнему стоял в ловушке с торжествующей улыбкой на застывшем лице. Вот только... он стал увеличиваться в размерах. С каждой секундой он становился все выше и толще... Вскоре ловушка стала для него слишком тесной, он ширился, рос, и наконец ловушка совсем исчезла в нем, он словно проглотил ее, как глотают пиво. Через пять ми-

нут Джереми Спэлдинг возвышался над остальными метров на двадцать. Смадерс вскрикнул опять и от неожиданности метнул в Спэлдинга свой «Кодак». Но фотоаппарат прошел Спэлдинга насквозь и вонзился в стену, причем Спэлдинг даже не пошевелинулся.

Это было уже слишком. Мы бросились в лабораторию и, натыкаясь друг на друга и на какие-то аппараты, подгоняемые страхом, помчались через все помещения, пока наконец не выбежали на дорогу, ведущую в город. Мы инстинктивно старались держаться поближе друг к другу и на бегу то и дело оборачивались, словно за нами гналось чудовище исполинских размеров.

Джереми Спэлдинг и в самом деле стал напоминать фантастическое чудовище. На фоне бледно-голубого неба в лучах заходящего солнца он был похож на гигантскую статую командора. Вид его был ужасен, но на его лице по-прежнему застыла улыбка, от которой нам хотелось завыть в полный голос.

— Что с ним? Что же случилось? — в полнейшей растерянности спрашивали мы друг у друга, но, конечно, не находили ответа.

Тем временем Джереми Спэлдинг становился все больше и больше, теперь он нависал над городом. В лучах закатного солнца очертания фигуры маститого ученого, вначале четкие и ясные, постепенно начали расплываться и бледнеть. А когда на землю опустился вечер, Джереми Спэлдинг вознесся к самому небу, словно фосфоресцирующая розовато-багряная колонна, все с той же торжествующей улыбкой на застывшем лице — с улыбкой человека, переживающего величайший триумф своей жизни.

Наступила ночь, и с нею прилетел ветер. И тут фантазмагорическая картина приобрела еще более зловещие очертания. Джереми Спэлдинг начал дезинтегрироваться. Исчезли руки и ноги, затем грудь. Но когда обезумевшие

жители города отважились взглянуть на небо, где все еще висела огромная фосфоресцирующая голова, Джереми Спэлдинг — совсем уж невероятно! — по-прежнему отвечал им торжествующей улыбкой.

Джереми Спэлдинг исчез, растворился в пространстве. Но почему же это произошло?

Всю ночь сотрудники и ассистенты Спэлдинга изучали его бумаги, многочисленные заметки и чертежи, и вот к какому выводу они пришли.

Джереми Спэлдингу действительно удалось создать антигравитацию. Но когда на тело больше не действует сила притяжения, то одновременно перестает действовать и сила сцепления молекул, и человек превращается в газовое облако. То же случилось и с Джереми Спэлдингом: он рос и ширился до тех пор, пока не превратился в газовое облако, пока ночной ветер не развеял его молекулы.

Не знаю, захочет ли кто-нибудь еще использовать силы антигравитации. Но если такой безумец найдется, то пусть он помнит, что может превратиться в легкое пушистое облачко. Впрочем, подобная перспектива не остановила Джереми Спэлдинга и вряд ли остановит других любителей антигравитации, у которых есть своя лаборатория.

НЕОБХОДИМОСТЬ — МАТЬ ИЗОБРЕТЕНИЯ

Человек умеет приспособливаться — он способен признать неизбежность фактов, даже таких неприятных, как смерть.

Человек упрям — даже признав неизбежность неприятных фактов, он отказывается согласиться с тем, что их нельзя изменить.

Человек может проявить необыкновенную изобретательность, чтобы изменить нежелательные факты.

«Разновидности галактических культур» ангареанского философа Б. Рал Гетана

Когда «Стар Скаут» вышел из гиперпространства на окраине скопления Тысячи Солнц, его скорость была много меньше световой. Впереди, чуть ниже, виднелась последняя звезда скопления — двойная система, состоявшая из желтого карлика и бело-голубого гиганта. Приборы нацупали сверкающую точку — в четырехстах миллионах миль от бело-голубого солнца, — определили новое направление, и «Стар Скаут» опять исчез в гиперпространстве.

Но вот он снова вышел в обычный космос, и точка превратилась в планету, которая сверкала вдаль, как огромный драгоценный камень на темной вуали. Проходили часы, и планета увеличивалась, заполняя весь экран. Сквозь опаловую дымку уже можно было с трудом различить массивы суши и небольшие моря.

Блейк начал торможение. За его спиной четверо мужчин напряженно вглядывались в экран. Медленно пополь-

ли стрелки — это анализатор зачеркнул первые пробы разреженного воздуха. Несколько минут спустя стрелки опять вернулись на место.

— Пригоден для дыхания, — с трудом выговорил седовласый Тейлор.

— Углекислого газа меньше, чем на Земле, — заметил Уилфред. Молодой, невысокий, широкоплечий, он переносил торможение легче, чем его бывший декан. — Не понимаю, почему спектроскоп показывал такую невероятную концентрацию углерода?

— По-видимому, углерод содержится в коре планеты, а не только в ее атмосфере, — сказал Тейлор.

— Держитесь, — прервал его Блейк, не отрывая глаз от приборов. — Я еще раз буду тормозить.

Их вдавило глубже в кресла, и все молча смотрели, как на экране вырастал континент, изрезанный неясными складками. Потом эти складки превратились в цепи гор. Блейк всмотрелся в полупрозрачный белый кружок в центре экрана, указывавший точку приземления, и понял, что посадка произойдет на западном склоне горного хребта. Он решил не менять курса — все в этом мире было одинаково неизвестно.

На экране появилась зеленая лента реки, окаймленной деревьями. Место, накрытое полупрозрачным кружком, превратилось в небольшую заболоченную дельту. Дельта надвигалась на них все медленней, медленней, и вот белый кружок накрыл свободную от деревьев площадку, словно бы усеянную чем-то вроде блестящего песка.

«Стар Скаут» повис метрах в трех над землей, от ударов дюз вихрем взметнулись тяжелые тучи блестящего песка. Потом корабль пошел вниз, поддерживаемый тягой, и, чуть накренившись, коснулся поверхности. Широкий хвостовой стабилизатор уперся в песок, и Блейк выключил двигатели.

— Приехали, — коротко сказал он.

Остальные уже нетерпеливо всматривались в показания приборов. Блейк с интересом наблюдал за своими спутниками. Ни один из них прежде не покидал Земли, и теперь они были возбуждены, как дети, получившие новую игрушку. Самым пылким энтузиастом оказался Тейлор, который всю жизнь провел в стенах института. Когда-то он признался Блейку: «При всем моем уважении к этим каменным стенам, увитым плющом, должен сказать, что и они могут стать тюрьмой. Прежде чем я состарюсь, мне хотелось бы увидеть немного: космос, далекие звезды и необычные миры». Ближе всех к Блейку стоял Ленсон — худощавый, высокий, на голову выше юного розовощекого Уилфреда. Это был приятный человек со спокойной улыбкой, который терпеливо, с пониманием относился к чужим слабостям.

Лица всех троих были отмечены печатью интеллекта; Кук среди них выделялся, как черная овца среди белых. Блейк знал, что Кук не менее интеллектуален, чем любой из них; подобно всем остальным, он был выбран именно потому, что его знания и способности были гораздо выше средних. Но внешность у него была далеко не интеллектуальная: смуглое, с тяжелой челюстью лицо, перебитый нос, горящие черные глаза. Глядя на него, Блейк часто думал: он не похож на них, ему бы жить на Земле лет триста назад да стоять на борту пиратского корабля с саблей в руках.

Внешне Кук казался человеком решительным и даже жестоким. На деле же он ограничивался тем, что добродушно посмеивался над окружающим, да и вообще над жизнью.

— Судя по всем важнейшим параметрам, эта планета — земного типа, — заметил Тейлор. — Притяжение, тем-

пература, состав воздуха... Никаких вредных бактерий — нам удивительно повезло!

— Шанс найти такую планету у нас был один на несколько тысяч, не правда ли, Рэд? — спросил Ленсен, поворачиваясь к Блейку.

Блейк кивнул.

— Прямо скажем, на много тысяч! Ведь эта звезда не принадлежит к классу G. Тейлор прав, нам здорово повезло: мы с первого раза вытянули счастливый билет.

— Так давайте выйдем и рассмотрим нашу находку поближе, — нетерпеливо сказал Кук. — Воздухом подышим, пробежимся по песочку — в кой-то веки.

По долголетней привычке Блейк взглянул на показания приборов. Температура в двигательном отсеке подошла к красной черте. Она быстро повышалась, и Блейк повернул рукоятку с надписью «НАРУЖНАЯ ВЕНТИЛЯЦИЯ». Этим поворотом он открывал иллюминаторы в двигательном отсеке и включал вентилятор, чтобы гнать мощные струи прохладного воздуха в нагретшееся сверху помещение.

— Двигательный отсек здорово нагрелся во время торжества, — пояснил он, направляясь вслед за остальными к лифту.

Они заглянули в кабины только для того, чтобы захватить оружие.

— Никогда не угадаешь, с чем можешь встретиться на незнакомой планете, — пояснил Блейк, входя в лифт. — Признаков разумной жизни тут вроде бы нет, но могут быть животные. Эти твари порой не желают ждать, пока вы за ними погонитесь, а, набравшись духу, сами начинают гнаться за вами.

Они вышли через нижний шлюз и спустились по кормовому трапу вниз. Облако пыли все еще окутывало корабль.

— Вентилятор гонит внутрь всю эту пылищу, — заметил Блейк, чихая. — Я и не думал, что она такая густая. Хорошо хоть двигательный отсек заперт и пыль не набьется в другие помещения.

Они отошли от корабля. Впереди виднелся вход в ущелье, а вершины скал тонули в радужной дымке. Песок и скалы, редкие деревья и колючий кустарник — все это напоминало земные полупустыни. Некоторые кусты были покрыты удивительно красивыми цветами, от нежно-розовых до ярко-пунцовых.

— Надо бы дать ему имя... этому миру, — сказал Тейлор. — Как мы его назовем?

— Аврора, — тотчас ответил Ленсон.

— Хорошее название, — согласился Тейлор. Он посмотрел в сторону ручья, который протекал в десятках метров и почти скрывался под густо разросшимися на берегах деревьями. — Давайте возьмем пробу воды на анализ.

Они двинулись в сторону реки, то и дело оглядываясь на возвышавшийся корпус корабля. «Люди всегда так поступают, когда высаживаются на незнакомой планете, — подумал Блейк. — Они выходят из шлюза, настороженно высматривая возможную опасность, и никогда не забывают оглянуться, словно желая проверить, не исчезла ли громоздкая махина их корабля. И это совершенно естественно: когда человек вступает в незнакомый мир, он остается один, и единственная его связь с другими людьми и мирами — это корабль. Без корабля люди во враждебном незнакомом мире были бы почти беспомощны; с кораблем они становятся непобедимыми».

— Даже цветы, — воскликнул Кук, когда они приблизились к деревьям на берегу ручья. — Красные, желтые, пунцовые цветы, зеленые деревья и хороший воздух — что еще нужно колонистам?

Блейк со все возрастающим любопытством рассматривал сверкающий песок и гальку. Отдельные камни были величиной с яйцо. Они совсем не походили на кварц. Блейк поцарапал один такой камень кончиком ножа: отметины не осталось. Камень светился изнутри, словно живой, а его строение, насколько можно было судить по закругленным, неровным краям, ничуть не напоминало строение кварца. Немного дальше Блейку попался другой кристалл, рдевший густым рубиновым цветом. Он задержался, чтобы поднять его, и в это время услышал возбужденный крик Ленсона, который вместе с остальными уже дошел до берега ручья: «Посмотрите, что это!»

«Это» был кристалл густого рубинового цвета диаметром не меньше фута. Он лежал на самом берегу мутного опалового потока. Берег был усеян кристаллами поменьше — желто-голубыми, желтыми, красными, голубыми, зелеными. Преобладали светло-голубые. Песок и галька в устье ручья, казалось, состояли сплошь из этих сверкающих минералов.

— Вам когда-нибудь доводилось встречать такие залежи кристаллов? — спросил Ленсон. — И таких разных по цвету? Вы только взгляните на этот — прямо настоящий рубин!

Блейк не расслышал ответа. Мысль, возникшая еще раньше — когда он рассматривал поднятый камень, — неожиданно перестала казаться фантастичной. Все сходилось: отсутствие других минералов, «ошибочный» спектральный анализ, который показал, что планета содержит невероятно высокий процент углерода, большой показатель преломления этих кристаллов.

Это можно было проверить очень быстро.

— Дай-ка мне твое кольцо, — обратился он к Уилфреду.

Уилфред снял кольцо с крохотным бриллиантом и про-

ткнул Блейку, недоуменно глядя на него. Блейк провел бриллиантом по камню, лежавшему у него на ладони. На камне не осталось никакого следа. Он взял другие камни, еще и еще. Но, как бы сильно он ни давил, ни на одном из камней ему не удалось сделать хотя бы малейшей царапины.

— Спектроскоп не ошибся, — сказал он. — Я не понимаю, как это может быть, но это факт.

— Что именно? — спросил Уилфред.

— Это углерод, а все эти кристаллы — алмазы!

Они недоверчиво уставились на него.

— Невозможно, — запротестовал Уилфред.

— С чего это ты взял? — спросил Ленсон. — Ты совершенно уверен?

— Бриллиант не оставляет на них царапин, — сказал Блейк. — Единственный минерал, на котором алмаз не оставляет царапин, — это алмаз.

— Настоящие алмазы? — Тейлор поднял ярко-голубой кристалл. — Но они же разного цвета! Неужели все эти камни — алмазы?

— Все, независимо от размера, — объяснил Блейк. — Кремнезем мягче и быстро измельчается в песок. Все, что не истирается, что сохраняет кристаллическую форму, — это наверняка алмазы.

— Ну и ну! — буркнул Кук и покачал головой. — Приятно услышать, но все-таки трудно поверить. Такое везение просто невероятно.

— Действительно невероятно, — согласился Блейк. — Такое случается...

Его голос потонул в громовом реве. Блейк вместе с остальными круто повернулся к кораблю; на лицах всех отразилось явное замешательство. Одна и та же мысль одновременно мелькнула у каждого: все пятеро здесь — никто не остался в корабле!

Вдруг над вершинами окружающих деревьев показался корабль.

Желто-синий язык пламени хлестал через дыру, образовавшуюся в корме, потом пламя исчезло, и на мгновение корабль замер; огромное металлическое чудовище повисло без движения, словно воткнувшись в туманное небо.

В следующее мгновение его нос опустился, хвост задрался кверху и он рухнул вниз.

Он падал в горизонтальном положении, за деревьями не видно было, как он упал, но слышен был оглушительный и жуткий звук падения: скрежет раздираемого металла и тяжелый, потрясший почву удар.

Блейк бросился вслед за остальными к кораблю. Он смутно слышал, как кто-то крикнул: «Что это?», потом пробился через скрывавшие корабль кусты и деревья и замер как вкопанный, до глубины души потрясенный необыкновенным зрелищем, которое предстало перед его глазами.

«Стар Скаут» переломился пополам.

Тейлор, бледный, ошеломленный, остановился рядом с Блейком.

— Что... что это? — пробормотал кто-то. — Что случилось... как это только могло случиться? Совершенно ничего не понимаю.

— Взорвался конвертер, — сказал Блейк, чувствуя, что губы у него одеревенели. — Это моя ошибка... Я должен был сообразить...

— Что ты имеешь в виду? — спросил Кук.

— Я оставил вентилятор включенным. В воздухе было полным-полно пыли, которую мы подняли во время посадки, и это была алмазная пыль!

— Ох, — Кук уставился на Блейка. — Так вот в чем

дело! И как это я сразу не сообразил! Алмазная пыль... углерод... катализатор!

— Но почему? — спросил Тейлор. — Каким образом алмазная пыль попала в конвертер?

— Не знаю. — Блейк пожал плечами. — Может, механики, проверявшие корабль, забыли затянуть болты на крышке? Может, болты сдали в полете. Так или иначе, а это случилось: в отверстие набилось столько пыли, что был превзойден критический уровень — и конвертер взорвался. Прежде чем включать вентилятор, мне следовало проверить...

Они пошли вдоль корабля.

— Ситуация выглядит безнадежной, — заметил Кук. — Наш корабль напоминает мне переспелый арбуз, который неудачно уронили. Мало того, что он разломился на две части, вдобавок ко всему прочему он как будто расплюснулся.

Они миновали корму, где по обводу рваной дыры все еще багровел расплавленный металл, и Блейк двинулся к глубокой воронке — к тому месту, где прежде стоял корабль.

— Взрыв был направленным, — сказал он. — Иначе бы разворотило всю корму.

— Не такая уж большая дыра, — заметил Кук, к которому вернулся его обычный оптимизм. — Мы вполне могли бы ее залатать. Хотя тогда у нас была бы только половина корабля, и вдобавок без конвертера... — мрачно добавил он.

Они проникли внутрь, продираясь через покореженную сталь. В шахту лифта, превратившуюся теперь в горизонтальный коридор, приходилось пробираться сквозь разор-

ванный, погнутый металл. Остановившись у шахты, Блейк сказал Тейлору:

— Я хотел бы заглянуть в машинное отделение и ремонтную мастерскую. Что если мы с Куком попробуем туда, а ты с остальными тем временем обследуешь, каковы повреждения на носу?

— Как скажешь, Рэд,— согласился Тейлор.— По-моему, мы все равно не найдем ничего, кроме обломков...

— Сейчас я раздобуду вам фонари,— сказал Блейк.

Он пробрался вдоль шахты лифта к складу. Дверь в отсек открылась с большим трудом, внутри царил полнейший разгром и хаос. Под массой самых разнообразных припасов, инструментов и разбитых контейнеров он отыскал ящик, в котором хранились запасные принадлежности, и взял оттуда пять фонарей. Потом Блейк вернулся к разлому и отдал три фонаря группе Тейлора. Тейлор повел своих людей в переднюю часть корабля, а Кук пошел туда, где стоял Блейк.

— Как оно выглядит, место, где ты был? — спросил Кук.

— Я бы не сказал, что там идеальный порядок,— ответил Блейк, направляясь в сторону машинного отделения.

Он поочередно освещал фонариком темные углы помещения, пока не нашел, наконец, того, что искал.

— Видишь ту квадратную железную штуковину? — спросил он.— Это и есть крышка. Должно быть, они забыли закрепить болты.

Блейк медленно водил лучом по двигателю.

— Ну, что там? — спросил Кук.

— Взрывная волна прошла стороной, простой удар такой махине нипочем. Это лучше, чем можно было ожидать,— теперь нам достаточно восстановить камеры сго-

рания, и у нас снова будет тяга... Если, конечно, удастся найти уран,— добавил Блейк.

— А что тогда? Не слишком ли мы состаримся к тому времени, когда доберемся домой? Тридцать тысяч лет полета в обычном космосе...

— Я не знаю ни одного аванпоста цивилизации, до которого можно добраться быстрее чем за двести лет,— ответил Блейк,— а это, пожалуй, слишком далеко. Но чтобы добраться куда-нибудь в гиперпространстве, обязательно нужна тяга.

— Пусть мы даже починим двигатель и поднимемся, но как мы войдем в гиперпространство, не имея конвертера? — спросил Кук.

— В этом-то весь вопрос, и я пока не знаю ответа. Просто я начал с самого начала. Если мы найдем уран — а мы наверняка его найдем,— то, вероятно, разрешим все проблемы...

Он снова осветил фонариком генератор, который снабжал корабль электроэнергией. Пол стал теперь вертикальным, и генератор висел всего на двух крепежных болтах, но казался неповрежденным.

— Вот наша энергия — нужно только придумать, как ее накапливать,— сказал Блейк.— Если бы изобрести что-то вроде идеального конденсатора с громадной емкостью... Тогда можно было бы накопить достаточно энергии, чтобы дать на блоки переключения такой разряд, который перебросил бы нас в гиперпространство. Так или иначе, что бы мы ни решили, нам понадобится этот генератор. Нам будет нужна электроэнергия для токарного станка — если только он не разбит вдребезги — и для сварки, и, может быть, даже для выплавки металла в какой-нибудь электроплавильной печи...

— А как же мы запустим генератор? — спросил Кук.

— Это можно сделать,— ответил Блейк.— Был бы

только токарный станок, чтобы выточить необходимые детали...

Он вышел из машинного отделения, и Кук последовал за ним в мастерскую. Как и во всех других отсеках, дверь здесь находилась теперь в горизонтальном положении, но мастерская была меньше машинного отделения, и прыгать пришлось всего лишь с шестифутовой высоты. Блейк испытал громадное облегчение, обнаружив, что токарный станок по-прежнему надежно привинчен к вставшему вертикально полу. Остальное оборудование громоздилось беспорядочной грудой на горизонтальной стене, и некоторое время Блейк и Кук с любопытством рассматривали его.

— Кстати, здесь не так уж много сломанного, — сказал Кук. — Стальные инструменты, видимо, неплохо переносят такое сальто-мортале. Если бы передатчик был такой же прочный...

— Надо взглянуть на вездеход, — предложил Блейк. — Если передатчик нельзя будет починить, нам волей-неволей придется искать уран, а такие огромные пространства невозможно исследовать пешком.

И снова им повезло. Маленький вездеход был цел и невредим, если не считать помятого крыла.

— На этом кончаются важные открытия в нашей части корабля, — сказал Блейк. — Пошли посмотрим, насколько повезло остальным.

По сломанной шахте лифта как раз спускался Уилфред, нагружившись продуктами и кухонной утварью.

— Похоже, что придется на некоторое время разбить лагерь снаружи, — пояснил он. — Жить в корабле, когда на полу по колено обломков, а из дверей нужно прыгать вниз на два-три метра, — это, пожалуй, немного неудобно.

— Придется пробить коридор вдоль днища, — сказал Блейк. — Перекладины можно не трогать, достаточно пробить прежнее покрытие.

— Как там дела? — спросил Кук. — Что с передатчиком?

— Послать SOS невозможно, — решительно ответил Уилфред. — Передатчик разбит вдребезги.

— Этого я и боялся, — сказал Блейк. — Не надо ли помочь остальным тащить груз?

— Они наверняка не откажутся от помощи, — ответил Уилфред, спускаясь со своей ношей.

Они перебрались через разлом и встретили Тейлора и Ленсона, которые тащили спальные мешки и прочие вещи. Вчетвером они вынесли груз на чистое песчаное место недалеко от большого дерева, под которым Уилфред устроил «кухню».

Блейк бросил свою ношу вниз и повернулся к Тейлору.

— Итак, передатчик разбит?

— Да, конечный каскад уничтожен, — ответил Тейлор. — Задающий каскад в общем уцелел, и его можно было бы восстановить, да только...

— Что только?

— В обычном пространстве он имеет радиус действия около миллиарда миль — примерно половина расстояния до желтого спутника здешнего Солнца. Это ничего не дает... Что у вас?

— Блоки переключения, кажется, не повреждены. Но так уж трудно переделать камеры сгорания, чтобы поднять корабль на урановом топливе, — ответил Блейк. — Нам во что бы то ни стало нужно поднять корабль, если мы хотим прыгнуть в гиперпространство. Если мы найдем уран, останется решить только одну серьезную проблему — и она действительно серьезная: как накопить достаточно энергии, чтобы активизировать блоки переключения. Я вполне допускаю, что придется, быть может, даже построить новый конвертер. Я не гарантирую, что мы добьемся успеха, потребуются годы работы и просто везение; но это все-

таки лучше, чем ничего. По крайней мере мы будем пытаться.

Он оглянулся в сторону ближайшего каньона.

— В общем нам необходим уран независимо от того, что мы предпримем. Я, пожалуй, немного пройдуся, пока тут Уилфред сообразит насчет еды. Хочу посмотреть, как выглядят здешние формации, насколько они обнадеживают.

— А после еды обсудим наши планы, — сказал Тейлор.

Блейк выбрался на берег реки, покрытый камнями и гравием, и начал осматриваться, то и дело ворча под нос. Каменные осыпи, вынесенные течением из каньона, были похожи на земные, но с одной существенной разницей: все породы здесь, будь то похожие на граниты, риолиты или андезиты, с большим содержанием кремнезема или с малым, содержали одинаково большой процент алмазнокристаллических включений. В крупнозернистых породах, напоминающих граниты, кристаллы алмаза были величиной с кончик мизинца, в мелкозернистых же породах алмазы присутствовали в виде крошечных вкраплений.

После еды люди чыскребли тарелки, употребив на это большое количество песка и гораздо меньшее количество воды, и Тейлор объявил дискуссию открытой.

— Мне кажется, — сказал Блейк, — у нас есть только два пути: послать в гиперпространство либо сам корабль, либо сигнал бедствия. Для отправки сигнала есть энергия, но нет гиперпространственного преобразователя, он поврежден. Блоки переброски корабля в гиперпространство уцелели, зато нет энергии, которая им необходима. Что будем делать: попытаемся соорудить ядерный конвертер и возвратиться на корабль или попробуем сделать преобразователь и послать SOS?

— Нужен не только преобразователь сигнала, — возразил Тейлор. — Необходимо сменить поврежденный каскад

передатчика. Один лишь задающий каскад даже в гиперпространстве будет иметь такой ограниченный радиус действия, что сигнал не достигнет и ближайшего аванпоста. Наши сигналы никогда не услышат, разве что какой-нибудь корабль случайно окажется в пределах этого ограниченного радиуса. А это может не произойти в течение всей нашей жизни.

— Ты думаешь, бесполезно пытаться сделать новый передатчик? — спросил Уилфред.

— Я уверен, что это выше наших возможностей, — ответил Тейлор.

— Средства для того, чтобы послать корабль в гиперпространство, у нас есть, — сказал Блейк. — Единственное, в чем мы нуждаемся, — это энергия. Мне кажется, метод накопления энергии придумать легче, чем создать точное электронное оборудование. В конце концов все, что нам нужно, — это огромная энергия на очень короткий период. Для обратного перехода в обычное пространство требуется лишь ничтожная часть этой энергии.

— Но если нет никакой надежды послать сигнал бедствия, то у нас нет и выбора, не так ли? — спросил Уилфред.

— Я думаю, можно с полной уверенностью сказать, что наши возможности послать сигнал бедствия равны нулю, — сказал Тейлор.

Никто не высказался против, поэтому Блейк продолжал:

— Если мы найдем уран, то перестроить камеры сгорания под новое топливо будет не так уж трудно. Больше всего времени уйдет, по-видимому, на то, чтобы сделать корабль или хотя бы кормовые отсеки герметичными. В любом случае вся эта затея безнадежна, пока мы не построим ядерный двигатель. Чтобы проскользнуть в гиперпространство, нужно прежде всего поднять корабль в кос-

мос, и нечего гадать, как мы сделаем второй шаг, до тех пор пока не знаем, как сделать первый.

Некоторое время все молчали, потом заговорил Тейлор:

— Итак, я считаю, мы пришли к соглашению по этому вопросу. Теперь важно другое — можем ли мы найти уран? — Он посмотрел на Блейка. — Как ты думаешь, есть такая возможность?

— Ничего не могу сказать, — ответил Блейк, — я пока еще слишком мало видел. В камнях, вынесенных ручьем из каньона, никаких признаков металлических руд я не заметил.

— Что же ты там нашел? — спросил Кук.

— Эти скальные формации похожи на земные, если не принимать в расчет наличия алмазов; содержание кремнезема почти нормальное. В таких формациях иногда находят урановую руду. Так что, вполне возможно, урановая руда, если мы ее вообще найдем, окажется по соседству с алмазами.

— Кроме того, — задумчиво сказал Тейлор, — нам понадобится кадмий.

— Сколько времени уйдет на это, как ты полагаешь? — спросил Ленсон.

Тейлор улыбнулся.

— В качестве оптимистического предположения я бы сказал: от одного до двух лет.

Уилфред кивнул в знак согласия.

— Я думаю, это срок почти точный — не меньше одного и не больше двух лет. Нам повезло, что у нас есть токарный станок и другие инструменты, вездеход для разведки местности, все горное оборудование, необходимое для добычи руды, если мы ее найдем.

— Прежде всего нужно устроиться с жильем, — сказал Тейлор, задирая брючину, чтобы потереть ушибленное и ободранное колено. — Карабкаться туда и обратно из этих

отсеков, как мы карабкались сегодня,— занятие не из приятных.

— Рэд предложил пробить коридор вдоль днища,— сказал Уилфред.— Это не займет много времени. Мы можем все перестроить. Да еще придется снять токарный станок со стены.

Через несколько минут первый солнечный закат на Авроре прервал их разговоры о предстоящих делах. За отдаленным хребтом не было видно солнца, но его последние лучи, словно рубиновые, изумрудные и золотистые копья, пересекали мерцающее радужное небо. Лучи блестели, дрожали, переливались бесконечно менявшимися цветами, пока не заструились через все небо, словно стяги какого-то волшебного небесного царства.

Когда краски стали блекнуть, Ленсон заговорил первым.

— Никогда в жизни не видел ничего подобного,— сказал он. В голосе его слышался почти благоговейный трепет.

— Я тоже,— откликнулся Кук, приваливаясь спиной к спальному мешку.— Совсем как рай, который описывала мне мать, пока не решила, что я все равно в него никогда не попаду.

— Все дело, видимо, в том, что несколько слоев воздушных течений перемещаются с различной скоростью и несут неодинаковое количество пыли и водяных паров,— предположил Уилфред.

— Г-м,— буркнул Кук.— Ты всегда такой рассудительный и практичный?

— Согласен, зрелище было внушительное, но ведь на самом деле вся эта красота объясняется вполне тривиально — именно так, как я сказал... Все эти изумительные закаты на планетах земного типа возникают благодаря водяным парам и загрязненности атмосферы.

— В таком случае, раз уж мы здесь застряли, будем благодарны за то, что здешняя атмосфера загрязнена: именно поэтому закаты здесь так великолепны,— сказал Ленсон.

Вечерняя заря постепенно угасала, и показалось созвездие Тысячи Солнц: скопление сверкающих точек, которое даже сквозь вуаль сияло так ярко, что по песку протянулись слабые тени.

— Надо будет вести наблюдения,— заметил Тейлор.— Я буду ежедневно наблюдать за солнцем и его спутником. Продолжительность дня здесь около двадцати четырех часов, но неизвестно, весна сейчас или лето. А может быть, у этой планеты ось не наклонена и нет смены времен года...

— Я думаю, сейчас весна,— сказал Блейк.— Вершины гор, те, что видны сквозь вуаль, покрыты снегом. Конечно, это не очень-то убедительное доказательство.

— Будем надеяться, что это весна,— сказал Тейлор.— Здешний год равен приблизительно шести земным, поэтому, если повезет, мы сможем выбраться отсюда до наступления зимы.

У них ушло пятнадцать дней на то, чтобы хоть немного приспособить корабль для жизни. Надо было прорубить коридор, приладить двери так, чтобы они не пропускали мелкую пыль, которую ветер поднимал по вечерам, оборудовать отстойными фильтрами резервуар для воды, отвинтить столы и стулья, которые нелепо торчали на стенах, спустить с корабля вездеход — всех дел и не перечислить.

На шестнадцатый день утром Блейк и Кук отправились в путь, предоставив остальным продолжать работу внутри корабля. Оставшиеся тоскливо смотрели им вслед.

— Каждый из них, наверное, предпочел бы пойти с

нами,— сказал Кук, шагая по песчаной равнине.— Мы оставили им всю тяжелую работу, а сами наслаждаемся свежим воздухом и новыми ландшафтами.

— Ты еще увидишь, какое это «наслаждение»,— сказал Блейк.— Ходьба тоже может стать тяжелой работой, если ею занимаешься целый день.

— А для чего у вас вездеход? — поинтересовался Кук.

— Чтобы перевозить наше хозяйство. Вездеходом мы будем пользоваться только в крайних случаях. Ботинки можно заменить, а вездеход нет. Алмазная пыль буквально съест все подшипники и трущиеся части.

Они спустились в узкое и глубокое ущелье и вышли на равнину. Утренний воздух был недвижим, и поднятая ими пыль висела вокруг густым, тускло переливающимся облаком, покрывала одежду и лица и неприятно поскрипывала.

Много дней они пробирались на восток, в сторону высокого плато. Оставляя вездеход на равнине, они спускались в ущелья, исследуя их одно за другим. В поисках урана они использовали переносные счетчики Гейгера, а образцы породы приносили к вездеходу, чтобы промыть песок в поисках частиц руды. Кирки и лопаты тупились удивительно быстро, даже на мягком грунте, а они так ничего и не находили.

Они добрались до восточного края хребта. На высоком открытом плато, откуда начиналась река, ночи были прохладными из-за ветров, которые дули с горных вершин. Здесь не было ничего, кроме голых гладких скал и неизменных алмазов, так что они повернули и направились обратно к северной части хребта.

Дважды они находили жилы железных руд и один раз напали на узкий пласт низкопробной медной руды,

но, казалось, горы были начисто лишены урана или свинцово-цинковой руды, которая могла бы содержать кадмий, так необходимый им.

Тейлор и Ленсон ждали их возле корабля. Ленсон смотрел с ожиданием и надеждой, а Тейлор — с каким-то тайным беспокойством.

— Ничего, — сказал Блейк. — Никаких признаков урана.

На лице Ленсона отразилось явное разочарование, но Тейлор, казалось, думал о чем-то другом.

— Где Уилфред? — спросил Блейк.

— Ушел рано утром на разведку. Ну, а как насчет других минералов? Нашли хоть что-нибудь?

— Узкий пласт свинцово-цинковой руды с ничтожным содержанием кадмия. Но я не думаю, что алмазная дрель возьмет эту породу.

— Вы тут успели сделать что-то еще? — спросил Блейк.

— Водяной насос, — ответил Ленсон. — Это же дурацкая трата времени и сил — таскать воду в ведрах. Мы взяли маленький насос, приспособили к нему мотор от буровой установки, сняли из системы воздушной циркуляции трубы, чтобы дотянуть до ручья, и запустили все это хозяйство. Наполнили всего один бак — потом полетели подшипники. Мы их заменили, а неделю спустя подшипники полетели снова. В последний раз мы уже работали со сточенным наполовину ротором, да и трансмиссия тоже была при последнем издыхании.

— А мотор?

— Там, где мы поставили насос, берег сухой, песчаный, и ветер все время поднимает облака пыли. Мотор совсем вышел из строя — ведь пыль-то алмазная!

— В общем теперь опять таскаете воду в ведрах? — спросил Кук. — А мы с Рэдом собираемся ходить пешком. Несладко здесь тем, кто привык полагаться на технику.

— Но как же все-таки насчет урана... — заговорил Тейлор с прежним беспокойством. — Что вы теперь предложите?

— Мы можем пройти пешком через пустыню к ближайшему горному кряжу и посмотреть, что там есть, — сказал Блейк. — Конечно, такое путешествие отнимет уйму времени, но ведь здесь у нас неистощимые запасы и времени и алмазов.

— Нет, — покачал головой Тейлор. — Как раз времени-то у нас и нет. Я до сих пор не говорил Ленсону и Уилфреду — решил дожидаться, когда мы соберемся впяттером и обсудим, что нам...

— Привет! — к ним быстрым шагом шел Уилфред. — Ну как, повезло вам?

— Ничуть, — ответил Блейк. — Ничего там не было.

— А что ты начал говорить о недостатке времени? — Ленсон пристально посмотрел на Тейлора.

— Я вел ежедневные наблюдения, — сказал Тейлор, — и рассчитал движение нашего солнца, его желтого спутника и скопления Тысячи Солнц. Сначала я думал, что желтый спутник движется вокруг нашего бело-голубого солнца. Потом у меня возникли подозрения, и я провел дополнительные наблюдения. Я обнаружил, что мы приближаемся к скоплению Тысячи Солнц со скоростью сто миль в секунду.

— Это ты и хотел нам сказать? — спросил Ленсон. — Ну и что? Ведь к тому времени, как наша блуждающая парочка достигнет скопления Тысячи Солнц, мы уже давным-давно покинем эту планету или смешаемся с ее пылью.

— Видимое перемещение желтой звезды полностью объясняется собственным движением нашей планеты,— сказал Тейлор.— Значит, на самом деле желтая звезда не движется. Значит, это не двойная звезда, а желтый спутник входит в скопление Тысячи Солнц...

— Ты хочешь сказать...— начал Блейк.

— Приблизительно через семь с половиной месяцев бело-голубое солнце столкнется с желтой звездой!

— А где же в этот момент будет находиться наша планета?

— Мы будем на четыреста миллионов миль впереди звезды — это радиус нашей орбиты — и врежемся в желтую звезду первыми...

Долговязый Ленсон и глазом не моргнул, а на лице Уилфреда появилось упрямое выражение, словно он сразу решил, что не согласен примириться с такой судьбой. Кук прислонился к вездеходу, его черные глаза оцупывали всех одного за другим.

— К тому времени мы должны быть уже в космосе,— сказал Тейлор.— Это наш единственный шанс на спасение.

— Согласен,— поддержал его Блейк.— Если мы найдем достаточно богатую руду, может, нам и удастся выбраться отсюда за шесть месяцев... Только руда должна быть очень богатой. Невероятно, чтобы мы нашли такую руду... и все-таки это не исключено. Первым делом нам нужно обследовать горы, и как можно быстрее.

— Ты говоришь «невероятно», но в то же время «не исключено»,— сказал Тейлор.— Насколько же это невероятно?

— Если все остальные хребты похожи на этот, тогда наши шансы ничтожны. По-моему, нам нужно разделиться на две партии, чтобы сэкономить время. У Кука теперь есть опыт разведки, и он может пойти с кем-ни-

будь к северному хребту, а я отправлюсь к южному. Если поблизости ничего нет, то вдаль, я считаю, искать бесполезно.

— Почему? — спросил Ленсон.

— Время. Время и расстояние. Какую бы руду мы ни нашли, нам придется перетаскивать ее к кораблю на себе — вездеход вышел из строя.

— В таком случае отправимся сегодня же, — предложил Кук. — Нельзя терять ни минуты. Раз уж у нас так мало времени, давайте двинемся немедленно.

Блейк взглянул на раннее утреннее солнце.

— Неплохая мысль. Нам в самом деле нельзя терять ни одного дня. Возьмем с собой концентрированных пищевых таблеток на шестьдесят дней плюс пару лишних подметок и, конечно, прежде всего — фляги с водой.

— Два месяца на одних таблетках... — с сомнением начал Уилфред, но Блейк перебил его.

— Ты можешь повести Уилфреда напрямик к северному хребту. Это поближе, чем южный, а Ленсон больше подходит для путешествия через пустыню на юг. Придется дня три продержаться на воде из фляг, пока не доберемся до южного хребта.

— А если там, на юге, нет родников или ручьев, как вы вернетесь через пустыню? — спросил Тейлор.

— Тогда мы не вернемся, — просто ответил Блейк.

Кук отодвинулся от крыла и, покачав головой, посмотрел на вездеход.

— Это для нас единственный выход.

После трехдневного мучительного перехода через сверкающую пустыню Блейк и Ленсон вышли к южному хребту. Во рту у них пересохло, в горле жгло, фляги были пусты. Они нашли воду: это была щелочная вода, от которой тошнило, но все же вода. На следующий день, отправившись по северному склону, они наткнулись на ручей

с пресной водой, сбегавший с вершин и исчезающий в песке у подножия. Хребет был высокий, изрезанный ущельями, и, пересекая его, они то и дело встречали ручьи и источники. На тринадцатый день они достигли восточного края хребта и повернули обратно по южному склону. На пятидесятый день вышли к последнему ущелью, уже понимая, что их постигла неудача. Время от времени им попадались прожилки окиси железа и однажды встретилась довольно мягкая жила медной руды, но нигде не было ни малейших признаков урана.

На пятьдесят пятый день, изможденные и оборванные, они добрались до корабля. Рыжие бакенбарды Блейка буйно пламенели, а каштановая борода Ленсона делала его похожим на странствующего монаха.

Будто сговорившись, в тот же день вернулись Уилфред и Кук. Некогда розовое лицо Уилфреда обгорело на солнце, его светлые бакенбарды свалились, а Кук со своей пышной черной бородой и сверкающими черными глазами еще больше походил на свирепого пирата.

Тейлор нес к кораблю ведра с водой, когда появились все четверо. Поставив ведра на землю, он ждал.

— Не повезло,— сказал Блейк, когда они доплелись до него.

— Нам тоже,— откликнулся Кук.

— Я продолжал наблюдения,— сказал Тейлор.— Все подтверждает мои первоначальные выводы. Мы теперь на шестьдесят дней ближе к концу. Нужно как можно быстрее что-то предпринять.

— Это и так понятно,— сказал Кук, почесывая черную бороду; оторванный рукав его рубахи развевался на ветру.— Но прежде чем мы начнем долго и нудно обсуждать, что делать дальше, давайте поедим чего-нибудь, кроме пилюль. И вымоемся — я так покрыт алмазной пылью, что сверкаю, будто драгоценный камень.

Тейлор поднял ведра с водой.

— Тут хватит помыться всем, если не будете зря тратить воду,— сказал он.— Я был занят другими делами, а то бы принес побольше.

— Нам нужен насос,— сказал Блейк, забирая у Тейлора одно из ведер.— Нелепо тратить время на таскание воды.

Ленсон пристально взглянул на Блейка: не шутит ли он.

— Ты видел, во что превратился насос? — спросил он.— А ведь он был из самой прочной стали!

— Мы не будем пытаться победить алмазы с помощью стали,— сказал Блейк.— Мы попросту решим проблему трения, сделав насос без движущихся частей.

— Что? — Кук уставился на него.— Блестящая идея. Одно непонятно — как мы станем поднимать воду без двигателя?

— Заставим воду использовать собственную скорость и создадим гидравлический напор...

— Хм,— буркнул Тейлор, негодуя на самого себя.— Мне это и в голову не пришло.

Душ и сытный обед заметно улучшили настроение путников, а бритва совсем преобразила их. И тогда Тейлор предложил обсудить, как же им теперь действовать дальше.

— Надо отдохнуть недельку,— сказал Блейк,— хотя сроки поджимают. Тем временем я предлагаю подумать, чем заменить атомный двигатель. Я не буду возражать, если вы решите продолжать поиски урана, но боюсь, что это безнадежно. Без вездехода руда нас не выручит. Нам попросту не хватит времени, чтобы перетащить ее на себе через пустыни и горы. Поэтому пусть лучше каждый попытается за эти дни придумать какую-нибудь замену атомному двигателю.

— Чем больше предложений, тем лучше,— заметил Тейлор.— Если у нас будет большой выбор, мы сможем остановиться на самом надежном. Правда, лично я пока не представляю, что может быть проще и лучше, чем атомный двигатель.

Все остальные разделяли его чувство: они готовы были приветствовать любую новую идею, но не имели ни малейшего представления, как на нее набрести. Блейк ни словом не обмолвился о той идее, что зародилась у него самого. Он был уверен, что в ней — их единственная надежда на спасение, но понимал, что тут нужен радикальный отход от привычного образа мышления, и боялся, что остальные на это не решатся.

На следующий день они смастерили насос, протянув трубы вверх по течению шумной реки, чтобы создать необходимое давление. Незадолго до захода солнца они соединили последние отрезки шланга, а затем вернулись к кораблю и стали ждать, когда в баке появятся первые капли воды. Прошло какое-то время, шланги, соединявшие ручей с кораблем, наполнились, и вот она показала: непрерывная тоненькая струйка воды.

— А знаете,— заметил Кук, наблюдая за стружкой,— древние были не так уж глупы.

— Наконец-то мы выиграли хоть один раунд в битве с алмазной пылью,— добавил Ленсон.

— Мне хотелось бы, чтобы вы все запомнили, как мы этого добились,— сказал Блейк.— Мы использовали природные ресурсы. Помните об этом, когда будете искать новые идеи.

В следующие дни никто и словом не обмолвился о главном, и Блейк надеялся, что это молчание — свидетельство серьезных размышлений, а не примирения с существующим положением.

На шестой день все собрались в центральной рубке,

чтобы каждый изложил свой план. Блейк принес с собой несколько предметов из мастерской.

— У нас есть только три возможности,— сказал Тейлор.— Вернее всего было бы послать сообщение на Землю, но это невозможно. Мы не можем починить или заменить ни разбитые электронные лампы, ни преобразователь. Второй путь, самый легкий, но самый неприемлемый — это просто ждать и надеяться на то, что какой-нибудь корабль прилетит как раз вовремя и спасет нас. Я понимаю, что этот путь мы все отвергнем. Таким образом, остается только одна возможность покинуть эту планету, прежде чем она сторит: сделать новый двигатель. И вот мы опять возвращаемся к исходному вопросу: будем мы продолжать поиски урана и кадмия или начнём искать другой способ поднять корабль?

— Все эти шесть дней я старался что-нибудь придумать, но голова совершенно пуста,— начал Ленсон.— Не представляю, какой может быть другой способ, кроме ядерного двигателя.

— Прежде чем говорить об этом,— предложил Уилфред,— пусть Блейк выскажет свою точку зрения. Можно ли найти уран в такие сроки, чтобы успеть запустить двигатель?

— Я лично против дальнейших поисков,— сказал Блейк.— У нас нет времени. С моей точки зрения, дальнейшие поиски — пустая трата времени.

— Кажется, с этим все согласны,— сказал Тейлор. Остальные промолчали.— Картина мрачная, но спорить бесполезно: так оно и есть.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Уилфред.

— Все вы шли традиционными путями, не так ли?

— Да, но именно так был создан наш корабль.

— Верно, однако, мысля традиционно, мы никогда не поднимем его в космос.— Блейк вытащил из кармана ко-

роткий стальной брусок, квадратный кусок алюминия, кусок тонкого стекла и штопальную иглу с длинной ниткой, разложил их на столе перед собой и продолжил: — Боюсь, что стандартные методы совершенно непригодны на этой нестандартной планете. Все мы подходили к решению проблемы, как если бы потерпели крушение на планете, в точности повторяющей Землю, с таким же воздухом и такими же огромными запасами минералов. На Земле мы бы воспользовались машинами — всеми достижениями технического прогресса, начиная с колеса. Без колеса не было бы машин, без машин никогда не было бы ядерного двигателя. Вы все убедились, что на этой планете не может быть колес. Мы не можем пользоваться колесами, в мире алмазной пыли и речи быть не может о механизмах с движущимися частями. Наша собственная техника основана на колесе, и если мы не изобретем ему замену, то через семь или восемь месяцев от нас останется только дым.

Блейк взял стальной брусок.

— Никто из вас не упомянул о силе, которой не страшна вся алмазная пыль этой планеты, вместе взятая, ибо сила эта не связана с движущимися частями. Я имею в виду действие силового поля.

Он подпjal иголку и, поднеся снизу магнит, дал ей возможность откачнуться на нитке.

— Если представить себе, что магнит — наша планета, магнетизм — сила тяжести, то игла — это наш корабль, оборудованный каким-то приспособлением, которое делает его антигравитационным.

Он снова дал иголке качнуться прочь от магнита.

— Невидимый барьер, — задумчиво сказал он. — Что это такое? Мы называем его силой, но как может нечто невещественное — не стекло, не металл — стать барьером?

— Это загадка,— сказал Тейлор.— И ее будет трудно разгадать.

— Трудно,— сказал Кук,— но мы знаем, что ответ есть и его можно найти. Сила, которая нам нужна, чтобы поднять корабль,— вокруг нас. Мы будем искать секрет силы, которая, мы это твердо знаем, существует.

— А продолжая охотиться за ураном, мы будем искать то, чего, судя по всему, не существует,— закончил Блейк. Ленсон встал, отодвинув стул.

— Ну, что ж, раз мы знаем, чего хотим, за работу.

— Нам нужна будет электроэнергия,— сказал Тейлор.— Самое обычное, допотопное электричество.

— С этим мы справимся,— ответил Блейк.— Генератор корабля не поврежден, поэтому мы построим тот единственный в мире двигатель, которому не нужны ни уголь, ни нефть, ни радиоактивные руды — паровой двигатель. У нас есть вода, есть сколько угодно деревьев для топлива и вдобавок еще токарный станок. Есть и запасная труба, из которой можно сделать превосходный цилиндр.

— А как насчет алмазной пыли в воде? — спросил Тейлор.

— Будем подавать в цилиндр только очищенный пар, тогда алмазная пыль причинит не больше вреда, чем обычная известь. И, кроме того, у нас же есть фильтры в цистернах.

— Правильно,— согласился Кук.— Тем более что мы со скоростью сто миль в секунду приближаемся к не очень-то приятному концу.

Генератор сняли со стены и закрепили на новом стальном настиле. Из зубчатой передачи корабельного лифта соорудили коробку скоростей. В отверстиях двигательного отсека сделали окна из глассита. Конечно, после первой же песчаной бури они стали полупрозрачными, но все-таки света для работы хватало. Строительство паровой

машины продвигалось медленно: токарный станок был велик, да и материалов недостаточно, но люди работали упорно, а желтая звезда продвигалась все дальше и дальше, опережая их собственное солнце. Когда они приступили к сборке, она уже сверкала на темном небе за целый час до восхода солнца. В день окончания работы звезда уже два часа рассеивала темноту на востоке к тому времени, как начали появляться радужные краски приближающегося утра, и почти три часа прошло, прежде чем появилось само солнце.

— Теперь у нас всегда будет необходимая энергия, — сказал Блейк. — Как только оборудуем лабораторию, займемся проверкой нашей идеи на прочность.

— Говорят, испытывая новое на прочность, всегда рискуешь, — заметил Кук. — Придется нам доказать, что бывают исключения из правил. А вы обратили внимание на большую желтую звезду? Сейчас она на сорок градусов впереди нашего солнца — создается впечатление, что она удаляется от него, только вот становится все ярче.

— Мы прошли уже пятую часть пути к ней, — сказал Блейк.

— Когда Аврора врежется в желтое солнце, получится потрясающая Новая, — сказал Кук. — А что будет потом, когда наше большое бело-голубое солнце столкнется с этой Новой? Сверхновая? Ведь никто еще не видел ничего подобного.

— Мы тоже не увидим, если не займемся делом, — сказал Ленсон. — Время бежит, из-за нас Аврора не отсрочит свое randevu.

Центральное помещение корабля было переоборудовано в лабораторию, вернее в ее подобие, насколько это позволяли их ограниченные возможности.

В последующие дни выдвигались различные идеи: одни были просто повторением уже известных, другие явно

противоречили общепринятым принципам магнетизма и гравитации. Радикальные идеи высказывались вначале весьма робко, но постепенно страх перед необычными теориями ослабел, и вскоре все пятеро стали следовать словам Кука: «Любую теорию, даже самую фантастичную, нельзя подозревать в ошибочности, пока эта ошибочность не доказана».

Каждому эксперименту присваивался порядковый номер с индексом «Х» — вместо слова «экспериментальный». Сведения, полученные в результате каждого опыта, тщательно фиксировались.

Прошло тридцать дней и еще тридцать, желтая звезда становилась все ярче, видимое расстояние между ней и их собственным солнцем становилось все больше. Первоначальный энтузиазм Кука, Ленсона и Уилфреда сменился спокойной сосредоточенностью. Они все дольше засиживались за работой. Тейлор не выражал особых эмоций, но вставал все раньше, а ложился все позже.

Наступило летнее солнцестояние, солнце больше не двигалось к северу, а стало перемещаться на юг, сначала почти незаметно. После солнцестояния ветры из пустыни стали дуть чаще; горячие, иссушающие, они всегда несли с собой песок и пыль.

Прошло уже четыре месяца их пребывания на Авроре, когда Кук с мрачным юмором начертил мелом на стене лаборатории огромный календарь: тридцать дней в ширину, пять рядов в длину. Каждый прошедший день он вычеркивал красным мелом, напоминая товарищам о том, что время уходит.

Уже два ряда по тридцать дней каждый были зачеркнуты жирной красной чертой, когда они наконец подобрали первый ключ к секрету, означавшему для них жизнь.

Х-117 был установлен на лабораторном столе: сложное сооружение из катушек и электронных деталей, где в са-

мом центре индуктора висел маленький голубовато-белый алмаз в крошечной коробке. Алмаз висел на длинной нитке, присоединенной к гравиметру с большим циферблатом.

Кук оглядел сооружение со всех сторон, потом откинул со лба пышные волосы и ухмыльнулся остальным.

— Это должно быть тем самым, что мы ищем, — сказал он.

— Ты каждый раз это повторяешь, — напомнил Уилфред.

— Давайте проверим, — нетерпеливо предложил Блейк. — Давление пара на максимуме.

— Ну правильно, давайте покончим с неизвестностью, — сказал Ленсон.

Он замкнул рубильник. Стрелка на измерителе мощности генератора начала медленно подниматься, и все устались на циферблат гравиметра.

— Двадцать секунд, — Кук переводил взгляд с циферблата на алмаз. — Уже должен быть какой-то результат. Похоже, нас снова постигла неудача.

Все молчали, наблюдая за алмазом, раскачивающимся на длинной нитке. Он был совсем маленький, весом не больше десяти гран. Такая маленькая и ничтожная масса, но, несмотря на все их попытки, ее невозможно было сдвинуть с места.

— Десять секунд, — отсчитывал Кук, — восемь... постучите по деревяшке и помолитесь быстренько!.. три, две — ну!

Алмаз продолжал качаться в крошечном ящике, а стрелка весов оставалась неподвижной. Никто не двинулся, не оторвал глаз от алмаза, даже когда заметно запахло тлеющей изоляцией.

— Он сейчас перегружен, — сказал Ленсон, но не пошевелился, чтобы выключить рубильник.

— Дай еще, — приказал Блейк. — Дай полную мощ-

ность — убедимся наверняка, а там пусть хоть сгорит, если ему так хочется.

Ленсон щелкнул еще одним переключателем, и вся мощность генератора пошла в установку X-117. Катушка вспыхнула синим пламенем, и тут кто-то недоверчиво вскрикнул.

На какой-то миг, прежде чем катушка сгорела, алмаз вздрогнул.

— Он пошевелинулся! — торжествуя вскрикнул Кук. — У нас будет двигатель!

На минуту воцарилось всеобщее ликование и все стали говорить наперебой. Блейк вспомнил, что надо выключить машину.

— Наконец-то мы на правильном пути, — уверенно заявил Блейк.

— Сейчас мы совершили то, чего не могла добиться вся наша наука, — сказал Уилфред. — Мы создали антигравитацию.

— Нам еще предстоит долгий путь, — сказал Тейлор. — Мы создали силу, которая подняла алмаз весом десять гран, и для этого потребовалась вся мощность генератора. Но теперь у нас есть надежный результат, который можно развивать, и есть исходная точка для понимания основных принципов.

— Когда мы придем к тому, что нам надо, оно вряд ли будет похоже на это, — сказал Блейк, показывая на сооружение, стоявшее на столе. — Просто уж так вышло, что это был самый легкий способ создать искомую силу. Можно, например, сказать, что самый легкий путь получить электрический разряд — это погладить кота. Но не будете же вы снабжать целый город электричеством, заставив миллион людей гладить миллион котов!

— У меня есть предложение, — сказал Кук. — Раз уж мы узнали немного больше о той силе, которую создали,

можно попробовать и что-нибудь другое. Вместо того чтобы создавать антигравитацию, попробуем изменить направление обычной гравитации. Такой метод почти не требует мощности, ведь нам придется не создавать новую силу, а всего лишь изменить направление существующей. Сколько осталось времени? Может, ваши последние наблюдения прибавили нам хотя бы один день?

Тейлор взглянул на календарь, который Кук начертил на стене.

— Нет, этот календарь по-прежнему остается в силе. Его последний день станет и нашим последним днем.

— Восемьдесят пять дней — не так уж много, — сказал Ленсон.

— Конечно, немного, но с сегодняшнего дня работа пойдет быстрее, — ответил Блейк. — У нас есть над чем работать, мы открыли дверь, которую до нас никто еще не открывал.

— А если за этой дверью находится другая? — спросил Ленсон.

Ему ответил Кук. В его голосе прозвучала твердая уверенность:

— Тогда мы откроем и ее.

Вопрос Ленсона оказался далеко не праздным: за первой дверью действительно оказалась вторая.

Эффект антигравитации, который они открыли, таил в себе ключ к этой второй задаче — как изменить направление гравитационной силы. Но решение ускользало от них, а дни неумолимо бежали. Они повторяли X-117 и разные вариации его до тех пор, пока записи результатов опыта не дошли до цифры 135. Снова и снова проверяли они гипотезу Кука и не находили ошибки. В то же время невозможно было построить никакую иную теорию, которая соответствовала бы найденным фактам. В конце концов они признали теорию Кука. Никто из них не сомневался

в том, что можно изменить направление гравитации с помощью ничтожного количества энергии.

Они были уверены, что добьются успеха, если хватит времени.

Дни летели, и поиски продолжались. Люди работали все дольше и все больше худели. Упрямое выражение на лице Уилфреда становилось все заметнее. Желтая звезда выползала намного раньше их собственного солнца, становясь ярче, а в календаре выстраивались в ряд красные квадраты.

Их решимость все возрастала, а срок, отпущенный им, все сокращался. Они работали молча, сосредоточенно, один лишь Кук сопровождал свои занятия бодрыми рассуждениями о том, какие удовольствия ожидают их по возвращении на Землю.

Блейк не мог понять, действительно ли Кук так твердо уверен в окончательном успехе или это он просто пытается подбодрить не только других, но и самого себя. Красные квадраты заполнили еще два ряда целиком и больше половины третьего, когда Блейк получил наконец ответ на свои сомнения.

Это произошло утром, на следующий день после неудачи с опытом Х-144. Они работали до поздней ночи, чтобы подготовить его, но так и не получили каких-либо заметных результатов. Все ушли, чтобы поспать хоть несколько часов, прежде чем начать опыт Х-145, но Блейк не мог уснуть.

После неудачи с опытом Х-144 оставался последний шанс — опыт Х-145. Теория предсказывала, что Х-145 должен принести успех, но ведь и некоторые прежние опыты, согласно теории, тоже должны были быть успешными, а между тем при испытании всякий раз выявлялись новые, до сих пор не известные факторы. Потратив

целый час на размышления и догадки, Блейк понял, что не заснет, и оделся.

Он шел по берегу реки, снова и снова восхищаясь красотой этого мира, такого жестокого и бесплодного. Низко на западе сияла желтая звезда, настолько яркая, что от нее на почву ложились тени. А на востоке небо было уже охвачено первыми лучами изумрудного сияния, предшественниками радужных стягов. Скоро взойдет солнце и наступит еще один жаркий день, закрутятся сухие песчаные смерчи, неся с собой низко стелющиеся клубы алмазной пыли. Но ранним безветренным утром у реки было прохладно и приятно. Сомкнувшиеся зеленые кроны деревьев образовали коридор, по которому он шел навстречу изумрудному рассвету, вдыхая свежий запах зеленых листьев.

Через два дня все было готово для проверки Х-145. Он был похож на давным-давно проверенный Х-117: такой же сине-белый алмаз висел на такой же длинной нитке, но сочетание деталей было другим, да и паровой двигатель бездействовал. На этот раз они сконструировали батарею, простую аккумуляторную батарею.

Они волновались гораздо больше, чем во время любого из предыдущих опытов; даже Кук на этот раз никого не подбадривал репликами и улыбкой. Х-145 был действительно решающим испытанием. Если он провалится, значит они зашли в тупик. У них уже не будет времени, чтобы разработать другой метод.

— Кажется, все готово, — сказал Кук.

Блейк подошел к реостату, который контролировал напряжение. Остальные собрались вокруг конструкции под номером Х-145.

— Я буду подавать напряжение постепенно, — сказал Блейк. — Если он хотя бы чуть шевельнется при полном напряжении, у нас в самом деле будет тяга.

Поворачивая ручку реостата, Блейк наблюдал за алмазом. Раздался слабый щелчок, и тотчас Блейк непроизвольно отшатнулся, услышав какой-то хлопок, похожий на пистолетный выстрел: алмаз, нитка и гравиметр исчезли. Что-то со звоном упало на пол, и раздался возглас Кука: «Смотрите — гравиметр!»

Кук бросился туда, где упал прибор, и поднял его, держа так, чтобы все могли увидеть. В гравиметре зияла дыра.

— Какое... какое напряжение ты дал? — спросил он у Блейка.

— Минимальное, — ответил Блейк.

— Минимальное напряжение, — пробормотал Уилфред. — Минимальное напряжение, но и его оказалось недостаточно, чтобы алмаз пробил гравиметр.

Пробитый гравиметр переходил из рук в руки, бурные восклицания слились в общий шум.

Кук побежал за другим гравиметром, а Блейк и Ленсон присоединили последовательно еще один реостат, потом еще один. Уилфред торопливо считал на логарифмической линейке.

Кук вернулся с гравиметром и с куском меди.

— Три? — Он удивленно поднял брови, глядя на три реостата. — Если мы сможем сдвинуть с места фунт меди при наличии трех реостатов, то с нашим генератором мы сумеем поднять тысячу кораблей.

Кусок меди подвесили к гравиметру так, чтобы он попал в поле, создаваемое установкой X-145, и Блейк сказал:

— Я и в этот раз начну с минимального напряжения, хотя, может быть, его теперь недостаточно. Я уверен, на сей раз при таком напряжении спектакль не состоится.

Он повернул ручку реостата на дюйм и, почувствовав легкий щелчок, устремил глаза на кусок меди. В комнате раздался оглушительный воющий рев, и кусок меди исчез

точно так же, как и алмаз. Блейк обдало горячим воздухом, и что-то отскочило сверху, сильно ударив его по плечу — это был кусок металла от гравиметра! Уилфред показывал наверх, крича: «Пробил крышу!»

Блейк посмотрел вверх: над их головами в корпусе корабля была маленькая дырка. Именно такую дыру мог проделать кусок меди весом один фунт.

— Три реостата,— рассуждал Кук.— Выходит, мы можем поднять не один корабль, а хоть десять тысяч.

Кук начал быстро считать на логарифмической линейке, и Уилфред последовал его примеру. Блейк, хоть ему не терпелось узнать результаты, понимал, что незачем троим решать одну и ту же задачу, поэтому он просто ждал — вместе с Ленсоном и Тейлором. Тейлор улыбался. Впервые за много дней Блейк увидел улыбку на его лице.

— Проблемы энергии для перехода в гиперпространство больше не существует,— сказал Ленсон.— С помощью нашего метода мы можем теперь совершенно иначе совершить этот переход: мы проскользнем через барьер, вместо того чтобы ломиться сквозь него.

— У нас теперь есть возможность поднять корабль в космос и проскользнуть в гиперпространство,— сказал Блейк.— Мы подошли невероятно близко к решению задачи. Но успеем ли мы ее решить?

— Успеем ли? — Ленсон удивился.— Сколько же тебе нужно времени? У нас целых семь дней. Разве этого мало?

Блейк помотал головой:

— Мы не сможем подготовить корабль в такой короткий промежуток времени. Чтобы улететь отсюда через семь дней, нам нужно... разучиться дышать...

Все четверо уставились на него. И по мере того как они осознавали, что он имеет в виду, возбуждение на лицах гасло.

— Корабль,— начал Кук.— Ведь он течет как сито.

— Может, мы успеем за семь дней разрезать корабль на две части, герметически заделать одну половину, да еще и все разошедшиеся швы? — спросил Блейк.

— Нет, — ответил Тейлор. Он сел, сразу постаревший и усталый: прежней бодрости как не бывало. — На это нужно не меньше четырех месяцев — с нашими инструментами и материалами. — Он снова улыбнулся, но без прежней радости. — И все-таки мы были близки к завершению, не правда ли?

— Мы доведем дело до конца, — сказал Блейк. — Это трудный орешек, верно, но мы его разгрызем.

— А что, если окружить корабль достаточно протяженным гравитационным полем, чтобы оно удержало воздух? — предложил Уилфред.

— Насколько же должно простираться такое поле? — усомнился Ленсон.

— Страшно подумать, — ответил Блейк. — Даже в гиперпространстве полет займет у нас шесть месяцев или около этого. Сомневаюсь, сможем ли мы создать достаточно протяженное поле, чтобы сохранить шестимесячный запас воздуха.

— Постепенная утечка воздуха — довольно неприятная смерть, — сказал Кук. — Корабль весь в дырах, и у нас нет времени чинить его. Что же делать? Как мы решим эту последнюю, крохотную проблему?

— За семь дней повернуть четырехмесячную работу, — вздохнул Ленсон, усаживаясь позади Тейлора.

— Похоже, что мы не сможем герметизировать корабль за такой короткий срок. Но должен же быть какой-то выход...

— И он есть! — твердо сказал Блейк.

Боб Редмонд, оператор контрольного радиомаяка на космодроме № 1, был озадачен. Он почесал редкие во-

лосы и поклонился к громкоговорителю. Говорили вятно, но очень тихо.

— Вы не можете усилить напряжение? — спросил он.

— Нет, — послышался тоненький голос. — Я же сказал — у нас нет усилителя мощности.

— На каком расстоянии вы находитесь? — спросил Редмонд.

— Около миллиарда миль. Вы поняли, что я сказал? Говорит «Стар Скаут». Мы возвращаемся из района Тысячи Солнц. Мы должны были врезаться в звезду...

— Я все знаю, — перебил Редмонд. — Ваша планета приближалась к желтому солнцу. Вы открыли способ, как управлять гравитацией... Создали принципиально новый двигатель для своего корабля. Сейчас вы на расстоянии миллиарда миль от Земли... Но ведь вам требовалось четыре месяца для герметизации корабля, а у вас оставалось всего семь дней. Как же вы успели закончить работу?

— Мы ее и не закончили, — ответил тоненький голосок. — Это я и пытаюсь вам объяснить. У нас не было времени герметизировать корабль, и мы не могли создать гравитационное поле, которое сохранило бы нам воздух в течение шести месяцев.

Редмонд схватился за свои редеющие волосы. Он почувствовал внезапное головокружение.

— Не хотите же вы сказать...

— Вот именно! Мы просто прихватили с собой всю планету!

ДЕТЕКТОР ЛЮБВИ

В самом начале 1999 года мы с Виктором получили «отпуск для женитьбы». Ну да, так уж теперь принято — капитаны космических кораблей не могут быть холостяками. Однако для многих из нас это совсем не простое дело — найти себе жену здесь, на Земле. Ведь всякий знает, что в космонавтику, как правило, приходят люди с особым логическим складом ума. Да, мы — народ сугубо деловой, во всем стремящийся к тому, что называется совершенством, так сказать, к идеальной схеме. Ну, а женщины... Одним словом, видно, не зря о нас говорят, что мы и к вопросам любви подходим с логарифмической таблицей...

Ну а отсюда вывод один — чтобы женить таких парней, как я и Виктор, нас надо отправить на Гамму. Что ж, благодаря ей уже обрели свое счастье многие из наших астронавигаторов. Дело в том, что на этом планетоиде живут женщины, по своей рассудочности, пожалуй, ни в чем не уступающие даже вот таким, как мы. Ведь, как известно, Гамма — это небесное тело, где обитают чиновники. Их переселили туда все в те же восьмидесятые годы, когда человечеству удалось отправить всех миллионеров на Альфу, военных — на Марс, а всяких там шпионов — на Бету. Надо сказать, что это было очень и очень удачное мероприятие, да и «хуторяне» до сих пор чувствуют себя все время «при деле». Генералы составляют и присылают планы космической обороны, миллионеры, чтобы скрасить свой досуг, ежедневно придумывают все новые и новые игры, а Бета систематически бомбардирует Землю идеями по части безопасности. Да, все они гордятся и считают себя авангардом, пионерами, форпостами,

так сказать. Вот только к Гамме у нас относятся как-то по-особенному. Ну, несерьезно, что ли. Не то чтобы верят в существование некой «культуры Гаммы», а просто полагают, что эти бюрократы так и будут жить и жить веками без всяких перемен — ведь чиновничий консерватизм поистине кладезь неисчерпаемый.

Вот ведь как можно заблуждаться! Мы убедились в этом, едва прибыли на Гамму. Первый же чиновник сказал нам, что на Гамме разработана система выбора спутника жизни, которая исключает какие-либо случайности и вообще всякий риск для брачующихся. Это высокоэффективная научная система — система оптимального варианта. Она кладет конец одиночеству робких, разочарованиям, высокому проценту разводов, разгулу секса и затратам времени и средств на сватовство и ухаживание — всем тем трудностям в установлении контакта, которые достались Земле в наследство от прошлого. Бессмысленные затраты на брачные объявления, дорогие наряды, рестораны, броского вида машины, дорогостоящие путешествия — лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза понравившемуся человеку, — теперь это лишается всякого смысла и становится ненужным, как и чиновники в загсах, брачные конторы и прочие свахи... Счастье в любви для каждого — одно из основных прав гражданина. Слепая судьба больше не властна — человек Гаммы сбросил эти последние и самые тяжелые оковы!

Здорово, не правда ли? Ну а как это выглядело на практике?

В Министерстве по делам семьи нам дали по крохотному прибору — одновременно приемнику и передатчику, работающему на определенной волне. Получить его мог каждый гражданин, достигший брачного возраста. Но этот прибор оставался собственностью министерства, и настраивался он тоже там.

Сначала министерский врач определил частоту личного излучения каждого из нас. Это была довольно обычная процедура — он записал в электронно-вычислительную машину сведения о наших способностях и особенностях характера, сильных и слабых сторонах — словом, о человеческих качествах. Все это было делом одной минуты, так как мы захватили с собой свои анкетные данные в виде перфорированных лент прямо для счетно-решающего устройства.

А вот определить частоту приема было уже труднее, тут на помощь пришло врачебное искусство. В соответствии с последними достижениями психологии врач определил «интервал партнера», то есть установил диапазон, в котором каждый из нас должен был искать для себя подругу, и тщательно отрегулировал настройку. (Тот же компьютер после непродолжительного жужжания выдал из себя очередную продырявленную ленту, на которой были данные о длине искомой волны...) Вот и все. Настроенный таким образом прибор (разумеется, он был наглухо закрыт и опечатан специальной печатью) становился теперь вашим постоянным спутником, можно сказать, неотделимой частью вашего организма, до тех пор пока вам не посчастливится встретить будущего спутника (или спутницу) жизни. А узнавали вы об этом очень просто: как только ваш суженый (суженая) появлялся в поле приема прибора, вы тут же чувствовали отчаянный зуд. У девушек начинали чесаться мочки ушей, а у молодых людей свербели запястья, а то и щиколотки.

Я не выключал свой приемник ни днем, ни ночью — если уж имеешь шанс, то надо им воспользоваться! Я буквально прочесывал всю столицу, и сердце мое то и дело сладко замирало в предчувствии того, что вот-вот это случится, сейчас появится она — девушка моей мечты... Я уже подумывал, не стать ли мне гражданином Гаммы, не

остаться ли навсегда на этой столь совершенной планете. Но...

Все дело было в том, что прибор и не собирался срабатывать. Я не чувствовал не то что зуда — даже никакого хоть сколько-нибудь ощутимого покалывания в запястье. И с Виктором была точно такая же история. В чем же дело? Почему наши приемники не реагируют ни на одну из встречаемых красавиц? Или, может быть, мы были сверхнескромны в своих тайных желаниях? Кто знает, ведь наши представления о любви, обогащенные опытом веков, в течение которых Эрос неумоимо опустошает свой колчан, да еще подхлестнутые бурным техническим развитием, массовыми средствами информации, искусством, уже достигли таких высот или глубин, что... А может, просто мы, сыновья Земли, не вызываем никаких эмоций у дочерей Гаммы?..

Мы тщательно изучали все издания Министерства по делам семьи насчетковки личного счастья граждан. Подобно всем адептам холостякам, мы прилежно посещали спортивные праздники, фестивали и прочие мероприятия, где намечалось массовое скопление людей. Таким путем повышался процент вероятности вступления в контакт — ведь прибор действовал только в пределах оптической видимости. Но нет, нам по-прежнему фатально не везло. Ну, конечно, мы встречали немало девушек, с которыми — вернее сказать, с красотой которых — мы готовы были распиться сию же минуту. Однако стоило только к ним приблизиться, как они поворачивались к нам спиной. И не было никакой возможности даже познакомиться с ними, потому что на столь привычный у нас флирт тут смотрели в лучшем случае как на легкое помешательство, а в худшем — как на злостное хулиганство. А Виктор — тот даже умудрился угодить в кутузку за то, что попытался усердным подмигиванием обратить на себя внимание понравив-

шейся ему дамы. В полиции, не разобравшись, его приняли за помешанного межзвездного скитальца, а потом за шпиона, по ошибке отправленного не на ту планету, и чуть было не выслали на Бету.

Видя, какой оборот принимает дело, мы тайком сконструировали мощную усилительную приставку к нашим приемникам, снабдили ее выдвижной антенной и этим локатором с круговым обзором принялись прочесывать город квартал за кварталом, рассчитывая все-таки запеленговать своих суженых.

Когда до конца отпуска оставалось уже меньше месяца, мне удалось это сделать.

Радиосигнал, принятый нашим прибором, исходил из Центральной библиотеки, где в это время должен был проходить поэтический вечер. Мы с Виктором бросились туда.

Зал был полон. Здесь собралось не менее тысячи из числа тех, кто, как и мы, искал себе жениха или невесту. Стульев в помещении не было, потому что никто не сидел, а все слонялись по залу, но не бесцельно, а с самой что ни на есть определенной целью — в поисках своего объекта. Впереди, на возвышении, выступали поэты, все стихи были о любви, а в некоторых речь шла о конфликтах, вызванных неправильным употреблением приборов для поисков суженых. В этих стихах встречались какие-то непонятные нам намеки, касавшиеся, видимо, чего-то запретного. Пару раз послышались даже робкие, осторожные аплодисменты. Впрочем, все конфликты, о которых говорилось в стихах, в конце концов благополучно разрешались. (Должен сказать, что на Гамме это соответствовало действительности, в чем я сумел убедиться позже.)

Поэты продолжали делать свое дело, и тут вдруг — как раз в этот момент на сцене произнесли таинственное и непонятное нам выражение «дубль-прибор» — я почувствовал укол в запястье... Так я встретил ее! Словно влекомые

гигантскими магнитами, мы шли навстречу друг другу — я и Бланка, моя будущая жена. Глаза ее сияли, а полусткрытые губы безмолвно кричали, молили утолить их жажду. Я знал, что и она испытывает сейчас эту щекочущую боль (оба прибора регистрировали взаимное наложение наших радиоволн), и этот зуд и трепет нарастали и нарастали, пока мы не коснулись друг друга... Наконец-то, наконец-то! Усилитель работал, ток бежал по браслету на моей руке — значит, все в порядке, все идет отлично, ведь целью прибора было защитить от возможной ошибки, и он включался лишь в том случае, когда наблюдалось полное совпадение частот передачи и приема обоих партнеров. Да, удивительно, потрясающе гуманный прибор!..

Дрожащими руками мы отключили приборы — боль достигла границы, за которой следовало обморочное состояние. Затем мы схватили друг друга за руки и кинулись к ближайшему аппарату. Электронный голос подтвердил прием нашего брачного заявления, а тридцать минут спустя сообщил, что после проверки в хранилище информации ЭВМ никаких противопоказаний нашему браку не обнаружено, наш брак зарегистрирован. Затем мы прослушали краткое поздравление муниципального компьютера, зазвучала музыка, потом засветился телеэкран, и нам был показан учебный фильм Министерства по делам семьи...

А утром нас разбудил звонок — пришел курьер и забрал оба наших прибора. Так было предусмотрено в Поправке к Закону о браке от 8 марта 1997 года. А Бланка с улыбкой объяснила мне, что благодаря этому взаимная верность сохраняется «сколь возможно долго». «Вечно!» — воскликнул я...

Мы все еще оставались на Гамме — ждали, когда женится Виктор. Но он теперь избегал меня. Казалось, он завидует моему счастью. Дни и ночи проводил он перед

экраном локатора, воспаленными глазами следя за изгибами луча поиска. Уже шла последняя неделя нашего отпуска, а поиски Виктора оставались безуспешными. Неужели фортуна так и не улыбнется ему?

Странное дело, но и я стал испытывать такое чувство, словно пылавшее во мне пламя счастья начало понемногу угасать. Казалось, я был в каком-то угаре, а вот теперь начинаю медленно приходить в себя. Что же происходит со мной и Бланкой? Может, все дело в том, что наш брак был слишком безоблачным? Или полная гармония и чувство уверенности хороши только для жителей Гаммы? Да нет, едва ли — ведь я не мог не заметить, что и Бланку терзало какое-то беспокойство, она тоже явно жила в тревоге...

Однажды, когда Бланки не было дома, я почему-то вздумал копаться в ее вещах. Мне очень нравился запах духов, исходящий от всех ее вещей, и еще меня приводил в восторг порядок, который она умела поддерживать. Но разве на этом фундаменте можно строить совместную жизнь?.. Вот ее тюбик с помадой — а почему он такой тяжелый? Что за странная цепочка? И тут у меня словно пелена с глаз упала: ведь это же один из нелегальных «дубль-приборов», намеки на которые я слышал тогда, на вечере поэзии. Значит, и я уже так опостылел Бланке, что она искала теперь другого — тайно, нарушая закон... Но кто же он, кто мог быть ее избранником? Я непременно должен найти его!.. Надо было действовать, и я сукул помаду в карман, привязал цепочку к большому пальцу правой ноги и во всю прыть пустился к Виктору — пусть моя беда поможет ему перенести собственное невезение!

Уже на пороге его комнаты я почувствовал зуд в большом пальце — прибор начал регистрировать токи, и, несомненно, это были токи большой любви. Как же это понимать?.. Виктор — ни кровинки в лице — стоял у стены

и, не двигаясь, смотрел на меня. И чем ближе я подходил к нему, тем явственнее становилась дрожь в его левой ноге. Несколько секунд мы простояли с ним молча — только отчаянно подрагивали наши ступни.

Виктор признался мне, что он влюблен в Бланку, отчаянно, совсем по-земному. Ее «дубль-прибор» сделал он сам и, чтобы застраховать себя от неудачи, настроил на частоту своей собственной волны. Да, конечно, это было отчаянным шагом с его стороны. Но он хотел Бланку и получил ее (вот вам еще одно преимущество электроники!). Тут из ванной комнаты появилась и она сама, разумеется, начались рыдания, как это принято у женщин, она умоляла меня простить ее. Я бросился к телефону... Муниципальный компьютер зарегистрировал наш развод.

Да, на Гамме все конфликты разрешимы — об этом я слышал еще на том вечере поэзии. И, знаете, очень славная планетка эта самая Гамма! В будущем году я снова собираюсь полететь туда. К тому же, говорят, там добились коренного улучшения конструкции прибора. Теперь уже речь идет не о полном совпадении частот партнеров, а лишь о девятиста пяти процентах. А благодаря этому достигается расширение диапазона и возрастают как возможность выбора, так и темпы поиска, да еще появляется дополнительный фактор стабилизации брака. Вот какие там изменения. Я это знаю совершенно точно, из первых рук, потому что, когда я подавал свою заявку, меня официально проинформировали об этом. Как уж тут верить тем, кто считает, будто «чиновничий консерватизм поисatine кладезь неисчерпаемый»!

ЦИВИЛИЗАЦИЯ НАПОКАЗ

Я терпеть не могу аппарата, именуемого телефоном. Особенно не люблю, когда он звонит.

Я пугаюсь, когда он звонит рядом со мной.

А уж если он зазвонит в тот самый момент, когда я думаю — сейчас зазвонит, проклятый, — мне и вовсе худо делается. Короче говоря, плохо он действует на психику. Тут и свихнуться недолго. И главное, звонит он всегда угрожающе. Порой я не беру трубки, но тогда он бесится, трезвонит, как сумасшедший: «Возьми трубку, возьми, возьми, немедленно возьми, слышишь — немедленно!..» Странно, что личность того, кто звонит, не играет абсолютно никакой роли — звонит не кто-то, а сам телефон, аппарат, ставший живым существом, капризным черным чудовищем, притаившимся в углу стола.

Хорошо еще, что я архитектор-проектировщик и работаю дома. Будь я служащий, беспрестанный трезвон телефона в конторе довел бы меня до психического расстройства.

И когда моя жена сказала, что хочет купить фоновидик, я так и вскинулся.

— Еще чего! — сказал я. — Не хочу, чтобы посторонние видели нашу интимную жизнь! У меня шалят нервы!

— Какие глупости! — раздраженно ответила жена. — Все знакомые, все соседи давным-давно завели фоновидики. Да, да, и соседи справа, и соседи слева, и те, что выше этажом... А ты упрямисься! Подумаешь — будут наблюдать за твоей личной жизнью! Когда ведешь потребительский образ жизни на высоком уровне, такие издержки неизбежны. Но это же мелочь. И вообще в наше время нет таких людей, которые относились бы к телефону отрица-

только. Ты — исключение. Я бы еще могла тебя понять, если бы ты был стариком. Но в твоём возрасте — тебе же только тридцать один год — это смахивает на психическое заболевание, на какую-то особую форму психоза. Сходил бы ты к врачу-психоаналитику, посоветовался...

Ничего себе, дожил! Обращаются как с умалишённым!

Хорошенький будет номер, если моя собственная жена отправит письмо за своей личной подписью в газету, в раздел «Неотложная помощь страждущим»: так, мол, и так, мой муж страдает телефонофобией... После горьких размышлений мне осталось только одно: отправиться на телефонную станцию абонироваться на фоновидик.

Фоновидик — это телефон с телеэкраном, внедрившийся в наш быт лет пять-шесть назад. Этакое гнусное устройство: вертикальная панель с телефонной трубкой, а в панель вмонтированы телекамера, кинескоп и динамик.

Раньше эта штука была нам известна из фантастической литературы. Писатели-фантасты, придумывая, как им и положено, всякую белиберду, то и дело подсовывали читателю эти аппаратики, именуя их то телеотелефоном, то видеофоном, а порой и еще почуднее. Но когда аппарат в действительности был изобретен и получил распространение, все стали называть его фоновидиком. Сначала его использовали только в государственных учреждениях и крупных торговых фирмах. А потом кто-то из предприимчивых дельцов поставил фоновидик у себя на квартире, и с той поры пошло — каждый порядочный человек считал своим долгом обзавестись таким аппаратом.

Не знаю, может быть, первым завел у себя дома фоновидик и не делец. Скорее всего именно так: не делец, а какой-нибудь эксгибиционист или страшный сноб. Короче говоря, кто бы он ни был, но особенным умом он не отличался — подумайте сами, если ты первый, то кто тебе будет звонить и кому ты будешь звонить?!

То же самое и с обычным телефоном. Первый человек, установивший у себя этот аппарат, тоже не мог с его помощью общаться со своими знакомыми.

Впрочем, все это неважно — дело ведь прошлое. Да я и сам не отрицаю известных удобств, которые дает фоновидик. В последнее время, хотя и очень редко, я даже иногда жалею, что у меня нет фоновидика. Потому-то я и не стал всерьез сопротивляться желанию жены и отправился на телефонную станцию.

По роду моей профессии мне часто приходится общаться с заказчиками и предъявлять им чертежи. Понятно, что телефон для этой цели не годится, по телефону ничего не покажешь. Правда, существуют фототелеграммы, но и от них толку немного, если заказчик не в состоянии прочитать чертеж. В таких случаях приходится тащиться к нему и все ему объяснять и показывать. Как ни крути, а фоновидик словно создан для этой цели — и показать, и рассказать можно. Большинство архитекторов-проектировщиков давно уже пользуются фоновидиками.

Все это я прекрасно понимаю, но как только подумаю, что меня могут вызвать к аппарату в самый неподходящий момент — и во время еды, и во время сна, да мало ли еще в какое время, — меня охватывает страшное уныние.

Вот с таким двойственным настроением я и вошел в двери шикарного здания телефонной станции.

В приемной за конторкой сидела модная девица и, держа трубку, тихонько хихикала. Головы она не поднимала — наверно, в конторку был вмонтирован миниатюрный экран фоновидика. Из динамика доносился приглушенный мужской бас.

— Мне нужно абонироваться на фоновидик, — сказал я.

Девица, не отрывая от уха трубки, раздраженно указала мне подбородком на объявление, висевшее на стене за ее спиной.

«Всех, кто желает абонироваться на бьютифон, просят пройти в конец коридора первого этажа, последняя дверь направо», — прочитал я.

Подгоняемый бюрократическим ветром, исходившим от девчонки за конторкой, я зашагал по длинному широкому коридору. Дошел до самого конца. Справа была дверь с табличкой «Прием заявлений на абонирование бьютифонов». Я толкнул дверь.

В приемной на длинной скамье сидело несколько человек, по-видимому, абоненты. За столом напротив восседал бледный молодой мужчина со злыми глазами.

Мне пришлось ждать своей очереди целый час.

— Я бы хотел абонироваться на фоновидик, — сказал я, подсаживаясь к его столу.

Злые глаза сверкнули.

— Простите, что вы имеете в виду?

— Ах, да, извините... Я хотел сказать — на бьютифон, — поспешил я исправить ошибку.

Он даже не улыбнулся. Взял из лежавшей перед ним пачки бланк для заявлений, протянул мне.

— Адрес, фамилия, возраст, профессия, семейное положение, — бросил он и закурил сигарету.

— Вы у нас впервые? — подозрительно спросил он, пробежав глазами мое заявление.

— Да.

— И срочно нуждается в бьютифоне?

— Да, срочно! — сказал я, но тут же, испугавшись, как бы он не подумал, что я сноб, сболтнул лишнее: — Лично мне не так уж это важно, но вот жена пристала...

Он откинулся на спинку кресла. Напустил на себя ужасную серьезность.

— У нас очень много желающих срочно поставить бьютифон, огромная очередь. Если вам он не так уж необходим, следовательно, вы можете и подождать.

— Нет, нет! — я попытался изобразить искреннее огорчение. — Мне бьютифон совершенно необходим, такая уж у меня профессия, понимаете?

— Значит, необходим? — переспросил он.

— Да!

— Так бы сразу и сказали.

Я разозлился, но промолчал.

— У вас есть при себе какой-нибудь документ, подтверждающий размер ваших доходов?

— Такого документа при мне нет. А разве он необходим?

— Совершенно необходим. Мы не разрешаем абонироваться на бьютифон лицам, доходы которых ниже установленной нами суммы. Каков в среднем ваш доход?

— Доходы у меня не то чтобы очень большие, но и не маленькие...

— Точнее — большие или маленькие?

— Да не беспокойтесь, пожалуйста, у меня хватит денег, чтобы заплатить за бьютифон!

— Еще бы! — он скорчил откровенно презрительную гримасу. — Любой может заплатить за установку аппарата. Дело не в этом. Бьютифон символизирует высокое общественное положение абонента, его светскость и высокую потребительскую способность. Знаете почему?

— Не знаю, — сказал я довольно резко. Вся эта волынка начала мне надоедать.

— Понятно, — он самодовольно кивнул. Откуда, мол, этому типу знать?! — Вполне естественно, что человек, называющий бьютифон неприличным словом «фоновидик», не может этого знать. Я повторяю, купить бьютифон может почти каждый, но если у абонента денег мало и он приобретает бьютифон из приличия или тщеславия, то что же получится? Такой абонент лишь настроение испортит тем, кто будет ему звонить. Ведь на экране видно не толь-

ко лицо говорящего, но и, так сказать, фон — комната со всей ее обстановкой. А вдруг там грязно, бедно, убого? Вдруг мебель старомодная или ветхая? Тогда бьютифон послужит разоблачением бедственного положения абонента.

— Не знаю, может быть, и так...

— Именно так! Кстати, у вас есть госпожа помощница?

— Что? Госпожа... А-а, вы, наверно, имеете в виду прислугу? Прислуга у нас есть.

— Откровенно говоря, — он тяжело вздохнул, — нам бы не хотелось разрешать пользоваться бьютифоном людям с грубыми манерами и вульгарной речью, называющим госпожу помощницу прислугой. Наши абоненты — люди воспитанные, с правильной речью, привыкшие к изысканным оборотам. Эти люди не могут внушить отвращения тем, кто будет им звонить.

— Да ладно, не беспокойтесь на этот счет, — пробормотал я. — Но почему необходима прислу... то есть эта самая госпожа помощница тем, у кого дома бьютифон?

— В домах, где нет госпожи помощницы, бьютифоны мы не устанавливаем. По-моему, совершенно ясно, по каким причинам. Человек, пользующийся бьютифоном, должен всегда выглядеть элегантно. А это возможно только при наличии госпожи помощницы. Представляете, если семья сама ведет хозяйство, на экране бьютифона может предстать картина, отвратительная для глаза. Хозяин, например, появляется в халате. Или хозяйка в фартуке... — он передернулся от отвращения. — Поэтому мы и требуем, чтобы в квартире абонента была минимум одна госпожа помощница. Но у вас, как вы говорите, госпожа помощница есть, так что этот вопрос отпадает... Я попросил бы вас, когда вы придете в следующий раз, принести фотокарточки всех членов вашей семьи.

— Это еще зачем?

— Видите ли, мы не разрешаем абонироваться людям с отталкивающей внешностью. Одноглазым, например, безносым, изуродованным шрамами, короткогубым, у которых изо рта торчат зубы...

— Одну минуточку! — перебил я его. — У меня есть друг. У него было воспаление среднего уха, гнойное, очень тяжелое, ему делали операцию. Хирург попался плохой и повредил ему нервные узлы под ухом. С тех пор у него правая щека обвисает, по сравнению с левой она длиннее на целых три сантиметра. Кроме того, его правый глаз не мигает, ему приходится каждые тридцать секунд брать пальцами верхнее и нижнее веки и делать мигательные движения. В результате у него постоянно дергается левая щека — нечто вроде нервного тика. К тому же, когда он говорит, у него то и дело случается вывих челюсти. Но это еще не все. Недавно его разбил паралич, и после лечения у него возобновилась пляска святого Витта, которой он страдал в юности... — тут я перевел дух. — И... и у этого человека есть бьютифон!

— По-видимому, он занимает очень высокое общественное положение и настолько богат, что может компенсировать печальные недостатки своего уважаемого лица. Если годовой доход абонента превышает сто миллионов иен, фотокарточек мы не требуем, достаточно документа о доходах... — Он вдруг понизил голос: — А это правда — все то, что вы рассказали про вашего высокопочтенного друга?

— Сплошная ложь, чушь, галиматья! Итак, я должен принести справку о доходах и фотокарточки членов семьи и прислуги. Надеюсь, это все?

— Нет, нужно еще кое-что.

— Какого же тебе еще черта?!

— Как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне?!

Это только цветочки, а ягодки впереди,— он бросил на меня ехидный взгляд и оскорбленно замолчал.

Я тоже молчал.

Через несколько минут, перебирая лежавшие на столе бумаги, он равнодушно бросил:

— Ну как, раздумали абонироваться?

Я еле сдержался, чтобы не заорать на него. Собрав всю свою волю, я попытался унять дрожь в руках. Но они дрожали, и пальцы сами собой сжимались в кулаки. Я зажал кулаки между колен и замер.

— Нет, не передумал,— сказал я,— прошу вас, продолжайте, пожалуйста. Что еще нужно?

Вообще-то своеобразное обращение с клиентами в казенных учреждениях отнюдь не было для меня новостью. Сколько раз я ни переступал порог учреждений, всегда наткался на одно и то же. Однако ярость, которую я при этом испытывал, всегда была первозданной. Кровь так и бросалась в голову. Вредное это явление. Плохо действует на психику. Современные доктора все время толкуют о психической гигиене. Говорят, что гнев укорачивает жизнь. Видно, тот, кто хочет долго жить, не имеет права ходить в казенные учреждения.

— Принесите еще, пожалуйста, фотографию комнаты, в которой вы собираетесь поставить бютифон,— невозможно сказал он.— Цветную фотографию, разумеется. Ведь бютифоны в любой день могут стать цветными.

— Ого! Уже существует такой проект?

— Да, существует.

— Странно... Телефон вон сколько лет насчитывает, а до сих пор так и не стал цветным...

— Что-о?.. Что вы сказали? — Он оторвался от своих бумаг и испуганно стал меня разглядывать.

— Да нет, ничего...

— Еще одна небольшая деталь... — в его и без того

злых глазах блеснуло откровенное злорадство.— Требуется справка от врача-психоаналитика. Для всех членов семьи.

— То есть как же это? Нужен психоанализ?

— Да. А что тут особенного? Или этот вопрос вас тревожит? Может быть, у вас есть какие-нибудь пороки психики?

— Сами не видите, что ли? Разве я похож на сумасшедшего?

— Гм...— он фыркнул и вновь окинул меня подозрительным взглядом.— Мне судить трудно... Наверно, вы слышали, что в последнее время участились случаи внезапного буйного помешательства. Скромный клерк, например, во время совещания избивает до смерти своего начальника, а потом мчится домой и душит галстуком жену. Усердный, добросовестный парикмахер перерезает бритвой горло клиента. Древняя старуха поджигает дом. Студент, которого все считают гениальным, начинает палить из карабина по аудитории. Да что говорить, нынче даже малые дети строят из камней баррикады на рельсах, чтобы вызвать крушение поезда...

— Ну, знаете ли, по вашим словам получается, что вообще никому нельзя доверять!

— Правильно! Никому нельзя доверять. Сойти с ума может даже премьер-министр. Поэтому у всех желающих поставить бьютифон, включая лиц самых высоких и уважаемых, мы требуем справки о прохождении психоанализа.

— Ладно, допустим, бьютифоном пользуется психически неполноценный человек. Но это ведь почти то же самое, что и телефон. Какой вред можно причинить на расстоянии?

— Это дилетанты так думают. Вы страшно ошибаетесь, если считаете, что между телефоном и бьютифоном нет никакой разницы. Мы уже зафиксировали несколько слу-

чаев, когда наши абоненты пострадали от психических больных, пользующихся бьютифоном. В основном я имею в виду психопатов, склонных к эксгибиционизму.

При этих словах я оживился. Обрадовался даже.

— Эксгибиционизм, говорите? Вы правы, но, по-моему, все лица, пользующиеся бьютифоном, в какой-то мере страдают этой болезнью.

— Ах, у вас в голове ужасная путаница! О болезни здесь не может быть и речи, это всего лишь жажда саморекламы, не более.

— А это почти одно и то же!

— Ничего подобного. Вы смешиваете совершенно различные понятия. Если человек приобретает бьютифон, он просто обязан себя рекламировать. Без жажды саморекламы бьютифон не нужен. Жажда эта благородная, высокая. Разве не прекрасно желать, чтобы друзья и знакомые видели тебя в лучшем свете, чем ты есть на самом деле? Чем лучше ты выглядишь, тем больше тебя будут ценить в обществе. Благодаря таким людям развивается современная — бьютифонная — цивилизация. Да и вообще без мечты о саморекламе современная цивилизация невысказана. Те люди, которые не хотят выставлять напоказ свою личную жизнь, в наши дни должны быть причислены к моральным уродам.

Я поерзал на стуле и уселся поудобнее.

— Вы так считаете?

— А как же иначе? Назовите мне хоть одного человека, знаменитого и прославленного, который не увлекался бы саморекламой. Таких вы не найдете! Любая знаменитость просто в восторге, если в журнале появится фотография ее спальни или по телевизору покажут ее кухню. Пожалуй, даже можно сказать, что знаменитости потому и стали знаменитостями, что всю жизнь неудержимо себя

рекламировали. Не знаю, как было прежде, а сейчас нет иных путей, чтобы стать знаменитым.

— Давайте оставим знаменитостей в покое,— сказал я.— Вы говорили о тех, кто страдает эксгибиционизмом,...

— Эксгибиционизм — это дурно,— кивнул он.— Так же как и выступающие зубы. А если два таких недостатка соединяются в одном человеке, это приводит к преступлению.

— А что, были какие-нибудь тяжелые случаи?

— Появился один тип, который по бьютифону устраивает эротические шоу. Завел собственную клиентуру, зарабатывает деньги. Если набрать соответствующий номер бьютифона, в определенные часы можно увидеть довольно-таки соблазнительные сценки. У них там стоят десятки дублирующих аппаратов, изготовленных на черном рынке.

— Неужели его нельзя поймать?

— А как? Бьютифон не телефон, подслушать нельзя. Конечно, теоретически можно установить на нашей станции столько же мониторных экранов, сколько бьютифонов во всей стране. Но практически ничего не получится: во-первых, нет места, чтобы все их разместить, а во-вторых, некому следить за всеми экранами. Это ведь гигантская работа. Так что приходится надеяться только на счастливый случай. Если кто-нибудь из абонентов ошибется номером и попадет в квартиру этого субъекта, а потом сообщит нам... Но я думаю, если кто случайно и увидит подобное зрелище, то сообщать не станет, а будет смотреть с полным удовольствием, так сказать, взахлеб...

— Гм... да...

— Но это еще что! Есть случаи и похуже. Некоторые хулиганы специально звонят знаменитым актрисам и модным красавицам, а когда у тех на экранах появляется их изображение, начинают вытворять бог знает что. А сами безумно веселятся.

Рассказывая мне обо всем этом, он подался вперед, весь напрягся. Глаза у него блеснули. По-моему, он сам безумно радовался.

— Да, шутка некрасивая, дурная шутка, — кивнул я.

— Вот именно, очень дурная шутка. Но мы бессильны... — он передохнул, отер пот со лба. — Да, так о чем мы с вами говорили?

— Вы сказали, что помимо прочих документов я должен принести справки от врача-психоаналитика. Это, значит, все... — я поднялся. — Ну, до свиданья, бегу оформлять документы.

— А кто вам сказал, что этого достаточно? — он усмехнулся, подняв на меня глаза.

— Как? Надо еще что-нибудь?!

— Да, да... — он перебрал бумаги и склонил голову назад, словно в раздумье. — Сейчас, сейчас... Что же еще-то нужно...

— Да что вы, издеваетесь надо мной, что ли?! — вспылil я. — Почему вы требуете всю эту чепуху только у меня? Я же видел, как вы разговаривали с другими абонентами, просили одну справку о доходах.

— Другие — это другие, а вы — это вы! — сказал он с откровенной неприязнью. — И вообще кто орет так, как вы, не может иметь бьютифон.

— А у меня голос такой — громкий. От природы! Таким уж я уродился, понимаете? Ладно, давайте говорите, какие там еще от меня требуются документы! Справочки, свидетельства и прочее. Да я этих бумажонок вам целый ворох доставлю! Так что говорите, называйте, перечисляйте! Валяйте дальше! Чего там, не надо стесняться! Да не тяните волынку, я человек занятой, мне, дорогой мой, некогда!

Теперь я уже действительно орал во все горло.

Втянув голову в плечи, он отвернулся от меня.

— А вы не торопитесь,— сказал он,— не думайте, что вам так сразу и поставят бьютифон; стоит вам лишь принести все документы.

— Что, что?.. А когда же поставят?

— Затрудняюсь точно сказать. Года через два, наверно, а может, и через три.

— Но почему, почему? Почему я вынужден так долго ждать? — завопил я в полном отчаянии.

— Почему долго? А потому! Вот так-то.

— Долго — это не объяснение. Будьте любезны сказать мне, в чем дело!

Он уставился на меня в упор. Глаза его так и пылали ненавистью.

— Очень много желающих! Очередь огромная! — отчеканил он.— А прежде всего мы ставим аппараты тем, кто не вызывает у нас никаких подозрений. Если придраться не к чему, тогда сразу и ставим. И вообще вам лучше прийти как-нибудь в другой раз.

— Сопляк, тварь несчастная! — я задохнулся от гнева и возмущения.— Да как ты смеешь так разговаривать с людьми, используя свое служебное положение?!

— Если вам не нравится, как я разговариваю, можете идти домой. И будьте уверены — бьютифон вам никогда не поставят,— он злорадно усмехнулся.— Я запомнил вашу фамилию. Даже страшно подумать, что может случиться, если такому, как вы, поставят бьютифон!

— Ах так?! Но мы еще посмотрим! Думаешь, вся фоновидиковая цивилизация на тебе одном держится? Надо же быть таким самодовольным, ограниченным ослом! Скажите, пожалуйста, какие высокие полномочия! Это же прямое вмешательство в личную жизнь граждан свободной страны!

— Что ж делать, таковы мои обязанности. Я лицо ответственное, и мне придется держать отчет перед началь-

ством, если я дам разрешение на установку бьютифона такому неуравновешенному человеку, как вы.

— Ишь ты — ответственное лицо! Надутый индюк — вот кто ты есть! Мелюзга, дрянь паршивая! Да плевать я хотел на твой фоновидик! Очень он мне нужен! Стану я из-за этого гнусного аппаратикса давать тебе сведения о моей семье! Да подавись ты своим фоновидиком!

— Вот и прекрасно! Не нужен вам аппарат, так и не отнимайте у меня время. Прошу вас уйти. У меня очередь. Люди ждут,

— Не беспокойся, я уйду. Но прежде ты мне скажешь свою фамилию. Ну, говори, как твоя фамилия?

— А зачем вам моя фамилия?

— Это уж мне лучше знать! Тебе моя известна, вот и я интересуюсь, с кем разговаривал.

Его губы скривились в усмешке.

— Меня именуют «Лицо, принимающее заявки на установку бьютифонов на центральной телефонной станции».

— Ах, лицо?! Я покажу тебе, как издеваться над людьми!

Я выбросил вперед руку и с силой толкнул его в грудь.

— А-а-а!.. Убивают!.. — завопил он.

— И не мечтай о фоновидике! — сказал я жене, вернувшись домой.

— Но почему?

— Потому! Разругался вдрызг с человеком, который принимает заявки. Больше ноги моей там не будет!

— Скажи уж лучше, что тебя больше и на порог не пустят! И на что вы, мужчины, только годитесь!

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что все вы — скандалисты. Соседка мне то же самое говорила. У нее тоже сначала муж пошел на теле-

фонную станцию и, конечно, тут же поскандалил с администрацией. А на следующий день она сама пошла. И что ты думаешь? Им в два счета поставили фоновидик!

— Слышал я о таких штучках. Еще раньше, когда фоновидиков и в помине не было. Вечно у них там какие-то фокусы, на телефонной станции. Но на этот раз ничего не выйдет. Он ведь фамилию мою запомнил.

— Во всяком случае, я попробую. Схожу туда завтра.

Если подумать хорошенько, женщины по природе своей гораздо больше склонны к эксгибиционизму, чем мужчины. Так же как и к долгим телефонным разговорам. Разве раньше, в эпоху телефонов, мужчины болтали друг с другом так долго при помощи этого аппарата?.. Да и теперь статистика подтверждает, что женщины гораздо чаще пользуются фоновидиком, чем мужчины. И вообще сейчас наступает эра феминизации культуры. Совершенно естественно, что форсирование фоновидиковой цивилизации — дело женского пола. Кто знает, может быть, моя жена сумеет добиться фоновидика гораздо быстрее, чем я.

Назавтра жена отправилась на телефонную станцию, не имея при себе ни единой справки, и за один день выполнила все формальности. Заявку у нее приняли.

А на следующий день нам поставили фоновидик.

Теперь наша семейная жизнь изменилась коренным образом. Жена целыми днями просиживает у экрана фоновидика и болтает с подругами. Если я обращаюсь к ней с каким-нибудь вопросом, она, как правило, не отвечает. А если я уж очень пристаю, очередная подруга бросает на меня укоризненный взгляд.

Я сам фоновидиком почти не пользуюсь, хотя порой он мне необходим до зарезу. Я не имею возможности связаться с клиентами по фоновидику, потому что наш номер всегда занят. Подруги жены так и мелькают на экране. Приходится мне действовать по старинке — звонить заказчику

по телефону или ехать к нему домой со всеми проектами и чертежами.

Не думайте, что моя жена только судачит и сплетничает по фоновидику. Она и покупки делает, и различные заказы. Теперь она выходит из дому раз в неделю на несколько часов. Отправляется в косметический салон наводить красоту.

Да, фоновидик у нас есть, как у прочих порядочных, знающих себе цену людей. Но люди людям рознь. То есть я хочу сказать, что мужчины — это одно, а женщины совсем, совсем другое. Что значит фоновидик для мужчины? Еще один предмет домашнего обихода, который причиняет страдания. Вообще-то наплевать! Одним страданием больше, одним меньше — какая разница?! Но... странная штука получается. В нынешнее время по-настоящему живут только женщины. А мужчины прозябают.

Что же дальше-то будет, а?

ОХОТНИЧЬЯ МАШИНА

Машина ощущала быстрые удары сердца Руфи Мак-Алистер, точно так же как она ощущала биение сердца любого животного. Ладони ее рук были влажными от пота, и машина тоже ощущала это — она ощущала также дыхание женщины, вдохи и выдохи. И слышала ее нервное хихиканье.

Жена следила за движениями мужа, склонившегося над контрольной панелью машины — серо-зеленого предмета, который они называли то гончей, то бродягой, а иногда — сукой.

— Ну как? — спросила она. — Все в порядке, правда?

Джо повернул винт ногтем большого пальца и вытащил присоединенную к винту проволочку.

— Ну-ка, дай мне свою шпильку.

Руфь протянула руку к затылку.

— Ты думаешь, это не опасно?

— Нет.

— Я говорю не только о ней. — Она кивнула в сторону серо-зеленой машины. — Я знаю, что ты способен на всякие штучки-дрючки, например бесплатно получить порцию пива из автомата или несколько лет не платить за телевизор. Я знаю, что ты умеешь обращаться с разными приборами, но ведь, когда мы доставим машину обратно на базу, они же заметят, что кто-то копался внутри.

— Послушай, эти стражники — простые деревенские парни, да к тому же я могу все опять наладить так, что комар носу не подточит.

Серо-зеленая машина стояла на шести ногах так, что Джо мог наклониться над ней; машина чувствовала, что

сердцебиение у женщины почти прошло, и слышала, как женщина вдохнула.

— На мой взгляд, у тебя и впрямь золотые руки, Джо. — Руфь вытерла свои влажные ладони о зеленое платье. — Это весовые деления, правда? — спросила она, увидев, что муж коснулся циферблата в верхней части контрольной панели.

Он кивнул.

— Тысяча пятьсот фунтов, — медленно сказал он.

— О-о, неужели он действительно такой большой?

— Еще больше.

И машина почувствовала, как участились дыхание Джо и биение его сердца.

Они высадились два дня назад вместе с палаткой, надувными матрасами и столами, автоматической походной печкой, переносным телевизором, четырьмя охотничьими костюмами (по одному на каждый день охоты) и двумя складными винтовками переменной мощности.

Кроме того, с ними был серо-зеленый змееподобный, жукообразный механический охотник, опечатанный стражником и установленный на трех птиц, двух оленей и одного черного медведя. У них оставался один медведь, и Мак-Алистер, сорвав печать, переставил указатель на бурого медведя, вес тысяча пятьсот фунтов.

— Мне наплевать, — сказал он. — Мне нужен этот медведь.

— Ты думаешь, он будет ждать тебя здесь до завтра?

Джо похлопал по длинной суставчатой ноге машины.

— Если он уйдет, наша старая гончая отыщет его.

Следующий день был ясным и холодным. Джо сделал глубокий вдох и похлопал себя по намечающемуся брюшку.

— Так точно, сэр, — сказал он, — вот день, предназна-

ченный для больших свершений, по-настоящему больших, для настоящего боя.

Он засмотрелся на то, как постепенно блекнет кровавый рассвет, а Руфь тем временем включила печку и достала свой походный косметический набор. Она втерла в кожу крем от загара, затем напудрилась и сразу стала бронзовой, подкрасила губы и веки, а после этого достала из печи две тарелки с яичницей и жареным беконом.

Они сели в надувные автокресла у пневматического походного стола. Джо сказал, что северный воздух всегда вызывает волчий аппетит, и Руфь заметила, что сейчас, наверно, их друзья в городе изнемогают от жары. Тут она хихикнула.

Джо откинулся на спинку кресла и отхлебнул кофе.

— Охотиться за оленем все равно что за коровой, — сказал он. — Олени совсем не хотят драться. Даже когда наша гончая дразнит их, они думают только о том, как бы улизнуть. Но медведь — совсем другое дело! Конечно, медведи тоже робкие, но наша старушка гончая знает, как с ними обходиться.

— Говорят, больших бурых медведей почти не осталось.

— Это верно, но если мы ухлопаем еще одного, ничего не изменится. Подумай, как медвежья шкура и голова украсят нашу гостиную. Готов поспорить, что все наши гости будут сидеть раскрывши рот.

— Цвет шкуры не подходит к гардинам, — заметила его жена.

— Пожалуй, я устрою это так: хорошенько упакую шкуру и спрячу ее где-нибудь под камнями. А после того как охрана нас проверит, может быть, через пару дней, вернусь и заберу ее.

— Отличная мысль.

Руфь допила кофе и начала обрызгивать лицо и руки жидкостью от комаров.

— Ну что ж, по-моему, нам пора отправляться.

Они пристегнули складные ружья к поясам. Положили в карманы саморазогревающиеся завтраки. Повесили через плечо фляжки-холодильники. Каждый взял складной стул, стол и зонтик от солнца; затем Джо закрепил микрофон, контролирующий действия механического охотника. Крохотный микрофон лег в гнездо на левом плече, так что Джо мог, повернув голову налево, давать команды охотнику.

— Окей, псина, — пробормотал он, подняв левое плечо и повернув голову. — Пошли. Двинемся обратно к тому месту, где мы видели его вчера. Оттуда ты поведешь нас по следу.

Охотничья машина бежала перед ними. Она могла двигаться значительно быстрее, чем любое живое существо. Через две-три мили Джо и Руфь остались позади. Машина посылала им сигналы, и они шли, перебрасываясь репликами и помогая друг другу в труднопроходимых местах.

Около одиннадцати Джо остановился, снял красную охотничью шапку и вытер лысеющий лоб цветным платком, который он купил в Нью-Йорке в магазине «Все для охотника». И в этот момент машина подала долгожданный сигнал: «Вижу, вижу, вижу...»

Джо наклонился к микрофону.

— Не отпускай его. Ты далеко от нас? Ну ладно, попробуй гнать его к нам, если сможешь. — Он повернулся к жене. — Ну-ка, посмотрим. Он в трех милях от нас... пожалуй, мы выкроим полчаса для завтрака. Часа через два мы доберемся до него. Как ты думаешь, крошка?

— Великолепно, — ответила Руфь.

Огромный медведь сидел на камнях у ручья. Его передние лапы были мокрыми почти до сгиба. Рядом валялись три рыбы головы. Медведь ел только самые вкусные части рыбы, потому что был отличным рыболовом; сейчас

он, не отрываясь, смотрел на поток, ожидая, когда в чистой холодной воде мелькнет еще одна темно-синяя тень и на мгновение замрет.

Он обернулся не потому, что почувствовал запах. У медведя было острое чутье, но охотничья машина не издавала запаха. Медведя заставило обернуться потрескивание серого высохшего мха. Он замер, прищурив маленькие глазки и глядя в ту сторону, откуда донесся звук, но заметил машину, только когда она начала двигаться.

Медведь весил три четверти тонны, но, подобно птицам, или зайцам, или змеям, он старался избежать встречи со всем большим и незнакомым. Он повернулся и пошел своим обычным путем, который вел к дереву, где он чесал спину, и к берлогу. Медведь двигался быстро и беззвучно, но незнакомый предмет следовал за ним.

Медведь сделал петлю и снова вернулся к ручью, затем пошел на противоположный берег, однако странный предмет не отставал ни на шаг. Охотничьей машине теперь не нужно было «принюхиваться»: установив зрительный контакт с добычей, она никогда не упускала ее.

«Биение сердца нормальное, дыхание тоже, — отметила машина. — Вес около тысячи шестисот фунтов».

Медведь выбрался на берег и обернулся, хрипло ворча. Он встал на задние лапы и вытянулся во весь рост с угрожающим видом. Он был почти вдвое выше человека.

Охотничья машина остановилась в двадцати ярдах от животного. Медведь целую минуту смотрел на нее, затем опустил на все четыре лапы и снова повернул на юг. Он был робок и не хотел драки.

Джо и Руфь продолжали медленно идти на север. В полдень они остановились и пообедали на берегу того же ручья, в котором медведь ловил рыбу, только ниже по течению. Они набрали холодной воды и опустили в нее сушеные продукты — мясо, лук, картофельное пюре и зеле-

ный салат — все это набухло в воде подобно японским бумажным цветам. Саморазогревающиеся таблетки кофе зашипели в воде словно фейерверк и превратились в горячий ароматный напиток.

Медведь не останавливался поесть. Полдень ничего для него не значил. Теперь он двигался более целеустремленно, то и дело оборачиваясь назад и щуря маленькие глазки.

Машина чувствовала, что биение сердца у медведя учащается, дыхание становится все тяжелее. Двигался он в основном на юг.

Джо и Руфь шли вслед за сигналами охотничьей машины, но вот их характер внезапно изменился. Они участились: это означало, что добыча близка.

Люди остановились и приготовили ружья.

— Давай сначала выпьем по чашке кофе, — предложила Руфь.

— Окей, крошка. — Джо вытащил кресла, которые автоматически наполнились воздухом. — Давай немного отдохнем, чтобы потом как следует насладиться боем.

Руфь передала мужу чашку дымящегося кофе.

— Не забудь — ведь ты хотел, чтобы сначала его раздражила гончая.

— Угу. Если медведя не раздражить, он ничуть не лучше оленя. Спасибо, что напомнила. — Он повернулся и прошептал что-то в микрофон.

Охотничья машина медленно приближалась к медведю. Пятнадцать футов, десять, пять. Медведь услышал и обернулся. Снова он выпрямился — почти вдвое выше человека — и заворчал, предупреждая предмет, чтобы тот повернул назад.

Джо и Руфь задрожали, стараясь не смотреть друг на друга. Они слышали рев медведя скорее спинами, чем ушами, — в них проснулся давно забытый инстинкт.

Джо передернул плечами, стараясь стряхнуть оцепенение.

— Наверно, гончая принялась за него.

— Хорошая псина,— сказала Руфь.— Возьми его, возьми!

Щупальца охотничьей машины укололи медведя до крови, но уколы были сделаны в безопасных местах— на плечах, на массивном горбе позади головы, на бедрах. Ни в одном месте острие не коснулось вен или артерий.

Медведь ударил по машине громадной лапой. Его когти царапнули по металлу, однако не оставили ни малейшей отметины на корпусе. От мощного удара машина отлетела футов на тридцать в сторону, но быстро вернулась на прежние позиции. Мускулы, когти и клыки ничего для нее не значили. Охотничья машина была создана так, что легко могла противостоять ударам самого могучего медведя, и в нее были вложены знания о том, как привести зверя в состояние слепой ярости.

Из рта у медведя на подбородок потекла слюна, он ее разбрызгивал, она, извиваясь, ползла по щекам и оставляла темные полосы на груди. Медведь замотал головой. Ярость ослепляла его, он снова и снова выпускал натужный рев.

— Ну и рев! — заметил Джо, находившийся в двухстах ярдах от зверя.

— Угу. Если судить по реву, похоже, что он готов к настоящей схватке.

Они встали, сложили кресла и чашки, затем осмотрели ружейные стволы, проверяя, правильно ли они присоединены.

— Поставь мощность на среднюю,— сказал Джо.— Постараемся растянуть удовольствие.

Они приблизились к медведю и заняли удобную позицию на небольшом холме.

— А ну-ка, гончая, отойди и встань сзади на всякий случай,— скомандовал Джо в микрофон. Затем, повысив голос, он крикнул медведю: — Эй, бродяга! Мы здесь. Иди сюда!

Серо-зеленый предмет отступил назад, и медведь увидел новых врагов — на этот раз двух. Он не колебался ни секунды; теперь он был готов броситься на все, что двигалось. Медведь был только в пяти футах от людей, когда их маленькие ружья выстрелили. Сила удара отбросила его назад, он откатился в сторону, но тут же поднялся и пошел на людей, весь оцетинившись. Ружье Джо снова выстрелило. На этот раз медведь пошатнулся, но продолжал двигаться вперед. Джо попятился назад, переставив указатель мощности на более крупный заряд. В следующее мгновение он столкнулся со стоящей сзади него Руфью и оба они упали на землю. Джо издал сумасшедший вопль:

— Взять его!

Охотничья машина рванула вперед. Ее щупальце, оканчивающееся острой иглой, вонзилось в шею медведя чуть пониже челюсти и ушло глубоко в мозг.

Медведь в лежащем положении, казалось, стал меньше, но все же выглядел весьма внушительно; клочковатый мех был залит кровью. В медвежьей шкуре копошились блохи, и над телом уже начали собираться мухи. Джо и Руфь посмотрели на него. Они тяжело дышали.

— Какого черта ты встала сзади меня? — воскликнул Джо, как только перевел дух. — Я мог бы растянуть это гораздо дольше, если бы ты не лезла мне под ноги.

— Ты же сам сказал мне, — отпарировала Руфь. — Ты сказал, чтобы я встала позади тебя.

— Да, но уж не совсем вплотную.

Руфь презрительно фыркнула.

— Ну ладно, — сказала она, — как же ты собираешься спать с него шкуру?

— Н-д-а-а.

— Мне кажется, что эту штуку съест моль и из нее не получится хорошая шкура. Она удивительно грязная и, наверно, кишит микробами.

Джо обошел вокруг медведя и повернул его огромную голову ногой.

— Чертовски трудно содрать с него шкуру. Будешь по уши в крови и потрохах.

— Я не ожидала, что все кончится так,— сказала Руфь.— Давай бросим его, а? Ты ведь уже позабавился.

Джо стоял и смотрел на медвежью голову. На глаз медведя опустилась муха, она поползла к влажной ноздре зверя.

— Ну так пошли.— Руфь взяла свою маленькую поклажу.— Мне хочется прийти пораньше, чтобы принять ванну перед ужином.

— Окей.— Джо повернул голову к микрофону.— Пошли, старый бродяга. Ты сегодня хорошо потрудился.

ПРОНИКШИЙ В СКАЛЫ

Ветер проносился над гребнем хребта и мчался ледяным потоком вниз по склону. Он рвал брезентовый костюм Пита, осыпал его твердыми как сталь ледяными горошинами. Опустив голову, Пит прокладывал путь вверх по склону, к выступающей гранитной скале.

Он промерз до мозга костей. Никакая одежда не спасает человека при температуре пятьдесят градусов ниже нуля. Пит чувствовал, как руки его немеют. Когда он смахнул с бакенбард кусочки льда, застывшие от дыхания, он уже не чувствовал пальцев. В тех местах, где ветер Аляски касался его кожи, она была белой и блестящей.

Работа как работа. Потрескавшиеся губы болезненно искривились в жалкое подобие улыбки. «Если эти негодяи в погоне за чужими участками добрались даже до этих мест, они промерзнут до костей, прежде чем вернутся обратно».

Стоя под защитой гранитной скалы, он нашарил на боку кнопку. Из стального ящичка, пристегнутого к поясу, донесся пронзительный вой. Когда Пит опустил лицевое стекло своего шлема, шипение вытекающего кислорода внезапно прекратилось. Он вскарабкался на гранитную скалу, которая выступала над замерзшим грунтом.

Теперь он стоял совершенно прямо, не чувствуя напора ветра; сквозь его тело проносились призрачные снежинки. Медленно двигаясь вдоль скалы, он все глубже опускался в землю. Какое-то мгновение верхушка его шлема торчала над землей, словно горлышко бутылки в воде, затем скрылась под снежным покровом.

Под землей было теплее, ветер и холод остались далеко позади; Пит остановился и стряхнул снег с костюма.

Он осторожно отстегнул ультрасветовой фонарик от наплечного ремня и включил его. Луч света такой частоты, которая позволяла двигаться сквозь плотные тела, прорезал окружающие слои грунта, будто полупрозрачный желатин.

Вот уже одиннадцать лет Пит проникал в скалы, но так никогда и не смог отделаться от изумления при виде этого невероятного зрелища. Чудо изобретения, позволявшее ему проходить сквозь скалы, всепроникатель, он воспринимал как само собой разумеющееся. Это был всего лишь прибор, правда хороший, но все же такой, который при случае можно разобрать и починить. Удивительным было то, что этот прибор делал с окружающим миром.

Полоса гранита начиналась у его ног и исчезала внизу в море красного тумана. Этот туман состоял из светлого известняка и других пород, уходящих вперед застывшими слоями. Гранитные валуны и скальные массивы, большие и малые, окруженные со всех сторон более легкими породами, казалось, повисли в воздухе. Проходя под ними, он осторожно наклонялся.

Если предварительное обследование было правильным, то, идя вдоль гранитного хребта, он должен был напасть на исчезнувшую жилу. Вот уже больше года он обследовал различные жилы и выработки, постепенно приближаясь к тому месту, откуда, как он надеялся, берут начало все эти жилы.

Пит шел вперед, нагнувшись и проталкиваясь через известняк. Порода проносилась сквозь его тело и обтекала его подобно быстро мчащемуся потоку воды. Протискиваться сквозь нее с каждым днем становилось все труднее и труднее. Пьезокристалл его всепроникателя с каждым днем все больше и больше отставал от оптимальной частоты. Чтобы протолкнуть атомы его тела, требовались немалые усилия. Он повернул голову и, моргая, попытался

остановить взгляд на двухдюймовом экране осциллоскопа внутри шлема. Ему улыбнулось маленькое зеленое личико — остроконечные зигзаги волн сверкали подобно ряду сломанных зубов. Он нахмурился, заметив, каким большим стало расхождение между фактической линией волн и моделью, вытравленной на поверхности экрана. Если кристалл выйдет из строя, весь прибор разладится, и человека ждет медленная смерть от холода, потому что он не сумеет спуститься под землю. Или он может оказаться под землей в тот момент, когда кристалл выйдет из строя. Это тоже означает смерть, но более быструю и несравненно более эффектную — смерть, при которой он навсегда останется в толще породы подобно мухе в куске янтаря. Мухе, которая становится частью янтаря. Он вспомнил о том, как умер Мягкоголовый, и чуть заметно вздрогнул.

Мягкоголовый Сэмюэлз был из той группы ветеранов, негибаемых скалопроникателей, которые под вечными снегами Аляски открыли залежи минералов. Он соскользнул с гранитной скалы на глубине двести метров и в буквальном смысле слова упал лицом прямо в баснословную жилу Белой Совы. Именно это открытие и вызвало лихорадку 63-го года. И когда падкие до наживы полчища людей хлынули на север, к Даусону, Сэм отправился на юг с большим состоянием. Вернулся он через три года, начисто разорившись, так что едва хватило на билет в самолет, и его недоверие к человечеству было безмерным.

Он присоединился к горстке людей около пузатой железной печурки, радуясь случаю хотя бы посидеть со старыми друзьями. О своем путешествии на юг он не рассказывал никому, и никто не задавал ему вопросов. Только когда в комнату входил незнакомец, его губы крепче сжимали сигару. Но вот «Норт Америкен майнинг» перевела его в другую группу, и снова начались бесконечные блуждания под землей.

Однажды Сам пошел под землю и больше не вернулся. «Застрял», — бормотали его дружки, но никто толком не знал, где это произошло, до тех пор пока в 71-м году Пит не наткнулся на него.

Пит очень отчетливо помнил этот день. Он проходил сквозь каменную гряду, которая не была сплошной скалой, устал как собака и безумно хотел спать. Вдруг он увидел Мягкоголового Сама, навечно пойманного каменным монолитом. На его лице застыла маска ужаса, он наклонился вперед, схватившись за переключатель у пояса. Должно быть, в это страшное мгновение Сам понял, что его всепроникатель вышел из строя, — и скала поглотила его. Уже семь лет он стоял в этой позе, в которой ему суждено было остаться вечно, ибо атомы его тела неразрывно слились с атомами окружающей породы.

Пит тихо выругался. Если в самом скором времени не удастся напасть на жилу, чтобы купить новый кристалл, ему придется присоединиться к этой бесконечной галерее исчезнувших старателей. Его энергобатареи были при последнем издыхании, баллон с кислородом протекал, а залатанный миллеровский подземный костюм уже давно годился разве что для музея. На нем больше нигде было ставить латки, и, конечно, он не держал воздуха как полагается. Питу нужна была только одна жила, одна маленькая жила.

Рефлектор на племе выхватил из тьмы на скале возле ложины какие-то кристаллические породы, отсвечивающие голубым. Пит оставил в стороне гранитный хребет, вдоль которого раньше шел, и углубился в менее плотную породу. Может, это и был ютт. Включив ручной нейтрализатор в штеккер на поясе, он поднял кусок скальной породы толщиной в фут. Сверкающий стержень нейтрализатора согласовал плоскость вибрации образца с частотой человеческого тела. Пит прижал отверстие спектроанализатора

к валуну и нажал кнопку. Короткая вспышка — сверкнуло обжигающее атомное пламя, мгновенно превратив твердую поверхность образца в пар.

Прозрачный снимок выпрыгнул из анализатора, и Пит жадно уставился на спектрографические линии. Опять неудача: не видно знакомых следов юттротанталита. Нахмурившись, он засунул анализатор в заплочный мешок и двинулся дальше, протискиваясь через вязкую породу.

Юттротанталит был рудой, из которой добывали тантал. Этот редкий металл был основой для изготовления мельчайших пьезоэлектрических кристаллов, которые делали возможным создание вибрационных всепроникателей. Из ютта получали тантал, из тантала делали кристаллы, из кристаллов — всепроникатели, которыми пользовался Пит, чтобы отыскать новое месторождение ютта, из которого можно было добыть тантал, из которого... Похоже на беличье колесо, и сам Пит был похож на белку, причем белку, в настоящий момент весьма несчастную.

Пит осторожно повернул ручку реостата на всепроникателе: он подал в цель чуть больше мощности. Нагрузка на кристалл увеличилась, но Питу пришлось пойти на это, чтобы протиснуться через вязкую породу.

Пита не оставляла мысль об этом маленьком кристалле, от которого зависела его жизнь. Это была тонкая полоска вещества, походившего на кусок грязного стекла, но на редкость хорошо отшлифованная. Когда на кристалл подавался очень слабый ток, он начинал вибрировать с такой частотой, которая позволяла одному телу проскальзывать между молекулами другого. Этот слабый сигнал контролировал в свою очередь гораздо более мощную цепь, которая позволяла человеку с его оборудованием проходить сквозь земные породы. Если кристалл выйдет из строя, атомы его тела вернутся в вибрационную плоскость обычного мира и сольются с атомами породы, через кото-

рую он в этот момент двигался... Пит потряс головой, как бы стараясь отбросить страшные мысли, и запыхал быстрее вниз по склону.

Он двигался сквозь сопротивляющуюся породу вот уже три часа, и мускулы ног горели как в огне. Если он хочет выбраться отсюда в целости и сохранности, через несколько минут придется повернуть назад. Однако целый час он шел вдоль вероятной жилы по следам ютта, и ему казалось, что их становится все больше. Главная жила должна быть на редкость богатой — если только удастся ее отыскать!

Пора отправляться в долгий путь назад, наверх. Пит рванулся к жиле. Он последний раз возьмет пробу, сделает отметку и возобновит поиски завтра. Вспышка пламени — и Пит посмотрел на прозрачный отпечаток.

Мускулы его тела напряглись, и сердце тяжело застучало. Он зажмурился и снова посмотрел на отпечаток — следы не исчезли! Линии тантала ослепительно сияли на фоне более слабых линий. Дрожащей рукой он расстегнул карман на правом колене. Там у него был подобный отпечаток — отснятое месторождение Белой Совы, самое богатое в округе. Да, не было ни малейшего сомнения — его жила богаче!

Из мягкого карманчика он извлек полукристаллы и осторожно положил кристалл *Б* туда, где лежал взятый им образец. Никто не сможет отыскать это место без второй половины кристалла, настроенного на те же ультракороткие волны. Если с помощью половины *А* возбудить сигнал в генераторе, половина *Б* будет отбрасывать эхо с такой же длиной волны, которое будет принято чувствительным приемником. Таким образом, кристалл отмечал участок Пита и в то же время давал ему возможность вернуться на это место.

Пит бережно спрятал кристалл *А* в мягкий карманчик и отправился в долгий обратный путь. Идти было мучи-

тельно трудно: старый кристалл в проникателе настолько отошел от стандартной частоты, что Пит едва протискивался сквозь вязкую породу. Он чувствовал, как давит ему на голову невесомая скала в полмили толщиной, — казалось, она только и ждала, чтобы стиснуть его в вечных объятиях. Единственный путь назад лежал вдоль длинного гранитного хребта, который в конце концов выходил на поверхность.

Кристалл уже работал без перерыва больше пяти часов. Если бы Пит на некоторое время смог выключить его, аппарат бы остыл. Когда Пит начал возиться с лямками рюкзака, руки его дрожали, но он заставил себя не торопиться и выполнить работу как следует.

Он включил ручной нейтритизатор на полную мощность и вытянул вперед руку со сверкающим стержнем. Внезапно из тумана впереди появился огромный валун известняка. Теперь проникающая частота вибраций была уже согласована с ним. Сила тяжести потянула вниз гигантский восемнадцатифутовый валун, он медленно опустился и исчез под гранитным хребтом. Тогда Пит выключил нейтритизатор. Раздался страшный треск, молекулы валуна смешались с молекулами окружающей породы. Пит ступил внутрь искусственного пузыря, образовавшегося в толще земли, и выключил свой всепроникатель.

Молниеносно — что всегда изумляло его — окружающий туман превратился в монолитные стены из камня. Луч рефлектора на племе пробежал по стенам маленькой пещеры-пузыря без входа и выхода, которую отделяло полмили от ледяных просторов Аляски.

Со вздохом облегчения Пит сбросил тяжелый рюкзак и, вытянувшись, дал покой измученным мышцам. Нужно было экономить кислород; именно поэтому он и выбрал это место. Его искусственная пещера пересекала жилу окиси рубидия. Это был дешевый, повсюду встречающийся ми-

нерал, который не имело смысла добывать так далеко, за Полярным кругом. Но все же он был лучшим другом скалопроходителя.

Пит порылся в рюкзаке, нашел аппарат для изготовления воздуха и прикрепил батарею к поясу. Затем он огрубевшими пальцами включил аппарат и воткнул контакты провода в жилу окиси рубидия. Беззвучная вспышка осветила пещеру, блеснули белые хлопья начавшего падать снега. Хлопья кислорода, созданного аппаратом, таяли, не успев коснуться пола. В подземной комнате образовывалась собственная атмосфера, пригодная для дыхания. Когда все пространство будет заполнено воздухом, Пит сможет открыть шлем и достать из рюкзака продукты.

Он осторожно поднял лицевое стекло шлема. Воздух был уже подходящим, хотя давление — по-прежнему низким, а концентрация кислорода чуть выше нормы. Он радостно хихикнул, охваченный легким кислородным опьянением. Мурлыча что-то несусветное, Пит разорвал бумажную упаковку концентрата.

Он запил сухомятку холодной водой из фляжки и улыбнулся при мысли о толстых, сочных бифштексах. Вот произведут анализ, и у владельцев рудников глаза на лоб полезут, когда они прочитают сообщение об этом. И тогда они придут к нему. Солидные, достойные люди, сжимающие контракты в коленых руках. Пит продаст все права на месторождение тому из них, кто предложит самую высокую цену, — пусть теперь поработает кто-нибудь другой. Они выровняют и обещут этот гранитный хребет, и огромные подземные грузовики помчатся сквозь землю, перевоза шахтеров на подземные выработки и обратно. Улыбаясь своим мечтам, Пит расслабленно прислонился к вогнутой стене пещеры. Он уже видел самого себя, вылощенного, вымытого и коленого, входящим в «Отдых шахтера»...

Двое в подземных костюмах, появившиеся в скале, развели эти мечты. Тела их казались прозрачными; их ноги при каждом шаге увязали в земле. Внезапно оба подпрыгнули вверх, выключив проникатели в центре пещеры, обрели плотность и тяжело опустились на пол. Они открыли лицевые стекла и приняхались.

— Недурно пахнет, правда, Мо? — улыбнулся тот, что покороче.

Мо никак не мог снять свой шлем; его голос глухо доносился из-под складок одежды. «Точно, Элджи». Щелк! — и шлем наконец был снят.

У Пита при виде Мо глаза на лоб полезли, и Элджи недобро усмехнулся.

— Мо не ахти какой красавец, но к нему можно привыкнуть.

Мо был гигантом в семь футов, с заостренной, гладко выбритой, блестящей от пота головой. Очевидно, он был безобразным от рождения, и с годами не стал лучше. Нос его был расплюснут, одно ухо висело как тряпка, и множество белых шрамов оттягивало верхнюю губу. Во рту виднелись два желтых зуба.

Пит медленно завинтил крышку фляги и спрятал ее в рюкзак. Может, это и были честные скалопроходцы, но по их виду этого не скажешь.

— Чем могу вам помочь, ребята? — спросил он.

— Да нет, спасибо, приятель, — ответил коротышка. — Мы как раз проходили мимо и заметили вспышку твоего воздуходела. Мы подумали — а может, это кто из наших ребят? Вот и подошли посмотреть. В наши дни нет хуже, чем таскаться под землей, правда? — произнося эти слова, коротышка окинул быстрым взглядом пещеру, не пропуская ничего. Мо с хрипом опустился на пол и прислонился к стене.

— Верно, — осторожно согласился Пит. — Я за послед-

ние месяцы так и не наткнулся на жилу. А вы, ребята, недавно приехали? Что-то я не припомню, видел ли я вас в лагере.

Элджи не ответил. Не отрываясь, он смотрел на мешок Пита, набитый образцами.

Со шелканьем он открыл огромный складной нож.

— Ну-ка, что там у тебя в этом мешке, парень?

— Да просто низкосортная руда. Я решил взять пару образцов. Отдам ее на анализ, хотя вряд ли ее стоит нести до лагеря. Сейчас я покажу вам.

Пит встал и пошел к рюкзаку. Проходя мимо Элджи, он стремительно наклонился, схватил его за руку с ножом и изо всех сил ударил коленом в живот. Элджи согнулся от боли, и Пит рубанул его по шее краем ладони. Не ожидая, когда потерявший сознание Элджи упадет на пол, Пит кинулся к рюкзаку.

Одной рукой он схватил свой армейский пистолет 45-го калибра, другой — контрольный кристалл и занес свой сапог со стальной подковкой над кристаллом, чтобы растереть его в пыль.

Его нога так и не опустилась вниз. Гигантская рука стиснула его лодыжку еще в воздухе, застопорив движение тела. Пит попытался повернуть дуло пистолета, однако ручища размером с окорок схватила его кисть. Пит вскрикнул — у него хрустнули кости. Пистолет выпал из безжизненных пальцев.

Пит минут пять сидел, свесив голову на грудь, пока Мо умолял потерявшего сознание Элджи сказать, что ему делать. Наконец Элджи пришел в себя, с трудом сел, ругаясь и потирая шею. Он сказал Мо, что надо делать, и сидел с улыбкой до тех пор, пока Пит не потерял сознания.

Раз-два, раз-два — голова Пита дергалась из стороны в сторону в такт ударам. Он не мог остановить их, они раз-

ламывали голову, сотрясали все его тело. Откуда-то изда-лека послышался голос Элджи:

— Хватит, Мо, пока хватит. Он приходит в сознание.

Пит с трудом прислонился к стене и вытер кровь, мешавшую ему видеть. И тут перед ним всплыло лицо коротышки.

— Слушай, парень, ты доставляешь нам слишком много хлопот. Сейчас мы возьмем твой кристалл и отыщем эту жилу, и если она и впрямь такая богатая, как эти образцы, то я буду на седьмом небе и отпраздную удачу — убью тебя очень медленно. Если же мы не отыщем жилы, то ты умрешь намного медленнее. Так или иначе я тебя прикончу. Еще никто не осмеливался ударить Элджи, разве тебе это не известно?

Они включили проникатель Пита и поволокли избитого сквозь стену. Футов через двадцать они вошли в другую пещеру, намного больше первой. Почти все пространство занимала огромная металлическая громада атомного трактора.

Мо бросил Пита на пол и поддал проникатель ногой, превратив его в бесполезный металлолом. Гигант перешагнул через тело Пита и тяжелым шагом двинулся к трактору. Только он вошел в кабину, как Элджи включил мощный стационарный проникатель. Когда призрачная машина двинулась вперед и исчезла в стене пещеры, Пит успел заметить, что Элджи беззвучно усмехнулся.

Пит повернулся и наклонился над разбитым проникателем. Бесполезно. Бандиты чисто сработали, и в этой шарообразной могиле не было больше ничего, что помогло бы Питу выкрутиться. Подземное радио находилось в старой пещере; с его помощью он мог связаться с армейской базой, и через двадцать минут вооруженный патруль был бы на месте. Однако его отделяет от радио двадцать футов скальной породы.

Он расчертил рефлектором стену. Трехфутовая жила рубидия, должно быть, проходила и через его пещеру.

Пит схватился за пояс. Воздуходел все еще на месте! Он прижал контакты аппарата к рубидиевой жиле — в воздухе закружились хлопья серебряного снега. Внутри круга, описываемого контактами, порода трескалась и сыпалась вниз. Если только в батареях достаточно электроэнергии и если бандиты вернутся не слишком быстро...

С каждой вспышкой откалывалось по куску породы толщиной примерно в дюйм. Чтобы вновь зарядить аккумуляторы, требовалось 3,7 секунды; затем возникала белая вспышка, и разрушался еще один кусок скалы. Пит работал в бешеном темпе, отгребая левой рукой каменные осколки.

Вспышка между контактами в правой руке — гребок левой рукой — вспышка и гребок — вспышка и гребок. Пит смеялся и в то же время плакал, по щекам бежали теплые слезы. Он и думать забыл, что при каждой вспышке аппарата освобождаются все новые и новые порции кислорода. Стены пещеры пьяно качались перед его глазами.

Остановившись на мгновение, чтобы закрыть лицевое стекло своего шлема, Пит снова повернулся к стене созданного им туннеля. Он дробил неподатливую скалу, сражался с ней и старался забыть о пульсирующей боли в голове. Он лег на бок и стал отбрасывать назад осколки камней, утрамбовывая их ногами.

Большая пещера осталась позади, и теперь Пит замурован в крошечной пещере глубоко под землей. Он почти физически ощущал, что над ним нависла полумильная толща породы, давящей его, не дающей ему дышать. Если сейчас воздуходел выйдет из строя, Пит навсегда останется в своей рукотворной каменной гробнице. Пит попытался прогнать эту мысль и думать только о том, как бы выбраться отсюда на поверхность.

Казалось, время остановилось, осталось только бесконечное напряжение. Его руки работали как поршни, окровавленными пальцами он захватывал все новые и новые порции раздробленной породы.

На несколько мгновений он опустил руки, пока горящие легкие накачивали воздух. В этот момент скала перед ним треснула и обрушилась с грохотом взрыва, и воздух через рваное отверстие со свистом ворвался в пещеру. Давление в туннеле и пещере уравнилось — он пробился!

Пит выравнивал рваные края отверстия слабыми вспышками почти полностью разряженного воздуходела, когда рядом с ним появились чьи-то ноги. Затем на низком потолке проступило лицо Элджи, искаженное свирепой гримасой. В туннеле не было места для того, чтобы материализоваться; Элджи мог только потрясти кулаком у лица — и сквозь лицо — Пита.

Сзади, из-за груды щебня послышался громкий шорох, осколки полетели в стороны, и в пещеру протолкнулся Мо. Пит не мог повернуться, чтобы оказать сопротивление, однако, прежде чем чудовищные руки Мо схватили его за лодыжки, подошва его сапога опустилась на бесформенный нос гиганта.

Мо протащил Пита, словно ребенка, по узкому каменному коридору обратно в большую пещеру и бросил его на пол. Пит лежал, хватая воздух ртом. Победа была так близка...

Элджи склонился над ним.

— Уж слишком ты хитер, парень. Пожалуй, я пристрелю тебя прямо сейчас, чтоб ты не выкинул чего-нибудь еще.

Он вытащил пистолет Пита из кармана и оттянул назад затвор.

— Между прочим, мы нашли твою жилу. Теперь я чертовски богат. Ну как, ты доволен?

Элджи нажал спусковой крючок, и на бедро Пита словно обрушился удар молота. Маленький человек стоял над Питом и усмеялся.

— Я всажу в тебя все эти пули одну за другой, но так, чтоб тебя не убить, по крайней мере не сразу. Ну как, готов к следующей?

Пит приподнялся на локте и прижал ладонь к дулу пистолета. Элджи широко улыбнулся.

— Прекрасно, ну-ка останови пулю рукой!

Он нажал спусковой крючок — пистолет сухо щелкнул. На лице Элджи отразилось изумление. Пит привстал и прижал контакты воздухоеда к шлему Элджи. Гримаса изумления застыла на лице бандита, и вот голова его уже разлетелась на куски.

Пит упал на пистолет, передернул затвор и повернулся. Элджи был тертый калач, но даже он не знал, что дуло армейского пистолета 45-го калибра действует как предохранитель. Если к дулу что-то прижато, ствол движется назад и встает на предохранитель, и, чтобы произвести выстрел, необходимо снова передернуть затвор.

Мо неуверенным шагом двинулся вперед; от изумления у него отвисла челюсть. Повернувшись на здоровой ноге, Пит направил на него пистолет.

— Ни с места, Мо. Придется тебе доставить меня в город.

Гигант не слышал его; он думал только об одном.

— Ты убил Элджи — ты убил Элджи!

Пит расстрелял половину магазина, прежде чем великан рухнул на пол.

Содрогнувшись, он отвернулся от умирающего человека. Он ведь оборонялся, но, сколько бы он об этом ни думал, тошнота не проходила. Пит обмотал ногу кожаным поясом, чтобы остановить кровотечение, и перевязал рану

стерильным бинтом из санитарного пакета, который он нашел в тракторе.

Трактор доставит его в лагерь; пусть армейцы сами разберутся в этой кутерьме. Он опустился на сиденье водителя и включил двигатель. Мощный проникатель работал безукоризненно — машина двигалась к поверхности. Пит положил раненую ногу на капот двигателя, перед радиатором которого плавно расступались земные породы.

Когда трактор вылез на поверхность, все еще шел снег.

ИСТОЧНИКИ

- K. Vonnegut.* «The report on the Barnhouse effect» из сб. «Tomorrow, the stars» ed. by R. Heinlein.
- T. L. Sherred.* «E for effort» из сб. «Astounding tales of space and time» ed. by J. W. Campbell.
- G. Kersh.* «Whatever happened to corporal Cuckoo» из сб. «One hundred years of science fiction» ed. by D. Knight.
- U. K. Le Guin.* «Nine lives» из сб. «The Year's best science fiction» ed. by H. Harrison and Br. Aldiss № 3.
- Fr. Pohl.* «The haunted corpse» из сб. «The third Galaxy reader» ed. by H. L. Gold.
- L. Sprague de Camp.* «Employment» из сб. «Science fiction inventions» ed. by D. Knight.
- St. Weinfield.* «Szaleniec» из журн. «Młody technik» 1959, № 7.
- J. T. Sladek.* «1937 A. D!» из сб. «Best science fiction» 1967, ed. by H. Harrison and Br. Aldiss.
- B. E. Toomey.* «A skip in time» из журн. «Amazing stories» May 1970.
- St. Weinfield.* «Zwrotnica czasu» из журн. «Młody technik» 1964, № 12.
- W. Gogbowicz.* «Tarapaty z fantastyka» из журн. «Młody technik», 1955, № 8.
- Fr. Pohl. C. M. Kornbluth.* «The world of Myrion Flowers» из сб. «The wonder effect by Frederik Pohl and C. M. Kornbluth».
- П. Льюис.* «Раковина от Венеры». Библиотека «Космос», 1969, № 9.
- M. Leinster.* «The fourth dimensional demonstrator» из сб. «The future makers» ed. by P. Haining.
- Я. Цуцуй.* «Кандзэ-сэн» из сб. «Бэтонуаму канко кося». Токио, Хаякава, 1967.
- M. Reynolds.* «The expert» из журн. «Fantasy and science fiction», 1955, № 1.
- S. Sandrelli.* «L'uomo-nuvola» из сб. «Caino nello spazio».
- T. Godwin.* «Mother of invention» из сб. «Spectrum 5» ed. by K. Amis and R. Conquest.
- W. Schreyer.* «Verführung auf Gamma», рукопись.
- Я. Цуцуй.* «Росюцу-сэ бунмэй» из сб. «Бэтонуаму канко кося». Токио, Хаякава, 1967.
- C. Emshwiller.* «Hunting machine» из сб. «Science fiction inventions» ed. by D. Knight.
- H. Harrison.* «Rock diver» из сб. «Science fiction inventions» ed. by D. Knight.

НОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ МИРА

О научной фантастике говорят, что она появилась с Жюлем Верном или что она дитя нашего века, атома, космоса и кибернетики. Между тем, на мой взгляд, фантастика стара, как само человечество. Во всяком случае она много старше письменности. По сути дела, олицетворение сил природы — это фантастическое творчество.

Для фантастики характерна игра компонентами мира, она постоянно варьирует эти компоненты, а потом с любопытством смотрит, что из всего этого получится.

Мечта о лучшей жизни заставляла писателя придумывать новые компоненты, «изобретать» чудесный аппарат или вещества, которые увеличивали власть человека над природой, облегчали труд, скрашивали досуг. Так стали появляться фантастические изобретения, которые затем помогли созданию изобретений реальных. Это и самолет, и подводная лодка, и синтетическая пища. Люди веками мечтали об этом и, наконец, осуществили свои мечты.

На рубеже XIX и XX веков, когда стала рушиться ньютоновская картина мира, когда закладывались основы теории относительности, начала развиваться, если можно так сказать, научно-техническая фантастика. Властителем молодежи стал Жюль Верн. Это было интересное время, когда религиозная вера в чудесное и неожиданное уступила место вере в чудеса науки. И фантастика тех лет полностью отразила эти ожидания. Она «изобрела» все, о чем только можно было мечтать, умолчав лишь о том, что *принципиально* не предвидимо.

Так, в 1895 году инженер В. Н. Чиколев публикует книгу «Электрический рассказ», герой которого знакомится в Институте экспериментального электричества с электрифицированными фермами, электровозами, всякого рода автоматами. Это был почти в буквальном смысле слова

взгляд в завтра. Потом это получило название «фантастики ближнего предела», в которой уже разработанные, но еще не вышедшие из стен научных лабораторий приборы и материалы сделались самоцелью, основным объектом повествования. К таким приборам были искусственно пристегнуты люди, поскольку без людей не может быть и литературного произведения.

Но рубеж XIX и XX веков характеризуется не только сменой физической картины мира. Это было время, когда началась революционная борьба за утверждение нового общественного строя — социализма, что не могло пройти бесследно для литературы. В самом конце века появляется знаменитая утопия Вильяма Морриса «Вести ниоткуда», потом выходит в свет «Железная пята» Джека Лондона. Общество будущего уже не мыслится иначе, как общество социалистическое, завоеванное рабочим классом в упорной борьбе.

Окружающий человека мир становится все более похожим на тот, который мы знаем. Мечты превращаются в явь. Появляются и самолеты, и подводные лодки.

Но много ли от них толку? Разве жизнь стала более счастливой и простой? Одни только изобретения еще не гарантируют человеку (пусть даже литературному герою) счастливой жизни. Прогресс науки оказывается в неразрывной связи с прогрессом в социальных отношениях.

Каждая новая победа человеческого гения, каждая осуществленная мечта фантаста рано или поздно воздействовала на повседневную жизнь людей. И воздействовала по большей части благотворно. Возьмем, к примеру, самое последнее завоевание — космос. Современная фантастика немыслима без полетов на другие планеты, звезды, даже в иные галактики. Но реальные космические экспедиции, как мы знаем, требуют колоссальных денежных затрат. Мне не раз приходилось читать статьи, авторы которых

предлагали затормозить освоение космоса, а высвобожденные средства направить на повышение жизненного уровня.

Но уже сегодня спутники предсказывают погоду, предупреждают о надвигающихся циклонах, помогают искать полезные ископаемые, они незаменимы в качестве телекоммуникационных объектов. Я нарочно не говорю об основном, о том, что нельзя измерить узкими рамками прихода — расхода, — о познании тайн окружающего нас мира. Ведь именно познание — высшее и прекрасное назначение человека.

Не ради холодного света абстрактных истин люди так упорно штурмуют тайны мироздания. Не только и даже не столько технический прогресс и стремление к материальному изобилию зовут нас в глубины космоса и микромира. Главная и не всегда осознаваемая причина поисков лежит в нас самих. Так уж устроены люди, что в познании для них слились и смысл, и цель. Другое дело, что познание в конце концов вознаграждало наши усилия. Таково свойство мира, непреложный компонент которого — информация. В конечном счете наука — наиболее эффективный способ добычи новой информации. Поэтому она и стала самостоятельной производительной силой. Тем более, что время, за которое чистая, так сказать, информация воплощается в конкретные формы, неуклонно сокращается.

Телефон прошел путь от идеи до первого опытного образца за 56 лет. Радио — за 35 лет. Радару понадобилось всего 15, телевизору — 14, квантовым генераторам — 9, транзисторам — только 5 лет.

И это прекрасно, когда абсолютно новые, принципиально почти непредсказуемые творения науки все быстрее и быстрее приходят в наш мир! Это лишнее доказательство того, что наука способна преобразить его.

Теперь о негативных последствиях и — от этого никуда не уйдешь — о бомбе, которая, кстати, прошла эту дистанцию за 6 лет, — значит, для большинства людей грибовидное облако поднялось внезапно. Зловещий отсвет того взрыва лег сначала на физиков, потом на ученых вообще. Событие это позволило английскому писателю Чарльзу Сноу сказать: «Весь остальной мир напуган как их достижениями — научными открытиями и изобретениями, так и возможными последствиями этих открытий. В результате люди начинают страшиться самих ученых, почитая их существенно отличными от всех остальных людей».

Бездна непонимания, молчание моря стоит между Барнхаузом («Доклад об эффекте Барнхауза» К. Воннегута) и генералом Баркером, между полковником Уиндермиром и Хорном («Похититель душ» Ф. Пола). Два полюса, две цивилизации. Настолько далеко зашел процесс отчуждения и нелюбопытства, настолько сильно недоверие к выдумкам ученых.

Профессор Барнхауз вынужден бежать из своего мира, как убегают нормальные люди из дома умалишенных. Он нес человечеству могущество, власть над материей, волшебную власть, о которой древние маги и мечтать не смели. Но общество увидело в его открытии лишь новый способ убийства. Ученый из рассказа Ф. Пола и С. Корнблата «Мир Мириона Флауэrsa» изобрел аппарат для чтения мыслей. Но этот аппарат убивает каждого, кто рискнет им воспользоваться, ибо «человеку, надевшему такой плем, пришлось бы плохо в любом мире. Но только в мире Мириона Флауэrsa он мог погибнуть от всеобщей ненависти».

Вот и выходит, что в мире Мириона Флауэrsa новые компоненты не просто ненужны, но и опасны. Так возникает чудовищное противоречие. С разных сторон разные писатели приходят к одному и тому же.

Научное, или пусть пока только фантастическое, изобретение само по себе не несет печати добра или зла. Все зависит от людей, в руки которых попадет этот дар богов или же беды из шкатулки Пандоры, от совершенства их социальных институтов.

Все, буквально все может стать опасным в мире изощреннейшей техники, живущем моралью купли-продажи, прагматической моралью сиюминутной выгоды. Пусть Центральный вокзал самого большого города на Земле «Токио-сентрал» («Кольцевые ветки» Ясутака Цуцуя) не производит еще человеческих дублей, но человеческую индивидуальность он уже стер. Это вынужденная плата за стремительный прогресс больших городов. Очевидно, такая обезличка характерна для любого большого скопления людей. Она — неизбежное следствие стремительного темпа жизни. Но лишь там, где действительно никто никому не нужен, ее ощущают так остро изо дня в день. Это несмыслимое клеймо «Цивилизации напоказ», где извращена до предела сама идея нормального человеческого общения. Что даст еще одно новое изобретение городу, уже сейчас живущему в искусственной атмосфере? Задрай скорее окна своего сверкающего автомобиля, включи эр-кондишн и мчись, мчись неведомо куда. Может быть, ты и заметишь на лету сверкающий огнями стенд, рекламирующий очередную новинку. купишь. А может быть, и не купишь. Куда ты стремишься? Если ты наделен искрой божьей и ощущением всесжигающего беспокойства, может быть, станешь изобретателем. Какая мысль придет тебе в голову на вираже эстакады? О чем ты подумаешь под расцветным неоновым ночным небом среди шума и грохота, среди потока веселых и сытых людей? Ты откроешь тайну сухой воды («Сумасшедший» Стефана Вайнфельда) и вспомнишь о людях, строящих города в пустынях. Но неужели не привидится тебе одинокая койка в сумасшедшем

доме или мучительная спазма, от которой ты погибнешь, так и не успев осознать, что убит?

Но такова участь изобретателей в капиталистическом мире. В лучшем случае ты добьешься того же, что и чудаковатый гений («Эксперт» Мака Рейнольдса). Твои творения купят, чтобы положить их под сукно. Постепенно алкоголь размагнитит тебя и вечное беспокойство сменится апатией. Тебе не в чем упрекнуть себя. Мир не хочет новинок. Но он великодушен к тебе, этот мир. Поэтому пей. Твой суперцереброграф, как, впрочем, и времясмещитель («Мгновенье вечность бережет» Роберта Туми) — всего лишь игрушки, забавные пустячки. Можно лишь радоваться, что смещение времени вызвало к жизни бронтозавра, а, скажем, не грузовик с гитлеровскими штурмовиками. Но, говорят, у пьяных есть свой добрый бог. Добрый бог избирающих камерные сюжеты пьяных героев научно-фантастических рассказов и их создателей не дает довести мысль до логического конца. Авторы выдают свой новый компонент и спешат к случайной развязке, обрывают повествование, чтобы «все было тихо», если он не хочет сделать такие же беспощадные выводы, к которым пришел американец Шерред в своей великолепной «Попытке». Здесь действительно до конца соблюден принцип гомеостата. Новое ворвалось в мир, пришло с ним в столкновение и, достигнув равновесия, утвердилось. Во всяком случае, такова схема кибернетической игры.

Автор не показал нам картины гибели своего обреченного общества. Более того, с первых же слов нам становится ясно, что зло победило. Читатель убедился. Но надолго ли?

«Попытка» — безусловно лучшее произведение сборника. Рассказ этот как бы окутан дымкой второго, ненаписанного, но продуманного автором плана. Поэтому трудно отказаться от ощущения, что победа реакционных сил той

Америки, о которой пишет Шерред, — временное явление. Однажды произнесенное слово истины не исчезает, но тлеет подспудно, сжигая все рогатки и препоны, пока не вспыхнет всеочищающим пламенем.

Но сегодня творцов нового, провозвестников истины в мире Воннегута и Пола ожидает либо смерть, либо бегство. Бежит от вездесущего Пентагона профессор Барнхауз, бежит и доктор Хорн. Оба рассказа сходны по фабуле. И в том и в другом случае новый компонент мира вместо блага грозит обернуться страшным злом для всего человечества, и в том и в другом случае творец вынужден бежать, спасая себя и свое детище. Но особенно знаменательно то, что и Барнхауз, и Хорн не просто бегут, а вступают на путь активной борьбы, активного сопротивления. Тут оба рассказа тесно смыкаются с «Попыткой». Это активное начало и делает современную прогрессивную фантастику Запада столь действенной и эффективной.

Произведения данного сборника объединяет прежде всего новый элемент — то или иное фантастическое изобретение.

В отличие от изобретений реальных, подлинными изобретениями фантастики могут быть признаны далеко не все новые элементы мира. И они не приносят героям счастья, а подчас грозят катастрофой. В самом деле, сравнительно скромное изобретение — электролизная ванна для воссоздания первобытной фауны («Такая работа...» Спрэг де Кампа) и то угрожает могуществу некоей монополии и приводит к острому конфликту. Охотничья же машина из одноименного рассказа Кэрол Эмшуиллер, которая, казалось бы, никого персонально задеть не может, тем не менее становится своего рода символом подтачивающих общество безразличия и пустоты. А демонстратор четвертого измерения Лейнстера дублирует только банкноты и блондинок из ночного клуба потому, что обществу ничего иного и не нужно. Деньги и секс. Это все.

Вот и выходит, что именно социальные недуги и определяют сходную развязку разных произведений.

Разумеется, каждый писатель преследует свои цели, и я далек от мысли, что, скажем, Лейнстер в своем юмористическом рассказе действительно хочет обличить современное общество, как это сделал Шерред. Но сама логика развития идеи такова, что наш вопрос об использовании того же демонстратора выглядит отнюдь не надуманно. В самом деле: почему четвертое измерение служит для дублирования только денег, блондинок и нескольких экстравагантных кенгуру? Нарочитая ограниченность здесь, конечно, налицо. Очевидно, фантастическое изобретение отнюдь не адекватно техническому, оно должно содержать в себе эмоциональный заряд, затрагивающий социальные аспекты общества.

Вне социальных критериев мы не можем оценивать и те негативные последствия научно-технической революции, о которых уже шла речь. А ведь именно они и создали психологический климат, вызвавший к жизни фантастику изобретений, которые не смогли изменить мир. Фантастика, без сомнения, оказывает влияние на научно-технический прогресс. Писатель не изобретает технических новинок, но он чутко реагирует на ожидания общества. Авторы этого сборника, живущие в странах капитала, прежде всего ощутили овладевший их обществом страх.

Мы — современники величайших взлетов в истории человечества, коренных социальных преобразований. Это напряженный и сложный век, требующий высоких скоростей и большого нервного напряжения. Здесь возможны ошибки и неудачи. Но они — неизбежные издержки на пути к великому будущему человечества. Ничто не сможет остановить его на этом пути или замедлить его движение.

Е. Нарнов

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Воннегут.	Доклад об эффекте Барнхауза. <i>Перевод с английского В. Тельникова</i>	5
Т. Шерред.	Попытка. <i>Перевод с английского И. Гуровой</i>	25
Дж. Керш.	Что случилось с капралом Куку? <i>Перевод с английского Э. Кабалева-ской</i>	87
У. Ле Гуин.	Девять жизней. <i>Перевод с английского И. Можейко</i>	118
Фр. Пол.	Похититель душ. <i>Перевод с английского И. Можейко</i>	153
Спрэг де Камп.	Такая работа... <i>Перевод с английского И. Можейко</i>	173
Ст. Вайнфельд.	Сумасшедший. <i>Перевод с польского З. Бобырь</i>	198
Дж. Слейдек.	1935 г. н. э. <i>Перевод с английского Н. Колпакова</i>	209
Р. Туми.	Мгновение вечность бережет. <i>Перевод с английского И. Гуровой</i>	202
Ст. Вайнфельд.	Обратным ходом. <i>Перевод с польского З. Бобырь</i>	238
В. Голембович.	Звонок. <i>Перевод с польского З. Бобырь</i>	
Фр. Пол, С. Корнблат.	Мир Мириона Флауерса. <i>Перевод с английского Г. Малиновой</i>	260
П. Льючев.	Раковина с Венеры. <i>Перевод с болгарского И. Мартынова</i>	269
М. Лейнстер.	Демонстратор четвертого измерения. <i>Перевод с английского И. Почита-лина</i>	275
Я. Цуцуй.	Кольцевые ветки. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	283

М. Рейнольдс.	Эксперт. <i>Перевод с английского И. Можейко</i>	299
С. Сандрелли.	Человек-облако. <i>Перевод с итальянского Л. Вершинина</i>	313
Т. Годвин.	Необходимость — мать изобретения. <i>Перевод с английского С. Михайловой</i>	317
В. Шрайер.	Детектор любви. <i>Перевод с немецкого А. Федорова</i>	357
Я. Цуцуй.	Цивилизация напоказ. <i>Перевод с японского З. Рахима</i>	365
К. Эмшуиллер.	Охотничья машина. <i>Перевод с английского И. Почиталина</i>	381
Г. Гаррисон.	Проникший в скалы. <i>Перевод с английского И. Почиталина . .</i> Источники	390 405
Е. Парнов.	Новые компоненты мира ,	406

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ваши замечания о содержании книги, ее оформлении, качестве перевода и другие просим присылать по адресу: Москва, 129820, 1-й Рижский пер., д. 2, издательство «Мир».

Сборник

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

Редактор *Е. Г. Ванслова*

Художники *А. Инфантэ, Л. Нусберг, Н. Горюнова*

Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*

Технический редактор *Л. П. Бирюкова*

Корректор *О. К. Румянцева*

Сдано в набор 4/I 1971 г. Подписано к печати 1/IV 1971 г.

Бумага № 1 70×108¹/₃₂, 6,5 бум. л. 18,20 усл. печ. л.

Уч.-изд. л. 18,12. Изд. № 12/6019. Цена 97 коп. Зак. 1708

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая
типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Вадовая, 28

97 коп.

